

ИСПОЛИНЫ

Абай Тынибеков

Дассария

FOLIANT

УДК 821.512.122
ББК 84Каз-44
Т 93

Тынибеков, А.
Т 93 **Исполины : исторический роман / Абай Тынибеков. – Астана :
Фолиант, 2019.**

ISBN 978-601-338-077-3
Книга 3 : Дассария. – 440 стр.
ISBN 978-601-338-183-1

Книга третья «Дассария» посвящена жизни правнука Далайи, внука Дантала от младшего сына, возглавившего свой народ в тяжёлые годы засухи и голода. Дассария вступает в противостояние с полчищами Александра Македонского, а после его ухода из Средней Азии в Индию ведёт тринадцатилетнюю войну против шаньюя хуннов Мотуна, приведшего свои войска из Внутренней Азии в землю саков.

Дассария продолжает дружбу с потомком грека Форкиса Тимеем, пришедшим в его края в составе войск Александра Македонского. Вместе с ним плечом к плечу сражается против хуннов, после чего отправляет Тимея с караваном на его родину – остров Самос.

Сын Дассарии царь Дивонна становится последним правителем вольных саков массагетов.

УДК 821.512.122
ББК 84Каз-44

ISBN 978-601-338-183-1
ISBN 978-601-338-077-3

© Тынибеков А., 2018
© Издательство «Фолиант», 2019

Абай
Тынибеков

ИСПОЛИНЫ

Исторический роман

Книга третья

ДАССАРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Астана – 2019

П Р О Л О Г

Оскудела сакская земля. Многолетняя засуха истощила её до неузнаваемости. Пустыня нещадно наступала на некогда благодатные степи, захватывая их и покрывая песками на огромные расстояния. Полынь уступала место саксаулу и солянкам. Оксианское озеро высохло настолько, что превратилось в болото. Возникшие на его берегах бурые суглинки в отличие от рыхлых песков уже не впитывали в себя изредка выпадавшую дождевую влагу, а испаряли её со своей поверхности, оставляя всю прибрежную равнину необычайно гладкой и безжизненной, а воду в нём, прежде пресную, превращали в непригодную для питья из-за солоноватого вкуса.

Племена массагетов и тиграхаудов отступали с насыженных мест под натиском сильных зимних морозов и бесконечных летних пыльных бурь, всё больше прижимаясь к берегам реки Яксарт. Люди теснились на небольшой территории, вынужденно вступая между собой в кровопролитные стычки за каждый клочок живой земли, чтобы любой ценой отстоять его для сохранения жизни своим потомкам. Попытки вождей хоть как-то повлиять на ситуацию были тщетны и со временем почти прекратились. Наступил период хаоса. Всё чаще среди тревожных ночей

слышались звуки сражений. Кто-то вновь совершал набег на соседнее с ним поселение, вырезая там своих собратьев, угоняя остатки их скота, ставшего бесценным после столь продолжительного мора. Никакие призывы умудрённых старцев к благоразумному поведению не могли остановить доведённых до отчаяния голодных саков. Всюду текла людская кровь, и уже никто не обращал внимания ни на принадлежность к тому или иному племени, ни на родство между собой. Наступило дикое время главенства силы над разумом.

Мужчины уже не предавались воспоминаниям о былых достойных временах, а женщины уже не верили в то, что в скором будущем произойдут добрые перемены в их жизни и особенно – в судьбах их детей. Казалось, все люди забыли о том, кто они есть на самом деле, о том, что можно думать и поступать иначе, нежели они позволяли себе теперь. Мольбы о ниспослании покоя и еды, еды и покоя заслонили все другие помыслы и слова. Каждый неистово и иступленно шептал их и наяву, и во сне, но уже не всякий задумывался об их истинной сути. Для этого попросту не хватало сил, всецело потраченных на борьбу за выживание, отнятых противостоянием, доведшим до крайнего истощения. Очерстевшие души существовали в измождённых телах сами по себе, словно и не были никогда с ними единым целым.

Часть первая

**«...И БЫВАЛИ ДНИ БЕЗВЕРИЯ
И ОТРЕЧЕНИЯ»**

329 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Одинокий всадник находился на самой вершине высокого холма. Шквальный ветер своими мощными порывами едва не сдувал с ног его скакуна, налетая с каждым разом всё сильнее, словно не желал встречать на своём пути даже такую, казалось бы, ничтожную преграду. За долгих четыре года этот страшный посланец небес изрядно нагулялся на бескрайних степных просторах, разметая всю живность, подгибая её под себя, зачастую забирая людские жизни, но не насытившись ещё вдоволь и продолжая свои неустанные жуткие игрища.

– Чем же мы провинились перед тобой, о великое небо! Когда ты вновь обуздаешь и вернёшь к себе своего слугу потешаться с облаками и оставишь в покое нашу многострадальную землю? В зимы он иссекает нас снежными иглами. Летами же избивает нас песчаными бурями. Будет ли этому конец? Жизнь едва теплится в степи. Уже почти нет скота. Людей скоро тоже не станет. Они и так едва не лишены разума, а ты всё продолжаешь насыпать на их бедные головы этот бесконечный ветер, – шептал всадник, взирая сквозь бурю на небосвод.

* * *

Всадник оглянулся. Внизу, в сплошной пыльной завесе, словно в густом тумане, медленной вереницей продвигались полторы тысячи кибиток. Изредка до его слуха доносились поскрипывания огромных деревянных колёс и хлопки старых

дырявых пологов. По бокам, управляя уставшими волами, сильно пригибаясь под ветром, шли мужчины. Под натянутыми шлемами их лица, так же как и у него, были прикрыты до самых глаз тряпичными доскутами. Впереди обоза находилась сотня конных воинов. Позади тянулся небольшой табун лошадей. Чуть поотстав от него, двигались тридцать шесть сотен войск.

«Да, мало нас осталось. Если в это лето не закончится настье, то до следующего никого уже не будет в живых», – подумал всадник.

Он осторожно спустился с холма и направил скакуна вдоль кибиток, стараясь рассмотреть сидящих в них женщин и подростков. Стариков и младенцев не было. Первые уже все вымерли, а вторые почему-то не рождались в эти годы. Проследовав до передовых воинов, он велел сотнику выслать вперёд отряд дозорных, дабы те осмотрели всю округу и нашли подходящее место для ночёвки.

– Вот что, сотник, здесь недалеко должно быть заброшенное поселение. Пусть дойдут до него. Там наверняка есть колодец. Он очень нужен нам, – всматриваясь вдаль сквозь пелену пыли, произнёс он.

– Слушаюсь, правитель, – тот склонил голову, стегнул плёткой коня и подлетел к ожидавшим его воинам.

Десятник, внимательно выслушав его, тут же умчался со всеми своими людьми, растворившись в наступающих сумерках.

* * *

Бывший стан одного из вождей массагетских племён встретил путников унылой опустошённостью. Даже в темноте, выделяясь своими чёрными бесформенными силуэтами, проглядывались давно обрушившиеся строения, издали напоминающие по своим формам больше нагромождения низких скал, нежели людские творения. В двух местах уже горели костры, разожжённые дозорным отрядом. Их тусклый свет всполохами освещал ближние к ним руины, отчего те обретали необычный жёлтый цвет. Между ними на довольно большой площадке поставили в круг кибитки. Недалеко от них, окружённый со всех сторон низ-

кими повалившимися стенами, был большой загон для скота, куда и впустили совместно со всеми лошадьми распряжённых волов. Из скудного запаса для них набрали немного пшеницы и ячменя. Женщины с детьми засуетились, разжигая костры.

– Правитель, он находится вот здесь, – десятник дозорного отряда стоял в свете факела чуть в стороне от загона.

Старший подошёл к нему и стал вглядываться под ноги. Десятник склонился и вместе с подошедшим к нему воином с усилием за что-то потянул. Лишь присев, старший понял, что это были конские шкуры, сложенные в несколько слоёв. Под ними, окаймляясь слегка раскрошенными кирпичами, зиял чернотой колодец. Правитель подобрал камушек, протянул руку вперёд и разжал пальцы. Тут же донёсшийся до слуха тихий всплеск воды засвидетельствовал о её близком нахождении.

– Напоите одну из ослабших лошадей. Сами пока не пейте, – поднимаясь и убрав с лица повязку, повелел старший сотнику.

– Слушаюсь, правитель, – покорно склонил голову военачальник.

Стоявшие в нескольких шагах от них женщины, готовые уже набрать воду, услышав его слова, развернулись и ушли к кострам.

– Ничего, немного потерпим, – посмотрев им вслед, прошептал старший.

Ветер по-прежнему не унимался, но здесь, в этом месте, натываясь на остатки строений, он был уже несколько слабее, отчего люди ощущали долгожданное затишье. В темноте на четырёх окраинах поселения среди завалов стояли парные караульные, зорко следя за округой. Ближе к полуночи к костру, у которого сидел старший, тихо подошёл человек.

– Ну, что там? – спросил его старший.

– Уже набирают. С конём всё в порядке, – присев, ответил тот. – Скоро будем поить лошадей и волов.

– Хорошо, – кивнул старший и вновь перевёл взгляд на огонь.

– Тебе нужно отдохнуть, – подкидывая хворост в костёр, тихо произнёс человек.

– Знаешь, Чардад, а ведь все эти поселения построил мой дед Дантал. Ему тогда было лет на десять больше, чем мне теперь,

а он уже столько успел сделать, – взглянув в глаза соратнику, задумчиво начал старший. – Вот эти колодцы были вырыты по его велению. Тогда все они служили процветанию земли, теперь же спасают остатки народа.

– Я многое слышал о нём, Дассария, он был могучим властителем. Мой дед Трафардар был очень дружен с ним и крепко любил его. Выходит, мне сейчас столько же лет, сколько было тогда великому правителю, – вздохнул собеседник.

– Мои дяди Карий, Рум, Гайат, Боро, Сунна, Далл и мой отец Турия продолжили его дело, правя землями по два года, как он завещал, но не у каждого из них всё получилось так, как он хотел. Ну а мне... – Дассария запнулся на полуслове и опустил голову.

– В том, что творится, нет твоей вины. На всё воля небес. Будь на твоём месте кто-то другой, и он бы ничего не изменил, не исправил. Ты можешь править людьми и влиять на них, но тебе не подвластны его творения, – Чардад взглянул на небо.

– От этого не легче. Да и людей почти нет. Только вы остались у меня. Ты, вождь целого племени, кто не так давно командовал десятью тысячами, теперь под рукой не имеешь даже сорока сотен воинов. Те, кто пролили друг другу кровь у берегов Яксарта, больше никому не навредят. Они уже никогда не станут ни братьями, ни врагами. Неужели всё кончено? Если нам не удастся объединить все наши силы, то ничто не сможет остановить греков в борьбе за власть над землями саков. Их одолевает вовсе не та жажда, что докучает нам, – досадно мотнув головой, Дассария замолчал.

Со стороны колодца уже слышался плеск воды, воины поили лошадей и волов. К своим кострам прошли сотники идесятники. Женщины принесли воды и немного еды. Приступили к трапезе.

– Утром нужно будет отправить по округе небольшие отряды лазутчиков и узнать, нет ли людей. Сами же побудем пока здесь, – высказался Дассария.

– Слушаюсь, правитель, – кивнул вождь.

Вскоре все в лагере уже спали. Только караульные бесшумно сменяли друг друга.

Двадцатипятилетний Дассария, последний потомок великого хромого властелина племён массагетов и тиграхаудов Дантала, его внук от младшего сына Турии, шесть лет назад, после смерти отца был провозглашён всем народом верховным правителем. Сакская земля продолжала процветать и прибавляться населением. Прошло всего два года его правления, и первые отголоски ненастья стали проявляться ужасающим зимним холодом, а уже следующим летом оно обрушилось во всю свою мощь, явившись нестерпимым зноем на поселения и пастбища. Дикая природа бесновалась, не обронив в это лето на землю ни единой капли дождя, всё усиливая жару, наполняя воздух раскалёнными порывами. Целый год люди в кочевьях со свойственной им терпеливостью провели в ожидании ослабления этого неимоверного натиска, но подступившая осенняя пора показала, что не произойдёт ничего, напоминающего предыдущие благодатные годы.

Морозы ударили задолго до зимы, а весна, та, к которой они привыкли, так и не наступила, и после стужи внезапно задули горячие ветра, выбивая из-под ног всю влагу, иссушая землю, уничтожая весь её растительный покров. Всюду сквозь завывание ветра стало слышно жалобное блеяние овец и коз и непривычно частое утробное мычание быков и коров. Ещё ближе подступили пески, от которых сильными удушающими завихрениями неслись тучи пыльной россыпи. Мелкие речушки и небольшие озёра исчезали прямо на глазах, оставляя после себя испещрённые паутинами трещин неглубокие русла и днища. Дозорные отряды постоянно выезжали в разные стороны, преследуя лишь одну цель – найти подходящие пастбища, но как они ни старались, а обнаружить их не могли, так как таковых уже не оказалось. Везде царило одно и то же.

Только побережья вечного Яксарта в его нижнем течении продолжали неизменно нарождать сочные травы. Со всей степи потянулись к ним сакские племена. К концу лета все прибрежные долины были полностью вытоптаны тысячами копыт. Наступил падеж скота. Туши не успевали зарывать, и в отдалении

всё росли их нагромождения, от которых неслись зловонные, тошнотворные запахи. Выпавший ранний снег нещадно добивал самую слабую часть живности – ягнят и телят. Лишь лошади, неприхотливые верные животные, ещё чудом держались на ногах, ведя с собой жеребят, и продолжали отбивать копытами белый покров в поисках редких пожухлых стебельков. От чрезмерной тесноты новых поселений и близости к ним скотомогильников начали болеть люди. Первыми умирали старики и малые дети. Ночами всё ближе и ближе к стоянкам стали слышны волчьи завывания. Они целыми стаями устраивали пиршества. Несколько раз сотни воинов выступали на их отстрел, но те бесконечно прибывали, и уничтожить их полностью не удавалось.

Всё чаще среди народа стали возникать споры. Причины были всевозможные, порой абсолютно не относящиеся к таким трудным условиям жизни. Достаточно было кому-то одному не так что-то сделать или не к месту высказаться, и этого хватало для вспышки распрей. Нервные, раздражённые и измождённые до крайности люди были не в состоянии спокойно выдерживать столь близкое присутствие огромного числа сородичей. Каждому стало казаться, что его сосед подворовывает что-то у него, а со временем приходила ничем, впрочем, не подтверждённая уверенность в этом. Начались частые и яростные схватки, но вовремя оповещённый верховный правитель тут же брал смутьянов под стражу и содержал в изоляции несколько дней до полного их успокоения. Прошло какое-то время, и до него донеслись слухи о более масштабных проявлениях людского недовольства, выражавшихся в столкновениях между племенами. Такое положение становилось очень опасным. Призванные к Дассарии двенадцать вождей массагетов и восемь вождей тиграхаудов заверили его о немедленном наведении порядка в своих лагерях. Вскоре он убедился в их исполнительности. Несколько бунтарей были прилюдно казнены. Народ смиренно притих.

Пролетело ещё два страшных года, унесших с собой жизни почти половины всего населения. Из живности осталась лишь треть лошадей. Больше ничего не было. Среди прошедшей последней зимы, несмотря на все предпринимаемые меры, всё-таки

случилось первое ожесточённое сражение между племенами массагетов и тиграхаудов. Кровь лилась рекой. Неимоверным усилием Дассарии удалось успокоить саков, но все его старания так и не привели к миру. Теперь в их душах зародилась кровная вражда, и при такой неразберихе трудно было понять, кто из них прав, а кто виноват. В боине погибло почти двадцать тысяч воинов. После такого небывалого массового столкновения некоторые из вождей, избегая его повторения и не желая больше находиться рядом с остальными, увели остатки своих племён неизвестно куда.

Неожиданно к сакам подступила и другая беда. В этот же год с самого наступления весны в соседнюю с ними Согдиану из области Бактрия внезапно вторглись полчища македонянина Александра – грека Ксандра, как нарёк его степной народ. Он осадил и вскоре захватил её главный город Мараканд. В начале лета часть его войск уже подошла к берегам реки Яксарт, к её самому южному изгибу. Не вступая с ними в сражение, верховный вождь массагетов и тиграхаудов Дассария отступил на северо-запад своих земель – слишком неравны были силы. Почти каждую ночь неожиданно снимались со стоянок и, не прощаясь с ним, уходили вожди, возглавляя своих людей. Описав полукруг и вновь вернувшись к восточным землям, где прежде, ещё при его деде Дантале, проходила граница с тиграхаудами, которых тот завоевал и покорил при последнем своём сражении, не доходя до нижней излучины Яксарта, царь Дассария остановился. Он упорно не хотел покидать исконно сакские края.

* * *

На заре Чардад пробудился и вскочил на ноги, разминая тело. Дассарии у костра уже не было. Оглянувшись по сторонам, Чардад увидел его стоящим на стене загона и смотрящим куда-то вдаль. Без шлема он выглядел как-то иначе, не столь сурово, более привычно и даже обыденно. Его длинные золотистые волнистые волосы сильно развевались на ветру, отчего он часто поправлял их, убирая с лица. Чардад, как и все, уже давно привык к его довольно странному виду, не характерному для чернявых

саков. Он знал о том, что такой цвет волос достался Дассарии от его бабушки, гречанки по происхождению, но почти всю жизнь проведшую здесь, в степи. Из рассказов своего деда он помнил, что все саки называли её царицей Аритией Златовласой, и сейчас, глядя на её внука, он пытался представить, как могла она выглядеть, но ничего из этой затеи у него не получалось. Перед его глазами сразу возникал облик Дассарии. Подойдя к нему, Чардад спросил:

– О чём задумался, правитель?

– Да так, Чардад, о разном. Никак не могу поверить, что во всех этих необъятных просторах мы не найдём своих людей. Куда они разбрелись? Мы столько прошли, а ни одной живой души не повстречали на своём пути. Не могли они все погибнуть. Нет. Мы ведь ещё держимся, а среди вождей все до единого очень крепкие мужи, и так просто они не склонятся перед волей судьбы, – спрыгивая со стены на землю, уверенно произнёс тот. – Я верю, что нам с тобой однажды всё же удастся собрать большое войско и выбить из нашей земли всех пришлых завоевателей. До сих пор ещё никто не осмелился вступить в неё безнаказанно и тем более стать победителем. Эх, если бы не это ненастье, мы бы давно разгромили их.

– Дассария, а в тебе ведь тоже течёт греческая кровь. Выходит, к нам пришли не совсем уж и чужие для тебя люди. Я прав? Как ты считаешь? – рассмеялся Чардад, хлопывая друга по плечу.

– Не шути так, Чардад! Ты же знаешь, что я сак и только сак. Моя добрая бабушка хоть и была гречанкой, но даже думала на сакском языке. Вот, брат, как было-то на самом деле. Она никогда не забывала о своей далекой отчей земле, но любила всем сердцем только эти края, где провела всю жизнь рядом с самым дорогим ей человеком – моим дедом Данталом, – незлобиво парировал Дассария.

– Ладно, Дассария, не бери в голову. Я ведь это сказал просто так, для красного словца. Прости, коль что-то не то допустил. Не хотел я обидеть тебя, – уже серьёзно добавил Чардад.

– Да нет, чего уж там, всё нормально, я ведь тоже понимаю тебя. Какие могут быть обиды между нами. Хотя, конечно, при-

знаюсь, что в душе мне неприятно оттого, что именно её сородичи пришли вдруг в наши земли. Этого не должно было быть, – с грустью произнёс Дассария.

– Прости меня. Я не то сказал, – Чардад виновато взглянул ему в глаза.

– Не стоит, Чардад. Ты ведь отчасти прав, и от этого мне уже никуда не деться, – улыбнулся Дассария.

Они подошли и присели к костру.

– Скажи, Дассария, а ты их языком владеешь или понимаешь хотя бы? – успокоившись, спросил Чардад.

– Да откуда же? Аритию Златовласую, бабушку, я и не видел. Ты ведь сам об этом помнишь. Я вон когда появился на свет. Даже моему отцу уже было сорок лет, – ответил Дассария, отпив воды.

– Да, жаль. Пригодилось бы, – с досадой произнёс Чардад.

– Смотри-ка, вроде сегодня немного тише стало. Ветер стих, ты заметил? – осматривая утренний небосвод, прошептал Дассария.

– И то верно. Может, пришёл конец ненастью? Как ты думаешь? Мне не очень верится в это, – также взирая ввысь, спросил Чардад.

– Не знаю, что и ответить тебе. Хорошо бы так. Легче бы стало, – глаза Дассарии блеснули.

Подошла молодая женщина, принесла еду. Взглянув на куски парящейся конины и лишь теперь уловив витавший по округе ароматный запах, Дассария удивлённо и настороженно посмотрел в глаза собеседнику:

– Откуда это? У нас ведь только вяленое мясо? А это свежее.

– Не тревожься. С той кобылицей, которую напоили из колодца первой, всё в порядке. Она жива. А это один из самых старых наших жеребцов. Он чуть не пал в прошлую ночь. Что-то с одной ногой у него случилось. Вот его и решили заколоть. Зачем зря мясу пропадать, – спокойно ответил тот.

– Что ж, раз так вышло с ним, людям и в самом деле впору поесть, хоть немного, но свеженины. Устали все, особенно женщины и дети, – взяв кусок и ловко отрезая от него часть, произнёс Дассария.

Они ели молча, наслаждаясь вкусом свежего мяса, тщательно и подолгу прожёвывая его, выдавливая соки крепкими зубами.

– Правитель, не желаешь ли жару испробовать и обмыться чистой водой? У меня всё уже готово для этого. Прошу тебя, – заметив, что вождь закончил трапезу, обратился к нему подошедший десятник.

– Жару, говоришь? – улыбнулся Дассария, поднимаясь с места. – Сколько можно его перенести? А, Чардад?

– Это хорошо. Весьма кстати. А то я весь уже зачесался, – подхватывая шутливый тон друга, вскочил и тот на ноги.

Десятник проводил их к сооружённому им небольшому островерхому шатру, обтянутому поверх жердей, сведённых концами в одно перекрестье, множеством воловьих шкур. Из самой его верхушки тянулся белёсый дымок. Взглянув по сторонам и увидев в отдалении ещё несколько таких же, как этот, шатров, Дассария довольно кивнул, понимая, что все его люди сегодня хорошенько отмоются.

Раздевшись донага, они вдвоём нырнули в низкий вход, тут же наглухо закрыв его толстой шкурой. Внутри могло вместиться всего четыре человека, и то только сидя. Посреди шатра, обложенная по кругу кусками кирпича, возвышалась груда раскаленных головёшек, поверх которых лежали небольшие, величиной с кулак, камни. Расположившись с двух сторон от груды, они недолго посидели, чтобы привыкнуть к жару, затем откинулись на спины. Чардад плеснул на камни воду из стоявшего рядом кувшина. Клубы обжигающего пара взметнулись наверх и заполнили всё внутреннее пространство. Тела тут же покрылись мгновенно выступившими бисеринками пота. Стало трудно дышать. Оба открыли рты, заглатывая воздух. Чардад вновь и вновь поливал небольшими порциями воды сильно шипящие камни. Жар уже стоял неимоверный и едва переносимый, но соскучившиеся по нему их тела продолжали с жадностью принимать и впитывать его. Удовольствие было огромное. Они уже сидели и растирались руками, ополаскивая потеплевшей водой лица, часто пофыркивая и раздувая ноздри.

– Вот это да! Ну прямо заново родился, – пыхтел Дассария.

– И не говори, чувствую себя словно младенец, – восхищался Чардад.

– А ещё водица холоденькая ждёт нас там, снаружи, – предвкушая ещё большее наслаждение, кряхтел, будто старик, Дассария.

– Это точно, – соглашался Чардад.

– Я и не помню, когда такое было в последний раз, – страшивая руки, сопел Дассария.

– Да, давненько не было. Что верно, то верно. Хорошо и, главное, очень вовремя затеяно. Люди от усталости избавятся, взбодрятся и сил наберутся, – вновь соглашался Чардад, шерудя палкой в головёшках.

Они ещё долго находились в шатре, пока не сошёл весь жар. Выскочив из него наружу, они тут же стали обливаться холодной водой, что была заботливо приготовлена в небольших кожаных мешках. Десятник, с улыбкой взглянув на них, направился по своим делам.

– Ты смотри, а это откуда? – наклонившись, произнёс Дассария.

Не новые, но чистые одежды лежали на месте их прежних.

– Хороший сегодня денёк! И мясо, и жар, и вот это ещё, – одеваясь, довольно произнёс он.

– Всегда бы так! – размечтался Чардад.

Люди теперь были свежи и улыбчивы. Впервые со дня начала похода.

* * *

К полудню распогодилось. Ветер изредка набегал, но был уже прохладнее и чище. Возвращались дозорные отряды. Никого в округе обнаружить не удалось.

– Может, здесь осядем на время? – спросил Чардад, присаживаясь к огню.

– Если в ближайшие дни не будет дождя, то мы не сможем находиться в этом месте. Лошадям нужен корм, а его всё меньше и меньше. Без них нас ожидает только смерть. Нам нужно дойти до спасительных берегов Яксарта. К их северной части.

Неизвестно, до каких наших земель дошли греки от Согдианы. Может быть, именно туда, в срединную часть или же в низовье реки, всё-таки вернулся кто-нибудь из вождей и сумел там сохранить своих людей, – поделился мыслями Дассария.

– Ты прав. Мы ничего не знаем о том, что творится вокруг нас, и идти вслепую, да ещё на ослабших конях, очень опасно, – согласился с ним Чардад.

* * *

В эту ночь пошёл дождь. Небеса наконец сжалились над людьми. Костры, тут же зашипев, потухли. Дассария, как и все, стоял, раскинув руки, подставляя лицо и ладони под тяжёлые холодные капли. Ему не верилось в то, что произошло. Молитвы, с которыми он часто обращался к небесам, были услышаны. Теперь он шептал слова благодарности.

Дождь усилился и лил до самого утра, затем поутих и вовсе перестал. На заре небо было уже чистым, и первые лучи плавно восходящего светила блеснули по мокрой земле, заиграв мириадами искорок в небольших, но многочисленных лужицах. Вскоре от земли пошло сильное испарение, своим дрожащим маревом покрывая всю округу. Влажный душный воздух был непривычен и вбирался людьми хоть и с наслаждением, но с большим усилием. Животных словно подменили. Лошади часто вскидывали головы, пофыркивая, и, лягаясь, задрав хвосты, стали кружить в загоне. Все быки, вытянув морды, широко раздували огромные ноздри, часто облизывали длинными языками влажные носы.

Кибитки, отмытые от пыли, заметно посвежели. Их кожаные покрытия выглядели теперь иначе, отдавая некой новизной. Огромные деревянные колёса потемнели от влаги, отчего на них проглядывались годовые прожилки. Руины поселения изменились в цветах, став ярче и желтее. Всюду заиграли свежие краски. Всё преобразилось, перестав быть однотонным от покрывавшей пыли.

Иными стали и сами люди. Прежде немногословные и унылые, теперь они были подвижны, бодры и говорливы. По-

менялись виды, изменились и звуки. Всё чаще и громче стали слышны женские голоса и детский смех, что во все времена было дорого сердцу каждого сакского воина и всегда для него означало полноценную, настоящую жизнь, напоминая о его истинно мужском долге – постоянной защите женщин и детей, подчёркивая его самое важное, извечное предназначение – верное служение им и существование ради них.

* * *

Вечером вновь нагнало тучи. Полил дождь. Он шёл, не переставая, ещё два дня. Когда ливень всё-таки прекратился, люди, выбравшись из своих шатров, к своему изумлению и радости увидели землю совершенно другой, свежей, обновлённой и преображённой. Она пестрила зеленью. Ещё совсем маленькие ростки разных трав проклюнулись на её поверхности, словно в эти дни кто-то незаметно для людского глаза раскинул по всем долинам и холмам новое, очень красивое, пушистое ярко-зелёное покрывало.

– Это Великое и Вечное Небо за нашу преданность ему, непоколебимую и святую веру в него, долгое терпение и достойную выдержку, проявленные нами при всех испытаниях и невзгодах, посылает нам свои бесценные дары, – прошептал Дассария, пройдя в сторону от поселения и окидывая бескрайние просторы благодарным взором.

– Пусть выпустят лошадей и волов, – повелел он подошедшему к нему Чардаду.

– Уже выгнали, – любуясь видами, сообщил тот.

– Все остаются здесь. Под твоей властью. Я же с двумя сотнями воинов через день тронусь в путь, вон туда, – Дассария указал рукой на юго-восток. – Думаю, пришла пора узнать о том, что творится в тех наших землях. Дальние дозоры постарайся высылать ежедневно. Особое внимание, Чардад, удели южной от нас стороне. Это важно для нашей же безопасности. Оттуда могут прийти отряды согдийцев, спасшихся и ушедших от греков. Также усиль охрану лошадей. Корма береги. Я пока не знаю, когда вернусь, – решительно произнёс Дассария.

– Возьми ещё людей. Дорога неизвестна. Пригодятся они, – глядя в спину другу, предложил Чардад.

– Я бы и эти сотни не стал брать с собой, но, возможно, мне будут нужны гонцы. Одному всё же сподручней идти. Не так заметен, да и укрыться проще в случае необходимости. Ты, Чардад, больше всех береги женщин и детей. Если придёт враг и станет неспособен, то уходи с ними к верхнему течению Яксарта. Особо не рискуй. В битвы старайся не вступать. Не вернись к концу лета, значит, меня уже не стало, – Дассария развернулся и посмотрел в глаза друга. – А теперь нужно отдохнуть и подготовиться к дороге. Сотники Дуйя и Фарх пусть готовят в поход всех своих людей.

– Я понял тебя, Дассария, – кивнул Чардад.

Они вернулись в лагерь.

* * *

В полночь назначенного дня из поселения тихо вывели своих скакунов обе выбранные вождём сотни. На окраине Дассария обнял Чардада.

– Прощай, мой друг. Свидимся ли ещё, не знаю.

– Прощай, правитель. Да сохранят тебя небеса!

Вскоре отряд бесшумно исчез в темноте.

* * *

Шли не спеша, помня о том, что кони ещё слабы. Ночами отдыхали, отпустив их пастись под охраной. Местность стала холмистой и удобной для скрытного продвижения. Впереди, на небольшом расстоянии, постоянно находился дозор.

Наступило утро третьего дня похода.

– Похоже, кого-то заметили. Кто-то, видимо, обнаружен на нашем пути, – всматриваясь в приближающегося всадника, произнёс Дуйя.

Дассария вскочил на ноги. Подлетел дозорный, спрыгнул с коня, склонил голову и сообщил:

– Правитель, иноземцы. Большой отряд. Идут туда, – он махнул рукой на юг.

Дассария быстро взобрался на невысокий холм и тут же, отступив на шаг, присел. Вдали, скрываясь частью за возвышенностями, следовала конница. Воины и кони были закованы в чешуйчатые железные панцири. На головах всадников были также железные шлемы с забралами. У каждого из них виднелись копья. Большой, хорошо вооружённый отряд греческих катафрактариев общей численностью не меньше пяти сотен двигался в направлении Согдианы.

– Какой странный вид у них. Кто это? – тихо спросил сотник Фарх.

– Греческая конница. Скорее всего, дозорный отряд, – ответил Дассария.

– Не взять нам их, – с досадой вновь прошептал сотник Дуйя.

– В открытом бою, может, и нет, – согласился Дассария. – А вот ночью, когда они встанут на отдых, вполне возможно. Только что нам это даст?

– Узнаем, какие они воины, – всматриваясь вдаль, прошептал Фарх.

– Так не поймёшь. Взятые врасплох люди не всегда могут проявить свои лучшие боевые качества, – резонно подметил правитель. – К тому же нам следует помнить о том, что где-то поблизости от них может находиться ещё один их отряд или даже несколько. Они знают, что пришли в чужую землю, и поэтому предпримут всё для своей безопасности.

Оба сотника замолчали, соглашаясь с правителем. Конница медленно продвигалась, петляя между холмами.

– Почему они не осматривают округу? Ведь так идти очень опасно. Либо они уверены в том, что здесь никого, кроме них, нет, либо где-то рядом есть ещё их воины, на которых они и рассчитывают, – рассуждал Дассария.

Словно в подтверждение сказанных им слов из-за пригорка, к которому приближался отряд, появились такие же, как они, всадники. Вскоре их передовые части встретились и остановились. Недолго постояв так, видимо, о чём-то переговорив, они вновь тронулись в разные стороны. Только теперь, когда появи-

лись остальные всадники встречного отряда, Дассария увидел пеших людей и понял, что это пленники. Их было очень много, причём среди них не было ни одной женщины.

– Согдийцы, – высказал он тихо догадку. – Пленённые воины.

– Куда их ведут? – спросил Фарх.

– Как видишь, в наши земли. А вот для чего, пока непонятно, – ответил Дассария. – Усильте вокруг дозоры. Только незаметно, – повелел он.

– Слушаемся, правитель, – Дуйя и Фарх соскользнули вниз.

Греческие отряды разошлись и вскоре исчезли из виду, но ещё долго были слышны отзвуки глухого стука копыт, лязга железа и бряцания оружия. В этот день саки остались на месте. Костров не разжигали.

– Выходит, вот здесь греки решили определить свои границы, – произнёс Дассария, разглядывая в темноте сотников, что присели перед ним.

Стараясь не шуметь, появился дозорный.

– Правитель, там недалеко первый отряд иноземцев уже встал на ночлег. Горят огни. Второй ушёл без остановок. Больше никого нет, – доложил он.

– Хорошо. Отдохни до полуночи, – отпустил его Дассария.

– Подождём, пока они уснут, потом ударим по ним, – он вновь обращался к сотникам. – Дуйя, постарайся как можно тише убрать все их караулы. Сам в ближний бой не вступай. Слушай мои команды. В случае опасности уходи.

– Повинуюсь, правитель, – заверил его тот и, мягко ступая, направился к своим воинам.

* * *

Ближе к полуночи несколько саков во главе с Дуйей, оставив лошадей с остальными, тихо подползли на расстояние двух десятков шагов к горящему костру греческого караула. У огня, о чём-то переговариваясь, сидели два воина. Лёгкие навесы, возведённые чуть поодаль от них, слегка похлопывали на ветру. Под ними все спали. С другой стороны небольшой костёр полыхал довольно далеко. Между ним и станом паслись кони. Сот-

ник уже было стал подниматься, чтобы ринуться к караулу, как в это самое время из-под навеса вышли трое и направились в его сторону, к ближнему от него костру. Несколько воинов также двинулись к дальнему караулу.

«Сменяются. Нужно ещё подождать», – вновь припадая к земле, подумал он.

Низко склоняясь, к нему бесшумно приблизился посланный правителем воин и шёпотом сообщил новое веление. Им всем следовало срочно вернуться обратно. Саки отступили.

– Все уходим за вторым их отрядом. Этот нам не нужен, – запрыгнув на скакуна, высказал решение Дассария.

– Повинуемся, правитель, – Дуйя и Фарх также ловко вскочили в седла.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Двадцатисемилетний царь Александр III, сын Филиппа II и Олимпиады, явившийся на свет в главном городе Македонии Пелле, придя к власти семь лет назад, после смерти отца, стал полноправным правителем. Область Македония располагалась в северной части Греции и делилась на Верхнюю и Нижнюю. Основным занятием населения были скотоводство и хлебопашество. Наряду с этим были развиты добыча благородных металлов и изготовление оружия, заготовка дерева и смолы. Правителем этих земель был наследственный монарх, пользовавшийся в первую очередь поддержкой аристократов-гетайров – людей, являвшихся и его советниками, и советниками знати, обычно занимавших высшие посты в армии. Также он опирался и на рабовладельцев, купцов и крестьянство. Совет военачальников, состоявший из представителей весьма богатых и известных всем аристократических родов, провозглашал монарха и принимал участие как в решении внутренних вопросов и задач, так и в обеспечении исполнения внешних целей государства, действуя от имени всего народа. Политическое объединение, созданное после ликвидации независимых областей, а также постепенное упрочение экономической позиции позволили Македонии избавиться от временной зависимости от Персидской державы.

После Пелопоннесской войны за господство в Греции между демократическими Афинами и олигархической Спартой,

воспользовавшись благоприятной внешнеполитической ситуацией, Македония начала осуществление территориальной экспансии для захвата всего побережья. Одновременно с этим происходило и постепенное усиление воздействия на неё греческой культуры. Так, македонский царь Архелай, в период почти всего своего правления способствовавший развитию и торговых, и культурных связей Македонии со многими другими странами, в том числе и с Грецией, посылал туда атлетов для участия в Олимпийских играх. При его дворе в Пелле жили и творили поэты Херил, Еврипид и Агафон, а также живописец Зевксид. Греческие инженеры прокладывали в Македонии многочисленные дороги, строили города и крепости.

Окончательное оформление Македонии как единого централизованного государства завершилось только при Филиппе II, отце Александра III. Желая укрепить господство Македонии во всей Греции и расширить его в Азии, Филипп II подчинил Фессалию, разрушил Фивы, покорил Фракию, захватил Афины и стал главенствовать в Коринфском союзе. Данный союз был создан незадолго до восхождения к власти молодого Александра, всего лишь годом раньше до этого события. В состав этого союза вошли все греческие города-государства, за исключением только одной Спарты.

Согласно одному из главенствующих условий, предусмотренных в союзе, родитель Александра, Филипп II, был провозглашён гегемоном всей Греции и верховным командующим всего союзного войска. За восемнадцать лет до этого события Филипп II, став царём Македонии, завершил её объединение, реорганизовал войско, ввёл на всей её территории единую монетную систему. С помощью регулярной боеспособной армии, в которой пехота состояла из крестьян, а конница – из аристократии, вначале он вошёл в соседнюю с ним Фракию с целью заполучить её золото и серебро. Всего через два года при ловком и умелом использовании дипломатии, подкупа и значительном военном превосходстве ему удалось захватить это богатое в сырьевом отношении побережье, расположенное от Пинд – горного массива на севере Греции, протянувшегося с севера на юг

между Фессалией и Эпиром, – до Геллеспонта. Отсталая и слабо-развитая во всех отношениях небольшая страна Эпир, расположенная западнее Фессалии, его не интересовала.

На следующий год он уже завоевал и саму Фессалию – область на северо-востоке Греции, представлявшую собой плодородную равнину, окружённую со всех сторон горами. Здесь же он завладел и Фермопилами – узким ущельем чуть южнее маленького городка Ламия, расположенным между горным отрогом Каллидром и южным болотистым побережьем Малийского залива, перекрыв которое можно было полностью закрыть проход в Центральную Грецию, что означало контроль над ней. Ещё через три года им был разрушен город Олинф, прежде являвшийся центром Халкидского союза и несколько позже завоёванный Спартой. А через ещё пять лет ему удалось заключить мирный договор с персами. Через три года после этого значимого события он уже осадил Византий – город на берегу Босфора Фракийского, имевший огромное стратегическое, экономическое и политическое значение, но взять его не сумел.

Такие успехи македонского царя раскололи всю греческую знать на два лагеря: на его почитателей и приверженцев и на его врагов, объединившихся вокруг Афин. На следующий год им был разрушен город Амфисса, а затем, ещё через год, после победы в битве при Херонее он подчинил и Фивы – крупнейший город в Беотии, наиболее значительной области в Центральной Греции, и тем самым нанёс самый сокрушительный удар коалиции под предводительством Афин. Сразу же после этого на всегреческом конгрессе в Коринфе Филиппу II было поручено командование «кампанией мести» против персов. Фактически конгресс таким своим решением закрепил потерю Грецией политической независимости.

Филипп II стал активно готовиться к войне и с этой целью направил в Малую Азию войска во главе с полководцами Атталом и Парменионом, но на следующий год, во время свадьбы своей дочери, он был убит.

Воспитанный Аристотелем – греческим философом и учёным, выходцем из семьи врачей, названным Стагиритом по

месту рождения – городу Стагира, расположенному на самой восточной оконечности полуострова Халкидика, и поддержанный придворной аристократией и крестьянством Александр всего в двадцатилетнем возрасте стал царём Македонии. К этому времени он уже имел опыт командования войсками, так как ещё за два года до этого события ему довелось возглавлять конницу на левом фланге македонских войск в битве при Херонее. Весной следующего после прихода к власти года Александр двинулся на север, во Фракию и, довольно жестоко покорив её, пошёл на Истр против гетов, где, разгромив их отряды и завладев их землями, продал в рабство всех захваченных мужчин и женщин, забрал весь их скот и всё имущество, съёл и съёл дотла все их поселения. После всего учинённого в этих краях он срочно повернул в Иллирию и подавил там восстание, вспыхнувшее против македонского господства. Отныне на севере наступило отныне спокойствие.

Убийство Филиппа II и последовавшее за ним длительное отсутствие самого Александра способствовало оживлению антимакедонских настроений в Греции. Первыми открыто выступили Фивы. Афины и государства Пелопоннеса: Ахайя, Лаконика, Сикион, Коринф, Аргос, Мессения, Элида и Аркадия – примкнули к ним. Узнав об этом, Александр вернулся из Иллирии и уже через две недели встал под стенами Фив. Понимая значимость создавшейся ситуации и желая раз и навсегда прекратить все попытки выступлений против своей Македонии, он до основания уничтожил Фивы, продав в рабство всё оставшееся в живых её население, и таким образом показал Греции пример беспощадной расправы за выраженную ему непокорность.

Трагическая судьба, постигшая Фивы, произвела огромное впечатление на всю Элладу. Антимакедонское движение было подавлено окончательно. Удачные экспедиции на север и в Среднюю Грецию отныне полностью развязали Александру руки для осуществления азиатского похода.

Всего через год, имея под своим командованием опытную и преданную армию, после проведения тщательной подготов-

ки он начал дальний поход против персов, империя которых к этому времени уже стала распадаться и не имела единого правления. Причиной данной войны явилось стремление Александра ликвидировать персидское влияние во всех средиземноморских районах и в Малой Азии и желание обеспечить Македонии мировое военное господство.

Первый этап войны царь Александр начал с захвата пролива Геллеспонт, расположенного между Малой Азией и большим полуостровом Херсонесом Фракийским, соединяющего Пропонтиду – Переднее море (Мраморное море) и Эгейское море и переправу через него. Малой Азией считалась высокогорная Анатолия, окружённая скалами и переходящая на востоке в Армянское нагорье, где когда-то, задолго до этих событий, возникли союзы урартских племён, со временем объединившиеся в государство Урарту, а на её юго-востоке существовали хетты. Несколько позже Анатолия была занята фригийцами, а на её юго-западе возникло Лидийское царство, правитель которого – Крез – двести тринадцать лет назад потерпел сокрушительное поражение от персидского царя Кира II, и именно с того времени вся Малая Азия попала под влияние Персии.

После осуществления перехода через пролив Геллеспонт, на следующий год, Александр дал сражение персам на берегу реки Граник, что протекает на северо-западе Малой Азии, и одержал над ними победу, начав освобождение греческих городов и покорение западной части Малой Азии. Вскоре им был завоёван очень крупный город Сарды, бывший столицей всего Лидийского государства, покорённый прежде персидским царём Киrom II и являвшийся резиденцией его сатрапов.

После него зимой он завладел и Гордианом, главным городом Фригии – области, размещённой в срединной части центра Малой Азии, где находилась боевая колесница легендарного царя Гордия, на которой ярмо и дышло были соединены ремнём, завязанным очень сложным узлом. Согласно поверью, тот, кто сумел бы развязать этот узел, стал бы властелином Азии. Александр по-своему решил эту головоломку. Он разрубил гордиев узел ударом меча.

Уже на следующий год он дал сражение под греческим городом Исс, завоёванным Персией, расположенным в области Киликии на юго-восточном побережье Малой Азии, где вновь разбил войска царя Дария III и обеспечил себе полное господство над всей Малой Азией, тем самым создав основу для завоевания Сирии и Египта. Затем он покорил и Финикию, именуемую местными народами Канаан, занимавшую часть сирийского побережья у подножия гор Носсар, где к тому же приступом взял города Арад, Угарит и Сидон. После семимесячной осады он овладел и её приморским городом Тир, очень могущественным поселением, имевшим многочисленные колонии и фактории в Средиземноморье, и прежде всего в Карфагене.

На следующий год он пошёл в поход на Египет, отвоевал его у персов и объявил себя законным преемником фараонов, обеспечив себе господство в средиземноморском районе и у границ с Аравией. При нём весь Египет был эллинизирован как в отношении применения греческого языка на территории этой бывшей персидской сатрапии, когда его употребление способствовало отграничению греков от всех не говорящих по-гречески народов, так и в отношении культуры.

Основанный им при помощи архитектора Дегинократа в дельте Нила город Александрия Египетская первоначально служил лишь стратегическим и административным целям, но затем стал столицей египетского государства и её главным культурным центром. Когда Александр посетил святилище бога Амона, находящегося чуть западнее египетского города Мемфиса, произошло его обожествление. Вторым этапом войны стал поход Александра в Месопотамию – область в бассейне рек Тигра и Евфрата, называемую греками Междуречьем. При Гавгамелах, поселении на берегу Тигра, им было дано очередное сражение персидским войскам, где он разгромил их конницу под командованием бактрийского сатрапа Бесса и окончательно победил Дария III, последнего персидского царя из династии Ахеменидов.

В этот год Александр вступил в город Вавилон, расположенный на реке Евфрат и двести семь лет назад завоёванный са-

мим Дарием I. Здесь ему был торжественно присвоен титул царя Вавилонии. Сузы, главный город области Элама, являвшийся одним из важнейших торговых центров Переднего Востока и одной из столиц Ахеменидов, также был захвачен им. Наряду с ними в тот же год им были покорены и Персеполь с Экбатаной, города-резиденции бывших персидских царей, причём последний из них был когда-то главным городом мидийской державы, захваченной персами почти одновременно с Вавилоном. В течение нескольких лет все основные исконно-персидские территории стали владением Александра. Теперь он занялся обеспечением тыла.

Перед ним возникла и необходимость проведения решительных мер в отношении оппозиционно настроенной группировки в его армии. Осенью этого года Александр впервые столкнулся с таким явлением, как заговор приближённых к нему лиц, намеревавшихся устранить его от власти путём физического его уничтожения и желавших возвести на царский трон приемлемого для них человека. Причин для их недовольства его правлением оказалось довольно много, но основными из них были следующие: во-первых, их не устраивал сам факт продолжения войны. Цели, которые теперь преследовал Александр, были чужды и непонятны им, так как они считали, что воевать дальше уже не для чего. Месть персам за поруганные ими греческие святыни свершилась. Добычи было столько, что её размеры превышали всякое воображение. К примеру, в городе Сузы Александр подарил Пармениону дворец, принадлежащий раньше Багою, знатнейшему и богатейшему персидскому вельможе, в котором только одних одежд оказалось на тысячу талантов. Все сподвижники Александра утопали в богатствах. Всюду были слышны рассказы о том, что теосиец Гагнон подбивал свои сапоги серебряными гвоздями, а Лоннату для его гимнасии привозили песок специальными караванами из Египта. Филот же отличился тем, что пользовался охотничьими сетями длиной в сто стадий. Поговаривали и о том, что все эти люди умащаются в банях отнюдь не оливковым маслом, а драгоценной миррой и что у них огромное множество мас-

сажистов и постельничих. Приближённые Александра очень жаждали покоя и наслаждения сытой жизнью, добытой ими славными завоеваниями. Даже рядовые воины его армии, все без исключения, получили в виде жалований, всевозможных раздач и, главное, в результате постоянно учиняемых ими грабежей столько разного добра, что им всего этого вполне хватило бы для безбедного существования до конца своих дней, пожелай они провести их где-нибудь в Македонии или Греции. Перспектива обосноваться не в отчей земле, а в других краях, в новых, построенных Александром городах их не устраивала. Ярким свидетельством тому стал один случай. Когда во время стоянки в Гекаомпиле, в Парфии, кто-то умышленно либо по необдуманности пустил слух о том, что царь всё-таки принял решение завершить поход и возвратиться на родину, воины стали тут же готовиться к этому, пакуя вещи, и в лагере началась такая радостная суматоха, что их едва удалось успокоить. Во-вторых, македоняне заметили, что царь Александр стал отдаляться от них. Приход персов, вчерашних их врагов, в его свиту на высшие посты был явлением совершенно непонятным и неприятным для его рядовых воинов и более чем нежелательным и неприемлемым для всей македонской знати и греческих приближённых Александра. Они понимали, что теряют своё исключительное положение, перестают быть замкнутой правящей элитой и оттесняются на задний план.

Всё это однажды и подвело к созданию персидско-греко-македонской аристократии, но греки и македоняне вовсе не желали спокойно принимать в свою среду чужаков, а тем более персов, да к тому же ещё и делиться с ними почётными должностями, доходами и добычей. Ко всему положение значительно усугубилось и нарочитым усвоением Александром всего персидского. В его поведении всё отчётливее проглядывалось желание в полной мере вкушать от роскоши и власти его предшественников, Ахеменидов. Однако более существенными были политические соображения. Превращаясь в царя Азии, Александр понимал, что, опираясь только на своих македонских дружинников да на греко-македонскую армию, он не сможет сохранить нынешнее

своё положение. Ему нужна была поддержка всего населения Ближнего Востока, но в особенности персидской аристократии, сохранявшей, несмотря на военное поражение Дария III, прочные позиции в общественно-политической жизни Передней Азии и в бывшей Персидской державе. Идя по такому пути, Александр выбрал для себя единственно возможную линию поведения – он желал предстать перед своими новыми персидскими подданными и приближёнными как законный преемник Ахеменидов. Естественно, как считал сам Александр, он должен был явиться миру в привычном для персов облике. Для этого он принял их одеяние, облачился в него и потребовал от всех своих приближённых лиц последовать его примеру. Более того, пытаясь подражать персидским властителям, он завёл себе гарем, состоящий из трёхсот наложниц. Постепенно и необратимо при его дворе умеренные и демократические греко-македонские обычаи стали сменяться на торжественный и пышный персидский церемониал. Он с пониманием относился к этим нововведениям и, помня о своём истинном происхождении, старался внедрить в общепринятый персидский образ жизни греко-македонские устои. Для достижения цели он поручил отобрать тридцать тысяч персидских мальчиков и повелел обучать их греческой грамоте и македонским военным приёмам и познаниям. По его приказу греческое воспитание получили и дети Дария III.

По существу, политика Александра должна была привести к полной ликвидации межэтнических различий и слиянию всего населения Восточного Средиземноморья в некое культурно-языковое единство. Но, несмотря на все эти новшества, повседневная реальность виделась греко-македонскому окружению царя однозначно: он превращался в перса и заставлял их становиться тоже персами, врагами греков и македонян. Даже в адресные формулы своих писем он перестал, вопреки греческому обыкновению, вводить благопожелание адресату. Допускаемая им грубость болезненно воспринималась теми, кто получал такие послания. При этом Александр всё же делал исключения, но только лишь для двух людей: Ан-

типатра – опытного македонского полководца, являвшегося теперь наместником всей Македонии, которого он почему-то всегда побаивался, и видного афинского политического деятеля Фокиона, которого очень высоко ценил и всячески старался привлечь на свою сторону.

Почти нескрываемое и искреннее возмущение стал вызывать и факт обожествления Александра, также начавший создавать собой ещё одну очередную пропасть между ним и его греко-македонским окружением. Всё это и породило возникновение в его армии людей, недовольных его правлением. Во всём его огромном лагере стали поговаривать о том, что с победой потеряно больше, чем добыто в войне. Многие уже стыдились себя в одеждах побеждённых. Они считали, что сам царь более всех похож на поверженного, нежели на победителя, и из македонского главнокомандующего уже превратился в сатрапа Дария. Даже среди его ближайших друзей далеко не все следовали его примеру. Так, если Гефестион одобрял царское поведение и тоже изменил образ жизни, то Кратер, заменивший Пармениона, подчёркнуто сохранял верность отеческим обычаям, при этом говоря: «Гефестион – друг Александра, а Кратер – друг царя».

Сам же Александр был хорошо осведомлён о настроениях своих воинов и командного состава, и это внушало ему определённую тревогу. Со временем он стал без стеснения осведомляться о содержании писем своих друзей, дабы знать их мысли и откровения. Как бы там ни было и как бы ни складывались все эти обстоятельства, а известие о готовящемся заговоре против него Александр воспринял как гром среди ясного неба. Обнаружился же заговор вследствие чрезмерной болтливости одного из его активных участников, некоего Димна, легкомысленно открывшего тайну своему возлюбленному Никомаху. Желая покрасоваться перед ним, Димн поведал о том, что через три дня царь Александр наконец-то будет убит, при этом особо выделив, что в этом замысле, помимо него, принимают участие смелые и знатные мужи. Угрозами и уговорами Димн всё же добился от перепуганного Никомаха обещания молчать и присоединиться

к заговору. Однако тот сразу после встречи с Димном отправился к своему брату Кебалину и обо всём ему рассказал. Кебалин немедленно поспешил к шатру царя, но не имея туда доступа, стал ожидать подходящего момента. Вышедший от Александра Филот, предводитель македонской конницы, был тут же оповещён им о готовящемся заговоре. По каким-то причинам тот два дня не ставил об этом в известность царя, ссылаясь на его занятость. Заподозрив что-то неладное в поведении Филота, Кебалин сообщил обо всём Метрону, ведавшему арсеналом, который сразу же доложил о заговоре Александру. Димн тотчас же был схвачен, а сам Кебалин был допрошен царём. Узнав от него и о сроках, намеченных заговорщиками для расправы, Александр приказал его арестовать. А услышав о человеке с очень знакомым именем Филот, царь насторожился и стал тщательно обдумывать и сопоставлять известные ему факты, связанные с ним. Прежде ему доносили о нелицеприятных отзывах о нём, допускаемых этим Филотом, считавшим его становление царём и все его победы в важных военных кампаниях своей заслугой и заслугой своего отца Пармениона. Тем временем Димн странным образом успел покончить с собой. После этого судьба Филота и его отца была решена. На требование Александра опровергнуть предъявленное ему обвинение в заговоре Филот отреагировал весьма глупо, попытавшись обраться всё это в шутку. Собранный царём совет единогласно пришёл только к одному довольно категоричному выводу: Филот напрямую причастен к этому заговору и является если и не главным его организатором, то уж явно и совершенно точно активным его участником. По заведённому издревле македонцами обычаю, уже через день, накануне выступления в поход, Александр созвал всех воинов и представил на их рассмотрение дело Филота, прямо обвинив и его самого, и Пармениона в организации заговора. Оправдаться Филоту не удалось. Войска требовали его казни. В наступившую ночь по настоятельным требованиям Кратера, Кэна и Гефестиона Филота подвергли пытке. Не выдержав такого испытания, он признался, что ещё в Египте, когда было совершено обожествление

Александра, Парменион и Гегелок, погибший позже в сражении при Гавгамелах, договорились убить царя, но сделать это они решили только после того, как будет уничтожен Дарий III. Расправа с заговорщиками была тут же свершена. Одновременно с этим Александр распустил вспомогательные греческие войска.

Несколько раньше начавшегося похода по указу бактрийского сатрапа Ахеменидов Бесса был убит сбежавший персидский царь Дарий III. Сам Бесс принял титул царя Артаксеркса IV. После смерти Дария III Александру срочно нужно было укрепить свою власть на востоке бывшей Персидской державы.

Назначив сатрапом Парфии и Гиркании парфянина Аминаспа, одного из тех, кто сдал ему без боя Египет, Александр двинулся из Парфии к южным берегам Каспийского моря, желая захватить там наёмников-греков, ранее служивших персидскому царю и теперь бежавших в страну тапуров. Пройдя через лесистые горы, отделявшие Гирканию от южных областей Персии, он занял город Задракарту. Уже в пути к Александру явилась большая группа знатных персидских аристократов, в том числе тысячник Набарзан и бывший сатрап Гиркании и Парфии Франаферн. В Задракарте Александр также выслушал волеизъявление о покорности от Артабаза, одного из ближайших придворных Дария III, прибывшего к нему вместе с детьми. Здесь же появились послы и от греков-наёмников бывшего персидского царя. На требование Александра покориться ему они ответили согласием. Позже часть из них, те, кто поступил на службу к персам до создания Коринфского союза, была отпущена на родину. Остальным Александр повелел наняться к нему на службу.

Из Задракарты он повёл войска в Арию. В городе Сусия, расположенном на границе Парфии и Арии, состоялась его встреча с сатрапом Арии Сатибарзаном. Как и в предыдущих случаях, Александр сохранил за ним его положение, но послал в Арию своего человека, Анакsipпa, с поручением устроить там, в поселениях, сторожевые посты, дабы его воины, проходящие через ту страну, не учинили каких-либо насилий. На самом

же деле он хотел обезопасить себя от возможных враждебных выступлений в своём тылу. Как показали все дальнейшие события, у Александра имелись серьёзные основания для такого беспокойства. Сатрап Арии Сатибарзан взбунтовался, и по этой причине Александру пришлось вернуться туда и казнями, разорением поселений, порабощением населения восстановить спокойствие. В результате произошедшего сражения сам Сатибарзан был убит, а арии обратились в бегство.

После этой расправы Александр подошёл к Паромапису – горному хребту на востоке персидских земель. Места здесь были суровые, очень труднодоступные из-за высоких скал и глубокого снега в ущельях и на дорогах. Везде царило безлюдье. Преодолев эту преграду, Александр оказался в Бактрии, где основал ещё один город, поселив в нём семь тысяч своих ветеранов, а также всех воинов, ставших не пригодными для несения службы. Предоставив войскам непродолжительное время на отдых, он двинулся через пустыню, дабы настигнуть и разгромить ещё одного из бунтовщиков – самозванца Бесса. Через несколько дней место его нахождения уже стало известно людям Александра. Бесса выдали его же сподвижники, Спитамен и Датаферн. Схваченный врасплох, он был сразу же отдан на расправу ближайшим родственникам убиенного им Дария III.

В крепостях долины реки Окс Александр разместил свои гарнизоны. А вскоре он взял главный согдийский город Мараканд. Несмотря на это, всюду и постоянно вспыхивали многочисленные мятежи и восстания. Пройдя через всю Согдиану, Александр приблизился к реке Яксарт, где стал спешно строить город-крепость – Александрию Крайнюю.

Отлучиться от этого места теперь он уже не имел возможности. К реке подошли отряды саков. Ожесточённые схватки следовали одна за другой. Согдийцы тоже везде оказывали ему яростное сопротивление. Александру следовало как можно быстрее покорить Среднюю Азию, так как только после этого он смог бы приступить к третьему этапу войны. Он намеревался идти в Индию. Для удобства управления и использования он

раздробил свою армию на более манёвренные небольшие подразделения, при этом постоянно дополняя их новыми подкреплениями как прибывающими из далёкой родины, так и сформированными впоследствии из отрядов местной знати. За два года нахождения в Средней Азии он сумел довести численность своих войск до ста двадцати тысяч человек, но всё это было несколько позже, а пока, до начала его похода дальше на восток, оставалось ещё очень много времени.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Дассария вёл свои сотни ночью, в светлое дневное время отыскивая и тщательно осматривая следы прошедшей перед ним греческой конницы, той, что сопровождала военнопленных согдийцев. Он догадывался, куда они продвигаются, и очень хорошо знал местность, но, несмотря на это, продолжал отслеживать их путь. К вечеру дозорные сообщили его сотникам о том, что греки встали на ночлег в небольшом урочище. Приблизившись к ним, он скрытно остановился за невысоким холмом и стал наблюдать.

Греческие военачальники, разместив пленных на тесном участке в самом центре зарослей, расставили караулы только у костров на окраинах и больше нигде. У Дассарии уже начало складываться впечатление, что они совершенно уверены в своей силе, не опасаются нападения и, как он полагал, по этой причине не выставляют дозоры. На заре греки, скорее всего, тронутся в путь, слегка повернув на запад. До ближней излучины Яксарта оставался один дневной переход.

Согдийцев было не меньше двух тысяч. Охрана составляла три сотни конных воинов. Дассария пребывал в растерянности. Он впервые не знал, как поступить. Отбить этих пленных можно было попытаться, но что делать с ними дальше, он не мог даже предположить. Не ведал и того, как самому действовать теперь. Спрашивать совета у сотников он не мог, да и смысла в этом не видел, так как те моложе его, и хотя и полны сил и

отваги, но не имеют даже житейского опыта, не говоря уже о навыках ведения военных действий. Только в одном Дассария был уверен: прежде чем предпринять какие-либо шаги, следует узнать как можно больше о противнике – его численность, бое-способность, места расположения основных сил, обеспечение провизией, пути сообщений между лагерями и, главное, намерения и планы. Не владея языком врага, бесполезно захватывать его воинов. Оставалось лишь скрытно продвигаться за этим отрядом и дойти до конечного места его следования. Приняв решение, Дассария велел сотникам выставить сменный парный дозор и определить всех остальных на отдых.

* * *

Цардар, вождь самого северного массагетского племени, младший внук некогда очень могущественного вождя Вилиеста, покинув единственное своё селение, расположенное в самом верхнем течении Яксарта, и оставив там под охраной двух с половиной тысяч воинов последние полторы тысячи семей, с пятью сотнями двинулся на юго-восток. На четвёртый день похода поутру дозор сообщил о появлении большого конного отряда иноземцев, сопровождающего пленных согдийцев в северо-восточном направлении. Искренне радуясь тому, что наконец-то его дорога пересеклась с врагом, Цардар ускорил ход, разослав дополнительные дозоры по сторонам, дабы не попасть в окружение. Ближе к полудню он уже и сам имел возможность лицезреть противника, взо-бравшись на небольшой курган. Почти все греческие всадники растянулись двумя колоннами по бокам от идущих нестройными рядами пленных. Вынужденные принаравливаться к неспешному шагу пешеходов согдийцев, они сдерживали бойких скакунов, изредка выкрикивая угрозы отстававшим измождённым людям. Дождавшись донесений от дозоров и убедившись, что поблизости больше никого не было, Цардар повёл свои сотни на врага.

* * *

Дассарии, приотставшему от греков на расстояние, равное полдневному переходу, доложили, что впереди замечены всад-

ники, судя по всему, осматривающие окрестности. Кто они такие, распознать на большом отдалении дозорным не удалось.

– Правитель, мои лазутчики не смогли рассмотреть конников, но это наверняка греки. Скорее всего, где-то недалеко отсюда находится их ставка, вот они и выставили дальние дозоры, – поделился предположением сотник Дуйя.

– Всё может быть, Дуйя. Для нас лучше бы повстречать родственные отряды, нежели вражьи. Хотя мне не очень верится в такое, особенно здесь, в этих краях, – произнёс Дассария, в очередной раз зорко оглядывая местность. – Ты вот что сделай. Возьми десяток воинов и осторожно разузнай, кто это. Будь бдителен, не попади в западню.

– Слушаюсь, правитель. Не беспокойся за нас. Всё будет сделано как нужно, – склонился тот и, махнув плёткой десятнику, быстро умчался за холм, увлекая за собой воинов.

Дассария с оставшимися саками двинулся дальше. День приближался к середине, когда довольно отчётливо донеслись звуки, очень напоминающие сражение.

«Не может быть, чтобы Дуйя не выдержал и первым напал на греков. Он никогда не позволит такого своеволия. Ослушаться меня он не мог... Выходит, он сам подвергся чьей-то атаке. А это означает только одно – он был прав и там действительно находится враг. Иначе что могло случиться с ним?» – первое, что пронеслось в голове.

Больше не медля, Дассария сильно стеганул скакуна и во весь опор погнал его вперёд, ведя за собой сотни. Очень скоро он увидел летящих навстречу всадников, в которых сразу узнал своих людей. Подскакав, сотник Дуйя сообщил, что на греческий отряд налетела сакская конница.

– Их сотен пять, не меньше, правитель, – утирая с лица пот, возбуждённо закончил он.

– Ты не заметил, чьих племён? – стараясь сдержать охватившую его радость, как можно спокойнее спросил Дассария.

– Нет, правитель, не успел.

– Все за мной! К бою! – обнажив меч и поднявшись в седле, скомандовал Дассария и устремился к месту битвы.

Воины Цардара, разделённые на две группы, издавая дикий, устрашающий вой, лавинами понеслись мимо пленных, мгновенно упавших на землю, и охватили их с двух сторон, сшибая ближних греческих всадников. Поначалу растерявшиеся, теперь те уже бились без суеты, собравшись в небольшие группы и пытаясь образовать защитные круги. Количество саки значительно преобладали, и это преимущество стало заметно сказываться по прошествии весьма непродолжительного времени. Почти вдвое меньшему греческому отряду было совершенно невозможно устоять перед их натиском. Вскоре с иноземцами было покончено.

Разгорячённый Цардар, увидев приближающуюся с юга конницу, решил было развернуться на неё, как вдруг, внимательно вглядевшись, распознал родственных саков, а в переднем из них, к своему удивлению, узнал и самого царя Дассарию. Он тут же вскинул меч и завертел им над головой, призывая все свои сотни к срочному построению, после чего, резко ударив пятками в бока скакуна, направился навстречу верховному правителю. Его воины стали выстраиваться ровными рядами, поднимаясь в седлах и пытаясь рассмотреть, к кому устремился их вождь. Вскоре Цардар уже подлетел к остановившемуся правителю, прыгнул с коня и, опустившись на колено, склонил голову и замер в приветствии. Дассария спокойно спешил, шагнул к нему, взял руками за плечи, поднял, внимательно посмотрел ему в глаза и крепко обнял.

– Цардар, рад встрече с тобой, – произнёс правитель.

– Прости меня, правитель, за тот мой уход. Я ушёл, чтобы не обременять больше тебя, ведь у меня не оставалось ни кормов, ни лошадей. Мне показалось, что я стал в тягость тебе, а объяснить такое невозможно. К тому же я должен был находиться там, где всегда обитало моё племя, и, если доведётся, принять смерть у могил своих предков. Теперь же, хвала небесам, я безмерно рад видеть тебя в жизни и в полном здравии, – проникновенно приветствовал верховного правителя Цардар. – Так же, как я тогда поступил, не имея другого выхода, поступили мно-

гие из подданных тебе вождей, но никакой измены при этом не было. Никто и никогда не посягнул бы на остатки твоих запасов, помня о том, что ты и так почти всё разделил между нами. Мы все ушли в установленном нами порядке. Ты не мог знать об этом, ведь все уводили своих людей умирать к родным очагам.

– Я понимаю тебя, вождь Цардар... Но сейчас нужно срочно покинуть это место. Потом поговорим с тобой обо всём и, самое главное, о нашем общем будущем. Сколько людей у тебя осталось? – спросил Дассария.

Цардар поднял руку, и к ним тут же подлетел сотник, спрыгнул с коня и преклонил колено перед верховным правителем.

– Каковы наши потери? – обратился к нему Цардар.

– Полторы сотни, – не поднимая головы, ответил тот.

– Предайте их земле... – начал было отдавать приказ Цардар, но, заметив движение руки верховного правителя, замолчал.

– Встань, – повелел сотнику Дассария. – Погрузите тела воинов на их лошадей. Соберите всё вражеское оружие и снаряжение. Коней отловите всех до единого.

– Повинуюсь, правитель, – сотник отступил на шаг, запрыгнул на скакуна и быстро направился к войскам.

– В моём старом родовом селении находятся полторы тысячи семей под охраной двадцати пяти сотен. Здесь со мной было пять сотен воинов. Это всё, – проводив взглядом сотника, произнёс Цардар.

– Что думаешь делать с этими? – кивнув в сторону лежащих согдийцев, спросил Дассария.

– Правитель, они в твоей воле, – ответил Цардар.

– Отпусти их с миром. У них своя дорога. Пусть дадут им немного воды. Нам нужно уходить подальше от этого места. Недалеко отсюда продвигается конный полутысячный отряд греков. Поторопи своих людей, и следуйте за мной, – запрыгивая на скакуна, распорядился Дассария.

– Да, правитель.

Цардар ловко взлетел в седло, вздыбил коня и помчался к своим сотням.

Г Л А В А Ч Е Т В Ъ Р Т А Я

Младший брат Донгора, вождя самого восточного племени массагетов, второй внук прославленного воителя и вождя Клибера, шестнадцатилетний юноша Бартаз вновь уже третий день находился на охоте. Его верный друг и самый главный добытчик в селении парил высоко в небе, описывая круги и выглядывая очередную жертву. С первыми лучами светила взобравшись на верхушку высокого холма, Бартаз отпустил орла, приставил козырьком ладонь ко лбу и, придерживая скакуна, внимательно следил за огромной птицей, которая плавно кружила над долиной, то поднимаясь ввысь, то низко опускаясь к земле, при редких взмахах едва не касаясь острых камней своими могучими крылами.

– Сегодня в полдень от моего брата придут гонцы. Тебе, мой славный Хора, нужно ещё кого-то найти и поймать. Ты единственный наш спаситель. Только на тебя все наши надежды. Прошу тебя, не садись на отдых, ты очень устал и не сможешь больше подняться, но ты ведь у меня сильный, потерпи ещё немного, – шептал пересохшими губами юноша, умоляя птицу взять ещё хоть одного зверя.

Словно и впрямь услышав просьбу своего хозяина, орёл набрал высоту, несколько раз взмахнув большими крыльями, и быстро пошёл на снижение, отдаляясь от него и превращаясь в чуть заметное тёмное пятно.

– Ну вот и хорошо. Ты нашёл кого-то. Пора, – натянув до локтя на левую руку толстую рукавицу из воловьей кожи и ударив пятками в бока скакуна, юноша ринулся вниз с холма.

Во весь опор, поднимая клубы пыли, он гнал жеребца туда, где Хора уже почти слился с землёй, видимый лишь зорким глазам хозяина. Бартаз рассмотрел жертву. Это был одинокий волк. Поджав хвост, он описывал круги, постоянно озираясь то на птицу, то на её тень, сильно петлял по долине, иногда падал, переворачиваясь, и вновь ускорялся в спасительном беге, стремясь избежать нападения и скрыться в предгорье. Бартаз быстро приближался к ним. Волк был силен и явно намеревался уйти от погони. Хора парил низко над землёй, выгнув вверх кончики крыльев, словно растопырив громадные пальцы. Теперь он уже летел ровно, не поднимаясь выше и не снижаясь, держался на одной высоте, выставив вперёд огромные когти. В какой-то миг волк вновь налетел на лошину и кубарем полетел через неё, но вскочить на ноги не успел. Всё это время орёл зорко следил за ним и, заметив падение, точно выбрал момент для атаки, стремительно опустился и тут же вонзил в голову жертве страшное оружие – острые смертоносные когти. Плавнo балансируя мощными крыльями, Хора придавливал зверя всем своим весом. Волк яростно пытался вырваться из ужасающего захвата, но огромная птица не давала ему сделать этого. Сильно взрывая землю задними лапами, серый хищник завертелся, чтобы сбросить с себя врага, но довольно быстро обессилел, замер и, судорожно дёрнувшись всем телом, обмяк.

Ощутив неподвижность добычи, Хора собрал крылья, порывисто повёл головой по сторонам, цепким взором отыскивая хозяина, затем крючковатым клювом отщипнул несколько клочков волчьей шерсти, словно убеждаясь в смерти взятого им зверя, и издал тихий, но могучий звук – характерный для него клёкот. Бартаз спрыгнул с коня, подбежал, присел на колено и, выхватив нож, ударил им волка в бок, ближе к сердцу. Птица почти немигающими глазами взглянула на него и, слегка раскрыв крылья, освободила когти, неуклюже, боком перебираясь на подставленную руку.

– Хороший, сильный, самый лучший, – вставая, юноша нежно погладил орла по голове. – Устал мой Хора. Ничего, сейчас я тебя покормлю.

Ощущая тяжесть орлиного тела и его крепкий захват на предплечье, он вновь присел, ловким движением правой руки отсёк от задней лапы волка кусок мяса, нанизал его на остриё ножа и поднёс к клюву верного помощника. Хора взглянул на пищу, несколько раз резкими короткими движениями склонив голову, осмотрел кусок со всех сторон и только после этого отщипнул кровавой комочек и быстро заглотнул его. Накормив птицу, Бартаз усадил её на прикреплённую слева к седлу изогнутую палку, обёрнутую толстой кожей. Затем быстро и умело снял с волка шкуру, разделал тушу на несколько небольших частей и погрузил их в кожаные мешки. Стараясь не тревожить Хору, юноша верхом направился к своему шалашу, что стоял под одиноким деревом у родника. Там он подвязал птицу за ногу тонкой длинной верёвкой, другой конец которой опоясывал ствол дерева, поместил на самый нижний тенистый толстый сук и тут же принёс ей в пригоршне воду. Расседлав коня, стреножил и отпустил его и только после этого сам надолго припал к роднику. Теперь можно было заняться добычей. Бартаз тщательно обмыл водой куски мяса, бережно обернул их в тонкие лоскуты ткани и подвесил на ветви.

Вот уже два года прошло с той поры, как он со своим верным другом орлом стал единственным кормильцем последнего селения родного племени, некогда уведённого его старшим братом – вождём Донгором далеко на восток, в земли, где когда-то обитали тиграхауды. Престарелый наставник давно умер, перед самой кончиной успев подарить ему, своему ученику, маленького орлёнка, названного, по мнению мальчика, довольно странно – Хора. Бартаз, не зная, что означает это слово, расспрашивал сородичей, но никто не смог дать объяснение, и тогда он подумал, что старец попросту не успел договорить имя полностью, но решил не менять кличку, данную птице.

После смерти учителя мальчик, вопреки наказу брата не ходить на охоту без сопровождения, всё же стал отправляться на

промысел зверя в одиночку, крепко помня все тонкости его ведения. Очень недовольный упорным непослушанием, старший брат хотел было отнять у Бартаза птицу, дабы пресечь юношеское опасное и, возможно, чреватое последствиями своеволие, но видя, что он возвращается с охоты каждый раз с большой добычей, перестал мешать ему в таком полезном и важном для всех деле, выделив небольшой отряд для скрытной охраны младшего брата.

Шло время, голод всё усиливался, остатки табунов быстро иссякали, а те лошади, что были под сёдлами, обессиливали и становились неспособными нагнать зверя, и тогда вождь Донгор велел отдать Бартазу самого молодого и сильного жеребца, всячески подкармливая этого скакуна всем, чем только было возможно. Вскоре сородичи поняли, что вождь прав в своём решении. Бартаз был удачлив в охоте. Не было случая, чтобы гонцы, направляемые к нему через каждые три дня, возвращались от него с пустыми руками. Он присылал с ними всё, что мог добыть, порой целыми днями не имея во рту ни кусочка еды, но всегда сытно кормя Хора. Все благодарили небеса и юношу за спасительную пищу.

За прошедшие три дня Хора взял уже десятого волка. Помимо этого, им были убиты шесть лис. Такой богатой охоты давно не было. Юноша был очень доволен. Он присел под дерево, задрал голову и долго любовался висящими над ним кусками мяса, радуясь в душе, что в его селении будет опять еда, пусть и не такая и обильная, но всё же постоянная. Погрузившись в добрые мысли, улыбаясь им, стараясь представить, как обрадуются такой добыче женщины, он задремал.

* * *

– Бартаз! Слышишь, Бартаз?! – кто-то тряс его за плечо.

До юноши сквозь сон доносились чьи-то слова, но проснуться он не мог.

– Он опять ничего не ел, – с сожалением прозвучал другой голос.

– Эдак он долго не протянет. Нужно заставить его поесть, пока мы здесь, – вновь слышался голос первого.

– Смотри, столько мяса, а он не притронулся к нему! Вот человек! – восхищённо и уважительно удивлялся второй.

Бартаз, склонившись на бок, спал.

– Ладно, не буди его пока, пусть немного отдохнёт. Намаялся он, видать. Положи его поудобнее. Давай лучше еду ему приготовим да покормим как следует, – предложил первый.

Кто-то осторожно повернул его на спину, аккуратно поправил ему ноги и подложил под голову мягкую шкуру.

– Птицу-то он исправно содержит. Смотри, как она следит за нами. Того и гляди набросится, – второй отошёл и принялся разводить костёр.

– Выгружу корм для его коня и дам немного ему, – произнёс первый.

Звуки вскоре опять куда-то отделились, растворившись в тишине. Бартаз повернулся на другой бок. Двое воинов, направленных к нему его братом, вождем Донгором, как и было положено им, в строго определённое время, к самому полудню, прибыли с закладными лошадьми. Им следовало забрать всё мясо и к вечеру быть в селении, но то, в каком состоянии они нашли Бартаза, заставило их задержаться. Покидать юношу, не накормив его и, главное, не убедившись, что с ним всё в порядке, они не смели по совести. То, что делал он для всего племени и для них в том числе, было поистине бесценно и невероятно. Никто из сородичей уже не мог представить себе жизни без этого молодого человека и его замечательного питомца. Для каждого из них значение этой удивительной пары было уже настолько велико, что они давно относились к ним как к небесным посланцам-спасителям и воспринимали только свято почитаемым образом и никак иначе.

Один из воинов поджарил на огне пять лисьих рёбрышек. Решив трем из них накормить Бартаза, они разбудили его. Увидев, что гонцы уже прибыли, юноша слегка смутился. Своим, как ему казалось, неприглядным поведением: не сумел встретить гонцов, так некстати уснув перед их приездом, – он был очень недоволен.

– Ничего, Бартаз, ты просто устал, – уловив в его состоянии смущение, а в поведении неловкость, но радуясь хорошему самочувствию охотника, подбодрил старший. – Тебе нужно поесть. Смотри, что мы приготовили.

– Как там все? Всё ли благополучно? – вскочив на ноги, протирая глаза, спросил юноша.

– Не беспокойся. В селении всё как прежде. Все сородичи очень благодарят тебя. Они просили узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь? – ответил старший.

– Нет, – пожал плечами Бартаз. – У меня всё есть.

Он направился к роднику, ополоснул холодной водой лицо и руки, из пригоршни напился, вернулся и подсел к костру.

– Вижу, на этот раз охота была обильной, – протягивая ему мясо, кивнул в сторону дерева старший воин. Недолго помолчав, он спросил: – Как ты чувствуешь себя? Как твой добрый друг Хора? Здоровы ли вы? Притомились изрядно, наверное?

– Он немного устал, – не имея привычки нахваливать при ком-то своего друга из опасения дурного людского глаза, коротко ответил юноша, покосившись на птицу. Та спокойно сидела на своём месте, зорко оглядывая окрестности.

Второй воин, быстро расправившись с мясной мягкотью, с удовольствием посасывал маленькую косточку, слушая их разговор, но не мешал им и посматривал по сторонам. Бартаз поднёс горячее рёбрышко к лицу, долго принюхивался к нему, вдыхая аромат, и лишь после этого стал откусывать дольки мяса, тщательно прожёвывая их, чтобы продлить наслаждение. Заметив, что старший поступает так же, а другому уже нечего есть, он подался к огню, легко выдернул из земли веточку, на которую было нанизано мясо, и протянул воину. Тот, отказываясь от подношения, мотнул головой, но Бартаз не отступился. Взглянув на старшего, воин увидел лёгкий одобрителный кивок и принял угощение, склонив голову в благодарности.

– Кого это занесло сюда? – вдруг произнёс старший, вскочив на ноги и устремив взор в сторону южных гор, что виднелись вдали тёмной линией и тянулись на восток, охватывая долину.

Бартаз и молодой воин так же быстро повскакивали с мест. Поднимая клубы пыли, пока ещё довольно далеко, но явно по направлению к ним продвигалась группа всадников.

– Оттуда могут прийти только чужаки, – прошептал молодой воин, внимательно вглядываясь в появившихся конников.

– Ну-ка, давайте все приготовимся. Бартаз, ты не пойдёшь с нами. Что бы ни случилось, к нам не приближайся. Если нам придётся вступить в схватку, то обязательно и не медля уходи к нашему селению. На этом месте больше не задерживайся, – нахмутив брови, посмотрел в глаза юноши старший и тут же запрыгнул в седло.

Бартаз молча выслушал его, быстро подошёл к дереву и отвязал Хора, но оставил пока на месте и побежал к коню. Второй воин также уже был верхом. Две закладные лошади, изредка похрапывая, по-прежнему стояли в тени дерева с другой его стороны.

Отряд уже скрылся за одним из дальних холмов, что полукругом опоясывали эту местность.

– Встретим их вон там, – указав плёткой на кустарники, видневшиеся на полпути к холму, произнёс старший, стеганул коня и ринулся вперёд, увлекая за собой товарища.

Бартаз подвёл скакуна к дереву, зацепил уздечку за сук и стал спешно снимать с ветвей мясо, укладывая его в кожаные мешки и сразу нагружая ими лошадей. Он уже почти завершил работу, когда услышал отдалённые крики. Оглянувшись, юноша увидел, как сородичи разъехались в разные стороны и неподвижно дожидались приближения чужаков, устрашая их криками и наставив на них заложенные в луки стрелы.

Отряд, состоящий из неполных двух десятков всадников, тут же сбавил ход и вскоре остановился. Бартаз отсюда не мог рассмотреть, кто они такие, но его соплеменники уже поняли, что это вооружённые беглые согдийцы. Недолго постояв, они разделились надвое и, выхватив мечи, ринулись на саков. Мгновенно сразив из луков ближних, тут же заложив ещё по одной стреле и метко выпустив их по врагу, сакские воины, часто оглядываясь, стали уходить от преследователей. Когда те в пылу погони растя-

нулись цепью по долине, саки, помня, что их ослабшие кони не смогут долго бежать в высоком темпе, остановились и развернулись. Они добились чего хотели своим мнимым бегством: враг потерял изначальное преимущество и уже не представлял собой грозную единую силу, и теперь его можно было бить поодиночке. Сразив в короткой сече наскочившего согдийца, старший воин устремился навстречу следующему, но завяз с ним в долгой рубке, поскольку тот был смекалист и ловко уклонялся от ударов, тем самым сумев продержаться до подхода ещё одного воина. Молодой же сак, расправившись подряд с двумя согдийцами, сошёлся с третьим и получил от него сильное ранение в ногу. Истекая кровью, он с трудом продолжал битву, быстро теряя силы и уже явно уступая противнику. Бартаз, нахлёстывая коня, во весь опор помчался на помощь, на скаку снаряжая лук. На половине пути справа из-за ближнего холма неожиданно выскочил небольшой сакский отряд и с гиканьем и жутким воем пронёсся мимо него.

Отделившись от воинов, к Бартазу подлетел десятник, встал на пути, слегка склонил голову и прохрипел:

– Бартаз, занимайся своими делами, таково веление вождя.

Больше ничего не сказав, он вздыбил скакуна, развернул его и исчез в пыли, догоняя воинов. Юноша узнал десятника. Это был Кантар. Растерянно опустив лук, Бартаз долго смотрел вслед, не понимая, откуда взялся отряд, но теперь уже был уверен, что всё вскоре закончится и помощь пришла вовремя. Он направился к роднику, часто поднимаясь в седле и пытаясь издалека рассмотреть неподвижно сидящего Хора.

Солнце клонилось к закату. Взобравшись на самую макушку дерева, Бартаз вглядывался вдаль – туда, где шло сражение, но из-за пыли, густо нависавшей над землёй, ничего не мог разобрать. Вскоре почти все звуки, доносившиеся оттуда, утихли, и он увидел продвигающихся в его направлении всадников. Они шли очень медленно, тёмными силуэтами появляясь поодиночке из пыльной завесы, но в сумерках были плохо различимы. Ещё не зная, как завершилось сражение, кто взял верх, Бартаз всё же почувствовал нутром, что эти люди свои, саки.

Он спрыгнул на землю, подбросил охапку хвороста в костёр, зачерпнул в небольшой котелок воды, закрепил над огнём и лишь после этого вновь стал всматриваться в приближающихся людей. Первым шёл десятник Кантар. За ним, отстав на полсотни шагов, какой-то воин вёл за собой четырёх лошадей, на которых поперёк сёдел лежали тела. Чуть сбоку двое воинов гнали лошадей. Ещё пятеро, растянувшись, замыкали шествие.

Подведя своего скакуна ближе к дереву, десятник устало спешился, взглянул на стоявшего в ожидании юношу, но ничего не сказал, а повернулся к подступившему следом воину. Тот сошёл с коня, пару раз низко присел, разминая затёкшие ноги, затем отвязал от седла верёвку и повёл остальных лошадей в сторону родника, где бережно снял с первой тело погибшего воина и уложил его на землю. Подоспевшие воины уже помогали ему, о чём-то тихо переговариваясь.

Опустилась ночь, накрыв долину непроглядной тьмой. Бартаз приблизился к воинам и встал рядом с десятником. В тусклых отблесках пламени в ближнем из лежащих он узнал старшего из гонцов. Подойдя к изголовью, замер. Огненные всполохи, изредка отражаясь в потускневших белках глаз, наполовину прикрытых веками, придавали лицу покойного какой-то жутковатый землистый оттенок, отчего он уже воспринимался совершенно иначе, будто и не был никогда живым. Бартаз, желая избавиться от неприятного ощущения, склонился и прикрыл глаза соплеменнику, едва коснувшись рукой его лица, при этом почувствовал пальцами мёртвую прохладу кожи. Удар, как подумал юноша, нанесли в спину, и поэтому рана не была видна, и лишь тонкая чёрная подсохшая струйка крови, тянувшаяся из уголка сжатых губ, свидетельствовала о её тяжести. Отступив на шаг, он прошёл мимо трёх остальных тел, останавливаясь возле каждого из погибших, и в последнем узнал молодого гонца. Нога его как-то неестественно вывернулась, а на левом бедре кожаные штаны были разорваны ровной линией и сильно измазаны в крови.

Бартаз невольно взглянул в сторону костра и увидел торчащую рядом с ним веточку, на которой так и осталось нани-

занным одно лисье рёбрышко. Он прикрыл глаза и судорожно сглотнул подступивший к горлу ком. За прошедшие годы он часто видел кончину сородичей, но сколько ни старался, так и не сумел привыкнуть к утратам. Сейчас, взирая на тело молодого воина, он был поражён до глубины души тем, что смерть выбрала и его. На мгновение перед глазами юноши возник живой облик. Он вспомнил, как угостил этого гонца в последний раз у своего костра. Ему стало очень жаль этого человека.

«Он даже не успел поесть как следует. Теперь он уже не сможет сделать этого никогда. Так быстро его не стало в этом мире. Недолгим оказался его путь под этим вечным небом. Слишком рано он принял смерть и расстался с жизнью. Почему именно он покинул землю? Кому он мог помешать на ней?» – горькая мысль пронеслась у него в голове.

– Обмойте тела погибших воинов. Зуза, Танарис и Фахрид, вы доставите их в селение. Захватите с собой всех отловленных согдийских лошадей. Груз, приготовленный Бартазом, тоже заберите. Его заждались. Поторопитесь. Как только завершите все приготовления, уходите не задерживаясь. Мы остаёмся здесь... Да, вот ещё что. Зуза, ты старший в дороге. Пройди по старому маршруту. Не подведи меня, – распорядился десятник.

* * *

Искущённый в военном деле тридцатилетний военачальник Бакриарт, возглавлявший в недалёком прошлом одну из сторожевых сотен в главном городе Согдианы Мараканде, примкнув к восставшим сородичам после прихода македонского царя Александра, уже трижды вступал в сражение с его войсками. Из последнего из них, едва избежав пленения, он успел увести с собой в степь всего половину оставшихся в живых верных воинов. Опасаясь столкновения с саками, он ушёл на восток их земель, ближе к горам, где и остановился со своими людьми на время, чувствуя себя в этом месте более уверенно, так как только здесь мог без особого труда скрыться от любого преследования. Обосновавшись в одной из удобных

расщелин у небольшой горной реки, сотник решил во что бы то ни стало собрать вокруг себя те разрозненные группы сородичей, которым удалось спастись от расправы завоевателей, и отсюда попытаться вновь поднять свой народ. Накануне, как обычно, с утра он направил два отряда по полтора десятка воинов вдоль гор на север и в западную, более равнинную местность, дабы они осмотрели окрестности и при возможности поохотились.

Острая нужда в пропитании заставляла почти всех его людей целые дни посвящать поискам дичи. За всё то время, что он находился в этой расщелине, его воинам удалось добыть множество горных баранов, но с недавних пор эти животные, напуганные их появлением, покинули ближнюю сторону гор, отчего охота на них стала занятием изнуряющим и зачастую безрезультатным. На днях закончилось мясо последнего убитого архара. Сегодня же Бакриарт с нетерпением ожидал возвращения своих дальних дозоров в надежде на то, что они будут более удачливы, чем остальные, и появятся с хорошими новостями. Подступали сумерки, но их ещё не было.

* * *

Сегосфен, друг и десятник Бакриарта, прошёл со своим отрядом строго на запад, но никого – ни людей, ни живности – там не обнаружив, повернул на северо-восток. С наступлением ночи, оказавшись в совершенно незнакомой долине, он осторожно продвигался среди холмов, ничего уже не видя и прислушиваясь к царящей всюду тишине. Вдруг он уловил какие-то непонятные звуки и остановил коня, велел всем замереть. Вскоре стал уже отчётливо слышен гулкий отдалённый стук копыт. Чьи-то конники находились на его пути.

«Может, это десятник Манфис со своими людьми продвигается в поисках добычи? Хорошо, если бы это был он. Вместе легче коротать ночи в таком опасном месте», – подумал он, вспомнив, что одновременно с ним его товарищ с отрядом ушёл вверх по предгорью.

Всё же не очень веря в такое и понимая, что Манфис не мог оказаться здесь, он насторожился.

– Эй, вы двое, ко мне, – Сегосфен негромко подозвал ближних воинов. – Ну-ка, пешим ходом разузнайте, кто там идёт. Только тихо. Не попадитесь им на глаза. Они недалеко.

Воины ловко спрыгнули с коней и тут же исчезли в темноте. Время стало тянуться как никогда медленно и томительно. Не сходя на землю, все с тревогой ожидали возвращения лазутчиков. Вскоре они появились и, отдышавшись, сообщили, что несколько саков ведут на запад гружёных и порожних, но осёдланных лошадей.

– Сколько их там? – спросил десятник.

– Мы смогли различить только двоих, – как-то неуверенно ответил один из воинов. – Слишком темно стало, не так, как было в прошлую ночь.

– Что ж, все к бою! – скомандовал Сегосфен и двинулся вперёд.

* * *

Зуза, Танарис и Фахрид двигались в ночи не спеша, стараясь лишний раз не тревожить души умерших сородичей, чьи тела стали для них особо ценным грузом. К полуночи им следовало прибыть в селение, до которого им оставалось пройти ещё половину пути. Ночь была на редкость непроглядной. Низкие облака, закрывая собой звёздный свет, плотной пеленой почти неподвижно нависали над самой головой. Могучий воин Зуза, шедший впереди всех и ведущий на поводу четвёрку лошадей с телами убитых и пару, груженную мясом, часто останавливался, сходил с коня, что-то нащупывал руками на земле. Его товарищи догадывались, что он пытается понять, не сбились ли они с дороги.

Уловив по левую руку от себя приближающихся всадников, он выхватил меч и грозно выкрикнул в темноту:

– Эй, кто бы вы ни были, лучше уйдите с миром! Это говорю вам я, Зуза!

– Что случилось? – подскочив к нему, встревоженно спросил Танарис.

– Там кто-то идёт на нас, – ответил тот.

Не видя, куда он указывает, Танарис сдвинул на затылок тяжёлый шлем, приставил ладонь к уху и стал медленно поворачивать голову. Вскоре до него отчётливо донеслись звуки конского топота.

– Что будем делать? – вновь спросил он.

– Это не наши люди. Они не ответили мне. Значит, враги. Битвы не будет, темно, – спокойно произнёс Зуза. – Тут рядом есть низина, спустимся в неё. Ты с Фахридом стони лошадей плотнее. Меня не потеряйте. Слушайте свист. Поспешите. Нам нужно живее уходить.

Танарис, развернув скакуна, быстро исчез. Пройдя ещё с десяток шагов, Зуза повернул в сторону, убедился, что в этом месте земля уже покато уходит вниз, и подал сигнал тихим прерывистым свистом. Захваченные днём согдийские лошади, подгоняемые Танарисом и Фахридом, едва не налетев на Зузу, стремительно промчались мимо, обдав жаром. Он снова свистнул.

– Ничего не видно. Ноги бы не переломать, – слышался голос Фахрида.

– Эй, я здесь, – подал им ориентир Зуза.

Он уже спустился в узкую лощину, некогда являвшуюся руслом маленькой речушки, и продолжил движение.

* * *

Сегосфен осадил коня и завертелся на месте, прислушиваясь к ночным звукам. «Куда они подевались? Кто-то из них подал голос с этой стороны. Уйти далеко они не могли. Похоже, обнаружили нас и остановились. Нужно быть настороже», – вглядываясь в темноту, подумал он, понимая, что напасть на них, ничего не видя, у него не получится. Он ещё не успел принять решения, как вдруг вновь услышал отдалённый топот копыт. «Э, нет. Они всё-таки уходят. Выходит, их мало, иначе бы стали рыскать по округе, коль заметили наше появление», – рассудил согдиец, пытаясь определить направление движения.

Недавний лёгкий ветерок заметно усилился, и вскоре на небе появились разрывы в облаках, откуда на землю причудли-

выми рассеянными клочками стали проникать лунные отсветы. Видимость слегка улучшилась, но замелькавшие по равнине тусклые пятна света, чередуясь с облачными тенями, не давали отчётливо рассмотреть окрестности, да к тому же порывы ветра приглушили столь нужные сотнику звуки, и без того едва доносившиеся от отдалявшихся саков. Теперь он полагался лишь на своё зоркое зрение, долго и внимательно разглядывая всё пространство перед собой, стараясь уловить хоть какое-то движение. Извилистая чёрная полоса лощины, замеченная им в стороне, поначалу не привлекла его внимания, но уже через миг, протерев глаза, он увидел то, что упорно искал. Вдали, петляя по её изгибам, вереницей продвигались лошади, явно кем-то ведомые. «Вот вы где притаились! Ну уж теперь вам не уйти», – пронеслось в голове Сегосфена. Стегнув плёткой коня, он устремился к лощине.

* * *

Фахрид, шедший последним, почувствовав опасность, оглянулся. Он был внутренне готов к возможному нападению, но неожиданность появления врага потрясла. На расстоянии одного полёта стрелы по левую руку от него несколько всадников, перейдя лощину, уже поднимались на другую её сторону. Почти столько же их, не спускаясь вниз, продвигалось справа, клеща-ми охватывая старое русло.

Взяв с места вскачь, часто нахлёстывая коня, обгоняя идущих впереди лошадей, Фахрид домчался до Танариса и указал рукой назад:

– Там враг! Он обходит нас с боков. Что будем делать?

– Догони Зузу. Передай ему, чтобы он выбирался из лощины и уходил по правой стороне. Ты следуй вместе с ним. Ко мне не возвращайся. В случае появления врага на пути поможешь ему. Я же выгоню лошадей и встану заслоном. Постарайтесь уйти подальше отсюда. Обо мне не думайте. Я попытаюсь как можно дольше задержать преследователей и не дать им пойти за вами, но их много, и они охватили нас с двух сторон, а это уже опасно. Будьте осторожны! А теперь, Фахрид, уходи скорее,

прощай, – быстро сообразив, что ему делать, велел Танарис и тут же встал поперёк лощины, направляя идущих за ним лошадей наверх.

Фахрид рванул вперёд. Танарис, быстро взобравшись по склону вслед за лошадьми, развернул их и погнал прямо на врага, уже видя его и оценивая свои возможности и шансы на спасение. Согдайцы, пока ещё не знавшие о том, какими силами обладают саки и по этой причине не нападавшие, да к тому же не ожидавшие атаки, всё же не растерялись и сразу устремились навстречу, принимая приближающуюся плотную массу за конницу противника. Припав к гриве коня, который мчался в самой середине летящего во весь опор табуна, Танарис на миг выпрямился, выпустил стрелу и тут же вновь низко склонился, чтобы заложить новую. Решив, как поступить дальше, он остановился, взглянул на другую сторону лощины, развернулся обратно и повёл коня в низину, чтобы выйти в тыл второй части вражеского отряда.

* * *

Врезавшись в гущу наскочивших животных, Сегосфен осадил скакуна, озираясь с занесённым над головой мечом, и только теперь понял, что это всего лишь осёдланные кони и что этот манёвр был хитро задуманной уловкой саков. Раздражённый игрой, затеянной саками из-за малочисленности, в чём теперь уже не было никаких сомнений, он, больше не задерживаясь, повёл воинов в атаку.

* * *

Зуза передал Фахриду поводья лошадей с грузом и, убедившись, что тот взял хороший темп, похлопал своего жеребца по шее и с каким-то блаженством вынул огромный меч. Затем, взглядываясь в скачущих на него всадников, тронулся к ним наперерез.

– Ну что, друг мой сердечный, покажем этим злодеям, какая мы с тобой пара и на что способны? – обращаясь к своему любимчику, шептал он, то приподнимаясь в седле, то при-

гибаясь, зорко рассматривая врага. – Да их тут и с десятков не наберётся. Чего лезут в драку таким малым числом? Глупцы! Мы с тобой и не такое видывали. Верно? Вот только Танариса что-то не видно. Куда он мог подеваться? Ну да ладно, сейчас разберёмся.

Плавню пустив коня вскачь, Зуза взревел во всю мощь и, тут же сойдясь с первым попавшимся на пути воином, с лёгкостью снёс ему голову, даже не приложив особых усилий. Услышав звуки боя на другой стороне лощины, он сразу понял, куда запропастился Танарис, и мысленно пожелал ему сил и стойкости. Теперь следовало спешить, чтобы успеть помочь младшему товарищу. Не позволяя окружить себя, Зуза зарубил ещё двоих воинов, но четверо оставшихся всё-таки взяли его в кольцо. Пытаясь вырваться, Зуза ударил плашмя мечом по крупу своего скакуна, налетел на ближнего из согдийцев, опрокинул вместе с лошастью и, перескочив через него, спустился в лощину, направляясь к Танарису. На другой стороне он оглянулся и, увидев внизу преследователей, вновь повернул на них: теперь у него было небольшое преимущество, так как он мог наносить удары с высоты. Как только первый из них показался из лощины, Зуза наскочил и так же легко сразил его, нанеся ужасающей силы удар в область плеча.

Оттуда, где шло сражение с Танарисом, уже приближалось несколько всадников. «Эх, не успел... Прости меня, Танарис. Я обязательно отомщу за тебя. Да упокоится с миром твоя душа!» – с досадой подумал Зуза, поняв, что младшего товарища не стало.

Сильно ударив ногами в бока скакуна, он устремился на приближающихся врагов, не обращая внимания на оставшихся здесь.

Теперь ему противостояло только семеро согдийцев.

* * *

«Да, могуч! Жаль, что он не на моей стороне, и поэтому должен умереть», – Сегосфен был искренне удивлён силой внезапно появившегося кочевника. До сих пор сдерживавшийся, он вдруг

окрикнул своих людей, готовых из луков дружно покончить с саком. Те, недоумевая, отступили, образовав круг, в котором остался один вражеский воин.

Сегосфен выступил вперёд и повёл коня вдоль воинов, опустив меч в руке и внимательно следя за противником.

* * *

«Ну наконец-то хоть один достойный соперник нашёлся! Посмотрим, каков ты на самом деле! Я-то уже было подумал, что среди вас нет крепких мужей. Даже скучновато стало от этого... Жаль, Танарис погиб... Главное, чтобы Фахрид ушёл подальше, тогда и смерть наша будет не напрасной. Этот воин, видимо, жаждет поединка со мной. Что ж, он получит его. Я готов», – тяжело дыша, подумал Зуза, рассматривавший согдийца, поудобнее сжал рукоять меча, пустил шагом жеребца и тоже описывал полукруг.

* * *

Сегосфен не выдержал первым. На вздыбленном коне сократив разделявшее их расстояние, он со всего маху рубанул сака сверху вниз. До сих пор ещё никто не смог остаться в живых после такого удара, но Зуза, смягчив его мощь подставленным в наклон полотном меча и погасив силу плавной оттяжкой, тут же в ответ резко полоснул наотмашь коротким скользящим ударом, весьма ощутимо зацепив его. Получив рану в правый бок, Сегосфен не сразу почувствовал это в пылу схватки, удивлённый, что сак каким-то образом сумел отразить его, казалось бы, всесокрушающий удар. Через мгновение ранение всё же дало знать о себе обжигающей болью. Несмотря на это он решил повторить всё сначала, уверенный, что на сей раз непременно сразит противника, и вновь вздыбил скакуна, готовый опять нанести свой любимый удар, но в самый последний миг сак почему-то сильно запрокинул голову и откинулся на круп лошади, безвольно раскинув руки и выронив меч. Ничего ещё не понимая, Сегосфен, приглядываясь, приблизился к нему и лишь теперь увидел торчащую в его спине стрелу.

– Кто это сделал? – крикнул он и развернулся на коне.
– Прости, Сегосфен, не сдержался, – выступил один из воинов, виновато склонив голову.
– Ты что, уже не веришь в меня? – зло произнёс десятник.
– Верю. Но мне показалось, что он ранил тебя, – ответил тот.
– Ладно, я не виню тебя. Все за мной, нужно догнать остальных.
Зажав рукой рану, Сегосфен напоследок взглянул на сака. Тот едва держался в седле. Когда к нему подступил один из воинов, намереваясь столкнуть на землю и забрать коня, Сегосфен окриком запретил делать это, в душе признаваясь себе в своём первом поражении и отдавая дань уважения этому удивительному воину.

* * *

На рассвете сотнику Бакриарту сообщили, что с половиной своего отряда в лагерь вернулся раненый десятник Сегосфен. Из короткой беседы с ним Бакриарт узнал обо всех ночных событиях. В завершение своего повествования Сегосфен упомянул о том, что после поединка его людям удалось нагнать ещё одного сака и, расправившись с ним в короткой схватке, завладеть мясом и шестью лошадьми, на четырёх из которых были нагружены тела убитых воинов.

– Бакриарт, вон тех осёдланных коней, что угоняли к себе саки, я узнал, – полусидя, упираясь спиной в камень, обливаясь потом, прошептал Сегосфен, кивнув в сторону лошадей, приведённых с собой. – Это наши скакуны. Все до единого. Они все принадлежали десятнику Манфису и его людям. Значит, ни его самого, ни его воинов не стало.

– Да, дороговато нам обошлись обе эти дальние вылазки, – с досадой произнёс сотник, поднявшись с места, и ударил плёткой по ноге. – Ещё один такой выход из ущелья – и никого из нас уже не останется. Получается так, что здесь кругом одни саки, а наших людей нигде нет. Где же они тогда? Воевать нам на две стороны – против саков и против македонян – нет пока возможности, мы не в состоянии делать это. Будем продолжать поиски. Другого пути не вижу.

Он отошёл на пару шагов, затем развернулся, взглянул в глаза десятника и более мягким тоном добавил:

– Сегосфен, ты поскорее выздоравливай. Здесь, на высоте, хорошо, не так жарко, да и кровососов нет.

Он окинул взором горные вершины, вдохнул чистый прохладный воздух.

– Вон знахарь уже ждёт своей очереди, сейчас займётся тобой. Ешь, пей, поправляйся. Не думай ни о чём. Ты сделал всё, что мог. Я благодарен тебе.

Опустив голову, Бакриарт задумчиво постоял так ещё какое-то мгновение, кивнул каким-то своим мыслям и ушёл. Сегосфен проводил его взглядом и только теперь, впервые после возвращения в родной лагерь, по-настоящему расслабился и устало провёл рукой по лицу, вытирая пот, обильно заливавший глаза.

* * *

Бартаз долго смотрел вслед уходящим воинам, до тех пор, пока они не скрылись вдаль. Вечерело. Весь день десятник направлял в разные стороны дозоры, чтобы осмотреть всю округу, но никого не обнаружил и, стало быть, убедившись, что юноше уже не угрожает опасность, принял решение покинуть его и не мешать больше. Сытый и хорошо отдохнувший Хора по-прежнему сидел на своём месте в ожидании команд и действий хозяина. С самыми первыми рассветными лучами светила им предстояло заняться охотой – до полного истощения изнуряющей, изматывающей, неизменно трудной работой продолжительностью в долгих три дня.

* * *

Десятник Кантар оглянулся. Несмотря на наступившие сумерки, он всё же сумел рассмотреть вдаль, у одиноко растущего дерева юношу. От этой картины и особенно от того, что приходится оставлять Бартаза одного в огромной зловещей долине, у него защемило в сердце.

«Ничего, Бартаз. Вот проверю в селении, дошли ли туда Зуза, Танарис и Фахрид, поменяю там людей и вернусь обратно, как прежде, охраняя тебя», – успокаиваясь, подумал десятник и больше не смотрел в ту сторону, дабы не бередить душу и скорее проделать намеченный путь.

Пройдя половину всей дороги, он приблизился в неясном лунном свете к давно знакомой ложине и, не спускаясь вниз, а следуя по краю, взглянул на другую ее сторону и вдруг увидел там лошадь.

– Видишь, какая-то лошадь стоит, ну-ка, поймай мне её. Пospеши! – указал он плёткой ближнему воину.

Юноша повернул коня, спустился и пересёк ложину, выбрался наверх и, стараясь не вспугнуть лошадь, стал медленно приближаться к ней, держа в руке моток верёвки. В какое-то мгновение десятнику уже показалось, что воин вот-вот накинёт петлю на голову животного, но тот почему-то в самый последний момент опустил руку, низко склонился и, что-то увидев на земле, спрыгнул с коня.

– Чего он там закрутился? – прошептал десятник и тут же услышал возглас воина, подзывавшего всех к себе.

Быстро преодолев ложину, воины окружили товарища, ещё не понимая, почему он позвал их. Лишь спешившись, они увидели на земле человека.

– Так это же Зуза! Точно он... Никак убит? – прошептал один из них, присев и приподняв голову лежащего.

Десятник бросился к телу, всмотрелся в лицо и, узнав старого товарища, прижался ухом к его груди. Услышав слабое, но ровное биение сердца, Кантар поднёс к лицу Зузы посудину с водой, пальцами разжал его пересохшие губы и стал вливать тонкой струйкой прохладную влагу. Стараясь не переусердствовать, он лил воду с частыми перерывами, чтобы воин не захлебнулся.

– Дайте плащи и осмотрите здесь всё! – повелел он.

Воины разлетелись в разные стороны. Зуза поперхнулся и застонал. Десятник, желая приподнять товарища, завёл было руку ему за спину и тут же нащупал пальцами обломок торчащей из неё стрелы.

– Так вот куда тебя ранили! Потерпи, до утра. Главное – мы успели найти тебя вовремя. Ты ещё станешь сотником, – шептал он, осторожно укладывая Зузу на подстеленные плащи и бережно укрывая его. – Хотя с твоим горячим характером и необузданностью в поведении вряд ли.

При последних словах Кантар печально улыбнулся, с сожалением и досадой покачал головой, вспомнив, как Зуза неистово и с особым смакующим рвением предавался гульбищам.

Вскоре примчался воин, прыгнул с коня, присел рядом с десятником и тихо доложил:

– Нашли Танариса и Фахрида. Они убиты. И ещё... – он запнулся.

– Что? – нетерпеливо спросил десятник.

– Кто-то изрубил тела всех погибших. Тех, что везли в селение, – ответил воин.

– О небеса!

Кантар медленно поднялся на ноги, провёл руками по лицу и замолчал.

Недолго так постояв, он произнёс:

– Никто и никогда не смел вставать на последнем земном пути человека. Умертвить дважды никого нельзя. Напавшие на них люди сделали это из-за боязни проклятия небес за свершённое ими и посягнули на их души, пытаясь погасить и их при отнятых уже жизнях. Принесите все останки сюда. Здесь предадим их земле.

Когда воин отдалился, он подошёл к своему коню, погладил его по гриве и с горечью прошептал:

– Опять столько потерь! Нет сил терпеть все эти утраты и лишения. Даже у детей отняли еду. Как теперь быть, не знаю...

Лишь забрезжил рассвет, воины преступили к похоронам убитых. Десятник, почтив их память, осмотрел рану Зузы и, убедившись, что стрела не пробила левую лопатку, вынул её из тела, накалённым на огне ножом надрезав кожу чуть шире острия наконечника, и сразу после этого приложил свёрнутый кусок ткани, посыпанный пеплом. Ещё раз убедившись, что Зуза жив, он стянул его грудь ремнём как можно туже, но

оставляя возможность дышать. К полудню, положив раненого на подвеску между двумя скакунами, они тронулись в сторону селения. Потерявший много крови Зуза всё это время не приходил в себя.

* * *

Вождь Донгор, не дождавшись в установленные сроки возвращения гонцов от младшего брата Бартаза, заподозрил неладное и решил утром отправить к нему новый отряд, но с наступлением нового дня сдержался, помня о том, что Бартаз находится под охраной, и надеясь, что воины скоро появятся.

День прошёл в тревожном ожидании. Наступила ночь. Гонцов не было. Ближе к рассвету он всё же направил людей. Заметно поредевший охранный отряд десятника Кантара без посыльных и без добычи Бартаза, но с раненым Зузой повстречался им на дальних подступах к селению.

* * *

Через три дня Кантар вернулся к месту, где находился Бартаз, но, как и прежде, не показываясь ему на глаза, скрытно расположил воинов за дальним холмом, чтобы оттуда наблюдать и за юношей, и за всей округой, продолжая охранять кормильца всего селения. Оставив коня, он взобрался по склону холма и прилёг на его вершине, всматриваясь в сторону одинокого дерева, возле которого находился шалаш Бартаза. Сначала он увидел коня, пасущегося невдалеке от родника.

«Странно. Обычно в это время он уже охотится. Не случилось ли чего?» – встревожено подумал Кантар, поднявшись на колено и ещё внимательнее разглядывая тенистое подножье ветвистого дерева. При ярком полуденном солнце оно сильно выделялось чёрным пятном на земле. Толком не сумев ничего рассмотреть на таком большом расстоянии, десятник решил приблизиться. Спустившись вниз как можно тише, он побежал к дереву. То, что предстало его глазам, было ужасно: Бартаз лежал на спине возле давно остывшего кострища. Из его груди торчала стрела. Лицо, тело и руки были покрыты мухами. Стоял

тошнотворный запах. Кантар оглянулся и, лишь теперь вспомнив о птице, шагнул к дереву. Хора, так же, как и его юный друг и хозяин, неподвижно лежал на земле, повернув в сторону голову и приоткрыв клюв. Он уставился в небо немигающим мутным глазом и распластал крылья, будто в полёте. Лёгкий ветерок шевелил пушок на его шее и изредка задирал хвостовое оперение, отпугивая мух. Хора был мёртв. Тонкая верёвка тянулась из-под него к стволу дерева, не дав ему улететь и спастись. Кантар заглянул в шалаш. Расстеленная в нём овечья шкура была не тронута. Больше ничего там не было. На одной из нижних веток на ремне висели нож Бартаза и его колчан со стрелами, а внизу стоял прислонённый к стволу лук. У родника лежали кожаные мешки, видимо, подумал Кантар, отмытые юношей и разложенные для просушки.

«Что же тут случилось? Кто мог так коварно расправиться с юношей и его питомцем? Здесь же нет никого», – подумал десятник, оглядывая округу. В груди заныло, и он растирал её, пытаясь успокоиться. Вскоре он зацепился взглядом за едва видневшийся вдаль буторок, что выделялся на ровном месте, и побежал к нему. На расстоянии сорока-пятидесяти шагов от дерева головой прямо в его сторону, весь покрытый пылью, лицом вниз лежал мёртвый согдийский воин, крепко сжимая одной рукой лук. От него, словно от пары змей, тянулся на юг извилистый двойной след.

– Так вот кто это сделал! Ты один из тех, кого мы разгромили несколько дней назад. Всё-таки ты сумел приползти сюда и отомстить за себя. Выходит, очень плохо мы осмотрели округу, коль не заметили тебя. Как же так! Ведь этого не должно было случиться... Я повинен в смерти Бартаза! Только я один! По моему недоброму взгляду произошла беда... – стоя у тела врага, прошептал Кантар.

Он с яростью пнул согдийца, плюнул ему в спину и зашагал обратно.

Обмыв тело Бартаза, воины погрузили его на скакуна, захватив всё оружие, и отряд двинулся к селению. Кантар, отстав, бережно взял мёртвую птицу и, взойдя на вершину холма, расстелил шкуру из шалаша и положил на неё тело орла.

Всё племя вождя Донгора прощалось с юношей по имени Бартаз. Весь народ – от малых детей до старцев – собрался у его могилы. Горю людскому не было предела. Облачённый в новые сияющие воинские одеяния, подобно полководцу, он был предан земле как истинный вождь и потомок вождя. Его друзья-ровесники семь дней не отходили от кургана, не принимая ни воды, ни пищи. На восьмой день поутру их, обессиленных и измождённых, уносили на руках отцы. Донгор десять дней в одиночку просидел под деревом, где не так давно в своём старом шалаше обитал и охотился со своей верной птицей, другом по имени Хора, его единственный младший брат, которого теперь не стало.

Г Л А В А П Я Т А Я

Дассария вместе с вождём Цардаром и всеми людьми расположился в одном из удобных тенистых урочищ, отступив на безопасное расстояние от греческой дороги, как стали меж собой называть её саки, и выставив вдоль неё скрытные дозоры, чтобы следить за продвижением войск. Заколол пару лошадей, накормил воинов и, на второй день пребывания в этом месте снабдив запасом мяса, направил по всей сакской земле восемь отборных отрядов, во главе каждого из которых поставил наиболее опытного десятника, в том числе и из племени Цардара. Цель для них была поставлена одна – найти сородичей и сообщить всем вождям о том, что правитель земли массагетов и тиграхAUDов призывает их к себе с войсками для противостояния иноземцам. Теперь оставалось только ждать, накапливая сведения о противнике.

* * *

Феспид, происходивший из довольно богатого и весьма знатного рода и являвшийся представителем аристократической македонской семьи, которая с самого начала поддерживала Александра, одним из первых был зачислен в ряды его конницы – нового вида войск, созданного царём Македонии Филиппом II. С той далёкой поры миновало очень много лет, и теперь, пройдя почти половину мира под предводительством самого царя Александра III, он уже стал командовать большим отрядом

конных катафрактариев. Ранее существовавшее построение войск фалангами – тесно сомкнутыми многорядными шеренгами тяжёлой пехоты – очень удобное в применении на равнине и имевшее на ней сокрушающую мощь, отныне, с вступлением их в гористую местность, стало непригодным. С этого времени все войсковые подразделения были реорганизованы и раздроблены на более приемлемые и эффективные в действиях небольшие отряды, способствующие своей мобильностью выполнению самых активных операций в новых условиях. Умение принимать самостоятельные решения, развитое в полководцах в результате постоянных требований царя, отныне имело особенное значение, так как во всех густозаселённых областях, бывших персидских сатрапиях, расположенных на северо-востоке державы, местное боеспособное мужское население значительно преобладало над армией Александра, в результате чего она была как никогда уязвима и подвержена многократно возросшей опасности.

Наряду с этим определённые неудобства представляло как своеобразие здешней природы, так и устои и обычаи проживающих в этих краях народов, отчего приходилось спешно менять отдельные устоявшиеся правила, обретать иные навыки, привыкать к переменам и приноравливаться к вновь возникшим жизненным требованиям. Из далёких родных земель по приказу Александра постоянно прибывали новые воинские части, подкрепления, состоящие из новобранцев. Почти во всех завоёванных им согдийских городах по-прежнему царило недовольство присутствием иноземцев, отчего продолжали случаться, хотя и разрозненно, выступления бунтовщиков. Чаще всего они носили спонтанный характер. Силы, бросающиеся на подавление таких бунтов, обычно входили в состав созданных городских гарнизонов. Порой они не могли самостоятельно справиться, и тогда на помощь спешили дополнительные войсковые подразделения, направляемые царём.

Расправа над повстанцами свершалась очень жестоко. Сотни, тысячи и десятки тысяч согдийцев уничтожались в сражениях. Не меньшее их число подвергалось казням и обращалось в рабство. Всюду лилась кровь. Пленённые крепкие мужчины

под усиленной охраной направлялись на строительство города Александрия Крайняя, заложенного царём на берегу реки Яксарт, в её самой южной излучине. Нескончаемыми потоками рабы продвигались по земле к указанному месту, сливаясь там в одну кишасщую массу, занятую непосильным трудом, ещё не ведая о том, в каком творении принимают участие, с чем довелось им соприкоснуться, к чему приложили свои руки и для чего отдают последние силы. Сам Александр III, одержав победу в одном из наиболее крупных сражений с согдийцами, в котором его войскам противостояла почти тридцатитысячная хорошо вооружённая армия повстанцев, занявшая оборону на высокой и неприступной скале, названной впоследствии его людьми «согдийская скала», неотлучно находился в лагере у возводимого города.

Усиленные отряды конных катафрактариев днями и ночами напролёт надёжно оберегали все подступы к ставке царя, а также все пути, ведущие к Мараканду и другим наиболее значимым поселениям Согдианы. Сведение о том, что уже произошло кровавое столкновение с племенами кочевников-саков, своевременно было доведено до царя, в связи с чем были значительно укрупнены все сторожевые части вдоль границ. Одним из таких отрядов, который размещался от ставки на расстоянии, равном ста пятидесяти стадиям, и командовал Феспид. Сегодня его вызвали в главный лагерь для получения пополнения из воинов, прибывших с родины. Сотня, приданная его полутысячной коннице, была весьма значимым дополнением, но теперь менялись и задачи, поставленные перед ним. Сразу по прибытию к своим войскам ему следовало скрытно вступить в сакские земли, дабы провести там тщательную разведку и как можно больше узнать о численности и сосредоточении сил неприятеля.

Наметив начало похода на третий день после проведения подготовки, полководец Феспид собрался было более тесно пообщаться с вновь прибывшими, чтобы, прежде всего, узнать как можно больше о событиях, происходящих в родных краях, но присланный к нему срочный гонец оповестил о немедленном выступлении.

Верховному правителю Дассарии начальники дальних дозоров подробно докладывали, что отряды грека Ксандра стали всё чаще появляться на вновь возникшей границе, постоянно контролируя проходящую по ней дорогу, день и ночь неустанно следуя в обоих направлениях. Он понимал, что такое оживление связано с произошедшим двадцать дней назад первым столкновением с ними отрядов вождя Цардара, и теперь ясно осознавал, что подобного поражения они впредь не допустят.

Чардад, оповещённый о встрече с Цардаром, три дня назад прислал ещё пять сотен воинов, прося разрешения прибыть самому, на что Дассария ответил отказом, повелев ему, как прежде, оставаться на месте и оберегать женщин и детей.

В наступивший полдень небо заволокло тучами, и на землю обрушились тёплые дождевые потоки, перешедшие к закату в прохладную морось. Натянув навесы между деревьями, воины отдыхали у костров, ведя меж собой тихие разговоры и по привычке проверяя всё оружие и отлаживая снаряжение. В небольшом отдалении от места их расположения под охраной целой сотни паслись лошади, набираясь сил от сочных густых трав.

– Да, если бы не пришлые греки, можно было бы начать хорошую жизнь. Много всего худого, порой почти невыносимого случилось... Столько невзгод, ненастья и голода, что даже вспоминать не хочется. Все, кто остался на этой земле живыми, достойны другой, лучшей участи, но враг, пришедший как никогда некстати, вновь угрожает нашему народу, и без того ослабшему и разбросанному по всем этим необъятным просторам, – оглядывая с вершины холма округу, произнёс Дассария, вдохнув всей грудью вечернюю свежесть.

– Прошло столько дней, а от наших гонцов пока нет никаких вестей. Как думаешь, правитель, где наши племена? – угадывая думы Дассарии, спросил находящийся рядом с ним Цардар.

– Я прошёл вдоль всех ближних берегов Яксарта, но, к сожалению, не нашёл там никого. Даже с тобой тогда не довелось мне повстречаться. Ты же знаешь, что это было давно. Полагаю, что все ушли на восток и оттуда уже повернули на север, ближе к под-

ножьям гор. Спасение могло быть только там. Хотя те края не изведаны нами, и оттого очень опасны. До этой поры, насколько мне известно, туда никто из саков не ходил. Нужды в том не было. Слишком далеко они находятся, да и кто там обитает, нам неведомо. Я очень надеюсь, что обратная дорога для них всё же осталась открытой, – вздохнув, задумчиво ответил Дассария. – Нужно ждать. Иного нам не дано.

– Правитель, лазутчики сообщили, что грек Ксандра начал и ведёт какое-то крупное строительство у реки. Что, по-твоему, он задумал?

Цардар стоял сбоку от Дассарии, всматриваясь ему в лицо в ожидании ответа.

– Не знаю, Цардар. Подойти ближе к нему у нас пока нет возможности. Слишком много войск собрал он в том месте. Язык их мы не понимаем, вот что плохо для нас. Думаю, нам эти его работы не сулят ничего хорошего. То, как он оберегает все подступы, о многом говорит. Боюсь, что он укрепляется там и уже оттуда собирается пойти в наши земли. Мне бы хоть одним глазом увидеть творящееся там... Вот об этом я мечтаю больше всего! Пройти туда с боем мы не сможем. Мало нас пока. Эх, собраты бы нам всем поскорее, вот тогда бы мы всё успели сделать и не дали бы ему закрепиться в такой близости от наших земель! Ну ничего, дай нам только срок. Мы ещё посмотрим, насколько крепко и долговечно это его новое становище. Всему однажды наступит своё время и подойдёт нужный черёд, – взглянув на Цардара, Дассария сжал кулаки и прикрыл веки.

Скользя по траве, падая, скатываясь и спешно и суетливо поднимаясь, к ним на вершину, тяжело дыша, взобрался сотник Дуйя и сообщил:

– Правитель, прибыл срочный гонец от одной из наших самых дальних разведок. Он внизу ожидает тебя.

– Ну наконец-то дождались, – кивнув Цардару, Дассария устремился в лагерь.

Прибывший вестовой доложил о том, что к полуночи подойдут тридцать сотен вождя южного племени Кардаура, внука вождя Суссанга. Дассария ещё не успел как следует выразить

слова благодарности, лишь наспех одарив его мечом, как сотник Фарх доложил о прибытии в лагерь ещё троих вестовых.

– Эдак у меня и оружия не хватит на дары всем, – явно повеселев, пошутил верховный правитель, направляясь к ним на встречу.

– Найдём для каждого, только бы вести были достойными, – улыбнулся Цардар.

Под одним из навесов у костра, протянув к нему ладони, сидели озябшие гонцы. Увидев приближающегося правителя, они тут же повскакивали с мест и, став рядом, молча приветствовали его, склонив головы.

– Принесите еды и плащи, – осмотрев их, повелел Дассария. Несколько воинов мгновенно исполнили приказ.

– Правитель, позволь говорить нам, – по-прежнему стоя, держа плащ в опущенной руке и даже мельком не взглянув на пищу, обратился к вождю один из вестовых.

– Присядьте. Грейтесь и докладывайте, – предложил Дассария.

Неуверенно посмотрев на своих товарищей, стоящих по бокам, гонец простуженным голосом начал:

– Правитель, на заре к тебе прибудет вождь Бомпа, – он замолчал, сдерживая подступивший кашель, затем продолжил: – Внук вождя Лидибора. Он ведёт с собой двадцать пять сотен.

– Правитель, а ближе к полудню должен подойти и вождь Урбенч, внук вождя Дончу. С ним будет тридцать сотен, – произнёс совсем юный воин, что находился справа.

– И у меня есть подобная весть, правитель, – кашлянув в кулак, сообщил третий. – К этому же сроку с пятьюдесятью сотнями должна прибыть и воительница Усанна.

Услышав последнее имя, Дассария удивлённо повёл бровью и взглянул на Цардара. Тот растерянно пожал плечами.

– Кто это, Усанна? – спокойно спросил Дассария.

– Прости, правитель, но вождь Талантар умер, а Усанна – его единственная сестра. Внучка вождя Зембы, – пояснил гонец.

– Вот как! Да упокоится с миром душа доблестного вождя Талантара! Прими её достойно, великое небо! – тихо произнёс верховный властитель.

Словно эхо его слова повторились устами Цардара.

– Добрые, важные вести принесли вы мне. Ну а это примите от меня за всё, что вы сделали, за труды ваши, – Дассария повернул голову, и ему тут же подали три новых меча. – Не обессудьте за столь малые дары. Не те времена.

С небольшим опозданием от срока, указанного гонцом, прибыл только вождь Бомпа, внук вождя Лидибора.

Ещё со времён великого хромого властелина массагетов Дантала, ценою своей жизни в честном сражении покорившего племена тиграхаудов, власть в племенах передавалась по наследству, причём называя имя правящего вождя, как это велось с давних пор в сакской земле, обязательно упоминали и имя его предка, наиболее отличившегося при жизни.

* * *

В течение следующих десяти дней с войсками к верховному правителю Дассарии прибыли вожди Бурдаш, Тынгир, Елемар, Мелисар, Донгор и Пунт, внуки прославленных вождей Спура, Винсары, Бандосара, Такмара, Клибера и Бадрата.

Ни одного из восьми вождей племён тиграхаудов найти не удалось.

Судя по докладам десятников всех дозорных отрядов, направленных на их поиски, те увели своих людей далеко на север, следуя по неизведанным восточным предгорьям протяжённой гряды.

Призвав к себе вождя Чардада с его двадцатью пятью сотнями и имея под рукой почти сорок тысяч своих воинов, Дассария стал усиленно готовиться к войне с греком Александром, но он не обладал даже приблизительными данными о численности греческих войск и решил во что бы то ни стало добыть эти сведения, дабы не подвергать смертельной опасности остатки своего народа.

* * *

Феспид тем временем уже второй день вёл свой отряд на северо-запад по земле кочевников-саков. Разбив людей посо-

тенно и находясь с сотней недавно прибывших в самом центре построения войск, где также были все лошади, загруженные необходимым снаряжением, провиантом и лёгкими палатками, он с пяти сторон от себя на обозримом отдалении расположил все остальные сотни.

День обещал быть ясным и жарким, отчего и без того тяжёлые доспехи казались невероятно громоздкими и тесными. Ближе к полудню солнце палило нещадно, и люди, пытаясь остудить разгорячённые тела, смыть липкий пот и хоть как-то освежиться, всё чаще снимали шлемы и обливались заметно теплеейшей водой.

Местность была холмистой и почти оголённой. Лишь изредка у подножий высоких курганов им попадались небольшие тенистые урочища. По команде полководца вскоре встали на отдых, сохраняя установленное расположение.

Феспид объехал отряды и, убедившись, что всем развезли еду, вернулся обратно и сел у своего костра, разведённого под навесом у маленькой речушки, что журчала в узкой ложбинке среди редких деревьев с извилистыми тонкими стволами и пышными ветвистыми кронами. Во избежание обнаружения кем-либо издали, на расстоянии, по дымкам от костров, воины разводили огонь под низкими небольшими навесами, натянутыми за углы на короткие копыя, дабы поднимающаяся вверх копоть быстро рассеивалась и не была видна со стороны. Как обычно, быстро приготовленную сытную пшённую и ячневую кашу они закусывали хлебом и запивали разбавленным вином. Парные дозорные окольцовывали стан, зорко осматривая все подступы к нему.

Феспид сидел на походной скамье, мелкими глотками отпивая вино из красивого серебряного кубка, и поглядывал на воинов, прислушиваясь к их разговорам. Новички, те, что находились вокруг него, вели себя очень напряжённо, взволнованно, ели нехотя, больше задавая вопросы своим командирам о повадках саков, проявляя повышенный и очень настороженный интерес ко всему, что касалось воинской мощи кочевников и относилось к их тактике ведения войны. Это было понятно, так

как новобранцы в большинстве своём не могли иметь особого военного опыта, кроме участия в подавлении мятежей после краткосрочной подготовки в тренировочных лагерях. Однако Феспид в душе был недоволен поведением новых воинов и особенно состоянием их духа. Он подолгу наблюдал, пытаясь определить среди них наиболее сдержанных, уверенных в себе и неподатливых воцарившемуся лёгкому паническому восприятию действительности, желая со временем вокруг них создать костяк этого отряда. Слухи о том, что саки невероятно сильны, воинственны, неуязвимы и непобедимы и что каждый из них без особого труда способен в бою одолеть несметное число противников, распространялись среди молодых людей с молниеносной быстротой, пагубно влияя на их настроения и в первую очередь воздействуя именно на таких, вновь прибывших воинов, наиболее подверженных всевозможным толкам.

«Кажется, вот этот из тех, кто крепок духом. Ни с кем не ведёт пустых разговоров. Молчун. Себе на уме. Да и отсутствием аппетита не страдает, как другие. Похоже, несмотря на ещё юный возраст, он достаточно хладнокровен. Или я ошибаюсь? Может, он попросту нелюдимый человек?» – подумал полководец, внимательно разглядывая воина, что сидел в кругу других под ближним к нему навесом. Тот, отламывая куски, ел хлеб, видимо, даже не ощущая его вкуса, и как-то отчуждённо смотрел на огонь, словно всё, что творилось вокруг, его не касалось и для него не существовало.

«Сложением он явно превосходит многих. Снаряжён добротно. Но вид у него всё-таки странный. Он или всецело погружён в какие-то свои думы, или же это напускное безразличие? Трудно понять. Нужно ещё раз заглянуть в военный список. Что-то не помню я его данных, кто он и с какого военного округа призван в войска». Феспид почувствовал нарастающий интерес к этому новичку, где-то в глубине души улавливая некую потаённую силу, исходящую от него. Решив при первом же удобном случае ещё разок просмотреть и сверить посписочные сведения со всеми прибывшими, он подал сигнал к завершению отдыха.

Дассария отныне больше не таился и разбил огромный лагерь по всем требованиям военного положения, направляя несметное число лазутчиков в земли, захваченные греками. Сведения, получаемые от них, к сожалению, были скудными и однообразными. Всюду они натывались на отряды врага и, как ни старались, даже приблизительной информацией о его дислокации овладеть не могли. Из их донесений у правителя никак не складывалось хотя бы общего представления о численности греческих войск.

– Доблестные вожди! Время, о котором мы мечтали, наступило. Но не всё сложилось так, как мы хотели. То, что нас вновь объединило и собрало здесь, вовсе нам не по душе и не по нашим помыслам, но всё, что нам неуютно, будет уничтожено нами. Так было всегда! – начал Дассария, окинув взглядом сидящих вокруг костра вождей. – Очень жаль, что после долгих лет ненастья, потерь и скитаний мы оказались перед новым испытанием. Сильный, доселе не изведанный многочисленный враг вторгся в соседние страны. Он уже и в нашей степи и угрожает нам в землях наших предков. Такого никогда не было прежде. Славные наши отцы и деды никому не позволяли посягнуть на вольную жизнь в родных краях. Мы же не допустим этого ни теперь, ни впредь! Нам суждено остановить иноземцев, пресечь продолжение их похода и изгнать навсегда. Случиться ещё одному горю я не позволю! Нас не так много, но мы все свободные саки, и покорность кому бы то ни было для нас чужда. Стоять здесь, терпеть вторжение и не знать о том, что замышляет грек Ксандр, я больше не намерен. Да, пока от наших лазутчиков мало проку. Врагу удаётся держать нас в неведении относительно своих сил и планов, но так не может продолжаться долго, и очень скоро мы будем знать о нём всё. – Дассария перевёл дух. – Я, как и вы, понимаю, что доброго прошлого уже не вернуть. Оно будет живо в нашей памяти, всегда своим теплом поддерживая в трудную пору уставшие души, но польза от него в нашем положении ничтожно мала. Нужны решительные действия. Теперь, как никогда, свя-

то только одно – наше единение. Пока мы есть под этим небом и пока мы вместе, никто не посмеет завладеть ни могилами наших родичей, ни нашими семьями, ни пастбищами и родниками, принадлежащими всем нам. Этому не бывать никогда!

Он ненадолго замолчал, цепким взором всматриваясь в лица сидящих, затем продолжил:

– Во главе с вождём Цардаром, вожди Тынгир, Елемар, Мелисар и Пунт, со своими войсками двинетесь поутру на восток, к реке, перейдёте её и с северной стороны от излучины встанете там одним лагерем. Самим битвы не начинать. В случае переправы врага на ваш берег отступите, нанося урон ему издали. Если вам удастся заманить его отряды вглубь, то можете вступить с ними в сражение, но только лавами. Оттесните его обратно, но за ним через воду не идите и останьтесь на прежнем месте. Я с остальными воинами буду находиться здесь. Что будет дальше и как действовать вам, вы узнаете от моих гонцов. Я всё сказал.

Вожди поднялись, молча склонили головы и удалились. С Дассарией остался Чардад.

– Что ты задумал? – спросил он правителя.

– Скоро мне нужна будет твоя помощь, и ты всё поймёшь, – ответил тот.

На заре, проводив войска, верховный правитель долго смотрел им вслед, и лишь когда их не стало видно, развернулся к оставшимся вождям:

– Дозоры донесли, что в небольшом отдалении от нас находится большой греческий отряд, более чем полутысячная конница. На этот раз они вошли очень далеко в наши земли. Похоже, это неспроста. Видимо, пытаются разведать как можно больше о нас. Я тоже хочу узнать о них всё, и поэтому сам двинусь поближе к ним и поведу с собой лишь две сотни. Вождь Чардад заменит меня здесь. Выступаю на закате.

Больше не сказав ни слова, он тронул коня и направился к лагерю.

* * *

В полдень Дассария, сидя у своего костра, пригласил Чардада. Тот, пребывая в ожидании разговора с верховным правителем, тотчас же явился, желая услышать о его задумках, всем нутром предчувствуя их важность и далеко идущие последствия.

– Чардад, то, что я скажу тебе, должно остаться между нами. Сотники Дуйя и Фарх пойдут со мной. Их, наверняка, ты больше никогда не увидишь, – Дассария пристально посмотрел в глаза друга. – Прости меня, но такова будет цена всего задуманного. Другого выхода не вижу. На греческого скакуна погрузи доспехи, шлем и оружие их воина, из тех, что захвачены Цардаром. Подбери для меня. Ничего не упусти. Я уйду раньше и уведу коня с собой. Ближе к вечеру сам выведешь сотни из лагеря и отправишь на запад. Я буду ждать темноты и встречу их на пути. Так надо. Ну а теперь о самом главном. Незадолго до выступления мы с тобой направимся в ту же сторону. Я говорил тебе о своей просьбе. Вот ты и исполнишь её для меня. Ни о чём больше не спрашивай. С ушедшими вождями держи частую связь. Что бы ни случилось в моё отсутствие, постарайся в войну не вступать. Жди меня, как бы долго ни пришлось делать это. Все племена собраны на прежнем месте, у моей ставки. В случае крайней необходимости отступи в том направлении, но врага не пропусти.

– Повинуюсь, правитель, – растерянно прошептал Чардад, не сводя глаз с лица Дассарии, пораженный услышанным.

– Да, вот ещё что. Своего коня я оставляю там, где встречу сотни. Забери его, – отведя задумчивый взор от вождя, тихо добавил Дассария. – Ну а это береги пуще жизни. Здесь символы власти верховного правителя.

С последними словами Дассария встал, подошёл к Чардаду и протянул ему небольшой увесистый кожаный мешок.

* * *

Ближе к вечеру Чардад вновь появился у костра верховного правителя.

– У меня всё готово, правитель, – сообщил он.

– Идём. Пора, – тихо, но твёрдо произнёс Дассария, накинув на себя длинный плащ, затем осмотрелся вокруг, скользнув взором и по небосводу.

Греческий конь явно сторонился сакских скакунов и, натянув до предела короткую верёвку, бил оземь копытом.

– Ишь ты, какой норовистый! – увидев его поведение, как-то обыденно и почти шутливо заметил Дассария, подходя к своему скакуну, от которого в трёх шагах на привязи стоял подготовленный закладной.

Воин, державший его скакуна под уздами, почтительно склонил голову, а когда верховный правитель ловко запрыгнул в седло, передал ему поводья и отступил.

Дассария направился из лагеря и вскоре покинул его пределы. Чардад следовал рядом, украдкой напряжённо поглядывая на правителя. Тот был спокоен и лишь изредка склонялся к гриве своего любимчика, поглаживал его по шее. Продвигались они молча, иногда озираясь по сторонам и всматриваясь в холмистую местность. Прошли повстречавшийся ближний дозор. Дассария повернул к кургану, подступил к поросшему кустарником подножью, оглянулся, внимательно осмотрел округу, затем спешился.

– Вот здесь и попрощаемся с тобой, Чардад. Сюда приведёшь мои сотни, – он выбрал подходящую ветку и накинул на неё поводья, потом приблизился вплотную к голове своего скакуна, заглянул в глаза, провёл ладонью по его лбу и отошёл к закладному коню, чтобы снять с него мешки со снаряжением.

С помощью Чардада примерил на себя греческие доспехи, надел шлем и поножи, повертел в руках меч и копьё, осмотрел щит и лук и, довольно кивнув, снял панцирь и остался по пояс раздетым.

– Давай разведём огонь, – предложил он, собирая хворост.

Вскоре запыхал небольшой костёр.

– Иди за мной, – позвал Дассария.

Они отошли чуть в сторону. Чардад исполнял всё сказанное им, но ничего не понимал.

– Обнажи свой меч, – остановившись и повернувшись к другу, повелел Дассария, вертя в руке копьё, словно желая нанести им удар. – Бей меня вот сюда. – Остриём он указал на правую область груди. – Да не смей жалеть! Крепко ударь. Если я вдруг потеряю сознание, то в первую очередь останови мне кровь. Прижги рану, посыпь её пеплом и смажь жиром. Он там, в притороченном мешке. После этого обязательно приведи меня в рассудок. Чардад, ты всё понял? Так приступай!

Дассария резко ткнул в его сторону своим копьём, призывая к началу странного поединка.

Чардад вытащил меч, выставил его перед собой, расставил ноги, подался вперёд и стал плавно продвигаться, по привычке пытаясь обойти его сбоку.

– Ах вот ты как! Хочешь мне за спину зайти? Ничего у тебя не выйдет, – оскалился Дассария, подзадоривая друга на решительные действия.

Не видя лица правителя, полузакрытого забралом, Чардад и в самом деле стал воспринимать его как врага. Он уже не думал над тем, для чего всё это нужно другу, зная и помня лишь об одном – нужно ударить в грудь. Дассария выжидал, по мере продвижения Чардада поворачиваясь к нему лицом. Сообразив, что тому мешает копьё, подкинул оружие на руке, занёс над плечом и метнул. Быстро пригнувшись и отбив мечом в сторону тяжёлое орудие, летевшее прямо в голову, Чардад сделал сильный выпад и, нанеся удар в грудь Дассарии, отскочил. Правитель пошатнулся, прижал ладонь к ране и опустился на колено.

– Как ты? – подскочив к нему, встревоженно спросил Чардад, присаживаясь.

– Хороший удар... – прохрипел Дассария и повалился на спину, раскинув руки.

– Эх, что ты задумал! Я мигом, потерпи немного, – подобрав брошенный меч, Чардад побежал к костру.

* * *

Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, когда Дассария открыл глаза. Он лежал у огня на разостланной шкуре, прикрытый плащом. Рядом сидел Чардад.

– Я похвалил тебя или не успел? Что-то уже не помню, – улыбнувшись, прошептал Дассария, повернув к нему голову.

– Лучше б ты наказал меня, – склонившись над ним, недовольно буркнул Чардад. – Как ты?

– Вроде всё хорошо, – приподнимаясь, ответил Дассария.

– Давай вместе вернёмся обратно. Ты неважно выглядишь. Видишь, всё задуманное уже стало опасным для тебя, а что будет дальше, когда окажешься вдали от нас? – помогая ему, попросил Чардад. – Для какого дела ты такой сгодишься-то теперь? Рана глубокая. Переусердствовал я, прости.

Дассария сидел, чувствуя сильную боль во всей груди. Он попытался шевельнуть правой рукой, но тут же понял, что пока это невозможно.

– Возьми панцирь и очень точно на уровне моей раны пробей его мечом и изнутри замажь кровью, – тихо повелел он.

– Что ж ты в нём сразу-то не стал биться? – удивлённо спросил Чардад.

– Тебя не хотел утомлять. Не так бы всё получилось. Не рассчитал бы ты удара, а так в самый раз вышло, – откидываясь, ответил Дассария.

Чардад ушёл. Послышался приглушённый скрежет. Вскоре он вернулся, бросил под ноги панцирь, присел на землю у самого изголовья Дассарии, мотнул головой и тихо произнёс:

– Ты верно сказал. Даже не знаю, что бы получилось, будь на тебе он.

– Вот видишь, я прав оказался. Впредь будешь знать. Нужно бы наших воинов обучать на этих снаряжениях, – как-то злобно произнёс Дассария.

– Позволь, я пойду с тобой? – взглянув на него, вновь попросил Чардад.

– Нет. Это мой путь. Не обессудь. Смотри, как быстро темнеет. Тебе скоро нужно будет уходить. За меня не волнуйся. Я постараюсь справиться со всем, что предстоит мне пережить, – жестко ответил Дассария и, поджав колени и упираясь левой рукой в землю, вскочил на ноги. – Сними с меня это, чем перевязал меня. Помоги надеть панцирь и отправляйся в лагерь.

– Повинуюсь, правитель.

Звёздное небо тускло освещало сумрачную вечернюю долину. Где-то далеко низко над землёй зарождалась луна. Чардад вёл за собой две сотни. Рядом с ним, придерживая скакунов, находились Дуя и Фарх. Вскоре они заметили одинокого всадника, неподвижно стоящего у них на пути. В нескольких шагах от него паслась лошадь.

– Правитель ждёт вас, – кивнув в сторону Дассарии, пояснил Чардад.

Сотники вытянулись в сёдлах, оглянулись на воинов, направляя оружие.

«Очень сожалею, что не смогу с вами проститься, как подobaет делать это в нашей степи со всеми уходящими на смерть. Вы оба и все ваши воины – самые доблестные сыны своей земли. Уготованная судьба вам неведома, но, видимо, ниспослана вечным небом именно для вас. Всё в его воле и власти. Простите нас за это, если сможете», – взглянув внимательно на сотников, с болью в душе подумал Чардад.

Подняв руку, чтобы остановить войска, он вместе с сотниками приблизился к верховному правителю, склонил голову и произнёс:

– Правитель, я исполнил твоё веление.

Дассария кивнул, но с места не тронулся. На его плечи был накинута длиннополый сакский плащ, скрывавший под собой греческое снаряжение. Голова оставалась непокрытой, отчего длинные волосы развевались на лёгком ветру.

– Вождь Чардад, возвращайся обратно. Ты знаешь, что делать дальше, – развернув скакуна, Дассария повёл его шагом, отдаляясь.

Повернув в сторону и пропуская мимо себя войска, Чардад смотрел в спину Дассарии.

– Да сохраняют тебя небеса!

Когда сотни исчезли вдали, он подхватил поводья оставленного другом скакуна и повёл его за собой.

Феспид с наступлением ночи встал для отдыха огромным лагерем на пологом берегу небольшого озера, расположенного посреди равнины. Тихая водная гладь лишь изредка покрывалась дрожащей мелкой рябью от набегавшего на неё лёгкого ветерка, оживая и серебрясь лунно-звездными отсветами, плавно накатывая шелестящим всплеском на травянистую сушу, подступавшую вровень к её поверхности. Почти вся долина очень хорошо проглядывалась во все стороны даже в тёмное время суток, казалось бы, весьма неудобное для наблюдения. На довольно большие расстояния всё было видно как на ладони, отчего это место, выбранное полководцем для ночёвки войск, оказалось удобным в стратегическом плане: ничто не мешало круговому обзору, и поэтому никто посторонний не смог бы незамеченным приблизиться к стану.

Всюду на каждый десяток воинов разожгли костры. Над землёй, постепенно окутывая прозрачной кисеей всё побережье, потянулся белёсый дымок, кисловатый запах которого поначалу лишь слегка смешивался с ароматом варимых в котлах каш, а затем и вовсе насытился им. С наступающей прохладой озеро стало остывать и ожило едва уловимым испарением, а ближе к полуночи над ним за клубился невесомый пар, плавно растекавшийся по округе мутноватым туманом. Заметно посвежевший воздух, к этому времени уже густо пропитанный влагой, вдыхался людьми с особым удовольствием, взбадривал их души и остужал перегретые за день тела. Под бдительным присмотром охраны, нарушая тишину похрапыванием, в стороне паслись кони. Лагерь погрузился в сон, и только частые дозорные тройки укутавшихся в плащи воинов несли службу, расположившись на равном отдалении от стана.

Привычно закинув руки за голову, Феспид лежал у полыхающего огня под небольшим, но удобным навесом, вглядываясь в звёздное небо за краями полога и удивлялся тому, что оно в этих краях такое высокое – иное, нежели на его родине, где бездонная синева так низко нависала над землёй, будто в любой момент могла упасть на неё, и если бы не горы, что своими

вершинами удерживали её от падения, всё случилось бы именно так. Здесь даже звёзды казались ему слишком маленькими, очень холодными и недостижимо далёкими.

Поёжившись то ли от своих мыслей, то ли от прохлады, он подтянул к груди плащ и прикрыл веки, стараясь уснуть, но сон не шёл, и тогда он вновь открыл глаза, но уже не смотрел в небо и перевёл взор на полог, на котором игриво мерцали отблески тихо потрескивающего огня.

«Узнать бы, как там мать моя поживает? Наверное, извелась, ожидая моего возвращения? Старенькая уже она стала у меня. Да и не очень здорова. Хорошим самочувствием, сколько я помню её, она никогда не обладала. Вот это и плохо. Доведётся ли мне увидеться с нею когда-нибудь? Ну да ладно, ничего не поделаешь. Никогда не следует помышлять о худом, будущее само всё покажет. Много, очень много разных даров отсылаю я к ней, но никакая роскошь, к великому сожалению каждого человека, не может приостановить и тем более продлить течение его лет. Думаю, что при больших богатствах гораздо приятнее, удобнее и увереннее жить в молодые и особенно в зрелые годы, пока во всех твоих порывах главенствует твоё сильное тело, а на закате жизни всего важнее твоё душевное спокойствие и ясное осознание того, что прошлое твоё было не напрасным и протекло с пользой как для тебя, так и для близких тебе людей. Интересно, если мама не спит в это время, о чём она сейчас думает? Может, так же, как и я, она смотрит на эти звёзды и тоже вспоминает обо мне? Нет, вот этого совсем не нужно. Пусть уж лучше отдыхает её исстрадавшаяся душа, да и сердце её натруженное ни о чём не печалится». Откинув плащ, Феспид порывисто присел, устало протёр глаза ладонями, потянулся за кубком, налил в него своего любимого терпкого вина и сделал большой глоток.

Он ещё не успел опустить посудину рядом с собой, как к нему подбежал начальник отряда охраны, указал рукой на восток и встревоженно доложил о замеченных им всадниках.

– Стесагор, всех военачальников ко мне. Поднимай лагерь. Тушите огни. Расположений отрядов не менять. Быстро исполнять все мои приказы, – тут же вскакивая, распорядился Феспид.

Вскоре лагерь ожил, зашипели и мгновенно потухли костры, ни единой искоркой не напоминая о своём недавнем существовании. Отовсюду послышались топот ног и бряцание оружия. Берег погрузился во мрак, скрывавший большое войско.

– Похоже, с востока приближаются саки. Замечен их дозор. Терсит, ты со своим отрядом отойдешь недалеко на север и прикроешь наш левый фланг. Мильтиад, отведи свою сотню южнее и встань на правом фланге. Лабдак, ты остаешься в тыловой охране. Всех своих людей расположи с двух сторон от озера. Следи за подступами к дальнему берегу. Они могут обойти нас и появиться оттуда. Стесагор в резерве. Ктесибий, выдвинься вперед, примешь удар на себя. Возьми немного в сторону и встань по левую руку от меня. Ты же, Гермагор, со всеми своими новобранцами будешь находиться здесь, со мной. Все по местам, – обращаясь к полководцам, определил позиции Феспид и запрыгнул на подвешенного скакуна.

Отряды быстро разошлись в указанных направлениях.

* * *

Далеко за полночь Дассария был оповещен дозорными об обнаружении большого греческого отряда, разбившего лагерь перед озером. Чувствовал он себя прескверно. Слова подлетевшего к нему десятника доносились до слуха слабо и неотчетливо, будто бы откуда-то издали, очень приглушенно и расплывчато. Не сразу он понял сказанное. Сомнений в том, что это именно те войска, о которых сообщили прежде его лазутчики, у него не было. Ему становилось всё хуже и хуже, и теперь уже каждый шаг его скакуна, каждое его движение вспышкой пронзительной боли отдавались во всем его теле, терпеть которую ему было значительно труднее и невыносимее, нежели это было раньше, отчего шум в его голове нарастал всё сильнее, а учащенное биение надрывало сердце. Порой ему казалось, что переполненные кровью виски, не выдержав напряжения, очень скоро разорвутся. Мысли стали путаться. Внутри всё горело, превращая дыхание в жаркие, судорожные всхлипы. Сознание потеряло свою обычную

чёткость, а мысли наплывали какими-то путаными обрывками. Только неимоверным усилием негаснущей воли, подерживаемой взвинченным до предела закалённым стойким духом, он удерживался в седле и шёл вперёд, ведя воинов к намеченной цели, которую ещё чудом помнил и, сам того не замечая, повторял шёпотом:

– Я сделаю это... Обязательно сделаю...

Услышав его слова, но не сумев разобрать их, сотник Дуйя приблизился вплотную и тихо произнёс:

– Правитель, прости, не расслышал твоего веления.

С трудом повернув голову в его сторону, но не видя в темноте того, кто находился рядом и что-то сказал, Дассария коротко бросил:

– Сотников ко мне.

– Правитель, это же я, сотник Дуйя. Сотник Фарх тоже здесь, возле меня, – услышав приближение всадника и поняв, что это Фарх, отозвался сотник.

– Дуйя, ты со своими людьми ударишь слева. Фарх – справа. Я двинусь на вражеский центр с дозорным отрядом. Немедля исполнять! – едва разлепляя пересохшие губы, отдал им приказ верховный правитель.

– Но, прости меня, правитель, я не очень понял, ведь дозорный отряд – это всего десять воинов! – неуверенно попытался возразить Дуйя.

– Дуйя, не смей перечить мне! Время дорого. Мне хватит этого десятка. Я всё сказал. Исполняйте, – прервал его Дассария, стараясь беречь силы.

* * *

Саки с диким воем налетели на фланговые отряды Феспиды.

Ктесибий, ожидавший нападения основных сил в центре построения, услышав атакующий клич кочевников с боков от себя, но не видя врага перед собой, был удивлён избранной им тактике и недоумевающе вертелся на коне, всматриваясь туда, откуда, по его мнению, противник должен был ударить в первую очередь.

Полководцы Терсит и Мильтиад вступили в сражение. Недолго думая, Ктесибий в спешном порядке разделил всех своих людей на две равные части и направил оба полусотенных отряда к ним на помощь, сам же возглавил тот, который двинулся к Терситу.

* * *

Дассария остановил коня. Услышав отдалённые звуки начавшейся битвы и потухающим сознанием понимая, что сотники Дуйя и Фарх уже столкнулись с греческими войсками, он из последних сил прохрипел:

– Вперёд!

Десятник, что следовал всё это время рядом с ним, тут же приподнялся в седле, выхватил меч, махнул им в сторону врага и громко выкрикнул:

– За мной!

Все десять воинов дозорного отряда, замершие позади в ожидании велений, сорвались с места вскачь, нахлёстывая плетью своих коней, с грохотом пролетели мимо правителя и, быстро отдаляясь и на полном скаку выстраиваясь в одну линию, устремились прямо к светлеющему вдали озеру.

Дассария, сколько ни силился, уже не мог совладать с собой. Поведя мутным взором по сторонам, но ничего уже не видя перед собой, он сжал непослушными пальцами левой руки край сакского плаща, с усилием стянул его с себя, уронив на землю, затем склонился, взял этой же рукой греческий шлем, который всё время держал на стиге правой, почти онемевшей руки, и надел его на голову. Его иноземный боевой конь, влекомый стадным инстинктом, не получая команд от хозяина, лёгкой трусцой побежал вслед за удалявшимися воинами. Теперь сознание Дассарии окончательно потухло. Мгновенно расслабленное тело подалось вперёд и припало к гриве. Руки висели плетью, болтаясь по бокам от шеи скакуна.

* * *

Феспид всё чаще оглядывался на дальний берег озера. Он видел, что стоявший впереди него Ктесибий не был атакован

врагом и, разделив свою сотню, уже помогает флангам. Опасаясь теперь появления саков сзади, Феспид развернул новобранцев в ту сторону и, проведя коня меж их рядов, выступил перед ними, оказавшись лицом к воде. Внезапно в тылу его отряда послышались крики, и тут же, заглушая их, оттуда донеслись звуки сражения. Он понял, что всё-таки подвергся атаке врага с того направления, где не так давно стоял Ктесибий.

«Эх, рано отошёл Ктесибий. Саки, налетев на оба моих фланга, сумели отвлечь его внимание. Они всё рассчитали правильно. Терпеливо выждав его уход, они скрытно подошли к его прежней позиции. Да, трудно будет мне без него противостоять им, имея при себе только новобранцев. Очень жаль, что Ктесибий, сам того не ведая, невольно оголил весь мой центр. Что ж, ничего уже теперь не исправить, нужно поднять дух новичкам, биться и обязательно опрокинуть врага», – с сожалением подумал он.

Мгновенно оценив ситуацию, Феспид выхватил меч и, выкрикивая боевой клич «Элелеу! Элелеу!», ринулся обратно.

* * *

Десятник, начальник дозорного отряда, направленный Дассарией в атаку в самую последнюю очередь, во главе своей горстки воинов, так и не издав ни единого возгласа, врезался в стоявший на его пути греческий отряд. Первое, что он сразу заметил, очень даже удивило его и одновременно обрадовало. Враг странным образом располагался к нему спиной и явно не ожидал ни его приближения, ни нападения, отчего ему удалось с наскока сразить множество воинов, тем самым внеся панику в их ряды. Но очень скоро его преимущественное положение изменилось. Противник во много раз преобладал числом и быстро овладел ситуацией в свою пользу. Десятник с людьми оказался в полном окружении.

* * *

Битва была завершена незадолго до рассвета. Дождавшись появления светлого отсвета восходящего на небе светила,

Феспид, как только блеснули самые ранние утренние лучи, начал объезд окрестностей озера, где прошло ночное сражение. Всюду, кроме западного побережья, земля была сплошь залита кровью и усеяна телами поверженных воинов. Звонящая тишина, вновь наступившая во всей округе с приходом зари, лишь изредка нарушаемая протяжными стонами раненых людей, теперь уже была иной, зловещей, не оставив и малейшего следа от того спокойствия, что царило здесь до прошедшего полнолуния.

Зрелище, представавшее его взору по мере продвижения, красноречивее любого из докладов военачальников свидетельствовало о прошедшем здесь столкновении. Из всего, что он увидел своими глазами и услышал от полководцев, ему стало ясно, что саки совершили набег двумя сотнями и ещё десятком воинов, ударившим по центру его сотни новобранцев. Командующий вёл своего коня тихим шагом, медленно объезжая тела, и внимательно всматривался в убитых, часто и подолгу останавливаясь около сакских воинов, склоняясь над ними и тщательно разглядывая каждого из них, чтобы изучить и запомнить все детали обличия и вооружения саков. До сих пор так близко ему ещё не доводилось видеть хотя бы одного из сакских воинов. Колчаны кочевников были туго набиты стрелами. Это было понятно, ведь в темноте луки не могли применяться должным образом. То, что поначалу он даже и не уловил, теперь поразило его до глубины души. Раненых, но ещё живых среди них не было. Каждый сак, получивший увечье и не могущий больше продолжать сражение, сам добил себя, причём сделал это как сумел, в какую часть своего тела смог достать оружием. Порой Феспиду казалось, что некоторые из них помогли близлежащим собратьям сделать это. Видимо, догадывался он, те сами уже были не в состоянии лишить себя жизни. Кто-то из них вонзил нож в сердце. Кто-то перерезал горло. Кто-то распорол живот.

Видя в их руках внешне схожие по форме окровавленные ножи, Феспид больше не сомневался, что эти сотни не ждали подмоги и пришли сюда либо победить, либо умереть. Так или

иначе, но сдаваться в плен они не умели, и такое поведение внушало только уважение и порождало даже некое подобие зависти к мужеству, храбрости, отваге. Впервые столкнувшись в бою с сакскими воинами, не знавший доселе об их истинных боевых качествах и ничего не ведавший об их характерах и силе духа Феспид изменил своё отношение, отныне уже не воспринимая саков как глупых, сильно отставших в развитии дикарей. Именно так зачастую пытались представить их некоторые соратники полководцы.

Потери греков были велики. Почти такое же число воинов, какое было у противника, полегло на поле битвы и с его стороны. Из новобранцев приняли смерть двадцать четыре человека. Полсотни раненых были собраны к месту, где размещался лагерь. Среди них преобладали опять же новички. Отряд, направленный к расположенному вдали урочищу, изготовив волокуши, за несколько заездов доставил срубленные деревья и хворост, подготовив огромный настил, на котором к полудню должны были сжечь тела погибших. Дозоры, выставленные дальше обычного, как никогда зорко следили за округой, понимая всю важность происходящего за их спинами ритуала. Последняя дань умершим не должна была нарушиться никем.

Стесагор, увидев Феспида, спрыгнувшего с коня рядом с ним, опустился на колени и развязал большой кожаный мешок, отвернув его края. Феспид наклонился, запустил в него руку и взял пригоршню серебряных обол, самых мелких монет, каждую из которых нужно было вложить в рот умершего перед обрядом сожжения его тела. Такова была мизерная плата перевозчику старику Харону за переправу им душ усопших людей через реку Ахерон в подземное царство Аида.

* * *

Дассария очнулся. Жаркий, слепящий солнечный свет припекал ему лицо, проникая сквозь сомкнутые веки, обжигая глаза. Лёгкая тряска, несмотря на боль, убаюкивала его и вновь забирала в сон...

Феспид возвращался. Он вёл все оставшиеся сотни к главному лагерю, разместив в середине войск коней с волокушами, на которые погрузил тяжелораненых воинов, среди которых находился и Дассария. Полководцу следовало передать их на лечение, получить пополнение и вновь направиться в земли саков, так как главной цели он пока не достиг, а веление царя следовало исполнить любой ценой и в очень сжатые сроки. Через пять дней он вступил в ставку своего властителя Александра.

Г Л А В А Ш Е С Т А Я

Наступила осень. В середине лета в соответствии с греческим календарём, разработанным около ста лет назад видным афинским астрономом и математиком Методом, для греков и македонян начался новый год. Город Александрия Крайняя уже имел зримые очертания. Даже с небольшой высоты он хорошо проглядывался и разительно отличался от небольших согдийских поселений ровными линиями мощёных улиц, пересекавшихся строго под прямым углом и дробивших его на равные по величине кварталы. В самом его центре было оставлено свободное пространство для агоры, главной площади, и для царского дворца, возле которого уже насыпался холм для возведения храма. Основная же улица в отличие от всех других на всём своём протяжении с запада на восток отграничивалась с обеих сторон колоннадами. Она была вдвое шире остальных улиц, поскольку являлась единственной городской проезжей магистралью. Все прочие улицы, параллельные и перекрёстные с ней, предназначались для пешеходов. В разных районах города были также отведены просторные участки для будущих парков и садов. Всюду виднелось множество канав для проведения по ним водопроводов и прокладки сточных труб. Почти возле каждого из возводимых многочисленными рабами строений располагались вспомогательные механизмы: всевозможные краны различной конструкции и грузоподъёмности, строительные леса, опалубки для арочных сооружений и литой кладки.

К южным воротам внешней стены, своей невероятной протяжённостью, охватывавшей по всему периметру обширное пространство будущего города, гораздо большее, нежели то, на котором пока велось строительство, тянулись нескончаемые вереницы обозов с деревом, кирпичом-сырцом, известняком и каменными блоками. По прямому велению Александра III, при постоянном его контроле, под бдительным присмотром вооружённой охраны непрерывно, днями и ночами руками огромного количества невольников велось возведение этого нового города, очередного на его пути. Со всех сторон, на равном и небольшом отдалении от него, в разбитых по обычно принятой круговой схеме лагерях, состоящих из однотипных кожаных шатров, размещались войска. В одном из них расположился и сам царь. Все воины пребывали в ожидании переселения в добротные казармы до наступления осенних холодов.

* * *

Дассария в числе идущих на поправку греческих воинов находился в самом южном лагере, куда постоянно доставляли раненых. В соседний с ним лагерь прибывали отряды пополнения. Поначалу, придя в себя, он был поражён тем, где и среди кого оказался. Несмотря на то что суть задуманного им плана заключалась именно в том, чтобы попасть в главный лагерь противника, он всё же не ожидал таких невероятных перемен, отчего пребывал в жутком смятении духа, впервые в жизни чувствуя растерянность, смешанную с неким подобием обречённости и подпитываемую ощущением полного бессилия. Здесь всё было чуждым для него, и в первую очередь говор окружающих людей. Непонятный язык звучал всюду, куда бы он ни ступал. Лишь в этом месте, как только он стал полностью осознавать новое положение, к своему удивлению, он также впервые понял, что человеческое восприятие новизны в окружающей обстановке имеет весьма странное и довольно интересное своеобразие: зрение вызывает к изменениям гораздо раньше и быстрее, чем слух.

«Познание своими глазами всего, что происходит вокруг тебя, всех проявлений царящей жизни, оказывается, намного

опережает восприятие и понимание, приходящее посредством услышанного тобой обо всех этих же явлениях. Почему же прежде я никогда не задумывался над такими, казалось бы, совершенно обычными и простыми своими возможностями? Видимо, для этого следует обязательно оказаться в одиночку посреди чуждого мира. Да, много ещё разного и неизвестного таится в человеке! – размышлял Дассария. – Творимое им, где бы он ни обитал, так или иначе имеет какое-то сходство, но только созерцая его, можно догадываться о его предназначении. Если об этом всего лишь слышать, не видя его, то невозможно представить даже малую его часть, а тем более осознать всё. Вот и здесь со мной теперь почти всё так и случается. Думается мне, что очевидными могут быть только совершаемые поступки и деяния. Они, конечно же, важны всегда и сейчас, но для будущего главными всё же являются помыслы, а они, к сожалению, мне не доступны, так как передаются устами. Я слышу, но в то же время я глух и, не зная их языка, лишь наполовину воспринимаю и их жизнь, и всё творимое ими. Этого слишком мало. Многое мне предстоит ещё узнать. Не допустить бы ошибки. Как никогда стал опасен каждый мой шаг. Нужно правильно вести себя. Неспроста пришли мне в голову эти мысли. Так какую подсказку в них дали мне небеса? Может быть, их потаённая помощь ниспослана для того, чтобы я мог выжить? Наверняка, мне нужно на какое-то время онеметь и сказаться глухим? Первое отстранит от меня любопытных, чей интерес ко мне и к моему прошлому губителен для меня. Я ведь пока не знаю, за кого из своих сородичей они принимают меня. Второе же, надеюсь, приучит их всех вести беседы в моём присутствии без опаски быть услышанными мною, что со временем, когда я познаю язык, даст мне возможность узнать многое об их планах. Только так я смогу находиться среди этих людей, не выказав себя, и сумею добиться того, ради чего сложили головы две сотни моих преданных саков. Греки, сами того не ведая, невольно помогут мне быть глухим. Я же для большей своей пользы должен быть ещё и немым. Для меня отныне днями существуют только мои глаза и особенно моя память. Ночами же она должна помочь мне понять и

усвоить все услышанные и удержанные в ней слова иноземцев. Вот к чему я должен привыкнуть, несмотря ни на что».

Таким образом, Дассария выбрал единственно верное в его положении поведение, и по прошествии небольшого промежутка времени вновь воспрял духом.

Шли дни, и, к его радости, всё задуманное стало свершаться. Воины, которые окружали его и находились на излечении вместе с ним, уже давно свыклись с его недугами, немотой и глухотой, обрётёнными им, как полагали они, в результате тяжёлого ранения. Теперь никто не приставал к нему с вопросами и не обременял попытками завести разговоры. Всё больше он убеждался в том, что однажды сделал правильный выбор и удачный ход, когда замыслил таким способом попасть в стан к врагу. Его облик, сильно разнящийся с внешним видом родных ему саков и очень схожий с теми, рядом с которыми теперь он обитал, ничем не наводил на подозрения с их стороны, что, в свою очередь, придавало ему уверенности.

Судьба поистине была благосклонна к нему. То, что десятник дозорного отряда в том давнем и теперь уже памятном бою повёл своих воинов прямо на позиции сотни греческих новобранцев и за ними последовал неуправляемый скакун Дассарии, было само по себе каким-то странным провидением небес и уже тогда оказало ему первую и неоценимую услугу. Из всех вновь прибывших в лагерь воинов только тех новичков, спешно отправленных с отрядами полководца Феспиды, почти никто не знал в лицо, и оказался тогда Дассария среди бывалых его вояк, ещё неизвестно, как бы всё обернулось для него впоследствии. Такое везение было уже второй услугой небес. Ну а третьей их милостью к нему была та, что не предоставила Феспиде возможности провести сверку новобранцев с военными списками, в результате чего опытный полководец мог бы запомнить каждого из них и с лёгкостью выявить самозванца. Более того, теперь всех выздоровевших воинов не направляли в места активных боевых действий и большей частью определяли на службу по охране рабов-строителей, расселив группами во временных жилищах в самом городе. Дассария не мог знать о стечении обсто-

ятельств, связанных с ним и благотворно складывающихся для него, но всегда мысленно благодарил небеса за посланную удачу, сопровождавшую его в этом опасном пути.

* * *

Гермагор, вызванный Феспидом, на вопрос о судьбе молодого воина, того, кто так живо заинтересовал военачальника своим сдержанным, уверенным и оттого достойным поведением, доложил, что тот был ранен в руку в ночном сражении с саксами и оставлен для излечения в лагере.

– Да, очень жаль. Из него мог бы уже теперь получиться хороший воин. Не думал я, что он в первом же своём бою окропит землю кровью. Хотя это сражение было непростым. Можно сказать, даже сложным. Мне показалось, что он достаточно собран и в меру расторопен. Выходит, я ошибся. Или нет? Что скажешь на это, Гермагор? Ты помнишь его? Я ещё показывал на него и говорил как-то о нём, – несколько разочарованно произнёс полководец. – Да ты присядь. Намалялся небось со своими новичками. Кстати, как его имя?

– Кажется, Тимей. Дался тебе он?! Мы долго кружим в этой дикой степи, столько произошло столкновений, погибло много людей, а проку никакого. Вот от чего стоит призадуматься всерьёз, – устало присаживаясь на походную скамью у костра, не очень дружелюбно ответил Гермагор.

Феспид взглянул на него, но промолчал.

Гермагор ненадолго задумался, затем спросил:

– Послушай, Феспид, я всё не могу понять, почему ты приглашаешься брать в такой опасный поход этих совершенно непригодных в бою людей? Зачем они нужны тебе? Для какой надобности? Здесь каждый воин на счету, а тебе дают каких-то несмышлёнышей, то ли недоростков, то ли переростков, да к тому же абсолютно ничего не понимающих во всём происходящем. Пусть бы ими занимались там, в лагерях, и нам бы головы перестали морочить. Этот твой Тимей тоже из их числа и ничем не лучше их. Ты же сам хорошо помнишь то сражение. Из сотни вот таких, как он, новичков целая четверть погибла от рук всего

десятка дикарей. За эти месяцы опять же много потерь среди них. Ну как такое терпеть? Мы же не на прогулке, в конце концов! Ты меня прости, тебе, конечно, видней, но мы ведь с тобой друзья, и не сказать своё мнение я не могу.

– Устал ты, Гермагор, и потому немного зол, – понимая недоговование старого товарища по оружию, спокойно парировал Феспид. – То, что такими вот несмыслёнышами, как ты выразился, всегда усиливают наши отряды, можно понять, и этому есть своё объяснение. Где, как не в походах, им обучаться воинскому мастерству и настоящей закалке? Давай представим вот что. Сегодня я откажусь от них. Завтра то же самое сделаешь ты. Потом и другие военачальники отрекутся от них и поступят так же, как мы с тобой. Что тогда будет, знаешь? То-то и оно. Некому будет сменить ни тебя, ни меня, ни вот этих всех. Ты что, себе десять жизней отмерил? Незаменимым хочешь быть? Или ты бессмертен? Если новобранец однажды не переступит через вражью кровь, то он не станет воином. Тогда и армия не армия, а так, одно посмешище. Ты бы хотел служить в такой армии? Уверен, нет. Так чего же ты ждёшь от меня? Вон с тебя сколько потов сошло. Думаешь, напрасны твои труды? Нет, друг мой, от тебя сейчас пользы намного больше, нежели от некоторых военачальников, что таскают в ножнах проржавевшие мечи, построившись сам знаешь где и возле кого. Но, несмотря на это, именно нам с тобой доверено быть здесь, и на нас возложены и жизнь, и смерть вот этих новичков, да так, что мы с тобой и они крепко повязаны. Обучишь их плохо – нам всем вместе страдать. Погибнут они по глупости или неумению – опять же нам боль и позор. Ты не умирать их учи, а выживать в любой ситуации, даже в самой безвыходной. Вот тогда пожнёшь свой добрый урожай. Что касается Тимея, так ведь неспроста я спросил о нём у тебя. Гермагор, мне кажется, что из таких, как он, юношей вырастают и настоящие воины, и будущие полководцы, способные решать самые трудные задачи. Я почему-то верю в него.

Феспид замолчал, отвёл взгляд от Гермагора и отпил вина из любимого кубка.

– Не держи обиды на меня за мои дерзновенные слова. Прости, Феспид, если я что-то не так сказал тебе. Ты же знаешь, не по нраву мне подводить ни друзей, ни начальников, ни простых воинов. Не сомневайся, и теперь я всё сделаю так, как следует. Наверное, я поступаю неправильно всякий раз, как только позволяю себе жалеть всех этих молодых людей. Сердце разрывается на части, когда видишь, как они познают смерть, толком не познав жизни. Вроде всё делаешь для их спасения, а наступает какой-то миг, и ты вдруг бессилён помочь им. Вот тогда и срываешься. Сколько б ни прошло времени, а такое не уходит из памяти, – выслушав друга, задумчиво, как бы взвешивая каждое слово, очень душевно произнёс Гермагор.

Феспид с пониманием посмотрел на него.

– Хочешь, я найду этого Тимея, и он предстанет перед тобой? – словно опомнившись, добавил Гермагор.

– Нет, друг мой, этого я не хочу. Если суждено, то он сам явится здесь. Ты тоже не держи зла на меня. Ведь мы по-своему оба правы, а это самое главное. Давай отдыхать. На заре выступаем, – поднимаясь, завершил беседу Феспид.

Вот уже который месяц Феспид шёл по безлюдным землям, петляя средь равнин и холмов, стараясь не отдалиться от лагеря и не прервать с ним связь, отправляя туда раненых, получая оттуда подкрепление, пытаясь по-прежнему добыть сведения о расположении сакских сил, не зная о том, что везде, где бы он ни продвигался, параллельным маршем очень скрытно следовали их отряды, исполнявшие волю пропавшего верховного правителя: не вступать в сражение. Он не ведал и другого. Стоило ему повернуть на северо-запад, в ту сторону, где располагалась ставка кочевников, и на его пути тут же встали бы их войска, что для него означало бы только одно – неминуемую гибель.

* * *

Двадцатилетний юноша по имени Тимей, тот самый новобранец, который так сильно заинтересовал полководца Феспида, уже около месяца находился на излечении. Рубленая рана на его левом плече уже зажила и не причиняла ему ка-

ких-либо беспокойств, но тем не менее его пока не направляли в боевые части и временно оставили в отряде внутренней охраны лагеря. Молчаливый, немногословный по характеру, сдержанный в проявлении чувств, очень внимательный ко всему, что происходит вокруг, вдумчивый и рассудительный, он воздерживался от всяческих ненужных досужих бесед, ведомых в его окружении. Несколько скупые, но в то же время точные и исчерпывающие ответы на вопросы военачальников да к тому же добросовестное несение службы и очень основательное и тщательное исполнение всех данных ему поручений довольно скоро снискали уважение со стороны властей. При этом оно никак не сказывалось на его поведении, и он, как обычно, вёл замкнутый образ жизни, оставаясь непрístupным для общения, постоянно пребывая как бы на расстоянии от людей, охотно существуя в своём уединении, весьма напоминающем одиночество. Часто, на досуге прогуливаясь по улицам города, он осматривал возводимые строения, наблюдая за работой людей, и ловил себя на мысли о том, что всё это ему, безусловно, интересно, но не настолько, чтобы всецело захватывало его душу, вселяя в неё трепетные возвышенные чувства, и приносило его сердцу радость.

Со временем, когда он уже хорошо ориентировался в улицах, заглянул почти в каждый закоулок, побывал во многих зданиях и сооружениях, такие прогулки и посещения лишились новизны, перестали приносить ему удовольствие и превратились в скучное занятие. Теперь ему уже стало казаться, что всё вокруг померкло в красках, приняло обычное унылое и серое обличье, не предвещавшее ничего яркого, страстного и волнительного, словно изо дня в день плавно гасло и однажды окончательно потухло, поглотившись однообразной житейской суетой. Не о такой жизни мечтал юноша, когда в один из дней, полгода назад, он сбежал из дома, втайне от родителей, старших сестры и брата приобрета в оружейной мастерской снаряжение и вооружение, необходимое для конного воина. На корабле, отплывшем с его острова, он попал в город Милет, захваченный вот уже как пять с половиной лет царём Александром, купил там молодого рез-

вого жеребца, усвоил его повадки и обучился управлению им, а затем подался к зданию, где находилось высшее командование городского военного гарнизона.

Вскоре ему, хоть и с большим трудом, но удалось добиться зачисления в одно из формировавшихся войсковых подразделений, которые через строго определённое время направлялись в земли, завоёванные македонянами. В результате двухмесячной подготовки в тренировочном лагере, расположенном вблизи от городской окраины, он овладел воинскими навыками, усвоил основы выработки тактики и получил знания по избранию стратегии при ведении боевых действий. Продвигаясь вместе со всеми по бывшим персидским владениям, отныне принадлежащим Македонии, он, мечтавший как можно скорее принять участие в сражениях, не находил себе места, не видя врага и везде на пути встречая лишь укрепления с размещёнными в них гарнизонами. От такого спокойного однообразия в нём постепенно угасал пыл воина, и лишь неведомые им доселе края своими удивительными видами отвлекали от дум о том, что ему так и не удастся проявить себя в настоящем бою с коварным и многочисленным противником.

Однажды, когда он уже перестал верить в такую возможность, ему всё-таки довелось вступить в схватку с восставшими ариями. Случилось это в одну из ночей, когда они прошли две трети территории империи царя Александра. Бой длился до рассвета. Почти тысячный греческий отряд, в котором всего одна сотня состояла из бывалых опытных воинов, а все остальные девять сотен были составлены из таких же, как он, новобранцев, был неожиданно атакован превосходящей по численности конницей повстанцев. Спасительным для греков и оттого удивительным было то, что именно в эту ночь, в отличие от всех предыдущих, они не разбивали лагерей, а лишь встали на недолгий отдых, чтобы принять пищу и накормить лошадей. Они бодрствовали, готовясь тут же двинуться дальше. Противник, как позже выяснили греческие полководцы, увидев костры, разожжённые в лагерях, воспринял происходящее по-своему, полагая, что они остановились на продолжительное время. Решив неза-

медлительно воспользоваться столь благоприятным для себя положением, он в расчёте на внезапность напал, даже не проведя предварительной разведки. Самоуверенное, необдуманное и в итоге ошибочное поведение завершилось для него полным поражением. Столкнувшись с готовыми к бою войсками, отряды ариев сразу утратили преимущество, на которое рассчитывали без сомнений, отчего сами поначалу настолько сильно растерялись, что даже не заметили, как предоставили противнику возможность быстро передислоцироваться и нанести ответный удар. Ввязавшись в битву, они уже не смогли отступить и довели её до конца, потеряв почти всех своих воинов.

Тимей, часто представлявший себя в сражении, был внутренне готов к нему и воспринимал всё творящееся как нечто уже знакомое, отчего вёл себя уверенно, словно бывалый вояка, хладнокровно сражая врага.

Лишь несколько позже, после того как завершилась битва и наступило затишье, увидев при дневном свете изрубленные и окровавленные тела, став очевидцем пыток и казни захваченных в плен вражеских воинов, в том числе и раненых, он долго не мог успокоиться и что-то невпопад отвечал на вопросы своих военачальников, дрожащими руками держа меч и ножны, так и не сумев вложить полотно в кожух. Всё утро и до самого полудня его рвало, до изнеможения выворачивало наизнанку. А во время совершения обряда сожжения тел погибших собратьев он очень отчётливо ощутил, как что-то в глубине груди вдруг сильно заныло, отдаваясь тупым отголоском по всему телу, сжало в один миг затрепетавшую душу, холодком сковало сердце, не давая ни вздохнуть, ни шевельнуться.

Обычно весёлый и жизнерадостный, с этого самого дня, с этого первого своего сражения, почувствовав в себе какой-то надлом, он вдруг изменился, став молчаливым и замкнутым.

Теперь он уже не имел желания убивать, и даже когда оказался в отряде полководца Феспиды при столкновении с саками, случившемся так же в ночное время, как это было в битве с воставшими ариями, он никого из них не сразил и вынужден был только отбиваться, стараясь остаться в живых. Полученному

ранению он радовался в душе, так как считал, что забрал его на себя, отведя от кого-то из своих товарищей по оружию.

Иногда он мысленно укорял себя из-за слабости характера, почти граничащей с явной трусостью, но всё же не допускал таким размышлениям развиваться глубже и овладевать всей душой, понимая, что поступи он иначе, опрометчиво, и они смогут уже полностью вытеснить из неё веру в твёрдость духа и достаточную смелость.

В последнее время он стал довольно часто предаваться воспоминаниям о своих родителях, о сестре с братом, причём делал это с искренней любовью к ним, отчего ему становилось гораздо легче, и он сразу ощущал прилив сил.

От воспоминаний о них он переходил к думам о себе и знал, что никогда не подведёт их. Он был уверен в том, что никто и ничто не сможет заставить его уронить честь и опозорить имя.

Несмотря на то что обрётённая по своей же доброй воле новая жизнь, как показало время, была трудна, желания бросить всё и вернуться обратно у него пока не возникало. Только одно терзало его сердце: не с кем было посоветоваться о том, как быть дальше, не было рядом человека, с кем можно было бы поделиться своими думами и открыть душу, в чём он нуждался теперь, как никогда, тяготясь одиночеством.

В свободное от несения службы время, дабы как-то разнообразить существование, сменить окружающую обстановку и немного развеяться, он всё же изредка навещался в город, где с первого взгляда подмечал все произошедшие перемены. Работы по строительству продвигались очень быстро. Всё преобразалось и менялось прямо на глазах. Сегодня он решил осмотреть казармы в западном районе, где в одной из них очень скоро должно было разместиться подразделение городской стражи, к которому относился и он. Длинные приземистые кирпичные постройки, которые и являли собой те самые войсковые казармы, находились невдалеке от западных ворот. Часть рабов под присмотром охраны занималась их кровлей. Внутри самих сооружений такими же невольниками велись отделочные работы, близкие к завершению.

Подойдя к одному из охранников, Тимей попросил его показать казарму для размещения стражи. Войдя в широкий дверной проём с распахнутыми створками, он тут же оказался в прохладе и погрузился в полумрак, царящий внутри просторного помещения. Недолго постояв в двух шагах от двери, чтобы пообвыкнуться после яркого света, он вдохнул слегка пыльный воздух и пошёл в глубь строения, оглядывая стены и потолки, обходя перегородки, разделявшие большие квадратные комнаты. Тугие потоки солнечных лучей, проникавшие под наклоном через узкие окна, словно прислонённые к стенам прозрачные столбы, выхватывали на каменном полу ещё не убранные древесные щепы, куски камня и колотого кирпича, ослепляя, рассеиваясь по сторонам, тускло освещая самые дальние стыки и углы. Дойдя почти до середины коридора, Тимей был вынужден остановиться, поскольку идти дальше не мог: весь проход был перекрыт стоящей там открытой повозкой, запряжённой двумя волами, с которой рабы выгружали кирпичные бруски и уносили куда-то дальше. Он не стал ждать окончания этой работы и повернул обратно.

У самого выхода из казармы он заметил сидящего в тени охранника. Расположившись на бревне, тот вытянул ноги, прислонился спиной к стене и, как показалось Тимею, дремал, прикрыв веки. Сквозной ветерок шевелил его длинные светлые волосы. Тимей замер, всмотрелся и узнал того странного глухонемого воина, с которым находился на излечении в одном шатре. Шагнул к нему и присел рядом, осторожно поправив лежавший возле шлем. Охранник, уловив чье-то близкое присутствие, приоткрыл глаза, повернул голову, спокойно скользнул взглядом и вновь отвернулся. Тимею стало неловко за то, что потревожил воина, но он почему-то был рад встрече с этим своеобразным человеком. Отстегнув от пояса фляжку с вином, он откупорил её и протянул мужчине, стараясь поднести ближе к его глазам. Охранник приподнялся от стены, посмотрел на фляжку, перевёл взгляд прямо на Тимея и принял сосуд. Сделав большой глоток, тут же сильно поперхнулся и, возвращая фляжку, выплюнул напиток и утёр губы рукой.

Тимей улыбнулся и сам приложился к ней, вливая в себя по-теплеее терпкое виноградное вино. Охранник смотрел с интересом, при этом выпятив нижнюю губу и покачивая головой, словно считал глотки. Юноша провёл ладонью по губам, стряхнув с них винные капли, и вновь предложил напиток воину, но тот мотнул головой, отказываясь от угощения, и продолжал внимательно рассматривать Тимея.

– Я тоже не очень-то часто делаю это. Иногда вино просто необходимо. А вот воды у меня нет. Прости, не взял с собой, – закупоривая посудину и зная, что воин его не слышит, всё же объяснился юноша.

Охранник не сводил с него глаз и, когда он замолчал, недоумённо пожал плечами и пару раз пальцами коснулся мочки уха, давая понять, что глух.

– Я помню об этом, – понимающе кивнул Тимей. – Ты, наверное, меня не узнаешь? Мы с тобой были ранены и находились в одном шатре. Даже лежанки наши были рядом. Правда, я раньше тебя выздоровел.

Желая быть понятым, он повернулся всем телом, вытянул вперёд левую руку и показал на ней большой рубец, затем указал пальцем на правую часть груди воина. Охранник сразу оживился и кивнул в знак того, что тоже вспомнил его.

– Ну вот и хорошо. Видишь, мы с тобой можем общаться. Теперь мы узнали друг друга. Да, это очень хорошо. Как же тебе, наверное, трудно жить приходится! – уже думая о нём и искренне сочувствуя, с грустью прошептал юноша. – Мне, здоровому, и то порой тяжко, но всё же полегче, чем тебе. Я в отличие от тебя и говорю, и слышу. Только меня бы кто услышал и поговорил бы по душам. Ладно, всё равно я рад тебя видеть. Пора мне. Пойду, пожалуй. Не буду больше мешать тебе.

Тимей по-дружески коснулся плеча воина, улыбнулся и поднялся на ноги. Охранник тоже встал, проникновенно глядя ему в глаза. Они немного постояли. Когда Тимей отступил и стал уже разворачиваться к двери, воин приложил ладонь к сердцу и склонил голову. Тимей, совершенно не ожидавший такого отношения к себе и от этого вдвойне тронутый почти-

тельным поведением, на мгновение замер в растерянности, но быстро опомнился и серьёзно произнёс:

– Кто бы ты ни был, ты так же одинок, как и я. Для меня важно, что ты хороший человек и достойный воин.

В ответ также склонив голову, он быстро вышел из казармы, тут же окунулся в жаркий день и заслонился рукой от ослепительного света. Тимей был уверен, что эта их встреча первая, но не последняя.

* * *

Дассария в эту ночь не мог уснуть, вспоминая каждую деталь общения с молодым греком, который так неожиданно наполнил душевным теплом ушедший день.

* * *

Прошло три дня. Прибывший к Тимею ранним утром вестовой передал ему приказ командующего городской стражей о немедленном прибытии. Тимей быстро собрался и спешно отправился к военачальнику, не зная цели вызова и не имея даже малейшего предположения на этот счёт. Вернулся он уже начальником отряда, в котором и нёс службу, внешне отличаясь от себя прежнего небольшим бронзовым знаком, прикреплённым к плащу на правое плечо. Теперь в его подчинении находились все пятьдесят человек, с кем лишь вчера на равных он заступал в караулы. Поменялся и объект несения дозора. Отныне им стали западные городские ворота.

В полдень, сам не заметив как, он уже стоял перед дверью казармы, не решаясь войти в них, – боялся, что вчерашнего охранника там не окажется. Ему почему-то очень сильно захотелось ещё раз увидеть этого человека, поделиться новостью о назначении на более высокую должность, угостить вином, теперь уже холодным и почти свежим. Вопреки переживаниям, охранник оказался на месте и, увидев его, приветливо улыбнулся, будто давний знакомый, шагнул навстречу, оглядывая с головы до ног. Они присели на бревно. Охранник взглянул на знак и вопросительно посмотрел в глаза Тимея.

– Вот, я уже командую целым отрядом, – не зная, как это показать, Тимей махнул рукой. – А ведь ты приносишь удачу! Не успел я повстречать тебя, как меня тут же повысили. Да ещё как повысили!

Юноша ткнул рукой в свой знак, сжал кулак и выставил вверх большой палец, что означало «очень хорошо». Поняв, охранник довольно кивнул головой, по привычке выпятив нижнюю губу. Тимей улыбнулся, радуясь простой человеческой реакции. Ему понравилось, что воин сразу заметил маленькое новое отличие. Он ещё не успел и рта открыть, как охранник уже поднялся, надел шлем, показательно поправил свои доспехи и оружие и, испуганно вытаращив глаза, вытянулся, нарочито выражая готовность исполнить любое его приказание. Тимей, видя, с какой подчёркнуто угодливой поспешностью воин сделал всё это, понял весёлое настроение и шутовское поведение и, больше не сдерживаясь, рассмеялся от всей души, задирая по-детски колени, припадая к ним грудью, да так, что на глазах выступили обильные слёзы. Охранник неподвижно стоял и смотрел искрящимися глазами, в широкой улыбке обнажив ровные белоснежные зубы. Когда Тимей, вдоволь насмеявшись, утёр лицо и поднялся на ноги, новый товарищ неожиданно крепко обнял его, затем, быстро отодвинувшись, сжал сильными пальцами его плечи, серьёзно заглянул в глаза, после чего вновь, но уже по-особенному кивнул, почтительно отступил на шаг и склонил голову. Тимей какой-то миг растерянно взирал на него, ещё не зная, как теперь поступить, но уже понимая, что совершённое охранником сейчас и было тем самым настоящим признанием полученного им нового повышения по службе и искренним поздравлением. Всем сердцем Тимей почувствовал благодарность к этому человеку, но по-прежнему не мог сообразить, как выразить её. Выйти из возникшей неловкой ситуации помог охранник, показавший рукой на фляжку.

Они ещё долго сидели, передавая сосуд друг другу, пока не закончилось всё содержимое фляжки. Юноша молчал, ни о чём не думая. Впервые за долгие месяцы ему было хорошо. Душа пребывала в спокойствии, а сердце налилось радостью, словно

он побывал среди верных друзей. Уже вечерело, и каждому из них пора было идти по своим делам. Выйдя наружу, они с наслаждением вдохнули чистый воздух. Тимей, прежде чем проститься, указал рукой на себя и городские ворота, что виднелись вдали, тем самым показывая, что отныне он всегда будет находиться там. Охранник кивнул, сжал кулак и выставил вверх большой палец. Они поняли друг друга.

* * *

По прошествии трёх дней начальник отряда охраны, в котором служил Дассария, отвёл его к западным городским воротам и передал начальнику отряда стражи Тимею, пояснив, что, согласно военному списку, имя воина Федон и он призван из небольшого города Берроя, что расположен на юго-западе Македонии. Не подозревавший о просьбе Тимея к командованию, Дассария теперь догадался, почему вдруг его перевели в другую службу, и был доволен, что ещё на шаг оказался ближе к своей цели.

* * *

Шло время, и Дассария, он же Федон, уже знал много греческих слов, каждую ночь повторял их, проверяя свою память, вспоминая всё услышанное за день, сопоставлял с увиденным, складывая по крупицам все полученные сведения, чтобы представить общую направленность действий врага. Теперь он знал имя своего друга и начальника. Из всей добытой и познанной информации он, к своему удивлению, ничего угрожающего саккам не уловил. То, что новый город должен служить греческому царю оплотом мощи и надёжности в этих краях, ни для кого не являлось тайной, было понятно и объяснимо. Накапливаемые здесь войска больше смотрели на восток, нежели в степи кочевников, что подтверждалось постоянными разговорами, ведомыми как простыми воинами, так и военачальниками. Сколько он ни прислушивался, а нигде и ни разу не услышал даже слова о возможном походе в его земли. Более того, всюду всё чаще говорили о предстоящем выступлении будущей весной в страну Индия, что раскинулась за горами, в юго-восточной стороне. Такие

сведения радовали его слух, но то огромное количество воинов, которое он видел здесь, невольно настораживало и даже порой пугало, заставляя собирать ещё больше данных, позволяющих быть абсолютно уверенным в отсутствии опасности от такого соседства, исключаящих своей исчерпывающей точностью любую возможную ошибку. Он понимал, что для нападения на его земли грекам не нужно так тщательно готовить войска, причём в таком несметном числе, и это убеждало в том, что их царь действительно задумал дальний поход. Теперь, когда он познал столь много о планах и намерениях греков, ему, как никогда прежде, нельзя было допустить даже малейшей оплошности в поведении, дабы не навлечь на себя подозрений и, благополучно покинув эти стены, добраться до родной ставки. Как это сделать, он пока не мог даже представить. Найти хорошего коня не составляло труда. Уйти отсюда незамеченным, пройти многочисленные дозоры – вот что являлось главным и невероятно сложным.

Тимей, и без того щепетильный в делах службы, отныне относился к ней с удвоенной ответственностью. Помимо того что к этому его обязывало положение начальника, он сам никогда не был сторонником разгильдяйства и вседозволенности. Перемены в судьбе внесли в существование новый смысл, охватив сознание интересным разнообразием, разбудив былую жажду к жизни, наполнив молодую душу бесценным содержанием, дающим шанс начать всё сызнова, но уже более серьёзно, основательно, обдуманно и независимо от пустых излишних эмоций, мешающих истинному познанию как себя, так и окружающего мира. Стражники отряда побаивались молчаливого строгого командира и исполняли все его приказания с молниеносной быстротой и скрупулёзной точностью, значительно повысив качество несения караула, что было доведено до сведения начальства.

Появление в отряде ещё одного новичка, глухонемого воина по имени Федон, весьма странного в своём поведении, которому по неизвестной причине всегда благоволил Тимей, вызывая

неподдельную привязанность, в свою очередь, заметно и очень действительно повлияло на настроения всех его подчинённых, которые с этой поры, даже уединившись, не смели подвергать осуждению его поступки, как это делали довольно вольготно в своём кругу поначалу. Суровый на вид, могучий, всегда решительный в действиях, невероятно выносливый, неприхотливый в быту, дисциплинированный и бдительный, Федон порой вселял в их души трепет, граничащий со страхом. Иногда, когда кто-то из стражников по причине болезни или сильного недомогания не мог надлежаще исполнять свои обязанности, Федон по своей воле, совершенно безвозмездно заменял его, после чего заступал в караул со своей сменой, словно был поистине двухжилым. Такое благородное, отзывчивое и истинно мужское поведение стало внушать уважение к нему со стороны некоторых его сослуживцев, и они уже понимали, что только неизлечимый недуг мешает ему быть назначенным на более высокий пост. Своеобразные черты характера и особые данные, которыми он обладал, вызывали у большинства воинов отряда зависть, отчего одни из них, наиболее изворотливые и предусмотрительные, уже неприкрыто заискивали перед ним, стараясь всячески угодить, другие же, не столь хитроумные, боязливо сторонились его, шепча вслед всевозможные бедовые пожелания, но, вспомнив вдруг о его физических недостатках, тут же пугались своих крамольных мыслей, считая, что он уже и так наказан за какие-то свои былые прегрешения, и потому насылаемые проклятия больше не коснутся его и вернутся обратно к ним. Так или иначе, но им приходилось мириться с присутствием в своих рядах этого человека, хотя и не сделавшего никому из них ничего плохого, но разительно отличавшегося своим независимым нравом и гордым существованием, довлевшими над ними и невольно заставлявшими считаться с ним, как ни с кем другим. В созданных для них условиях поведенческим разнообразием они явно не обладали, отчего и помыслы у них были скудными и ограниченными.

Всё свободное время, которого было не так уж и много, Тимей проводил в обществе Федона. Их часто видели прогулива-

ющимися с внешней стороны городских стен, где всегда было безлюдно, тихо и пустынно и куда категорически запрещалось выходить рядовым воинам без сопровождения военачальников. Стражники, взирая на них с высоты укреплений, удивлялись, как эти двое ещё не надоели друг другу, не представляя, как можно общаться с глухонемым. Им были чужды такие отношения, они не понимали, что может связывать нормального полноценного человека с человеком ущербным, с которым просто невозможно изъясняться: ни сказать ему ничего из-за его глухоты, ни услышать от него даже слова из-за его немоты. Кое-кто из числа наиболее любопытных и прозорливых, глядя на эту неразлучную двоицу, подумывал, что их привязанность рано или поздно, но обязательно прекратится. Вот только когда это произойдёт и, самое главное, чем всё завершится, для них оставалось загадкой.

Во время одной из прогулок ближе к закату, взойдя на небольшой песчаный холм, откуда взору предстали необъятные пространства, покрытые дрожащим заревом от красновато-розового отсвета заходящего за горизонт светила, Тимей присел, завороченно вглядываясь в бесконечные дали. Восхищённый увиденным, он обомлел, искренне удивляясь, что столь дивной красоты и невероятных просторов, находясь здесь столько времени, он прежде почему-то не замечал и только лишь сегодня будто прозрел, увидев всё это великолепие. Тимей был тронут до глубины души изумительным зрелищем и по-настоящему поражён своим открытием. Немного успокоившись от охватившего волнения, он обернулся и взглянул на стоящего за спиной друга, но восторга, подобного своему, в его глазах не заметил. Более того, Федон смотрел вдаль, в сторону реки, искрящейся серебром излучины, задумчиво и с какой-то глубокой тоской, словно нечто грустное, бередящее душу пронеслось перед его взором. Уловив неладное, Тимей растерянно отвернулся, не желая показывать лёгкого разочарования. Вскоре его спутник присел рядом. Несмотря на наступившую осеннюю прохладу, нагретый за день песок приятно и мягко обволакивал ступни, податливо расплываясь под ними, принимая их в себя, проса-

чиваясь сквозь пальцы и плавно перекачиваясь через них, подобно воде.

– На острове, где я живу, всё по-другому, а вот песок почти такой же, как здесь, – взяв пригоршню песка, пощупав его и ссыпая струйкой с ладони, тихо начал Тимей. – Только там кругом вода, не то что здесь. Там совсем всё иначе и рыба другая на вкус. Может, ты тоже это заметил. Я ведь не знаю, далеко ли море от твоего города.

Тимей потянулся, надломил тоненький стебелёк, нарисовал перед собой нечто похожее на небольшое облако, вокруг которого начертил множество волнистых линий и взглянул на Федона. Тот смотрел на рисунок.

– Это мой остров Самос, – пояснил Тимей. – А это море.

Он вывел слово на облаке и посмотрел в глаза друга, пытаясь понять, разобрал ли тот надпись.

Не уловив никакой реакции, он аккуратно стёр рукой написанное и вновь старательно вывел его.

Его друг продолжал тупо смотреть, выпитив по привычке нижнюю губу.

– Федон, ты что, неграмотный? – удивился Тимей. – Я написал название своего острова. Вот видишь – «Самос».

Тот недоумевающе пожал плечами.

– Вот так дела! – уже не на шутку расстроился Тимей. – Может быть, ты просто не знаешь такого названия и никогда не слышал о нём? Тогда смотри, что я напишу теперь...

Он вывел слово «Берроя».

– Ну уж это слово ты точно должен знать!

Федон не изменил реакции.

– Но ведь это название твоего родного города! Ты же там жил. Там живёт твоя семья. Оттуда ты ушёл на войну!

От неожиданности Тимей ещё сильнее разволновался и стал нелепо жестикулировать.

– Так, не понял ты меня. Хорошо. Теперь-то уж навернякаобразишь...

Он стёр слово и написал «Федон». Никакой реакции не последовало.

– Ну как же так?! Вот я написал твоё имя, а ты даже не кивнёшь. Ты что, Федон, плохо видишь?

Тимей насторожился, внимательнее всматриваясь в глаза товарища.

– На, напиши что-нибудь сам.

Протянув веточку, он опять стёр написанное. Федон взял её, неуверенно повертел в руке, затем сломал, бросил в сторону и как-то с досадой опустил голову.

– Ладно, если не хочешь, не нужно. Ничего страшного не случилось. Только теперь я вообще не понимаю, как рассказать о себе и узнать о тебе. Похоже, твоё ранение сильно навредило тебе, если, помимо потери голоса и слуха, ты ещё и видишь плохо. Как же ты дальше будешь жить и служить? Ведь это невозможно, и с годами тебя поселят с немощными и неизлечимо больными.

Тимею стало жаль друга, такого доброго, сильного и надёжного, но уже не живущего полноценной жизнью.

– А ведь ты, Федон, не намного старше меня. Всего-то, наверное, лет на пять, не больше. У меня сестра и брат примерно на столько же лет старше меня. Как там они все? Ни родители, ни они не знают, где я. Я ведь сбежал на войну. Хотел увидеть мир, может, даже прославиться, а оказался здесь, куда в детстве мечтал попасть гостем. Мой дед, отец моей матери, купец Форкис, когда-то бывал в этих краях, долго жил среди саков. Но это было давно. Его названный брат Дантал тогда правил этими землями. По воле богов теперь и я оказался тут, но мне такое вовсе не по сердцу. Не так я хотел увидеть эти земли. Не так. Не думал я, что выбранная мной дорога приведёт меня сюда с мечом.

Тимей впервые говорил вслух о самом сокровенном. Он сожалел о тех превратностях судьбы, что забросили его в этот край отнюдь не с мирными намерениями. Он очень много слышал об этой земле от матери и сейчас с болью в душе вспомнил о том, что она всегда желала побывать здесь вместе с семьёй.

Не боясь быть услышанным Федоном, уйдя с головой в свои раздумья, он не заметил, как при его последних словах вздрогнул Федон и, резко повернув голову, впился в него удивлённым взглядом.

– Форкис?! Дантал?! – вдруг услышал Тимей чей-то грубый голос, совершенно незнакомый ему.

Быстро сообразив, что рядом нет никого, кроме его друга Федона, Тимей вскочил на ноги и обернулся. От неожиданности он непонимающе уставился на Федона. Не доверять своему слуху он не мог, но и в то, что случилось, пока не очень верилось. Он так и стоял, не смея произнести ни слова. Федон, не отводя от него глаз, также поднялся.

Тимей судорожно схватился пальцами за горло, трогая и разминая его, словно освобождался от застрявшего кома, повёл головой и, пару раз кашлянув, осипшим голосом тихо произнёс:

– Так ты умеешь говорить?

– Да, – на греческом языке ответил тот.

– Ты ещё и слышишь?

– Да.

– Зачем... Почему?

– Я сак.

– Ты сак?

– Да.

– Как... Откуда?

– Мой дед Дантал.

– Ты внук Дантала?

– Да.

– Не может быть!

– Тимей, ты внук Форкиса?

– Да...

– Я плохо знаю твой язык.

– Как имя твоей бабушки?

– Арития... Ортия.

– Верно... Но ведь так не бывает...

– Я не Федон. Я Дассария.

– Дассария?!

– Да.

– Ты царь саков?!

– Да.

– Почему ты здесь?

– Так надо.
– Да. Конечно же. Я, кажется, догадываюсь. У тебя своя цель, – Тимей задумчиво отвёл глаза, устремив взор на реку. – Там твоя земля, и ты решил узнать, куда дальше пойдёт мой царь.

- Да.
- Он пойдёт в Индию.
- Да.
- А как же теперь ты?
- Я пойду туда, – Дассария показал рукой в сторону реки.
- Но ведь... Как ты уйдёшь? Это невозможно.
- Я смогу.
- Это опасно. Здесь кругом войска и дозоры.
- Я пройду.
- Ты один здесь?
- Да.
- Невероятно... Но почему именно ты решился на такое?
- Я похож на тебя.

Словно впервые увидев, Тимей внимательно окинул его взглядом с ног до головы и прошептал:

- Верно. Ты не похож на сака.
- Арития, злотые власы, – произнёс Дассария и потрогал свои волосы.

Тимей, глядя на его светлые, отливающие позолотой волосы, поняливо кивнул, затем ненадолго задумался и спросил:

- Когда ты уйдёшь?
- Ты знаешь.
- Я?!
- Да.
- Что ж, хорошо. Дай мне время подумать.
- Я спешу.
- Завтра я дам тебе ответ.
- Да.

* * *

На следующий день до самого полудня Тимей не было ни в казарме, ни у охраняемых ворот. Появился он в сопровождении

незнакомому воину с таким же, как у него, отличительным знаком на плече. Тот принял командование отрядом. Дассария, всё это время не видевший Тимея, не находил себе места. Он был очень встревожен столь долгим отсутствием друга и уже корил себя за допущенное вчера откровение, но всё же в глубине души не верил в предательство. Теперь, наблюдая за происходящим, он ничего не понимал. Одно было ясно для него: Тимея отстранили от руководства стражей. По какой-то неизвестной пока причине тот был смещён. Раздосадованный случившимся, Дассария удалился в казарму и прилёг на свою лежанку, обдумывая сложившуюся ситуацию, пытаясь найти выход из неё, но уже готовый ко всему и даже к самому худшему для себя.

Тимей вошёл в казарму далеко за полдень. Дассария, увидев его, присел, напряжённо вглядываясь ему в лицо. Тот неспешно подошёл, недолго постоял, затем устало опустил на соседний лежак, снял шлем, оглянулся по сторонам и, убедившись, что они одни, склонился к нему, улыбнулся и тихо сообщил:

– Царь саков, ты хоть знаешь о том, что ты действительно очень удачлив? Если да, то у тебя есть возможность убедиться в этом в очередной раз. Меня сегодня назначили командовать сотней новичков, следующих на соединение с полководцем Феспидом. Выступаем через день. Тебя я тоже забираю с собой. Мне разрешили.

Для царя массагетов такое изменение в судьбе было ещё одной доброй услугой небес. Тимей быстро восходил по служебной лестнице. Дассария же, в лице глухонемого Федона являясь неизлечимым калекой, в отличие от всех других стражников не представлял особой ценности в военном ремесле и для военачальников никаких перспектив не имел, оттого и был без заминков отдан ими в распоряжение Тимея.

* * *

По воле небес в зарождающемся городе однажды нашли друг друга и с искренним желанием сошлись две родственные души, каждый получая своё от возникшего между ними общения, при этом ни тот, ни другой поначалу совершенно не зная

прошлой жизни обрётённого друга и не ведая, кем на самом деле он является. Если один был могущественным царём и вершил судьбу целого народа, то второй был всего лишь простым человеком и жил для себя как умел. Дассария, само воплощение мощи, воли и свободолюбивого духа, вдруг с радостью воспринял знакомство с Тимеем, обычным людским творением, заблудшим в своих мечтах.

«Куда устремлены помыслы человека и к чему тяготеет его душа, туда они обязательно приведут его», – думал правитель саков Дассария, глядя на Тимея и воспринимая его совершенно иначе, гораздо уважительнее, нежели прежде.

«Любой человек, будь он даже увечный, но озарённый великой целью, никогда не будет сломлен духом и притягивать к себе жалость», – вспомнив своё отношение к Дассарии в первые дни знакомства с ним и зная теперь, кто он, думал греческий воин Тимей.

* * *

В назначенный день, так и не дождавшись к полудню прихода отряда с ранеными, который всегда направлялся Феспидом, по вечерней прохладе из западных ворот города выступила конница новобранцев во главе с Тимеем. Пройдя дальние дозоры, он повернул на север, где всего в однодневном переходе должен был повстречаться с полководцем Феспидом. Тот, в очередной раз отправив в лагерь изувеченных воинов, дожидаясь пополнения, вновь направляясь в сакские земли. В полночь Тимей встал на отдых. Проверив все посты и удивляясь тому, что до сих пор не подошёл отряд с ранеными, он вернулся к костру, у которого сидел Дассария.

– Скоро я выведу тебя за пределы охраны, и ты уйдёшь в свои земли, – тихо произнёс он, подкидывая хворост в огонь.

Дассария молча кивнул.

– Я хотел бы навестить тебя потом, до тех пор, пока мы не выступили в поход в Индию. Хотя такое, наверное, теперь уже невозможно. А жаль, было бы очень хорошо увидеться нам снова. Мы ведь с тобой так и не успели поговорить обо всём

как следует, лучше понять друг друга и узнать как можно больше о нашем прошлом, – вздохнул Тимей и протянул Дассарии фляжку.

– Иди со мной, – сделав небольшой глоток, предложил тот.

– Не могу я, даже если и захотелось бы мне. Нельзя мне так поступать. Я человек военный не по принуждению, а по своему волеизъявлению, да к тому же отныне несу ответственность за этих вот людей, – принимая обратно сосуд с вином, кивнув в сторону костров, твёрдо ответил Тимей.

– Деды были вместе. Мы будем вместе.

Дассария смотрел ему в глаза.

– Тогда время было другое. Наши народы не воевали. Ты ведь не хочешь иметь брата изменника, предавшего своих соплеменников?

Тимей надолго приложился к фляжке.

– Да, это плохо, – ответил тот.

– Поэтому я остаюсь, а ты уходишь, – резонно подметил Тимей.

– Мы увидимся, – уверенно произнёс Дассария.

– Может быть. Только когда это случится, никто не знает, – с грустью, но не так уверенно, как друг, согласился Тимей.

– Всё всегда происходит дважды, – непонятно высказался Дассария.

Тимей внимательно посмотрел ему в глаза, но промолчал. Помня о том, что перед ним находится не простой человек, а царь, высочайшее лицо, которое никогда и ничего не делает и не говорит зря, он не стал уточнять смысл последних слов, а обдумывал услышанное, пытаясь разобраться в сути сказанного.

* * *

Выздоровевший воин Зуза, кого, к его удивлению, вождь Донгор вдруг назначил сотником, был направлен для слежения за греческим отрядом, с которым летом вступил в неравное сражение верховный правитель Дассария, бесследно пропавший с той поры. Несмотря на особое наставление вождя Чардада, временно являвшегося правителем и строжайше велевшие-

го не вступать ни в какие бои и даже малейшие столкновения с врагом, сотник Зуза, не умея сдерживать пылкую горячность и необузданный нрав, всегда нарушал приказ, всюду, везде и всячески успевая досаждал полководцу Феспиду, нападая на все его дальние дозоры, нещадно громя их, вымещая накопившуюся злобу за их вторжение в его родные земли, кровно мстя за смерть сородичей и исчезновение Дассарии. Узнай хотя бы раз о таком своеволии верховный вождь Чардад, в мгновение пресёк бы все недозволенные действия и подверг бы самому серьёзному наказанию за проявленную дерзость и допущенное непослушание, не задумываясь, быстро сменил его менее строптивым и более исполнительным сотником. Но Зуза, вопреки всему тому, что совершал, был везуч и за всё это время не имел не то что потерь в своём отряде, но даже ни одного воина, который получил бы хоть какое-то опасное для жизни ранение. Такие его удачливые и успешные набеги на отряды противника вовсе не были простой случайностью или благоприятным стечением обстоятельств, а являли собой результат его хитроумных выдумок, своевременного и точного обнаружения во вражеских позициях слабых мест, кропотливых расчётов в манёврах и обдуманных приготовлений к ним.

Переодев два десятка воинов в греческие доспехи и дождавшись сумрачной предутренней поры, когда бдительность и зрение всех дозорных притуплялись, Зуза, обойдя их сбоку, первым пускал передовой отряд в чужом облики, скрытно следуя за ним с остальными воинами. При виде приближающихся всадников греки, пребывая в расслабленном состоянии, были уверены в приходе смены, несколько не сомневаясь в этом, и, ничего не подозревая, вдруг подвергались неожиданной и внезапной атаке саков, уже не имея возможности дать надлежащий отпор. До сих пор такая уловка сотника Зузы действовала безошибочно, нанося ощутимый урон войскам Феспида, держа в изнуряющем напряжении и его самого, и его воинов. Неизвестный сакский военачальник, изворотливый, быстрый и коварный, уже воспринимался Феспидом как личный враг, с которым он, как ни с кем ещё в своей жизни, жаждал встре-

чи, очень желая однажды вознаградить себя за долгое терпение, всей душой стремясь скрестить с ним мечи и наказать за невиданную дерзость.

Два дня назад разведка оповестила сотника Зузу о том, что греческий полководец повернул свои отряды обратно в сторону главного лагеря, но на полпути остановился и в сопровождении всего полусотни, отослав в лагерь раненых, дожидался прибытия обычного подкрепления. Проследив за отрядом, движение которого сдерживали волокуши, загруженные изувеченными в боях воинами, и выждав пока он отдалится от основных сил, Зуза напал, вырезал всех до единого: и охрану, и раненых и захватил лошадей, амуницию и вооружение. Помня о том, что скоро должен появиться очередной резерв, следующий к расположению войск Феспиды, неутомленный Зуза решил не дать ему дойти. План был прост: не нападая в этот раз на дозоры лагеря Феспиды, он намеревался нанести упреждающий удар по резервистам и уничтожить их на дальних подступах, тем самым оставив полководца без ожидаемой подмоги. С этой целью разведав дорогу, по которой, по его мнению, должно было пройти греческое подкрепление, состоящее, по данным разведки, из одной сотни, он двинулся наперерез, очень рискуя быть атакованным в этой наводнённой войсками противника стороне. Отчаянный рубака, но при этом очень расчётливый военачальник, Зуза, направив вперёд небольшой переодетый дозор, расположил остальных своих людей в засаде, притаившись в ложине, что извилисто тянулась на север вдоль пути следования свежих греческих сил. После полуночи прибыл воин, посланный дозорным десятником, и сообщил о том, что резервный отряд греков стоит недалеко на отдыхе. Зуза принял решение немедленно напасть и скорее покинуть эту опасную местность.

* * *

Феспид догадывался о том, что саки, несмотря на их нахождение в зоне многочисленных греческих отрядов дальней охраны города, пока не ушли, а притаились где-то рядом. В наступившую ночь он вдруг почувствовал всем нутром их

близкое присутствие. С недавних пор он часто ловил себя на мысли, что их военачальник стал неотъемлемой частью, чем-то единым целым с ним, неотступной, раздражающей и беспокоящей его половиной, крепко сросшейся с ним невидимыми узами, постоянно держащей в напряжении его сознание и изматывающей душу до крайнего иступления. Охваченный сильнейшим предчувствием чего-то худого, взволнованный внезапно нахлынувшим ощущением неминуемой беды и встревоженный судьбой отправленных в город раненых и ожидаемого оттуда подкрепления, он двинулся на соединение с отрядом новичков, желая как можно быстрее получить очередное пополнение и уничтожить ненавистного и до безумия надоевшего ему врага.

* * *

До рассвета оставалось немного времени. Вдали, у горизонта, небо уже заметно посветлело, предвещая новый день. Двое дозорных из сотни Тимея тихо сидели на склоне невысокого холма, привязав своих лошадей к деревцу у его подножья.

– Смотри-ка, вон там кто-то движется прямо в нашу сторону, – поднялся на ноги один из них, указывая товарищу на едва видневшуюся линию протоптанной дороги, ведущей на север.

– Вроде как наши. Те, кого мы ждали ещё в полдень в городе. Кому ещё там быть? Наверное, этих вперёд к нам послали, а остальные с ранеными за ними идут, – второй стал спускаться к лошадям.

– Что верно, то верно. Но ты всё же скачи в лагерь и сообщи, иначе Тимей подумает, что мы проспали их появление. Сам знаешь, что он сделает с нами, – сбежав вниз и тоже забираясь на своего коня, предложил первый.

– Ладно, я помчался, предупрежу Тимея о появлении долгожданного отряда, пусть успокоится. А ты встретить этих да сопроводи их следом за мной. Смотри не заскучай тут без меня, скоро увидимся, – тронув с места вскачь своего скакуна, дозорный стал быстро отдаляться, плавно растворяясь в темноте.

Вскоре всадник полностью исчез из виду. О недавнем его присутствии возле холма теперь напоминал лишь затихающий дробный топот копыт его жеребца. Первый же дозорный, проводив товарища взглядом, хотел было выступить на дорогу, но, услышав донесшийся до него странный приглушённый стук со стороны отбившего и очень напоминающий звук падения человека с лошади, стал спешно разворачивать коня, намереваясь последовать следом и узнать, не случилось ли чего, как вдруг острая боль пронзила его спину. Так и не успев понять, что произошло, сражённый напавал кем-то метко выпущенной стрелой, так же как и его напарник, он замертво рухнул на землю.

* * *

– Зуза, путь свободен, – сообщил сотнику подлтевший десятник.

– Вперёд! Всех уничтожить! – скомандовал тот и, нахлёстывая скакуна, устремился по дороге.

* * *

Тимей и Дассария, шагом ведя коней, приближались к последнему посту охраны лагеря. За этим дозором им предстояло расстаться. Оба молчали, понимая, что слова теперь излишни. В какой-то миг тишину разорвал гул приближающейся конницы. Десятки, а может, сотни всадников, чьи пущенные во весь опор скакуны летели по набитой старой дороге с такой плотностью, что звуки от их копыт, перестав дробиться, слились в один нарастающий грохот. Подобно лаве, конница надвигалась прямо на них.

– Это саки! – остановив своего коня и прислушавшись, уверенно произнёс Дассария.

– Ты уверен в этом? Не ошибаешься? Здесь только наши войска. Никого другого в этой стороне не должно быть. Откуда тут саки? – приподнявшись в седле и вглядываясь в темнеющую даль, быстро спросил Тимей.

– Да, они.

– Тогда прощай, Дассария!

Тимей коснулся рукой его плеча, развернул скакуна и помчался обратно.

– Прощай, Тимей! – прошептал ему вслед Дассария, скинул порывистым движением шлем и встал поперёк дороги.

* * *

Едва заметив невдалеке прямо перед собой чернеющий силуэт одиноко стоящего всадника, почему-то держащего руку поднятой вверх, Зуза тут же резко натянул уздечку, сдерживая разгорячённого коня и переводя его на лёгкий галоп. Стараясь не налететь на сотника, воины разлетелись в стороны, обтекая и его, и того, кто преградил путь. Не имея приказа останавливаться, они стремительно пронеслись дальше. Только десяток из них тут же приотстал и замкнул кольцо вокруг своего военачальника и чужака.

– Это ещё кто такой появился на моей дороге? Откуда он взялся здесь? Чего он тут стоит как вкопанный? Да ещё и среди ночи, – спрашивая вслух сам себя, Зуза приблизился.

– Кто старший? Назови себя, – грозно потребовал тот на чистом сакском языке.

От неожиданности Зуза замер. Он не мог понять, то ли на самом деле этот человек что-то сказал, то ли ему это попросту показалось.

– Вы что, оглохли? – вновь пророкотал стоявший.

– Моё имя Зуза, а ты кто такой? – на этот раз чётко расслышав все слова, словно опомнившись, произнёс сотник, не веря, что перед ним сак.

– Я твой правитель Дассария! – прогремел незнакомец. – Кто твой вождь и что ты тут делаешь?

Поражённый услышанным, Зуза по-настоящему растерялся, не зная, как поступить и что сказать.

– Ко мне! – не дождавшись от него ответа, приказал вождь.

Зуза подступил ещё ближе, подавшись вперёд и вглядываясь в его лицо. Сомнений не было. Сам верховный правитель стоял перед ним.

– Все на землю! Приветствовать правителя! – скомандовал он, проворно спрыгнув с коня, опустился на колено и преклонил голову.

Десять саков мгновенно исполнили веление, не смея даже смотреть в их сторону.

– Ну! – потребовал правитель.

– Я сотник вождя Донгора. Веду наблюдение за большим отрядом врага. Здесь должен пройти их резерв. Спешу на его перехват, – покорно доложилась Зуза.

– Немедленно верни всех своих воинов! – приказал Дассария.

– Повинуюсь, правитель! – с готовностью ответил Зуза.

Быстро вскочив на ноги, он запрыгнул в седло, сильно ударил пятками коня в бока и устремился вслед за ушедшей сотней, на скаку выкрикнув:

– Всем защищать правителя!

– Эх, всё-таки не успел я. Припозднился немного, – услышав отдалённые звуки сражения, прошептал Дассария, разворачиваясь за ним.

* * *

Тимей со своими людьми уже вступил в сражение. Попрошавшись с Дассарией, он вернулся в лагерь, сразу поднял его по тревоге и выстроил отряд в боевом порядке. Налетевшие саки издали осыпали стрелами его сотню, после чего с ходу разметали передние ряды, вмиг разделились на три потока, охватив двумя из них с флангов и срединным клином врезавшись в самый центр, и уже всюду обладали абсолютным преимуществом, не оставляя его воинам почти не единого шанса на спасение.

* * *

– Прекратить резню! Немедленно отступить! – орал что есть сил Зуза, проносясь мимо всех сражающихся, вертя над головой мечом.

Услышав команду сотника, саки тут же отхлынули, оставив после себя несколько разрозненных групп греческой конницы, быстро отходивших от места своей первой битвы на более сво-

бодное пространство. Они отдалялись на восток, некоторое время так и не сходясь воедино, стремясь оказаться как можно дальше от напавшего на них врага, которого не сумели рассмотреть, но успели почувствовать.

Солнце ещё не появилось на горизонте, но небосвод уже сиял белёсым прозрачным свечением, подёрнутым на восходе розоватыми всполохами. Дассария, осадив скакуна, в окружении охраны объезжал поверженных воинов, кого-то явно разыскивая среди них. У одного из тел он остановился, спрыгнул и присел рядом. Зуза, оглядываясь по сторонам, вытянулся в седле и подал знак поднятой рукой, призывая своих людей охватить правителя в круг, но не мешать ему и держаться в отдалении.

* * *

Сильно запрокинув голову, Тимей лежал на спине, как-то неестественно откинув в сторону правую руку, левую же прижимая к груди. На месте старого рубца, пересекая его крестом, зияла новая рана, из которой, смешиваясь с осевшей пылью, сочилась кровь.

– Ты даже не стал вынимать своего меча, – прошептал Дассария, увидев оружие, вложенное в ножны, пристёгнутые к поясу.

Не веря в смерть обрётённого брата, Дассария склонился и приложил ухо к его лицу. Тимей очень слабо дышал. Обрадовавшись тому, что он жив, Дассария выпрямился и хотел было окликнуть сотника, но в этот момент увидел вдаль надвигающуюся на них греческую конницу и тут же услышал её грохот.

Зуза сам подлетел к нему, спешил, опустил на колено и тихо произнёс:

– Правитель, уходи. На нас надвигается большой вражеский отряд. Вон он, уже слишком близко. Это тот полководец, за которым я так долго слежу. Он не оставит никого из нас в живых.

– Зуза, любой ценой спаси вот этого человека. Он дорог мне. Сотник, ты понял меня? – вскакивая и указывая на Тимея, повелел Дассария.

– Нет, правитель, этого я не смогу сделать. Прошу, скорее уходи отсюда. Встретив тебя здесь, я не позволю тебе погибнуть.

Этому не бывать никогда. Тебя все очень ждут. Меня никогда не простит наша земля, если я поступлю так, как ты приказываешь. Это первое и единственное моё непослушание.

Зуза почтительно склонил голову, затем быстро поднялся, ловко вскочил в седло, внимательно посмотрел правителю в глаза, кивнул ему и, хлестнув коня, умчался, бросив на скаку десятнику:

– Не отлучаться от правителя! Защищать его и уходить с ним!

Десятник жестом подозвал к себе двух воинов, вместе с ними уложил раненого поперёк коня одного из них и замер, стоя перед правителем в ожидании его дальнейших велений.

Взглянув в спины сакам, удаляющимся навстречу врагу, Дассария взобрался на скакуна и коротко приказал:

– За мной!

Спустившись в лощину, он двинулся на север. Позади него на равнине шестьдесят воинов во главе с сотником Зузой уже столкнулись с четырьмя сотнями Феспида. Пройдя небольшое расстояние, Дассария остановился.

– Передайте его мне и помогите своему сотнику, – кивнув на Тимея, обратился он к десятнику.

В его голосе уже не было звенящей стали. Посылая этот маленький отряд на верную смерть, дабы они разделили участь своего мужественного и верного военачальника, он не приказывал, он просил.

– Благодарю тебя, правитель, за оказанную нам великую честь, – склонил голову десятник и махнул рукой стоявшим за ним воинам.

Осторожно разместив Тимея на скакуне Дассарии, десятник со своими людьми выскочил из лощины и устремился к сражающимся собратьям.

* * *

Полководец Феспид окружил саков, приказав всем своим помощникам: Терситу, Стесагору, Мильтиаду, Лабдаку, Ктесибию и Гермагору – не убивать их предводителя, а во что бы то ни стало захватить живым и отдать лично ему. Он был разгневан

до невероятности. На пути следования к этому месту он наско-чил на убитых воинов своего полусотенного отряда, сопровождавшего раненых. Там же всюду лежали жестоко изрубленные останки самих израненных, тех, кого везли на лечение в город.

* * *

Зуза рубился отчаянно. Он знал, что ему не выжить в этой последней битве. Но и о смерти он не думал. Главное для него отныне заключалось в другом: он первым из сородичей встретил правителя и теперь всем сердцем желал, чтобы тот благополучно достиг сакских дозоров. Зуза был воодушевлён таким стечением обстоятельств, ведь ему довелось свершить то, о чём мечтали многие его собратья. Только на его, теперь уже самую счастливую долю выпала высочайшая честь защищать верховного правителя и предоставить ему возможность после столь трудного и опасного пути вернуться к своему народу и возглавить его. Он не мог знать, как, зачем и почему его правитель вдруг оказался в самой гуще врага, но понимал, что так было угодно вечным небесам и ему, властителю земли сакской, и свято верил, что всё это было не напрасно, вызвано необходимостью и обязательно должно изменить жизнь в степи к лучшему, так как всё творимое Дассарией всегда было и есть благо для подданных. От таких будоражающих мыслей Зуза ощущал небывалый доселе прилив сердечных сил и непрестанно нарастающую лёгкость в душе. Он был необычайно горд собой, своей удачно сложившейся судьбой, приведшей его к такой высоте, за которой находилось лишь бессмертие. Он чувствовал, что сегодня наступил самый прекрасный день, ради которого он жил, пусть зачастую и не соблюдая все существующие порядки и нарушая устои и обычаи, но всегда в угоду своим желаниям и не вопреки своей совести.

Порой ему бывало тяжело от того, что он совершал, предаваясь праздному и разгульному образу жизни, ведя себя вызывающе, за что не раз и выслушивал прилюдные нарекания старших, но как бы там ни было, а особого сожаления он не чувствовал, себя ни в чём не упрекал и не укорял да и сомнениями отно-

сительно своих поступков и тем более раскаянием не терзался. Его своеобразное отношение к жизни не было свидетельством безразличия и неуважения к мнению соплеменников. Просто он знал, что никто в его окружении не страдает от его поведения, и это было правдой: никто не мог припомнить, чтобы он хотя бы один раз сделал кому-то плохо или же словом пожелал худого. Ничего подобного за ним никогда не замечали даже ярые его ненавистники. Люди видели в нём человека с чистыми помыслами, открытой душой и добрым сердцем. Он и сам понимал, что пока у него не получается быть таким, как все, и именно за это он вынужден получать острастку, но при этом всегда верил, что однажды наступит и его звёздный миг, когда он сможет сгодиться для какого-нибудь великого дела ради своих сородичей, и они простят ему все его безобидные шалости.

* * *

Посланный Дассарией десятник ещё не успел достичь основного отряда греков, как на него стремительно налетели остатки резерва, прежде отошедшие вдаль после учинённого Зузой разгрома. Он так и не дошёл до своего окружённого военачальника.

* * *

Битва приближалась к страшному завершению. Горстка саков во главе с сотником Зузой была плотно охвачена со всех сторон. Феспид поднял руку. Его воины, готовые в едином броске добить врага, тут же отступили, расширяя кольцо захвата. В середине образовавшегося круга остались только саки. Наступило напряжённое противостояние. Противники переводили дыхание, злобно переглядываясь на расстоянии. Осела пыль. Феспид тронул коня, выступил вперёд и остановился. Зуза увидел его. Он понял, кто этот человек, развернулся, но пока не тронулся с места, стараясь выиграть как можно больше времени. Они впервые смотрели друг другу в глаза. Сак ощущал тугое биение своего сердца и радовался тому, что каждый его удар означает очередной шаг скакуна Дассарии, уводящий его всё дальше и дальше от этих мест. Македонянин чувствовал какую-то

опустошённость в душе. Радости от встречи с заклятым врагом он не испытывал. Всё случилось не так, как он желал. Ему не удалось захватить сака ответным умным и досконально продуманным манёвром, если и не превосходящим по изощрённости, то хотя бы равным по хитрости. Но тем не менее он был доволен наступившим завершением долгого единоборства, не столько силового, сколько духовного, всё это время державшего его волю на самом возможном пределе.

Взирая на сака, он уже не хотел взять его живым и, доставив в главный лагерь, свершить над ним показательную казнь, как мечтал это сделать лишь накануне вечером. Презрение, с каким он теперь относился к этому человеку, зиждилось на вопиющих и совершенно очевидных фактах, связанных с его предпоследним поступком. Сакский военачальник, стоящий сейчас перед ним, пограл одно из самых неприкасаемых и свято соблюдаемых всеми негласных правил войны – он позволил себе посягнуть на жизнь беззащитных раненых людей, и без того пострадавших от его рук, убил их, тем самым превратившись из истинного воина в мерзкого отъявленного головореза, переступившего черту дозволенного, утратив честь настоящего полководца. Именно по этой причине Феспид уже не питал к нему уважения, как это было по отношению ко всем достойным противникам, и, кроме как поскорее покончить с ним, не оттягивая более наступления этого долгожданного момента, ни о чём не думал.

Словно сговорившись, они двинулись навстречу друг другу. Саки, стоявшие вокруг своего сотника, расступились. Феспид выхватил меч и тут же ускорил бег своего скакуна. Зуза устремился к нему. Скрестив в первом же ударе свои мечи, не размыкая клинков, стараясь столкнуть один другого, не уступая друг другу в силе, они завертелись на месте, вперившись глаза в глаза.

Шло время, но никто из них пока не мог взять верх. Издали они казались каким-то цельным зловещим существом, готовым в любой момент отвлечься от своего странного, но ощутимо возрастающего внутреннего движения, задержавшего его в самой гуще людской массы, и в одно мгновение броситься на неё со всей ужасающей мощью. Их скакуны, сразу почувствовав

огромное напряжение, исходящее от своих хозяев, часто перебирая копытами, стали жаться друг к другу боками, также вступив в соперничество между собой, пытаясь изо всех сил преодолеть могучее сопротивление. Воинам с обеих сторон, затаившим дыхание и внимательно следившим за поединком, уже казалось, что ему не будет конца. Но для любого начатого действия, даже самого длительного, всегда имеется предел, и однажды наступит то или иное завершение. И теперь это случилось совершенно неожиданно для всех.

Феспид и Зуза одновременно со скрежетом протянули скрепленные мечи от рукоятей до самых их кончиков. От приложенных при этом огромных усилий соприкасающиеся полотна соскользнули, полоснув остриями лезвий прямо по горлу каждого из них. Мгновенно у обоих соперников из зияющих ран хлестнула алая кровь, тугими струями вырываясь наружу, постепенно забирая с собой их жизни. Удерживаясь ещё какое-то время в седлах, по-прежнему не отводя глаз друг от друга, но уже задыхаясь и бессильно опустив руки и уронив оружие, они вдруг пошатнулись, после чего Феспид откинулся на круп лошади, а Зуза припал к гриве своего коня. Поединок закончился. Скакуны, освобождённые от тяжкого противостояния, тут же разошлись, похрапывая и мотая головами, неся на себе почти безжизненные тела хозяев. Через несколько шагов оба полководца сползли с седел и упали замертво на землю. Один из них с готовностью попрощался с этим миром, до самого конца исполнив свой долг перед правителем и народом. Другой же совершенно не ожидал столь скорой кончины.

Греки с удвоенной яростью налетели на саков, вновь сжав кольцо. Вскоре битва была завершена. Ни один из воинов сотника Зузы не остался в живых.

* * *

На закате Дассарии повстречался дозорный отряд саков.

Г Л А В А С Е Д Ь М А Я

Вот уже целый год, начиная с прошлой осени, проводились карательные акции греко-македонских войск, направленные в первую очередь против всех согдийских повстанцев, но к ожидаемому результату они пока не привели и особого успеха в деле покорения их земель не имели.

Александр при вторжении в Согдиану с территории соседней Бактрии с марша завладел несколькими хорошо укрепленными крепостями в Наутаке, местности, расположенной в северо-восточной части обширной согдийской долины, при этом с огромным усилием сломив ожесточенное сопротивление их защитников. Захватив главный город Мараканд и оставив в нём сильный гарнизон, он двинулся к реке Яксарт с целью покорения сакских земель, но на его пути, постоянно нанося ощутимый урон войскам, встало местное население – горцы Уструшаны, в одном из сражений с которыми он был тяжело ранен. В поселениях, расположенных в окских приречьях, оставленных им в тылу, всё чаще вспыхивали восстания. Но наиболее опасен стал весьма влиятельный согдийский полководец Спитамен, некогда сообщивший ему о местонахождении сатрапа Бесса, теперь же объединивший вокруг себя значительные силы, в том числе и бактрийские, и поведший их против него, осадив для начала гарнизон, оставленный Александром в Мараканде.

При таком неблагоприятном стечении обстоятельств Александр задумал строительство очередного города-крепости, как

всегда, названного в его честь Александрией с дополнением к этому имени слова «Эсхата», что означало «крайняя», повелел спешно начать работы по его возведению. Отныне он также искал наиболее приемлемый выход из напряжённого положения, в какое попал, войдя в эти густозаселённые края. Вести боевые действия одновременно с воинственными саками и очень сильным Спитаменом он счёл неверным. И вскоре пришёл к выводу, что ему следует заключить мирный договор с кочевниками и бросить все силы против согдо-бактрийских повстанцев, на чьей территории он находился. Для этого он вывел из сакских земель все свои отряды и повелел одному из опытных полководцев в кратчайшие сроки наладить связь с их правителем и сообщить ему от его царского имени предложение о мире и добрососедстве без каких-либо взаимных притязаний. Более того, ему нужно было срочно пересмотреть и изменить политику своего поведения в захваченных землях, сменить гнев на милость и склонить на свою сторону как можно больше местной знати. Для достижения этой цели везде и всюду, где находились его войска, он приказал провозглашать его решение о том, что он обязуется тем вельможам, которые добровольно перейдут на службу к нему, передать земли и города всех тех власть имущих лиц, которые не покорятся ему. Теперь он пребывал в ожидании ответных действенных мер и от них, не сомневаясь в положительном результате предпринятого им мероприятия, но для пущей уверенности и показательности он задумал нанести последний и сокрушающий удар по Спитамену.

* * *

Полководец Терсит, после гибели военачальника Феспиды принявший на себя командование над всем его отрядом, как наиболее сведущий в повадках кочевников и хорошо знающий близлежащие их земли, по личному велению царя Александра был направлен к сакскому правителю с важной миссией. Прибыв в ставку Дассарии, он был сразу принят им и, в ходе беседы немало удивлённый его познаниями в греческом языке, огласил цель своего визита – заключение мира

между македонянами и саками. Верховный правитель союза племён массагетов, выдержав подобающую такому важному событию трёхдневную паузу, выразил своё согласие. Только после этого он дал пир в честь высокого гостя. В заключение визита, одарив посла царя Александра золотыми сакскими доспехами, он повелел с почётом проводить его до своих южных рубежей.

* * *

Согдийский сотник Бакриарт по-прежнему находился в удобном горном ущелье, куда отовсюду стекались разрозненные отряды сородичей. Он уже знал о том, что полководец Спитамен осадил Мараканд и ведёт в нём сражение с греческим гарнизоном, пока ещё не сумев разгромить его и одержать победу. Также ему донесли, что из строящейся македонским царём крепости на помощь к осаждённому в Мараканде отряду уже двинулись войска во главе с самим Александром. Собрав вокруг себя за всё время пребывания в горном ущелье около трёх с половиной тысяч воинов, Бакриарт, сторонясь сакских дозоров, выступил на соединение со Спитаменом. Опередив противника на один день, он вступил в город.

Спитамен был рад такому подкреплению. Скупно бросив согдийцу слова благодарности, – он не считал нужным как-то по-особенному выражать своё почтение за оказанную помощь, полагая положение Бакриарта недостойным более высокого внимания, – он приказал ему вместе с людьми незамедлительно перейти в подчинение к полководцу Датаферну, своему ближайшему сподвижнику, тем самым неожиданно нанеся Бакриарту обиду, граничащую с оскорблением. Сдержанный по характеру Бакриарт, сочтя неуместным своё пререкание в такое сложное время, хотя и без особого желания, но подчинился велению, практически передав командование над всеми своими отрядами Датаферну. Верный товарищ и подчинённый сотника Бакриарта десятник Сегосфен, заметив его удручённое состояние, с трудом воздержался и не стал выражать своего мнения относительно неожиданного и несправедливого поступка полководца Спи-

тамена, но в душе был возмущён и негодовал от принятого им решения, полностью разделяя недовольство своего командира, при этом затаил желание отомстить Спитамену за унижение друга.

Прошёл день. Войска царя Александра уже на заре встали на небольшой равнине на подступах к городу, ожидая открытого сражения со Спитаменом. Силы были почти равными. С каждой стороны находилось не меньше двадцати пяти тысяч конных и пеших войск. Битва началась без каких-либо предварительных переговоров.

К полудню уже стало понятно, что Спитамен при всём его старании не способен выдержать дальнейшего натиска врага, но, будучи не сломлен духом, он всё ещё продолжал совершать попытки достойно противостоять врагу и оказывал довольно сильное сопротивление, держась благодаря непреклонной стойкости своих воинов. Ближе к закату он всё же начал отступать, а с наступлением сумерек бросился в бегство, уходя к пустыне. Царь Александр одержал очередную свою победу, столь необходимую ему и очень важную на этом этапе ведомой им войны.

* * *

Оказавшись среди ночи в безлюдном месте всего лишь с горсткой своих сподвижников, среди которых находились раненые Датаферн, Бакриарт и Сегосфен, Спитамен, дабы снять с себя всю ответственность за случившееся, гневно обрушился на них с обвинением в неумелом командовании войсками, в результате чего якобы и случилось непоправимое и позорное поражение. Разъярённый и несдержанный в высказываниях, всё больше распаляясь от своих же слов, он пытался оправдаться в глазах нескольких спасшихся с ними простых воинов, в их присутствии и на их глазах обличая в трусости всех своих подчинённых командиров. Кроме него и Датаферна, все остальные уже спешили. Отпустив лошадей, они замерли, невольно выслушивая полководца. Раздражённый их смиренным молчаливым поведением, Спитамен вдруг тоже спрыгнул с коня, подбежал

к Бакриарту, стоявшему ближе всех, и со всего взмаха хлестнул плёткой его по лицу, с яростью вымещая всю накопившуюся за день злость. Не успел он отступить, как сильный удар снёс ему голову. Так и не поняв, что произошло, Спитамен рухнул на землю, оросив её потоком горячей густой крови. В лунном свете в открытых глазах откатившейся головы ещё какой-то миг блестела жизнь. Никто из стоявших людей не тронулся с места и даже не пошевелился. Все взглянули на Сегосфена. Он спокойно вложил меч в ножны.

– Зачем ты это сделал? – не поворачивая головы, тихо спросил Бакриарт, лишь только теперь коснувшись пальцами своего лица, на котором чёрной полосой через всю левую щеку тянулся ровный, сильно вздувшийся по краям разрез, из которого сочилась кровь.

– Он был трижды неправ. Вначале он унизил тебя, неблагоприятно забрав себе все приведённые тобой войска. После этого он беспричинно укорил тебя в трусости. Теперь же он ещё и нанёс тебе оскорбление, ударив прилюдно по лицу, словно какого-то раба, – так же тихо ответил Сегосфен.

– Эй ты, собака, что ты себе позволил? Как ты посмел сделать такое? Ты предатель, потому и убил военачальника! – внезапно нарушив тишину, вдруг заорал во всё горло Датаферн.

Он вздыбил скакуна, выхватил раненой рукой меч и устремился на Сегосфена. Бакриарт тут же с силой оттолкнул Сегосфена, быстро выхватил из-за пояса длинный нож, отпрыгнув в сторону, и метнул его в приближающегося полководца. Проскочив между согдийцами, конь Датаферна остановился. Сегосфен, взглянув на Бакриарта, побежал к нему. Датаферн был мёртв. Нож вонзился ему в шею.

– Всё кончено, – прошептал Бакриарт и посмотрел в глаза подошедшего друга.

Больше не проронив ни слова, он развернулся и пошёл в глубь пустыни. Воины, стоявшие на его пути, молчаливо расступились, провожая его тревожными взглядами. Они видели, как он на ходу бросил своё оружие, затем снял с себя шлем и панцирь и откинул их в стороны. Вскоре он исчез в темноте.

– Уходите. Все уходите отсюда. Вы сделали всё, что могли, – Сегосфен также опустил под ноги оружие, аккуратно сложил на него панцирь, сверху водрузил шлем и не спеша последовал за другом.

Больше их нигде и никогда не видели.

* * *

Разгромив все крепости последних предводителей повстанцев Хориена и Оксиарта в горах Гиссара, царь Александр Македонский взял себе в жёны дочь Оксиарта Роксану, тем самым породнившись с местной знатью. Брак был заключён по македонскому обычаю. Жених и невеста в присутствии многих свидетелей вкусили от общего хлеба, разрезанного мечом. Назначив верховным правителем Согдианы некоего Оропия, одного из представителей её знати, однажды добровольно перешедшего на его сторону, он закончил покорение Средней Азии. Теперь в рядах его армии находились согдийские и бактрийские отряды. Таков был знак признания и преданности новой власти.

Уже в конце следующей весны, перейдя через потоки реки Окс, а летом благополучно преодолев перевалы через хребты Гиндукуша, царь Александр начал свой знаменитый индийский поход.

* * *

– Говоришь, все ушли? – выслушав вождя Чардада, спросил Дассария.

– Да, правитель, почти все. В его новом городе-крепости под усиленной охраной оставлены только калеки и немощные воины. В остальных же крепостях находятся лишь небольшие отряды, – уверенно ответил тот.

– Что ж, грек Ксандр сдержал своё слово. Он достойный царь и могучий полководец. Пусть небо будет благосклонно к нему в походе. Оттуда, из-за великих гор, мало для кого открыт обратный путь. Видимо, это и есть его суть – идти только вперёд. То, что видит он, недоступно другим. Он ещё не понимает того, что уже входит, хоть и во множестве, но в само воплоще-

ние необъятного. Главное – он знает и помнит о том, что все врата за его спиной покинуты им, но не заперты. Мы его здесь больше никогда не встретим. Если он и останется в живых, то в свои земли вернётся новой дорогой. Для него не существует повторений. Он не любит бывать дважды в одном и том же месте и делает всё только единожды. Такие его поступки являются даром для всех покорённых им народов, ставших однажды его подданными, но в то же время они сулят очень трудные испытания для него самого. Для кого-то важно быть там, где он есть. Для него же высший смысл заключён в том, чтобы побывать там, где он ещё не был никогда. Душа вечного скитальца всегда ведёт за собой подвластное ей тело либо покидает его, оставляя тлеть в познанной уже земле, – Дассария замолчал, с уважением вспоминая недавнего врага.

Сидевший рядом Тимей задумчиво взглянул на него. Не понимая сказанного, но уловив его тон и отчётливо услышав имя царя Македонии, Тимей встал, бесшумно вышел из шатра, расправил плечи, вдохнул всей грудью чистый холодный воздух, освобождаясь от охватившего его волнения, и посмотрел в ночное небо.

Прямо над его головой очень низко сияла одинокая, но необычно яркая звезда. Он ещё не успел удивиться, как вдруг она странным образом метнулась из стороны в сторону, словно до сих пор неподвижно дожидалась его взора, и тут же порывисто устремилась вдаль, туда, куда двинул все свои войска сам Александр III, завоеватель мира.

* * *

– Из любого сосуда выльется ровно столько животворной влаги, сколько налито в него. Иному не бывать никогда. С людьми же всё обстоит гораздо сложнее. Каждый человек – это река. Он насыщен потоком души, и её величина во все времена будет не изведанной и не измеримой никем, – взглянув вслед вышедшему другу, думая о чём-то своём, произнёс Дассария.

Часть вторая

«...И НЕТ ПОКОЯ ТАМ, ГДЕ ЖИЗНЬ
ЛЮДСКАЯ ПРОТЕКАЕТ»

313 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Около трёх столетий назад, когда в священном Египте правил фараон Нехо, а на троне в вечном Вавилоне восседал царь Навуходоносор II и уже креп и восходил к власти перс Кир II, названный впоследствии Великим, на другом конце света, в краях Центральной и Внутренней Азии, о которых они даже не подозревали, на огромных территориях Иншань и Ордос, разделённых каменистой пустыней Гоби и горными хребтами Циляньшань и Дуньхуан, к северо-западу от могучей реки Сары, что брала начало у высочайших вершин мира и несла свои жёлтые потоки на восточную оконечность земли, впадая в большую воду, обитали многочисленные, но разрозненные дикие племена тюркоязычных народов, воинственных кочевников хуннов. На юге и юго-востоке от этих племён находились очаги зарождавшейся китайской цивилизации, названной ими царствами Кидань, известными на Западе как страны Чжоу, чьи жители именовались среди греков «серы», по китайскому названию шёлка «сир». Впоследствии эти царства были объединены в единую империю Хань.

По другую сторону от степной зоны, сплошь населённой кочевниками, за её северными рубежами, в лесистых краях, располагались поселения племён сяньби. Северо-западным соседом хуннов было племя дунху, жившее в Южной Маньчжурии и горах Большого Хингана. Рядом с ним обитали народы хуньйюев, кюйеше и динлинов, вблизи от которых, на

северной стороне Восточного Тенир-Тоо, размещались крупные племена кыргызов.

На западе от хуннского Ордоса существовали могущественные племена юэчжей. Они владели огромными территориями, а центр их земель находился в местности Хэси. Пустыня разделяла земли кочевников с запада на восток на внешнюю и внутреннюю области, но была не широка и доступна для перехода. Очень часто можно было видеть, как её пересекали вереницы гружёных повозок с запряжёнными в них волами, и тогда далеко по округе разносился скрип катков, изготовленных из стволов лиственницы и скреплённых между собой осями, для удобства заменявших колёса. Нередкими были и столкновения между племенами. Основной причиной раздора была извечная нужда в сочных пастбищах и постоянных источниках воды, жизненно необходимых для любого народа, не являвшаяся исключением и для них при столь суровых условиях обитания и заметном прибавлении людской численности и поголовья скота.

Теперь же, по прошествии многих десятилетий, жизнь в этих краях значительно изменилась, и некогда обособленные кочевые племена хуннов, размещавшиеся во внешних северных землях, стремившиеся раздвинуть свои владения, но не сумевшие сделать это поодиночке, были объединены вокруг самого могущественного главы рода люаньди Мотуна. Первыми, кто изъявил желание подчиниться ему, были три не менее сильных племени: юхойань, лань и сюйбю. Вскоре под его властью находилось уже двадцать четыре рода. Акимы – родовые главы – провозгласили Мотуна над всем народом хуннов пожизненным шаньюем, что означало «правитель, порождённый Небом и Землёй, поставленный Солнцем и Луной». Разделив всех подданных на две равные части, левое и правое крыло, шаньюй Мотун поставил старшими над ними двух наиболее известных и влиятельных родовых правителей, титулованных им сянь-ванами, главными князьями, представлявшими собой военную власть. Каждому из них он придал в помощь по одному из самых уважаемых акимов, которые, помимо функций вторых военачаль-

ников в военное время, осуществляли гражданское правление. Им он также присвоил титулы лули-ванов. Тем самым он создал новую и весьма своеобразную иерархию власти, названную в народе «четыре рога».

Таким образом, западные племена возглавил сянь-ван правого крыла и его первый помощник – лули-ван правого крыла, и, соответственно, во главе восточных племён встали сянь-ван и лули-ван левого крыла. В их подчинении, помимо акимов родов, отныне находились и оуто-ваны, командующие оуто – вооружёнными лагерями значительных размеров, состоящих из групп кочевий, собранных в большие становища, способных отразить нападения многотысячных вражьих войск. Отныне созданный союз всех кочевых родов стал именоваться державой Хунну, где понятия «народ» и «войско» имели одно и то же значение.

Родственные им племена сюнну, расположенные за пустыней в южной горной части, так и остались на издревле обетованных местах. Довольно скоро сянь-ван правого крыла хуннов завладел частью земель, принадлежащих племенам юечжи, разгромив их и вытеснив дальше на запад, где они разделились на больших юечжей и малых юечжей. Первые из них подошли к восточным границам саков. Одновременно лули-ван вступил в северо-западные земли, подчинил племя дунху и народы хуньюйев, кюй-еши и динлинов. Посланный шаньюем в северные края сянь-ван левого крыла, возглавив племена хяньюнь и хунюй, вошёл на территорию, заселённую сяньбийцами.

Впервые в этих захваченных краях местные жители увидели хуннов. Внешний вид их мужчин внушал неимоверный страх. Все как один невысокого роста, коренастые, плечистые, коротконогие, с большими головами на толстых шеях, с плоскими широкими безбородыми лицами, узкоглазые, с приплюснутыми носами и очень смуглым цветом кожи, они разительно отличались от всех, кого до сих пор видели аборигены покорённых земель. Каждый из их воинов был словно одним целым со своим скакуном, с которым никогда и нигде не расставался. Без коня, пешим, его невозможно было представить. Быстрый и ловкий,

он был вооружён длинным копьём с флажком и бубенчиком на древке, большим двуручным мечом с двойным лезвием и огромным мощным луком с костяными и роговыми накладками. На его голове был шлем из железных полос с кожаными бармицами, увенчанный шпилем с плюмажем либо фигурой фантастического зверя. Облачён же он был в длинный ламеллярный, из связанных меж собой пластинок, панцирь с чешуйчатой пелериной, к которому крепились высокий бронированный воротник и стальные полосчатые оплечья, под которым в качестве поддевки находилась кольчуга. Имея такой внешний вид, хуннские воины наводили ужас на всех своих врагов. В стремительных атаках они вели себя подобно стае птиц, молниеносно рассыпаясь в одном месте, тут же собираясь в другом и вновь вступая в сражение. Благодаря такой тактике ведения боя, всегда успешно применяемой ими, довольно скоро по земле распространились слухи об их неуязвимости. Всюду стали поговаривать о том, что отогнать их легко, разбить трудно, уничтожить невозможно. Запланированная великим шаньюем Мотуном экспансия в отношении соседних племён и народов с целью завладения их территориями началась безотлагательно и развивалась победоносно.

* * *

Ещё не так давно, до создания державы, без вождя его жёны и слуги не должны были мыслить о жизни и вместе с ним покидали этот мир. Теперь же шаньюй Мотун лично отменил этот обряд, дабы не разрушать и не прерывать единства родства, особенно в семьях властителей, считая их многочисленность и мощь гарантией процветания всего народа. В остальном же все бывшие устои и обряды продолжали неукоснительно соблюдаться и повсеместно исполняться. Женщина ни при каких обстоятельствах не могла быть во главе рода и тем более стать правительницей племени. Каждый мужчина, способный достойно содержать много жён, брал их столько, сколько хотел, но обязательным условием было их происхождение из другого рода. В случае смерти старшего брата младший брат женился на его

вдовах. За преступление члена семьи, в зависимости от содеянного им, вся семья несла определённую ответственность. Свято соблюдалось и поклонение хуннов небу, солнцу, луне, звёздам, земле и духам предков. Не претерпел особых перемен и их быт. Основным жилищем традиционно оставалась круглая войлочная юрта, устанавливаемая входом строго на юг. Правая, западная, сторона в ней считалась мужской, в которой, помимо постели главы семьи, находились боевое и охотничье снаряжение, сёдла, всевозможные упряжи и непременно бурдюк с кумысом – взбитым кислым кобыльим молоком. Левая же, восточная, часть юрты принадлежала незамужним женщинам в семье – дочерям и сёстрам. У входа размещались вся посуда, продовольствие и ёмкости для дойки скота. Вся юрта делилась на двенадцать секторов, которым были присвоены названия животных малого цикла лунного календаря. Обычно в юрте количество стропильных реек крыши было равно шестидесяти. Такое их количество с определённой точностью соответствовало числу лет полного круга данного календаря. Начиная с севера, следуя по направлению движения солнца, каждый из этих секторов имел своё смысловое значение. Так, мышь олицетворяла достаток пищи, тигр – храбрость, силу и могущество, заяц – слабость и пугливость, дракон – мощь и величие неба, змея – коварство, лошадь – подвижность, овца – нужду, обезьяна – человеческие фантазии, курица – плодovitость и молодость, собака – стражу имущества, кабан – сытость и довольство, бык – трудолюбие и выносливость. В центре юрты размещался главный объект жилища – очаг. Возле него под небольшим наклоном находился вертикальный опорный столб, упиравшийся основанием в пол и подпиравший вверху раздвоенными концами обод дымового отверстия. Данный упор, помимо основного назначения, имел ещё и своеобразный магический символ связи поколений и времён. Во время родов женщина, как правило, держалась за него руками, тем самым облегчая свои страдания. При рождении ребёнка на развилке столба делался небольшой надрез, извещавший всех умерших предков о появлении в семье нового человека, дававший понять духу о благополучном продолжении рода.

При прибытии в гости постороннего человека, в отличие от тех случаев, когда приходил знакомый сородич, до посещения им юрты и после входа в неё существовал сложный этикетный и магический ритуал, заключённый в определённой церемонии перевода «чужого» в «свои».

Хозяин, выйдя навстречу, произносил традиционное приветствие:

– Всё ли у тебя хорошо?

Гость должен был ответить:

– Да, всё хорошо, а у вас?

После этого хозяин приглашал его пройти в юрту. При наличии у гостя оружия он обязан был оставить его у входа, при этом вынуть из ножен нож и прикоснуться правой рукой к верхней притолоке двери, что означало его мирные намерения и дружественный приход. После исполнения этого требования наиболее важным для гостя было не споткнуться о порог жилища, что воспринялось бы его хозяином как дурной знак, и случись такая заминка при посещении юрты правителя, его ожидала бы смерть. Хозяин усаживал гостя на почётное место, напротив входа, в северной стороне жилища. Через некоторое время подавали кумыс. Хорошим признаком для гостя являлось совместное питьё из одной посуды с хозяином. Лишь после того как выпивали напиток, гость мог рассказать о том, кто он, для чего прибыл и на какой срок. На этом ритуал заканчивался, но если в юрте находились дети хозяина и они прикасались к вещам гостя, то для него, равно как и для хозяйина, такое их поведение означало высшую степень обоюдного доверия.

Из ремёсел очень важными и развитыми были оружейное и кузнечное. Занятые такой работой мастера и их подмастерья производили для всех людей различное вооружение и боевое снаряжение, а также всевозможную посуду, утварь и множество иных предметов обихода, необходимых как для охоты, так и для повседневной жизни.

Наряду с ними, несмотря на то что многие зрелые селяне сами владели этим искусством, весьма востребованными были

мастеровые, качественно и быстро обрабатывавшие и выделявавшие кожи и войлок. Особым уважением среди населения пользовались умельцы, творившие конскую амуницию и сёдла, к которым их далёкие предки придумали очень удобное для упора ног приспособление – стремя.

Но наиболее почитаемыми у всех кочевников всё же считались те люди, кто удерживал в памяти и умел в совершенстве применить наследственные секреты, связанные с изготовлением луков. В большинстве своём из-за своеобразных природных данных их воины не обладали какими-то особенно выдающимися физическими качествами, и по этой причине, вступая в единоборство с врагом, они старались нанести наибольший урон на расстоянии, осыпая стрелами и ловя арканами и очень редко сходясь в ближнем бою на начальном этапе сражения, в связи с чем именно длинный составной лук всегда был их главным оружием. Доведа лук до совершенства, из него уже можно было поражать цель на расстоянии чуть менее тысячи шагов. Со временем с высочайшего одобрения властителя обычный тяжёлый прямой меч был заменён более лёгким мечом с изогнутым полотном. Новое оружие не имело столь сильного разящего эффекта, как старое, но из-за изгиба своего клинка оно было способно гасить мощь наносимого по нему удара, сводя до минимального уровня физические затраты его обладателя, максимально снижая приложенные им усилия и, что немаловажно, значительно продлевая возможность каждого хуннского воина сражаться без отдыха, тем самым изматывая врага и не прекращая ни на миг начатых боевых действий. С момента вступления в чужие земли среди воинов-хуннов во много раз возросло и без того очень сильно развитое чувство верности товариществу, ставшей особым культом, выразившимся в обрядах братания и клятвах.

* * *

Изрядно обогатившись в завоёванных территориях, присоединив к себе все покорённые народы и ощущая явную угрозу, исходившую от заметно окрепших китайских царств, шаньюй

Мотун стал алчно поглядывать дальше, на запад, на необъятную Великую степь, и однажды сянь-ваны огласили его веление двигаться всем в ту сторону, обещая подданным от его имени щедрые вознаграждения в предстоящем походе. Отныне все двадцать четыре рода были разделены на три части. По семь акимов со своими родами вошли в оба крыла. При шаньюе в центре находились оставшиеся десять родов. Сянь-ван правого крыла Киок первым перешёл новые западные рубежи хуннов. За ним двинулся сам шаньюй. Сянь-ван левого крыла Куту последовал за ним.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проводя всё время и особенно последние две сотни лет в очень частых кровопролитных междоусобных войнах, многочисленные китайские племена однажды всё-таки окончательно определились со своими лидерами, в результате чего появились семь сильнейших царств: Ци, Вэй, Чжао, Хань, Чу, Цинь и Янь. Наиболее древним из них являлось царство Ци, которое располагалось на побережьях Бохайского залива и Жёлтого моря. Плодородные земли стали основой для процветания в нём различных отраслей сельскохозяйственного производства, в частности шелководства, а прибрежное местоположение обусловило развитие соляного и рыболовного промыслов. Здесь также не было недостатка в рудах. Большие объёмы руд в совокупности с мастерством, проявляемым при выработке высококачественного железа, принесли ему широкую известность далеко за его пределами.

Линьцзы, главный город царства Ци, по прошествии времени стал к тому же ещё и крупнейшим культурным центром Китая, где собирались известные учёные и философы. Чрезвычайное усиление царству придали проведённые в нём важные и своевременные реформы. Появилось новое, менее усложнённое при управлении и более удобное в осуществлении контроля административно-территориальное деление. Изменилась система налогового обложения земледельческого населения. Была установлена монополия на добычу соли и производство железа.

Три крупных царства – Вэй, Чжао и Хань – занимали территории некогда единого и могущественного царства Цзинь, распавшегося чуть менее ста лет назад в результате борьбы между крупнейшими аристократическими родами. Их обширные плодородные земли, являвшиеся областями древнейшего распространения китайских племён, были наиболее заселёнными.

Особенно многолюдным было царство Вэй. По плотности народонаселения с ним не могло сравниться ни одно из других царств.

Царство Хань издревле славилось своими искусными ремесленниками, среди которых всегда выделялись непревзойдённые мастера по изготовлению превосходного оружия, известного всему Китаю.

Наиболее сильным из всех царств в военном отношении считалось крупное царство Чжао.

Укреплению царства Чу, ставшего самым могущественным в семи сильнейших царствах, также способствовало проведение многочисленных важных реформ, направленных против господства родовой аристократии. Его территория располагалась в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзыцзян и охватывала более трети той площади, которую занимали все царства в целом, а его земли изобиловали лесами, месторождениями железной руды, олова, меди и золота.

На северо-западе Китая находилось царство Цинь. Хотя оно и размещалось на огромном пространстве, но по численности населения значительно уступало своему соседу царству Чу, от которого оно всегда испытывало угрозу вторжения и в течение довольно длительного времени занимало по отношению к нему оборонительную позицию, всё чаще направляя своё внимание на захват территорий, принадлежащих племенам хуннов. Проведённые и в нём реформы, но более решительные, нежели в других царствах, способствовали быстрому социально-экономическому развитию и обусловили его значительное усиление, в результате чего по мощи оно уже могло соперничать с царством Чу.

На крайнем северо-востоке Китая находилось царство Янь, уступавшее по своим размерам и силе другим шести царствам

из семи сильнейших, но имевшее большое стратегическое и политическое значение, так как через него проходили важные торговые пути в Маньчжурию и Северную Корею. Кроме этих главенствующих царств, на территории Китая были и другие, среди которых выделялись такие как: Чжэн, Сун, Лу, Западная и Восточная Чжоу.

Прошло совсем немного времени, и они уже все были завоёваны более могущественными соседями. Царство Хань завладело царством Чжэн, царству Ци покорилось Сун, Чжоу было присоединено к Цинь, а Чу подчинило себе Лу. Теперь значительно возрос объём торговли и внутри самих царств, и с ближайшими их соседями. У северных и западных племён китайцы приобретали рабов, лошадей, крупный рогатый скот, баранов, кожу и шерсть, а в южных племенах они выменивали или же покупали слоновую кость, красители, золото, серебро и жемчуг. Политическая жизнь в царствах стала зависеть от влияния торговцев, так как купцы уже играли ведущую роль в экономике общества. Среди них появились наиболее влиятельные лица. Так, в царстве Вэй очень крупным сановником стал купец Бай Гуй. Известный торговец лошадьми купец Люй Бу-вэй в царстве Цинь занял должность первого советника. Богатая семья Тянь захватила власть в царстве Ци. Отныне наиболее сильными и могущественными стали считаться только те царства, в которых проживало большее количество крупных торговцев. Значительно увеличилось число городов и их население.

Линьцзы, главный город царства Ци, уже насчитывал в себе семьдесят тысяч дворов, тогда как в недалёком прошлом большими городами считались лишь те, что имели не менее трёх тысяч семей. Многие из бывших городов-крепостей, такие как Цзи и Ин, теперь уже превратились в крупные торгово-ремесленные центры царств. На важных транзитных путях возникали новые города. Так, в царстве Чу появился огромный город Хофэй. Ещё в царстве Цинь почти одновременно с государствами Западной Азии и Греции впервые в Китае появились металлические деньги. Вскоре они стали отливаться и в остальных царствах, правда, в разных формах. Так, в царстве Чу они были квадратными,

в Ци и Янь они имели форму ножей и мечей, в Чжао, Хань и Вэй им придали форму лопат, в Цинь деньги изготавливались круглыми, с квадратными отверстиями в середине.

Различными были в царствах и системы мер и весов.

Между царствами впервые были установлены таможенные заставы, где со всех торговцев, переходивших из одного царства в другое, стали взимать большие пошлины.

В обстановке быстрого развития ремёсел, бурного процветания торговли и товарного обмена, возникновения необходимости в установлении контроля над системой ирригации, несмотря на имевшиеся между ними разногласия и отличия, приводившие к определённым неудобствам, знать окрепших царств понимала значение объединения сил с целью совместного противостояния возросшей опасности от грабительских набегов кочевых племён, особенно с северной стороны, где был создан мощный родовой союз хуннов. Узнав из тайных подробных донесений многочисленных лазутчиков о том, что воинственные хунны повернули на запад, в сторону Великой степи, владельцы китайских царств вздохнули с явным облегчением, обрушив всю свою мощь на оставшиеся разрозненные соседние племена кочевников. Имея огромный людской потенциал, они не покоряли их, а вытесняли с исконно обетованных территорий, ставя перед собой лишь одну цель – захват их земель.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Прошло шестнадцать долгих лет с тех пор, как восемь сакских племён тиграхаудов, покинув в засушливую и очень тяжёлую пору своих сородичей массагетов, двинулись на северо-восток вдоль горных отрогов Тянь-Шаня. Дойдя до обширных земель с многочисленными озёрами и бурными речными потоками, принадлежащих родственным им племенам аримаспов, потеснив их на север, они остановились на просторных пастбищах, осознавая своё вторжение в чужую территорию, но не находя иного выхода и понимая, что только здесь их ожидает спасение от голодной смерти. Расположившись в благодатных краях, поначалу они решили всего лишь переждать невыносимые и тяжкие ненастья в своей земле, надеясь, что однажды смогут вернуться обратно.

Шло время, но всё складывалось для них совершенно иначе. Проведя весь первый год в частых столкновениях с бывшими хозяевами этих мест, они нанесли им довольно ощутимый урон, при этом и сами понесли людские потери.

Двадцатилетний Сахрибий, избранный тиграхаудами своим царём, дабы прекратить кровопролитие между братскими народами и восстановить мир, в один из летних дней начал отступление ровно до середины захваченных им территорий, направив сватов к царю аримаспов Кассу, изъявив желание взять себе в жёны его единственную дочь Ракию. Получив от него согласие, Сахрибий с огромной свитой и с богатыми дарами при-

был к нему в ставку. Такому неожиданному изменению в отношениях между враждующими сторонами были рады все: как те, так и другие. Народ во всех их восемнадцати племенах радостно ликовав по случаю так неожиданно свершившегося замечательного события, способствовавшего окончанию их ожесточённого противостояния и положившего начало истинному родству, послужившему, в свою очередь, воцарению мирного и добрососедского сосуществования. Отныне все земли, прежде завоёванные тиграхаудами, отошли к ним по праву и были распределены по справедливости, и уже никто среди аримаспов не считал их чужаками. Теперь нередкими стали обоюдные посещения поселений и вождями, и воинами, и простолюдинами. Породнившиеся цари – престарелый мудрый Касс и молодой отважный Сахрибий – всё больше проводили время вместе, нанося друг другу частые и желанные визиты, устраивая пиры в честь созданного союза, свершая жертвоприношения духам предков и благодаря Небеса и Землю за дарованное им взаимопонимание. С появлением на свет первенца Сахрибия и Ракии, мальчика, наречённого Кассом Даввий, отношения между ними стали как никогда близкими и очень доверительными.

Через три года к ним прибыли послы от Галхиса, царя соседних четырёх сакских племён даиев, обитавших в восточной части долины семи рек, огромной местности, известной сакам как Семиречье, оповестившие о его желании присоединиться к ним со всеми своими людьми. Причиной такого волеизъявления их правителя были участвовавшие в последнее время вторжения в его земли чужих неизвестных ему восточных народов юечжи, чьи отряды совершали свои опустошительные набеги из-за гор, проходя по ущельям и внезапно нападая на дальние дозоры, вырезая их и угоняя скот, тем самым постоянно причиняя невосполнимый ущерб племенам. Предпринимаемые меры по уничтожению разбойников должных и ожидаемых результатов не дали, так как те исчезали так же неожиданно, как и появлялись, словно растворяясь среди скал, при этом почти всегда изменяя пути проникновения на его территорию, словно заведомо зная обо всех засадах, выставленных в расщелинах. Постоянно дер-

жать во всеоружии крупные войсковые подразделения по всему восточному предгорью он был не в состоянии и теперь вынужденно обратился за помощью к своим единокровным западным соседям. На объединённом совете вождей, созванном обоими царями, Сахрибием и Кассом, в присутствии царя Галхиса и его полководцев было единогласно решено о принятии его племён в свои ряды, причём на равном положении, и немедленном оказании ему военной помощи. Уже через три дня двадцать тысяч войск выступили вместе с Галхисом в его ставку. В течение месяца совместно с таким же числом его воинов все горные проходы на восточных рубежах земель даиев были плотно перекрыты, а в устроенных повсюду ловушках погибло более пяти тысяч чужеземцев, пытавшихся прорваться на эту сторону для совершения очередных грабежей. Ровно год стояли союзные войска на страже границ, и только после твёрдой убеждённости в их безопасности они, щедро награждённые царём даиев, были отосланы обратно. В знак благодарности за оказанную помощь он пригласил к себе в гости царей Сахрибия и Касса и, дав трёхдневный пир в их честь, одарил каждого из них табунами отборных скакунов, что являлось наивысшим признанием совершённого ими благодеяния. С тех пор племена царя Галхиса больше не подвергались набегам.

Созданный тройственный союз продолжал процветать, с каждым годом значительно укрепляясь, пребывая в мире и благоденствии, пока однажды с запада к его землям не подступила грозная сила в лице огромной армии сарматских племён аланов во главе с полководцем Асуном. По велению сакских царей каждый из двадцати двух вождей привёл с собой по тридцать пять сотен воинов, держа наготове в своих ставках ещё от пятнадцати до двадцати сотен. Во главе почти восьмидесятитысячного войска тридцатилетний царь Сахрибий двинулся навстречу врагу, заранее зная, что значительно уступает ему по численности, но рассчитывая на нанесение упредительного удара, что давало ему явное преимущество. Накануне выступления благодаря мудрому совету Касса, намекнувшего во время приватной беседы с ним об имевшемся у него высокопоставленном

информаторе в среде приближённых к Асуну лиц, который уже долгое время за хорошее вознаграждение являлся постоянным источником сведений обо всём, что происходило в землях аланов, и предоставившим в очередной раз подробные данные о пути следования аланов и об их количестве, Сахрибий заблаговременно определился как со сроком встречи с ними, так и с местом нападения. Пока же ни Сахрибий, ни даже хитроумный Касс не могли ведать о том, что другая, более страшная, нежели приход аланов, смертельная опасность возникла для них с северо-восточной стороны. Оттуда, огибая подножья протяжённых горных массивов Тянь-Шаня, находясь ещё на довольно большом отдалении, но следуя в направлении к их рубежам, надвигались полчища племён хуннов, противостоять которым было суждено всем объединённым силам саков.

* * *

Сто двадцать тысяч аланов во главе с двадцативосьмилетним верховным военным вождём Асуном, растянувшись вереницей на огромное расстояние, неспешно продвигались среди перелесков, возвышенностей, озёр и долин, приближаясь к границам аримаспов. Восемь лет назад избранный правящим в племенах военным сословием на высокий пост главнокомандующего всеми войсками, он не проиграл ни одну из битв, в которых принял участие в этом качестве, в результате чего прослыл в своих землях очень удачливым и непобедимым полководцем. Особенной и редкостной чертой характера Асуна была его невероятная способность предвидения всех грядущих событий, из-за которой он зачастую перед сражениями игнорировал советы подчинённых ему военных вождей, поступая по-своему, тем самым поначалу вызывая негодование таким, как они считали, надменным и высокомерным поведением, граничащим с явным неуважением к их мнениям.

Прошло какое-то время, и все они поняли, что ошибались. Принятые им решения, несмотря ни на какие обстоятельства, приводили только к одному результату – победе, отчего подвластные ему простые воины приходили в восторг, а военачаль-

ники испытывали к нему разные чувства: одни, те, кто претендовал на его место, – затаённую зависть в связи с постоянной его успешностью, не дававшую им покоя, изводившую их и доводившую чуть ли не до отчаяния; иные же, не столь ретивые, постоянно ощущали страх, вызванный его поразительным умением предугадывать будущее, по их понятиям, невозможным для принятия на веру и не должным быть присущим обычному смертному человеку. Вдобавок к такому странному своему дарованию Асун имел и довольно удивительную и своеобразную внешность. Обладая невысоким ростом и хрупким телосложением, он выделялся неимоверно большим черепом с непропорционально развитым шишкообразным теменем, из-за чего был прозван в народе «великоголовым», что вселяло во многих трепет и боязнь, и они без сомнений связывали его облик с непредсказуемыми поступками, на которые он уверенно решался. Как бы там ни было, но главнокомандующий объединёнными силами аланов в точности соответствовал данному прозвищу как в прямом, так и в переносном смысле. Зная и не обращая на это никакого внимания, он продолжал поступать так, как ему заблагорассудится, оправдывая доверие народа и ведя за собой воинов к новым славным свершениям. Несмотря на некоторые препоны, умышленно творимые отдельными полководцами, кому он был неугоден и кто так ревностно относился к его реформистским деяниям, он всё же добился переустройства всех войск и их переоснащения.

Теперь треть всей его армии состояла из тяжёлой кавалерии, полностью закованной в броню и ставшей главной ударной частью во всех сражениях. Принятые на её вооружение длинные копья, заменившие прежние короткие, пригодные лишь для метания, крепились цепями к конским шеям, придавая оружию огромную поражающую мощь, так как в них вкладывалась вся сила мчащихся во весь опор могучих жеребцов, сменивших по велению Асуна хоть и быстрых, но не столь тяжёловесных кобылиц, обычно удобных в бою из-за способности опорожняться от жидкости на скаку в отличие от самцов, для которых в таких случаях обязательна остановка, что не раз приводило к гибели

всадников, невольно превращавшихся в неподвижные мишени. Остальные же воины делились на четыре равные части, каждая из которой представляла собой легковооружённую конницу, основным оружием которой были мечи, усовершенствованные дальнобойные луки и крепкие арканы. Все они имели строго определённые места и функции при передвижении и непосредственном ведении боя. Одна из них под командованием полководца Вердоха с этой поры была разведывательной, охранной и дозорной. Три другие были атакующими во втором порядке, две из которых всегда размещались на флангах тяжёлой кавалерии, а третья, что была в подчинении полководца Чахоба, находилась в её тылу. Основной их целью было стремительное уничтожение вражеских сил, разметающихся после нанесения главного удара, и одновременное прикрытие отхода тяжёлой кавалерии. Стратегия, выработанная Асуном, действовала безукоризненно, всегда оправдывая себя и приводя к желаемому итогу. Тактика же менялась им в каждом конкретном случае в зависимости от местности, где приходилось вести боевые действия, с учётом количества и дислокации войск противника.

На более широком равнинном пространстве его тяжёлая кавалерия под командованием полководца Гатуна разворачивалась и выстраивалась в одну линию. В местах же, стеснённых горами либо водой и лесами, он старался не принимать сражения, но когда это ему не удавалось, то в первую очередь вперёд выступала лёгкая конница полководца Манса, всегда находящаяся на левом фланге и издали обстреливавшая из луков позиции врага. После атаки она возвращалась обратно, и в бой вступала построенная клином тяжёлая кавалерия, по бокам от которой обязательно двигались две колонны лёгкой конницы полководца Бата, командующего всем правым фланговым крылом, создававшая собой коридор, по которому в случае необходимости тяжёлые всадники Гатуна могли беспрепятственно отступить, будучи уверенные, что за ними проход надёжно замкнулся батовцами.

Таким образом, очень прозорливый, достаточно опытный в житейских вопросах и весьма искушённый в военном ре-

месле главнокомандующий всеми армиями аланов Асун после тщательно проведённой им подготовки и свершения обильных жертвоприношений выступил в поход на восток, дабы расширить границы влияния своего народа и завладеть богатствами саков. Проведя в пути двадцать пять дней, благодаря умению, расчётливости и расторопности полководца Азнура, под чьим командованием находились вспомогательные части, надёжно обеспечивавшие войска всем необходимым снабжением, связью и своевременными переправами, благополучно пройдя всё расстояние, отделявшее его земли от ближних окраин сакских племён аримаспов, Асун вступил на их территорию. В жаркий летний полдень его передовые отряды вышли на просторную равнину, тут же столкнувшись с крупным дозором саков. Приняв их за дальнюю пограничную охрану, в ожидании подхода всех своих армий Асун встал на отдых, разбив лагерь и выслав во все стороны усиленные отряды разведки. Сакские дозоры, избегая столкновений с ними, быстро отделились и исчезли в окаймляющих долину лесах, словно растворившись среди деревьев.

* * *

Сахрибий, подступивший к лесному массиву поздним вечером, накануне дня подхода Асуна, не проходя его, расположил все свои войска с восточной стороны, чуть южнее направления движения аланов; лично проследовав сквозь дебри и издали внимательно осмотрев их лагерь, вернулся обратно, разделил своих воинов на три части, решив дать сражение уже на рассвете. По его новому замыслу, вопреки прежнему, традиционному для саков наступлению лавами из лучников, первыми должны были нанести удар по аланам его тяжёлые конники, при этом он очень рассчитывал на внезапность атаки. Его отборные воины, облачённые в бронированные куртки и железные клёпаные шлемы, были на тяжёлых лошадях, полностью покрытых панцирными попонами, главным оружием им служили копья и длинные мечи, их численность составляла почти половину армии – триста семьдесят сотен. Два других его подразделения по двести сотен, вооружённые короткими мечами, луками и

арканами, он направил по лесу в обход равнины, в две противоположные от него стороны, для охвата противника с флангов с целью одновременной атаки совместно с главными силами.

Определившись с тактикой проведения предстоящей битвы и убедившись, что обе лёгкие конницы в точности с его указаниями заняли исходные позиции, отслеживая поведение противника по донесениям дозоров, Сахрибий повелел тысячникам позаботиться о лошадях, накормить людей, не разводя костров, и предоставить им отдых до полуночи, после чего приступить к окончательной подготовке к сражению. Командующему всей тяжёлой конницей полководцу Нисиме следовало бесшумно преодолеть лесную чащу, перед которой он находился, и задолго до восхода светила выдвинуться для построения на равнине. Фланговым же полководцам Тилиму и Урбасу предстояло к этому сроку встать на окраинах равнины, притаиться среди деревьев с боков от неё, но не проявлять себя и дожидаться сигнала.

Асун, ясно осознавая, что он уже вошёл на территорию ари-маспов и находится в их землях, решил приостановить движение и стянуть на равнину всю свою армию, для чего требовалось подождать ещё два дня, как доложил ему полководец Азнур, ведавший связью, обеспечением переправ, арсеналом и снабжением. Донесения разведки об исчезновении дозоров противника его не особо тревожили. Как он полагал, данный факт свидетельствовал лишь о том, на что он и рассчитывал, а именно о неготовности саков к встрече с ним в этих краях, в результате чего его неожиданное появление здесь привело все их дозоры в явное замешательство, отчего они в полной растерянности и были вынуждены отступить. Такое поведение он воспринимал с пониманием, так как знал, что для оповещения ставки им нужно какое-то время. В том, что часть из них всё же скрытно наблюдает за его действиями, он не сомневался.

Совершенно не подозревая о присутствии среди своих военачальников тайного оповестителя царя ари-маспов Касса, имея

общее представление о возможной численности войск, которое тот может выставить против него, он был почти уверен, что врага на его пути пока нет, а если даже и есть, то особой угрозы не представляет, и поэтому не допускал поспешности в стягивании всех войск к месту расположения лагеря, но определённые меры предосторожности всё-таки предпринял.

* * *

Когда тёмное беззвёздное небо в непроглядной дали едва подёрнулось по всей своей низине слабыми всполохами мутного свечения, обозначавшего линию горизонта, и стало плавно отделяться нарождавшейся зарёй от чёрной смолы земного покрова, Сахрибий двинул своих тяжёлых конников прямо на огромный лагерь аланов, видневшийся впереди мерцаниями многочисленных потускневших огней, каждый из которых означал собой прогоревшее к утру кострище.

* * *

– Правитель, саки наступают на нас! – доложил Асуну запыхавшийся от быстрого подъёма командующий разведкой Вердох.

– Не думал я, что они могут стоять на моём пути в этой местности и к тому же подойти так близко к нам. Почему ты не знал об этом? – поднимаясь с места, грозно спросил главнокомандующий. – Где были всё это время твои люди? Как случилось, что армия саков упредила меня? Отвечай.

– Прости, правитель, моя вина, – склонив голову, прошептал Вердох.

– Об этом я подумаю позже. Сколько войск у них и какими силами они наступают? Хотя это, надеюсь, известно тебе? Я слушаю тебя.

Заложив руки за спину и крепко сжимая плеть, Асун подошёл вплотную.

– Нет, правитель. Точно сказать я не могу, – не поднимая головы, вновь виновато прошептал Вердох. – Они идут прямо на наш лагерь. Всюду в лесах на той стороне равнины замечены их отряды.

– Запомни, Вердох, это было последнее твоё упущение. Я уважаю твой возраст, но больше не потерплю ни тебя, ни твоих хваленых лазутчиков. Не доводи меня до мысли о твоём возможном предательстве. Слишком плохо ты стал относиться к своим обязанностям в этом походе. И ещё. Не думай, что тебя от наказания спасёт родство с самим властителем. Он многое может простить и понять, но никогда не станет потакать нерадивым полководцам, а тем более изменникам, – Асун замолчал.

При последних его словах Вердох взглянул вспыхнувшим взором в его глаза, но тут же отвернулся и, порывисто утерев со лба пот, тихо, но твёрдо произнёс:

– Правитель, я всё понял. Обещаю, что больше не подведу. Нет во мне иных помыслов, нежели верно служить тебе.

– Иди, пока не стало поздно, – повелел Асун, смягчаясь в голосе.

Полководец тут же отступил, низко склонил голову, резко развернулся и удалился быстрым шагом.

«Не верится, что он. Кто же предупредил саков? Нужно срочно выявить доносчика. Он где-то здесь, рядом со мной, и явно находится в моей свите и исходит из числа моих недругов. Но кто он? Где притаился? Верно говорят мудрецы: “В этом мире нельзя никому доверять, и даже свои вечерние мысли следует передумать наутро”. Правы они. Не должно быть приближённых к твоей душе и твоему разуму, если хочешь чего-то добиться. Есть только очень взвешенные и выверенные твои слова и твёрдые веления из твоих уст, напрочь перекрывающие доступ к твоему сердцу и помыслам, да ещё твои точные поступки, гасящие любые сомнения, какие только могут зародиться в любом человеке из твоего окружения. Там, где высказал сокровенное, там и ослаб, предоставив любому шанс стать вровень с тобой. Отец не зря учил меня: “Необдуманно проговорился – стал посмешищем. Всё осмыслил, но не выразился к месту – стал следователем. Ни о чём не помышлял, но и не высказался – стал опасным. Задумал, вовремя огласился, утвердился деянием – стал обретшим почесть. Дважды свершил такое – стал первым

среди равных. Сумел развить успех многократно – стал прославленным. Иного ничего не дано!” Как же он был прав! Казалось бы, стараюсь всегда следовать этим его наставлениям, но всё же где-то, в какой-то момент допустил оплошность, поступил опрометчиво и сразу же получил жестокую острастку от своих тайных недоброжелателей. Что ж, наверное, так и должно быть. Уверование в свою непогрешимость и есть путь, уводящий обратно, но, видимо, уже не туда, откуда ты вышел когда-то в большую дорогу, а гораздо дальше и ниже, где тебя ожидают два самых страшных твоих врага – твоё бессилие и твоя память», – подумал Асун, впервые всерьёз воспринимая действия врагов-сородичей.

Прервав свои размышления, он поднял руку, и к нему тут же подбежал сотник личной стражи.

– Где гонцы от Гатуна и Манса? – спросил его Асун.

– Правитель, здесь они, – склонился тот. – Прибыл также полководец Бат.

– Бат?! – удивился было Асун, но тут же повелел: – Пусть подождёт. Гонцов ко мне.

– Повинуясь, правитель, – сотник мгновенно исчез.

Из донесений очередных гонцов командующего тяжёлой кавалерией Гатуна и командующего лёгкой конницей левого крыла Манса, чьи войска уже окончательно подтянулись к равнине и находились здесь, Асун уже в который раз за ночь убедился, что они в точности с его приказами полумесяцем охватили оставленный им лагерь и были готовы немедленно вступить в сражение с саками, не дожидаясь подхода остальных сил. То, как он поступил, ещё до полуночи повелев разместиться им на новых позициях, не разжигая костров и даже не запаливая факелов, было полной неожиданностью для них. Но зная и всегда помня о прозорливости и постоянном странном поведении главнокомандующего, они не стали удивляться решению, принятому им вскоре после того, как их войска встали уже на отдых, и беспрекословно исполнили веление, понимая, что всё это является частью каких-то его хитроумных замыслов. Срочное изменение в дислокации армий было

вызвано в нём не столько его чрезмерной предусмотрительностью, как он сам ясно осознавал, не ожидая скорого начала военных действий, сколько предчувствием наступления непредвиденных событий, чего он никогда не мог спокойно переносить, помня из опыта о том, что они почти всегда пагубно влияют на осуществление планов и впоследствии требуют очень многих усилий для нормального овладения ситуацией и влияния на её ход, внося совершенно неожиданные коррективы во все предстоящие действия и отнимая бесценное время. Манёвр, предпринятый им, как он очень надеялся, должен был возыметь огромное значение, так как саки своими передвижениями уже приближались к расположению лагеря, на который он взирал с каменистого пригорка, плоской вершиной слегка возвышавшегося над деревьями, расположившись на нём заранее.

Зарождался рассвет.

Вспомнив о прибытии полководца Бата, командующего всей конницей его правого крыла, кто должен был появиться в этом месте лишь к полудню наступающего дня, он повелел позвать его.

– Правитель, как только мне доложили о том, что на нашем направлении замечены сакские отряды, я сразу же принял решение лично предстать перед тобой и выслушать твои, возможно, возникшие для меня новые повеления и приказы, – в приветствии почтительно склонив голову и приложив к груди руку, доложил военачальник Бат.

– Как далеко находятся сейчас твои войска? – подойдя вплотную и пристально вглядываясь в его глаза, спокойно спросил Асун.

– Правитель, к указанному тобой сроку все они непременно будут здесь, – также спокойно ответил тот.

– Тогда для чего ты, Бат, прибыл ко мне, оставив их на пути? – вновь спросил главнокомандующий, зорко следя за его движениями и внимательно вслушиваясь в каждое слово.

– Правитель, я воин, и в силу этого должен учитывать многое, дабы быть вовремя полезным тебе всегда и везде. Только

по этой единственной причине я и прибыл, – с достоинством ответил полководец, не отводя напряжённого взора.

– Что ты хочешь этим сказать? Я пока не понимаю тебя до конца, – Асун вскинул брови, что выражало его удивление.

– Правитель, мне донесли о том, что наши лазутчики ничего не ведали о нахождении на пути движения войск противника. Именно это обстоятельство показалось мне довольно странным, – Бат уверенно пояснил свои слова.

– Что ж, Бат, твои осведомлённость, бдительность и рвение достойны похвалы, но почему ты решил, что вездесущему Вердоху ничего не известно об этом и что он не оповестил меня своевременно? – жёстко произнёс Асун, по-прежнему не сводя глаз с военачальника. – К тому же, скажи мне, кто позволил тебе оставить вверенные войска? Я что-то не припоминаю такого веления. Или ты допускаешь мысль о том, что без тебя здесь уже некому принимать решения?

– Прости, правитель, но я лишь счёл своим долгом срочно поставить тебя в известность обо всём, что встревожило меня и выглядело для меня весьма опасным, – дрогнув в голосе, виновато пожал широченными плечами Бат и опустил глаза.

– Если ещё хоть раз ты сочтёшь себя наиболее осторожным из всех моих полководцев и проявишь подобное своеволие, то я не буду так долго слушать тебя, отвлекаясь от более важных дел. Своими смутными предположениями и необоснованными домыслами ты очень настораживаешь меня, тем самым невольно заставляя воспринимать твой поступок как желание неоправданно опорочить имя собрата по оружию Вердоха. Более того, я могу воспринять твоё поведение как попытку подвергнуть сомнению даже мои действия. Ты понимаешь, о чём я говорю и чем это может обернуться для тебя?

– Да, правитель. Я всё понял, – не поднимая глаз, кивнул тот.

– А теперь оглянись и посмотри-ка вон туда, – грозно повелел ему Асун, указывая плетью в сторону равнины, где в покинутый ночью лагерь, едва выделяющийся в предутреннем тумане тусклыми огнями гаснувших кострищ, уже ворвались саки.

Бат порывисто развернулся и взглянул в указанном направлении.

– Это мой лагерь. А это саки. Вот я и хочу спросить тебя: почему я здесь, а не там и что было бы со мной, останься я в нём? – Асун, прищурившись, наблюдал за полководцем.

Тот вновь повернулся к нему, как-то робко взглянул ему в глаза и тихо произнёс:

– Я оказался неправ. Прости, правитель. Позволь отбыть к войскам.

– Бат, ты догадываешься о том, что будет дальше там, внизу, и почему такое произойдёт? Думаю, ты спешил зря. Помни о нашем разговоре. Иди, – больше не отвлекаясь на него, главнокомандующий отошёл чуть в сторону и стал внимательно вглядываться вдаль, туда, где очень скоро сакские отряды должны были оказаться в крепких клещах его воинства.

* * *

Сахрибий с пятьюдесятью сотнями своей личной охраны находился на восточной окраине равнины, внимательно всматриваясь в сторону западной её оконечности, где размещался лагерь аланов и куда уже почти добралась его тяжёлая конница, ведомая полководцем Нисимой. Всю ночь и даже с наступлением рассвета у него не было сомнений в успехе предстоящей атаки, в её внезапности и неожиданности для врага. Однако по мере приближения её начала он всё сильнее стал чувствовать зарождающуюся где-то в глубине души тревогу. Как он ни старался, как ни спешил понять, почему она появилась и от чего вдруг стала исходить, но так и не сумел разобраться в причинах, вызвавших её возникновение. Взвесив напоследок все свои возможности на данный момент, ещё раз обдумав положение, в котором он пребывает, и не найдя даже малейших поводов для отсрочки предстоящих действий, он подверг анализу все свои доводы и аргументы, возможно, свидетельствующие не в его пользу, и, не обнаружив в них ни единого факта, препятствующего воплощению задуманного плана, наутро отдал приказ о наступлении.

Довольно скоро он понял и с сожалением признался себе, что упустил в потоке стремительно нахлынувших событий, совсем забыл о том, что своим предчувствиям и особенно сомнениям следует доверять и не отвергать их, как нечто нелепое и случайное. Он негодовал, так как помнил, что именно в них, в этих тихих и тонких сигналах человеку свыше подаётся знак. Знак, который никогда не следует игнорировать. Знак, которым нельзя пренебрегать ни при каких обстоятельствах. Знак, появления которого никому не нужно стесняться. Он всегда ясно осознавал, что такой знак посылается вовремя и во благо человека, так как служит ему своеобразным оберегом. Сколько он помнил себя, чаще всего в самый важный миг своей жизни он всегда вспоминал слова усопшей матери: «Не ошибись, сынок, допустив невнимательность к своим ощущениям, проявив недоверчивость к своим чувствам. Ведь только они всегда будут твоими самыми преданными и верными сподвижниками. Однажды наступит время, и ни я, ни твой отец не сможем больше помочь тебе. С этого дня ты должен будешь идти по жизни в одиночестве, хотя и пребывая среди людского множества. Вот тогда-то ты и поймёшь, что по-настоящему никому уже не нужен. Научись больше всего доверять только этим своим верным спутникам. Чувства нарождаются в душе и питают разум. Ощущения появляются в сердце и становятся стражами тела. Они и есть твоё нутро. Их нельзя предавать. Им нужно свято верить. Помни, что их невозможно обрести во внешнем мире. Они обитают только в тебе. Ты скоро вырастешь и узнаешь, что только мужчину подстерегают самые настоящие опасности и испытания и он, на свою беду, может совершить непоправимую ошибку, тщательно скрывая и подавляя в себе возникшие вдруг в нём чувства и ощущения, не следуя их подсказкам, внутренне воспринимая их как проявление малодушия. Очень жаль, что и теперь, как во все былые времена, из-за нелепых предрассудков мальчикам необдуманно прививают неприятие к ним, отчего они и возрастают внутренне опустошённые, чёрствые и обделённые чуткостью к себе. Так и зарождается человеческая слабость. Знай, что только

глупец не прислушивается к своему нутру и относит служение ему к отсутствию твёрдости духа. Только поэтому он и совершает ошибки, оставаясь всегда бесследным. Его никто не помнит. Чувства и ощущения есть верноподданные слуги духа, а стало быть, и самого человека. Они являют собой невидимые указующие перста, ведущие если и не к самим вершинам, то к спасению от многих напастей».

Сахрибий только сейчас с щемящей болью в душе вспомнил эти, казалось бы, простые слова, на самом же деле являвшиеся бесценным напутствием, освящённым истинной любовью материнского сердца. Впервые, взвесив все внешние факторы, он совершенно не учёл позывов своего нутра. Срочно присланный полководцем Нисимой гонец извещал его о западне, устроенной Асуном в безлюдном лагере, куда угодила вся его тяжёлая конница. Худшие предчувствия Сахрибия подтвердились.

* * *

Небосвод заметно посветлел.

Асун взирал с высоты на то, как сакские войска пытались вырваться из захлопнувшейся ловушки, но не могли этого сделать.

Гатун охватил их полукругом, а Манс вместе с Вердохом зашёл к ним сзади, замкнув кольцо.

* * *

Сахрибий, зная о том, что враг преобладает численно да к тому же устроил западню его главным силам, решил пока не вводить в битву две свои фланговые лёгкие конницы, дабы не подвергать риску ещё и их, и двинулся с имевшимися при нём войсками на прорыв к Нисиме, дерущемуся в полном окружении. На данный момент первостепенной задачей, которую следовало решить безотлагательно, становилась только одна – как можно быстрее вывести из окружения войска Нисимы и после этого, если представится возможность, перегруппировав всю армию, начать новый этап сражения. Во главе пятитысячного отряда своей охраны, стремительно преодолев довольно боль-

шое расстояние, отделявшее его от места битвы, он врезался в ряды аланов, разорвав их кольцо и создав брешь для вывода своей тяжёлой конницы. Вскоре, приложив совместные усилия с воинами полководца Нисимы, значительно расширив образовавшийся спасительный проход, подобно лаве, выхлынувшей из узкой и тесной горловины, они вырвались на равнинный простор, отступая на восток.

* * *

Асун, видя успешный прорыв попавших в засаду саков, удавшийся с приходом на подмогу к ним небольшого отряда, воспринял манёвр как введение их главнокомандующим резервных сил, возможно, даже последних, посланных в помощь окружённым собратьям, и тут же повелел гонцам, чтобы те передали полководцам срочный приказ о преследовании этих сакских войск с целью пресечения возможного их ухода из долины в лесные дебри. По прошествии небольшого промежутка времени лёгкая конница Манса настигла саков почти на самой середине равнины и стала охватывать их с левого фланга, пытаясь обойти и встать на пути отхода. С небольшим опозданием к ним подступила и тяжёлая кавалерия Гатуна, развернувшаяся в боевом порядке для атаки на обширном пространстве. Саки были вынуждены остановиться и принять бой. Вновь завязалась ожесточённая схватка.

Наступал жаркий полдень. Заслонившись рукой от солнца, чтобы взглянуть в низину, туда, где к долине по перелеску продолжали подходить его отставшие войска, Асун, больше не желая упускать возможности покончить с войсками аримаспов, повелел гонцу передать приказ полководцу Бату о его вступлении в сражение, при этом ему следовало начать с обхода саков с правого фланга. Уже через мгновение скопившаяся в лесной гуще передовая часть армии Бата ожила и сразу же вылетела на равнину, устремляясь тутим потоком к её центру, по мере отдаления заходя дугой по правой стороне. Теперь ничего нельзя было рассмотреть. Пыль, поднятая тысячами копыт, плотной пеленой повисла над ближней окраиной долины, поглотив

собой все виды, бывшие прежде очень ясными и доступными зорким глазам главнокомандующего Асуна. Такое временное неудобство его не беспокоило. Главное было сделано. Саки, в чём он уже не сомневался, теперь не имели ни единого шанса на спасение.

* * *

Не сумев оторваться от преследователей, чья лёгкая конница без особых усилий настигла его тяжёловооружённых всадников, Сахрибий был уже не в состоянии отсечь противника и вновь ввязался в бойню. Великан Нисима крушил всех на своём пути, прорываясь к царю с одним лишь желанием – уберечь его от гибели, попросить его покинуть сражение и как можно быстрее уйти и скрыться в лесу. Он заметил идущие в их сторону дополнительные силы врага и понял, что очень скоро все пути к отступлению будут перекрыты. Сахрибий, заметив его издали, ринулся навстречу и, когда оказался почти рядом, прокричал всего одно слово: «Держись!» Нисима, поднявшись в седле, что есть сил выкрикнул в ответ: «Царь, уходи!»

Вступившая в битву конница Бата мгновенно потеснила саков, сжимая их в плотную массу с правого края, не давая им возможности для манёвров и тем более для перегруппировок, тем самым создавая для всех своих воинов столь необходимое преимущество. Вновь вокруг саков замкнулось плотное кольцо, но на этот раз оно было значительно усилено посланными Асуном войсками. В самый последний миг каким-то чудом удалось вырваться лишь небольшому отряду во главе с полководцем Скибором, начальником личной охраны Сахрибия, получившим особое задание, самое важное из всех, что доводилось ему исполнять в своей жизни.

* * *

Спустившись вниз, Асун взглянул на продолжавшие подходить войска и, запрыгнув на подведённого скакуна, тронул его, разворачиваясь к долине. Трёхтысячный отряд личных охранников тут же охватил его в круг, ошетилившись длинными

копьями. Главнокомандующий неспешно вступил на равнину и спокойным ходом направился в сторону бывшего своего лагеря, издали внимательно оглядывая место первого побоища с саками, где всюду лежали тела сражённых воинов, а среди поваленных и прогоревших шатров небольшими группами, низко опустив головы, стояли осиротевшие кони. Грохот сражения заглушал собой все иные звуки, и даже пофыркивание своего скакуна, обычно воспринимаемое им с особым наслаждением, теперь он не мог расслышать, но, чувствуя поведение любимчика, он по привычке успокаивающе похлопывал его по шее.

* * *

Сахрибий всё чаще вытягивался в седле, поглядывая то в одну, то в другую сторону, при этом то, сильно прищуриваясь и пытаясь что-то увидеть, прикладывал руку козырьком ко лбу, то подставлял её к уху, стараясь что-то расслышать. Наконец он вздрогнул и на мгновение замер, сдерживая разгорячённого скакуна крепче обычного, и уже всего через миг, засияв в широкой улыбке, уверенно опустился в седло и, вскинув меч высоко над головой, тут же издал невероятной силы клич, больше похожий на звериный рык.

Вскоре вся долина наполнилась каким-то ужасающим многоголосым воем, постепенно нарастающим и перекрывающим собой все звуки сражения, отчего у дерущихся воинов стыла кровь в жилах и шевелились волосы под шлемами. Вылетев из лесных дебрей, выстраиваясь на ходу в ровные линии лавин, с северной и южной сторон равнины мчались сакские конницы полководцев Тилима и Урбаса. При появлении желанной и весьма своевременной помощи воспрявшие духом окружённые сакские воины с удвоенной силой стали бросаться на врага, разметаю его плотные ряды, разрывая на части всю заградительную цепь, выбираясь наружу и, в свою очередь, забирая его в круг, грома и тесня к центру. Перевес в битве стал очевидным. Аланы дрогнули и начали общее отступление.

* * *

Асун находился недалеке от места сражения, когда увидел наступление саков, появившихся внезапно сразу с двух окраин равнины. Случившееся на его глазах было поистине невероятным. Он оцепенел, не веря тому, что произошло. Победа, в которой он не сомневался, впервые в жизни ускользала из рук, грозя обернуться поражением. Сумев неимоверным усилием воли совладать с собой, быстро оправившись от охватившего его ужаса, он направил гонца обратно, повелев всем войскам атаковать противника. Возглавив охранный отряд, видя, что ни Гатун, ни Манс уже не могут остановить отход своих армий, Асун двинулся вперёд в надежде переломить ход битвы.

* * *

Саки по приказу своего царя вывели из сражения тяжёлую кавалерию и охватили противника со всех сторон лёгкими конницами, применяя теперь излюбленную тактику – нападение лавами и обстрел из луков издали врага, по-прежнему удерживаемого в кольце. Войска аланов, отбиваясь всеми силами, несли огромные потери и медленно продвигались к своему лагерю, но как ни старались, а полностью вырваться из окружения пока не могли, подобно быку, на которого набросилась целая стая голодных волков. Гатун, увидев главнокомандующего, спешащего на помощь с небольшим отрядом, предпринял ожесточённую попытку вырваться из вражьего захвата с целью успеть уберечь вожда от неминуемой гибели, и эта затея, очень сложная в данной ситуации, хоть и с огромным трудом, но всё-таки удалась ему. На одном из участков саки, не сумев сдержать мощного напора тяжёлых конников, разомкнули кольцо, слегка отдалившись по равнине.

Теперь Асуну ничто не угрожало. Люди Гатуна, почувствовав ослабление натиска противника, пройдя не так далеко, остановились и вновь развернулись, сомкнув ряды, встав живым заслоном между саками и своим главнокомандующим. По прошествии некоторого времени здесь же появился полководец алан Азнур, приведший за собой всех оставшихся воинов, но,

к его удивлению, сакских войск уже нигде не было видно, и только клубы пыли над долиной свидетельствовали об их недавнем присутствии. Асун ещё долго стоял посреди равнины в ожидании появления воинства аримаспов. Ближе к закату он отвёл свои армии на отдых, ещё не зная о понесённых им потерях, но многократно шепча слова благодарности вечным небесам за благополучный исход в сражении с врагом, равного которому ему никогда не доводилось встречать и от которого в этот день он едва не потерпел первое в жизни поражение.

* * *

Плавно опустилась ночь. Накинув на плечи плащ, Асун сидел у костра перед своим шатром. Несмотря на усталость, он не мог заснуть. Его тело каждым мускулом просило отдыха. Оно изнемогало отнюдь не от больших физических перегрузок, каковых ему особо и не пришлось испытать. Судорожные порывы волнами прокатывались по нему от чрезмерного внутреннего перенапряжения, перенесённого им за всё то время, что длилось сражение с саками. Он терпел эту боль, заставляя себя не обращать внимания на своё состояние, не считая его каким-то необычным, требующим иного, более серьёзного восприятия, зная, что оно скоро пройдёт, уверенный, что ему нужно всего лишь успокоиться. То, что ему довелось пережить за прошедший день, больше всего бредило душу и теперь нуждалось в глубоком, детальном осмыслении, с учётом всего произошедшего, с обязательным проведением тщательнейшего анализа каждого известного ему факта, каждой, даже мизерной причины, что слились вдруг воедино и привели к такому неожиданному результату. При этом он понимал, что ни в коем случае ему не следовало откладывать думы на более позднее и, казалось бы, более подходящее для этого время, так как к предстоящим в ближайшее будущее событиям следовало подготовиться сейчас, заблаговременно и основательно.

Из донесений своих полководцев, среди которых почему-то не оказалось командующего отрядами разведки, дозора и охраны Вердоха, до сих пор так и не появившегося в лагере, Асун

уже знал о приблизительной численности понесённых потерь. Почти четвёртая часть тяжёлой кавалерии Гатуна и пятая часть лёгкой конницы Манса полегли в битве. Войска Бата, вступившие в неё не в полном составе, оставили на равнине около трёх тысяч воинов. В число не вернувшихся в лагерь воинов входили и раненые, но точных данных об их количестве пока не было. Ими должны были заняться на рассвете. Таким образом, общие потери аланов составляли около семнадцати тысяч человек.

Такого начала боевых действий Асун не ожидал. Будучи сугубо военным человеком да к тому же истым полководцем, он всегда старался учитывать неизбежность утрат при том или ином сражении, но все они при победоносном завершении становились для него явлениями второстепенными по значимости и относились к вполне восполнимым проявлениям войн. Он помнил о них, но думал только о главном, о том, что они приводили к самому желаемому последствию – победе, и тогда эти жертвы становились оправданными.

«Сегодня всё обстоит совершенно иначе. В столкновении с саками исход ещё не определён, но огромные потери уже понесены. Почему? Что явилось причиной такого поворота событий? Конечно же, моя неосведомлённость. Я впервые не смог повлиять на сложившуюся ситуацию, не говоря уже об абсолютной невозможности предугадать её. Как могло случиться, что я не ведал ни о нахождении на моём пути вражьих войск, ни о их резервных частях, затаённых в этих лесах? Но самое важное и непонятное для меня всё же заключается в другом, а именно – в изначальном поведении противника. Откуда аримаспы вообще узнали о моём приходе да к тому же предугадали, что я буду идти именно по этому направлению? Ведь других дорог, ведущих в их земли, много – не счесть. Это не может быть случайностью или совпадением, а явно свидетельствует о подробной и своевременной информированности их царя о моём продвижении. Выходит, Касс знал о том, где и когда я вступлю на его территорию. Вполне возможно, что ему известно и о численности моих сил. Иначе как воспринимать тот факт, что их

засадные части не вступили в сражение, когда их собратья попали в ловушку в брошенном лагере, а спокойно ожидали введения в битву почти всех моих армий? Всё это также не может быть совершено без тщательной подготовки и предварительного расчёта. Находиться вблизи, взирать на то, как гибнут твои войска, и не предпринимать никаких спасительных действий при всех других обстоятельствах означает только одно – бездарность полководца, обязательно влекущая весьма пагубный для него исход. Так оно и вышло бы, но не в этом случае, заведомо продуманном и заранее предусмотренном. Значит, саки всё-таки загодя знали о количестве моих сил, оттого и не спешили на помощь попавшим в засаду отрядам. Выходит, кто-то из моих людей постоянно имеет с ними связь и снабжает сведениями о моих планах. Покинуть лагерь никто из простых воинов не может, да и военачальники тоже. Только Вердох и его лазутчики в силу возложенных на них особых обязанностей имеют право беспрепятственно оставлять его в любое время. К тому же все отряды внутренней охраны и внешних дозоров также подчинены ему. Что ж, вот это уже возможный след, способный вывести меня на предателя. Хотя тут же возникает новый вопрос: если он среди них, то тогда почему мне удалось устроить западню сакам в оставленном ночью лагере? Ведь они явно не подозревали о ней. Получается так, что изменник не смог или не успел предупредить врага об этом. Решение об оставлении войсками лагеря, разбитого днём на глазах сакских дозоров, было принято ближе к полуночи, и о нём не знал никто из моих полководцев: ни Гатун, ни Манс, ни Вердох. Бата и Азнура на тот момент попросту ещё не было здесь, а Чахоб и теперь ещё не прибыл сюда. Неужели доносчик всё-таки является человеком Вердоха? Как могло случиться, что он стал предателем? Где и когда он смог повстречаться с кем-то из саков, став прислужным ему? Что могло побудить его поступить таким подлым образом?» – Асун напряжённо думал, изредка прикладываясь к посудине с холодной водой, иногда отщипывая небольшие куски вяленого мяса, совершенно не замечая этого, не видя и сотника, уже в который раз бесшумно заменявшего блюда с остывшей едой.

Время приближалось к полуночи.

Понимая, что истина где-то рядом, чувствуя, что в своих суждениях он находится на верном пути, Асун взволнованно поднялся, разминая затёкшие ноги, пару раз порывисто присел на корточки, затем потянулся, хрустнув лопатками, и вновь опустился на свою походную скамью, продолжая свои размышления.

«В войне с аримаспами пятнадцатилетней давности мои одноклассники Гатун, Манс и Бат, как, впрочем, и старшие на пару лет Азнур с Чахобом, по причине довольно юного их возраста не принимали участия, а вот Вердох, насколько я помню, уже в ту пору командовал тысячей, причём входившей в состав личной охраны своего дяди, бывшего верховного военного вождя и нынешнего властителя. Да продлятся его дни в здравии и процветании! Так что же получается? Только один Вердох из всех нас, кто теперь является полководцем, бывал в этих краях и сталкивался с аримаспами. Войну тогда почему-то проиграли, но сумели сохранить большую часть войск. Вердох же, несмотря на, казалось бы, очень высокое положение рода, ни верховным военным вождём, ни даже командующим личной охраной властителя так и не был назначен. Однако то, что он имел тогда явную возможность каким-то образом общаться с кем-то из саков, ещё ни о чём не свидетельствует. Война есть война. На ней пересекаются судьбы многих людей. Это естественно. Без этого обойтись невозможно. Нет, поспешным подходом можно дойти до самых страшных домыслов и ошибочных обвинений. Такого нельзя допускать. Нужны только факты и неопровержимые доказательства. Попробую найти их в том, что есть в действительности, в том, что окружает меня сейчас, и подойти к этой головоломке с другой стороны... Итак, Вердох был уже здесь. Кто из тех, что ныне служат под его началом, также принимал участие в том походе? Никто. Я ведь по его личной просьбе разрешил ему набрать в отряды только молодых, сильных, выносливых воинов. На созванном большом совете он настаивал на таком условии, и оно, к его большой радости, было в полной мере удовлетворено. Даже сотники, ставшие вдруг таковыми, не будучи прежде и де-

сятниками, были подобраны и назначены им из числа простых новичков... Вот и всё! Кажется, я наконец вычислил тебя. Остается лишь узнать о доводах, приведших тебя к измене... Не могу поверить, что такой зрелый муж, высокопоставленный полководец и близкий родственник самого властителя всех племён аланов способен на такой низменный поступок, как предательство. Быть может, и то давнее наше поражение от аримаспов каким-то образом связано с этим человеком. Если это так, то всё, к великому сожалению, вновь повторяется», – Асун поднялся с места, рывком скинув плащ.

Высокое тёмное небо огромным множеством звёзд нависало над землёй, подослав к ней своё ночное око – полную белёсую луну.

– Где Гатун? – грозно спросил главнокомандующий у подбежавшего к нему сотника.

– Правитель, он здесь, ожидает твоих велений, – тот низко склонился и быстро ответил ему.

Полководец Гатун тут же появился у костра и молча замер.

– Присядь. Хочу знать твоё мнение относительно всего, что случилось, – внимательно посмотрев на него, строго, но почтительно произнёс Асун.

Они расположились у огня. Асун окинул своего военачальника цепким взглядом, отметив про себя его внешнюю опрятность, заметив и его сильную измождённость, при этом подумав: «Да, сильно тебе досталось. Всё понимаю, но времени для отдыха у нас нет», – а вслух спросил:

– Нашёлся Вердох?

– Нет, правитель. Его ищут. Я послал людей, – мотнув головой, с досадой ответил тот.

– Что с ним могло случиться, как думаешь? – вновь спросил Асун.

– Не знаю, правитель. О худшем и думать не хочется. В той неразберихе каждый мог сложить голову.

– Неразбериха? Это ты верно подметил. Слово-то какое точное ты сумел подобрать. Скажи-ка мне, Гатун, а ты не задумывался над тем, почему она возникла и где, на твой взгляд, так

крепко затаился её корень? – неожиданно и загадочно спросил его главнокомандующий.

Гатун, спокойно смотревший на пламя, быстро отвёл от него глаза и недоумевающее взглянул в лицо главнокомандующему, явно испытывая растерянность от вопроса.

– Есть и ещё одно интересное слово – измена. Слышал о нём? А теперь подумай над тем, нет ли связи между ними в нашей ситуации. Что скажешь? Какие мысли теперь появились у тебя? Поделись-ка со мной, – пристально смотря ему в глаза, почти злобно произнёс Асун.

– Правитель! Но... – вытягиваясь и расправляя плечи, Гатун устоял на вождя, не в силах произнести больше ни слова.

Было очевидным, что его уже осенила какая-то смутная догадка, но он молчал, видимо, не веря в её возможность и правдоподобность.

– Говори. Я и так слишком многое тебе поведал, – с интересом наблюдая за переменами в его поведении, за тем, как он воспринял сказанное, и довольный тем, что собеседник понял его правильно, произнёс Асун.

– Правитель, но этого не может быть! – почти прошептал полководец. – Неужто Вердох способен на такое?

– Вот и я, так же как и ты сейчас, не так давно был поражён этой догадкой, но, в отличие от тебя, пришёл к ней через тяжкие думы, складывая воедино по крупицам все факты и сведения. О них чуть позже. Главное – ты понял меня. Теперь о том, что тебе нужно сделать незамедлительно. Осмотри внимательно его шатёр, и всё, что покажется тебе подозрительным или необычным, доставь ко мне. Я жду, – вставая, завершил беседу Асун.

Гатун поспешно удалился. Асун ещё не успел как следует умыться принесённой свежей водой, как появился Гатун. За ним следовало четверо воинов. Они попарно несли объемистые кожаные вьюки, и, судя по тем усилиям, которые прилагались ими при этом, можно было догадываться о значительной тяжести содержимого каждого из этих двух громоздких мешков.

– Правитель, вот, – Гатун был взволнован сильнее прежнего.

– Что в них? – спокойно спросил Асун.

– Золото, правитель, – почти прошептал полководец, склонившись над одним из мешков и отвернув края. – Но оно... – он запнулся на полуслове.

– Что? – удивился Асун.

Гатун больше ничего не сказал, запустил руку внутрь мешка, вытащил оттуда целую пригоршню золотых изделий, сразу засверкавших отблесками полыхавшего костра, и поднёс их к правителю.

– Сакское золото. Только их мастера издревле отливают и изготавливают свои изделия, украшая их такими вот странными по виду зверьми, очень своеобразными и непонятными, – взглянув на драгоценности, очень уверенно, но с явным огорчением произнёс Асун.

Он вернулся к огню и устало опустился на скамью. Несмотря на то что за такой, казалось бы, короткий промежуток времени ему удалось выявить столь много неприятной информации относительно своего подчинённого, полководца Вердоха, таившееся где-то в глубине его души неверие в измену, не желавшее до сих пор покидать его, вдруг окончательно исчезло, уступив место горькой правде, при этом небывало расстроив его и зародив в нём сомнение в успехе начатого похода. Что-то внезапно заняло в его груди. Приложив ладонь к сердцу, он глубоко вдохнул, пытаясь избавиться от неприятно саднящей боли.

– Отдохни, правитель, – подойдя ближе и встревоженно взглянув ему в глаза, прошептал Гатун.

Асун поднялся, задумчиво кивнул и направился к своему шатру. У входа он оглянулся на полководца и, едва заметно махнув рукой, отдал последнее в эту ночь веление:

– Найди мне его тело. Он не ушёл. Вон лежат все его богатства.

* * *

Сахрибий в эту ночь не сомкнул глаз. Тяжёлая конница Нисима уменьшилась на треть. Около шести тысяч потеряли войска Тилима и Урбаса.

Общее число убитых и раненых составило почти восемнадцать тысяч человек. Теперь его армии насчитывали пятьсот

девяносто сотен воинов. Противостоять аланам и попытаться сдержать их продвижение, имея такое количество войск, как он понимал, ещё представлялось возможным, но победить их и окончательно вытеснить за пределы своих земель уже было нельзя. Сотворить это при нынешнем положении он попросту не мог. Самой же важной и оттого ужасающей являлась для него потеря фактора внезапности нападения на противника. Он обладал им не так давно и только с ним связывал надежды на успешное начало военных действий и скоротечное победоносное завершение. Преимущество, предоставленное ему дальновидным и прозорливым тестем, к глубочайшему сожалению, было упущено. Теперь предстояла только открытая и, возможно, затяжная война, в которой явно преобладал враг, имевший во всём очевидное и неоспоримое превосходство.

Сахрибий не мог решиться направить гонцов к царям Кассу и Галхису с просьбой прислать дополнительные отряды. Совесть, терзавшая душу, не позволяла совершить такой шаг. Ему было стыдно перед Кассом, когда-то давно отважно победившим полчища сарматов в лице их воинов-аланов, вторгшихся на его территорию, и успешно отбросившим их далеко за рубежи своих земель, вознеся своё вмиг прославившееся имя. Из воспоминаний, коим зачастую предавался Касс, находясь в обществе приближённых к нему людей, в числе которых был и он, Сахрибий, больше всего молодому вождю запомнилось, как Касс в той войне с сарматами, значительно уступая по численности воинов, всё же одолел их, взяв верх благодаря применённой смекалке, связанной с какой-то хитроумной уловкой, о которой он никогда и никому не говорил. Перед этим походом, оставшись наедине с Сахрибием, Касс всё-таки рассказал об этом. Весь секрет его победы заключался в подкупе им высокопоставленного военачальника в ставке врага, имя которого он держал в строжайшей тайне ото всех и даже не назвал ему, идущему на встречу со смертью. Сведения, и впредь постоянно доставлявшиеся Кассу от этого человека, были всегда очень своевременными, правдивыми и подробными и находили безукоризненное подтверждение, отчего никогда и не подвергались даже малейшему сомнению.

Вот и на этот раз доверенное лицо очень точно известило Касса как о пути следования Асуна и численности армий, так и о месте и времени, наиболее подходящими для нападения на него, что свидетельствовало о неизменной верности принятым на себя обязательствам. Мудрость властителя Касса, включавшая в себя множество уникальных и бесценных дарований, очень ярко выражалась и ещё в двух качествах – прозорливости и дальновидности. Первое исходило от его наблюдательности за человеческим поведением. Он, как никто другой, умел заметить, выявить и использовать в нужных для себя целях разные людские слабости. Такая его способность и возымела главенствующее значение при вычислении и подборе именно того человека, для кого щедрое вознаграждение вне зависимости от всех происходящих вокруг него событий имело самое первостепенное значение, преобладавшее над честью и моралью, с лёгкостью сдвигавшее на задворки души общепринятое понятие порядочности и довлевшее в его сердце над чувством долга, предусматривающим преданное и честное служение своему народу. Мнение Касса о том, что неуёмная и необузданная алчность является самым опасным человеческим пороком, особенно если она присуща лицам, наделённым властью, очень точно отражало суть его отношения к такому роду людей. Он был совершенно уверен, что только эта низменная тяга власть имущих обязательно приводит их к безрассудству, подрывающему в конце концов веру их поданных в справедливость и способному однажды довести их до отчаяния. Второе же качество зиждилось в Кассе на его невероятной выдержке, характерной лишь для истинного охотника, переданной ему через кровь от многочисленных предков и значительно приумноженной им самим в течение его долгой жизни. Оно заключалось в способности длительно и терпеливо дожидаться подходящего момента, дабы враз оказаться в выигрышной ситуации, не оставляя на волю случая ход судьбы и не питая пустых надежд на провидение. Именно по этой причине с того самого далёкого дня, когда состоялось его знакомство с тем человеком, и по настоящее время, несмотря на столь длительные и, казалось бы, уже ненужные отношения, Касс неустанно продолжал одаривать его, не считая

всё это вознаграждение потраченным зря. Он оказался прав, но Сахрибий невольно свёл все усердия и усилия Касса к ничьёмому результату, тем самым не оправдав его надежд. Отныне всё творящееся здесь уже не поддавалось влиянию Сахрибия и стало существовать само по себе, независимо от его желаний и стремлений. Не находя никакого иного выхода, он решил стоять насмерть и ценой своей жизни окупить доверие Касса и всех своих сородичей. На заре все его войска должны были выступить на равнину.

* * *

Начальник одного из многочисленных дозорных сакских отрядов сотник Лача, едва миновала полночь, стал подбираться ещё ближе к лагерю аланов, скрытно петляя среди деревьев и стараясь не отдаляться от небольшой реки, что своим извилистым и неглубоким руслом огибала равнину с северной её стороны и несла тихие воды сквозь лесные дебри, то чернея и теряясь в них, то вновь появляясь и раздвигая буйную растительность, при этом тускло поблёскивая звёздными отсветами, то усиленно журча у появлявшихся на её пути огромных, полностью покрытых мхом, валунов. Как трудно ни приходилось идти ему и его людям в такой крошечной темноте, другой дороги у него не было, и только тихое течение реки было для него единственным ориентиром. Он догадывался о том, что противник берёт воду из этой реки, поит в ней своих лошадей и уже находится где-то рядом, но пока не мог разобраться, насколько близко удалось подойти к его охране. Лёгкий свежий ветерок изредка пробегал над землёй, шумно шелестя листвой, пугая скакунов, мешая и без того напряжённому слуху сотника, что заставляло его останавливаться и подолгу прислушиваться к лесным звукам в попытке уловить в них малейшие перемены. Вероятность столкновения с вражьим дозором возрастала с каждым шагом и не сулила ничего хорошего, так как он находился слишком далеко от расположения своих войск. Чутко впитывая каждый шорох, доносившийся до него, он продвигался медленно и осторожно, оглядываясь на идущих

следом воинов, чьих лиц при всём желании не мог увидеть. Напряжение заметно нарастало. Он уже чувствовал всем нутром, что продвигается в непосредственной близости от вражьего стана, но ни единого отголоска, хоть как-то отдалённо напоминающего о присутствии большого скопления людей, до него по-прежнему не доносилось.

Остановившись при очередном ветреном порыве и приложив руку к уху, он повёл головой из стороны в сторону и вдруг услышал то, что так долго и терпеливо ждал. Слева от него, куда поворачивала и убегала река, словно потревоженное кем-то пчелиное семейство, гудело воинство аланов. Сомнений не было. Их лагерь располагался в небольшом отдалении. Тронув коня, Лача двинулся вдоль берега и, только после того как наткнулся на отвесный склон каменистого взгорка, понял, почему до сих пор не сумел заметить огней от кострищ, без которых не могли обходиться люди. Невысокая гора мешала увидеть стан. Теперь же он отчётливо созерцал его. Лагерь не спал. Всюду сноважили люди. Мелькало множество факелов. В их тусклом свечении сворачивались шатры.

– Что они делают? – шёпотом удивлённо спросил сотника подступивший к нему десятник.

– Сам не могу понять. Кажется, снимаются с места, – внимательно следя за происходящим, также шёпотом ответил тот.

– Я осматриваю округу. Что-то не верится мне, что здесь нет их дозоров, – десятник бесшумно отвёл коня.

Лача спешил и стал взбираться на гору. Добравшись до плоской вершины, он замер, не высовывая голову, прислушался, затем осторожно подтянулся и осмотрел её. На площадке никого не было. Пригнувшись и пробежав до её южного края, он прилёг и только после этого взглянул на стан. То, что представало его взору с высоты, было воистину поразительным. Аланы действительно уже почти свернули свой лагерь, но, вопреки тревожной догадке, направлялись не в сторону равнины, а ровными рядами под факелами удалялись на запад – туда, откуда пришли. Лача не верил своим глазам. Всё увиденное было весьма неожиданным.

– Они уходят! Этого не может быть! Выходит так, что мы победили их! – радостно шептал он пересохшими губами.

Вскоре рядом с ним находилась вся его сотня. Они уже больше не таились и стояли в полный рост, наслаждаясь столь желанным и приятным зрелищем. Когда вдали у горизонта посветлел небосвод, последние отряды аланов исчезли из виду, и только догоравшие костры да вытоптанная всюду трава напоминали об их недавнем присутствии в этом месте.

– Я с полусотней осматриваю их лагерь, а ты с остальными пройди за ними. Мало ли что может случиться. Только далеко не ходи. Жду тебя на окраине равнины, – повелел Лача десятнику и первым стал спускаться вниз.

* * *

Сахрибий выстроил свои войска для решающего сражения. Долина, раскинувшаяся перед ним всей необъятной широтой, уже стала плавно наливаться предутренним небесным светом, прямо на его глазах оживая каждым лепестком, каждой травинкой и стебельком, заигравшими разноцветьем, засиявшими переливами искорок, источаемых прозрачными капельками росы, сплошь усеявшими их своими россыпями. Лесные чащи стали наполняться хотя ещё и робким, но разноголосым птичьим пением. Ничто не напоминало о прошедшей накануне жестокой битве и не предвещало плохого. Всё продолжало жить, радуясь зарождавшемуся новому дню. И только грозная армия саков, топча тысячами копыт своих преданных боевых скакунов прелестный и свежий земной покров, пугая грохотом пробуждающуюся дикую живность, замерла в ожидании велений своего царя, не обращая никакого внимания на удивительные проявления природы, полностью сосредотачиваясь на командах военачальников и настраиваясь на предстоящую кровавую схватку.

«Надо же! Словно и нет войны. Выходит так, что никому на этой земле, кроме людей, она не нужна!» – вдыхая чистый прохладный воздух и оглядывая просторы, впервые подумал Сахрибий.

Он повёл задумчивым взором по равнине и вдруг в самом её центре увидел скачущих в их сторону всадников. Они летели во весь опор, размахивая руками и что-то выкрикивая. Скибор во главе двух сотен тут же ринулся им навстречу. Перехватив этих людей на довольно большом отдалении, лишь какое-то мгновение постояв с ними, он развернулся и, нахлёстывая скакуна, в сопровождении одного из воинов помчался обратно, значительно опережая оставленные за спиной обе свои сотни, также заспешившие за ним.

– Правитель, все войска аланов ушли. Они почему-то отступили, – подлетев к Сахрибию, на одном дыхании доложил сотник.

Сияя в улыбке, утирая пот с лица, он добавил:

– Правитель, а это сотник Лача, начальник нашего дозорного отряда. Он всё видел своими глазами и даже проследовал за ними.

– Да, правитель, это правда. Аланы в минувшую полночь снялись с места и к рассвету все до последнего воина покинули лагерь, – прыгнув с коня, сотник опустил на колено, склонив голову.

– Встань, доблестный тысячник Лача. Повтори всё, что ты сказал, ещё раз. Да так, чтобы все это слышали. Будь же, как есть, первым вестником победы, – ещё не до конца веря всему сказанному, но уже дрогнув переполненным радостной новостью сердцем, повелел Сахрибий.

Сотник продолжал коленопреклонно стоять.

– Нет, Лача, не сомневайся, ты не ослышался. Скорее же поднимайся. Ты отныне уже не сотник. Ты тысячник, – улыбаясь, отчётливо выделяя каждое своё слово, вновь произнёс Сахрибий.

Лача вскочил, выхватил меч, вытянул руки к небу и что есть сил стал громко выкрикивать:

– Победа! А-а-а! Победа!

Он, пританцовывая, завертелся на месте, задрав голову, потрясая руками и продолжая кричать:

– Мы победили! А-а-а! Победа!

В одно мгновение вся округа вдруг содрогнулась от тысячеголосого рёва ликующих саков. Дружно загрохотали барабаны. По равнине брызнули первые золотистые лучи восходящего светила.

* * *

Асун отступал.

Пройдя пять дней по уже знакомой дороге, он остановился.

Возвращаться в родные края в его планы не входило.

Дав однодневный отдых войскам, он повернул на юг.

Перед ним вдали, на расстоянии десятидневного перехода, простирались земли саков-исседонов.

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я

Дассария принял старшего гонца в своём шатре. Царь союза сакских племён исседонов Шангал просил его о помощи. Обращаясь с прошением, он в срочном порядке извещал о нападении на него огромной армии сарматских племён аланов, внезапно вторгшейся на его территорию. Внимательно выслушав всё сказанное вестовым и отправив его на отдых, Дассария пребывал в раздумьях. Он понимал, почему Шангал не направил своих гонцов с такой просьбой к родственному ему царю аримаспов Кассу, до которого всё же было ближе.

«Касс сумел сам в одиночку отстоять свою землю от аланов, но, видимо, большие потери, понесённые им во всех сражениях с ними, и стали основной и весомой причиной, почему он уже не имел возможности оказать своевременное и ощутимое содействие своим единокровным соседям исседонам... Хотя, может быть, я ошибаюсь, и всё обстоит совершенно иначе. Шангал, не оказавший Кассу военной помощи в момент, когда над тем нависла угроза, исходившая от вторгшихся и к нему аланов, теперь сам не смеет рассчитывать на него, как на своего союзника в этой войне. Скорее всего, именно поэтому он и обратился не к нему, а ко мне. Я, конечно же, могу направить к нему часть своих войск, но успеют ли они ко времени? Если нет, то моя помощь ему уже не пригодится, а я потеряю тысячи своих людей. Да, далекоато до Шангала... Как он сообщает, у него всего шестьдесят тысяч воинов. Аланов же больше на четыреста сотен. Силы явно

неравные. Думаю, при таком соотношении их войск исседонам не устоять... Но, с другой стороны, отказать в помощи в таком сложном положении я не могу. Среди саков не принято да и порой просто невозможно прожить без взаимовыручки. Никто из правителей племён не должен поступать таким равнодушным и безразличным образом, будто его народа и земли никогда не коснётся подобная беда. Нужно всегда стараться вести себя отзывчиво, так, как и подобает братьям. Мне придётся выделить ему триста сотен и срочно отправить гонцов к царю Кассу. Если Шангал не мог решиться сделать это, то я сам постараюсь уговорить Касса направить к нему хоть какую-то часть войск. Только так я наверняка сумею вовремя помочь Шангалу и по возможности уберечь от гибели направляемых к нему своих людей», – думал Дассария, анализируя сложившуюся ситуацию.

Приняв решение, он вызвал к себе вождя Чардада. Уже к полудню умчались гонцы к царю Кассу. А ещё через день тридцать тысяч воинов-массагетов под командованием Чардада, каждый имея при себе второго коня, стремительно удалились на север.

Тимей, которого одиннадцать лет назад царь массагетов Дассария назначил командующим личной гвардией, по его поручению в самый разгар лета находился с небольшим отрядом в лагере дальнего дозора в юго-восточном приграничье, на северном берегу Яксарта. Пятьдесят сотен воинов вождя Кардаура расположились напротив большого греческого города-крепости, когда-то заложенного и выстроенного на южном побережье реки прославленным царём Македонии Александром, вот уже как десять лет покинувшим этот мир в Вавилоне после возвращения из похода в Индию. Почти на всей территории некогда созданной им огромной империи уже давно начались и теперь ещё продолжались ожесточённые войны диадохов за обладание властью над её сатрапиями. После того как весть о смерти царя Александра достигла Средней Азии, греческие поселенцы в Согдиане и Бактрии собрали отряд в двадцать тысяч пехотинцев и три тысячи всадников, намереваясь вернуться на родину. Для

пресечения своевольной попытки против них с войсками выступил один из ярых сподвижников Александра Македонского полководец Пердикка, полностью разгромивший их группировку и повернувший обратно всех оставшихся в живых. В то время правителем Согдианы был македонянин Филипп, некоторое время управлявший и Бактрией.

Два года назад все назначенные ранее из местной знати сатрапы, кроме Оксиарта, бывшего тестя самого царя Александра Македонского, и Атропата, тестя Пердикки, были заменены греками и македонянами. В прошедшем году одному из приверженцев и полководцев Александра Македонского Селевку досталась Вавилония. Вскоре он сумел расширить свои владения до рек Яксарт и Инд, создав империю Селевкидов. Именно по этой причине, не ведая о планах властителя нового соседнего царства относительно своих земель, царь Дассария повелел держать крупные постоянные отряды на смежных с ним рубежах.

Проверив состояние войск и убедившись в том, что случается вторжения в земли саков либо нарушения границ со стороны извечно враждебных соседей в это лето не было, на следующее утро Тимей собирался отбыть в ставку. Вечером без какого-либо сопровождения он приблизился к реке, отпустил своего коня, сбросил сапоги и, раздевшись по пояс, вошёл в воду и стал пригоршнями бросать прохладную влагу в лицо и на грудь, с удовольствием растирая её по телу. Он всматривался в дальний берег. Огромный город, где когда-то он дослужился до командующего отрядом резервистов, уже готовился к ночному отдыху, вбирая в объятия последних припозднившихся путников, закрывая за ними ворота, затихая за высокими стенами до следующего рассвета.

Тимей знал, что вверх по течению реки расположен большой глубокий канал, прорытый тысячами рабов, по которому вода отводилась в город и от которого всецело зависело его существование. Он помнил, как усиленно охранялся этот единственный живительный источник, и был убеждён, что и теперь там, как это было раньше, находится крупный сторожевой отряд, вот только чей он, согдийский или греческий, он не ведал.

Хорошенько обмывшись, подобрав одежду, Тимей вновь взобрался на скакуна, но не повернул обратно к лагерю, а тронулся вдоль берега на восток, туда, где в небольшом отдалении на другом берегу располагалась дамба. Свежий, отдающий сыростью ветерок приятно обдувал его тело, срывая своими лёгкими порывами с его мускулистого торса стекавшие капли. Берег местами был очень крут и довольно сильно испещрён множеством ложбинок и оврагов, тянувшихся к реке и густо заросших кустарником, в которые он осторожно спускался, зачастую скрываясь в них с головой. В одной из таких расщелин, протяжённой и широкой, он остановился. Её днище, почти ровное, прямое и хорошо скрытое от постороннего глаза, своей сильной вытоптанностью больше напоминало звериную тропу. Как он догадался, именно по ней проходила дорога, по которой ночами воины приводили на водопой лошадей, дабы в дневное время не быть на виду у сторожевых отрядов соседей и тем самым не предоставлять им возможности обладать сведениями об истинном своём количестве.

Смеркалось. В низине становилось всё темнее. Внимательно оглядевшись по сторонам, Тимей двинулся дальше и через некоторое время стал выбираться наверх. Отсюда до дамбы было ещё далеко, но с небольшой возвышенности уже были видны костры, разожжённые её охранниками. Пересекая очередную из ложбин, что часто попадались на пути, Тимей, несмотря на сильный шум речного потока, чутким слухом вдруг отчётливо уловил конский топот, доносящийся с противоположного берега, и сразу же осадил своего скакуна, подавшись назад, вниз, повернул и повёл его ближе к берегу. Одинокого всадника он увидел тут же, как только приблизился к воде. Тот чёрным пятном быстро направлялся в сторону дамбы и вскоре исчез в сгущающихся сумерках. Окинув взглядом всё дальнейшее побережье и никого там больше не заметив, Тимей стал уже было разворачиваться, понимая, что ничего достойного его внимания не произошло, но в этот момент он услышал чей-то прерывистый и приглушённый голос. Вновь повернув к воде, он замер, приложив к уху ладонь. Стало совсем темно. Теперь уже не представлялось

возможным различить хоть что-нибудь на противоположном берегу. Голос опять донёсся до его слуха, но был значительно тише прежнего. Ему показалось, что он исходит откуда-то от воды, ниже по течению. Тронув коня, Тимей повёл его быстрым шагом вдоль берега, пытаясь не потерять слабый ориентир, уже догадываясь, что кого-то стремительно уносит речным потоком. Ускорив бег скакуна, он добрался до места водопоя, прыгнул на землю и не медля бросился в воду, войдя в неё до самого пояса и снова замерев, прислушиваясь к звукам и вглядываясь в бурлящую поверхность. Вскоре ему всё-таки удалось различить приближающееся к нему чёрное пятно, очень маленькое, да ещё к тому же то терявшееся из виду, то вновь мельком появлявшееся над водой. Больше не задерживаясь, Тимей подался вперёд, с силой оттолкнулся от твёрдого откоса дна и размашисто поплыл к середине реки, намереваясь там перехватить тонущего человека, оказавшись на его пути. Совершенно ничего не видя, но продолжая поиск, он высоко выныривал из воды и пытался выйти навстречу тонущему и уже было потерял надежду на его спасение, считая, что тот проскочил мимо, как вдруг в самый последний момент, когда уже окончательно уверовал в невозможность оказания помощи, случайно наткнулся на этого человека, крепко захватил со спины под грудь и стал усиленно подгребать свободной рукой, медленно приближаясь к берегу.

* * *

Командующий дозорным войском саков тысячник Балх, встревоженный длительным отсутствием Тимея в столь позднее время, учинил разнос своему сотнику, отвечавшему за безопасность высокопоставленного проверяющего лица, прибывшего из ставки, укорив его в отсутствии должного служебного рвения, выразившемся в ненадлежащем присмотре за посланцем от самого правителя, в результате чего тот мог или уже оказался в опасной ситуации, оставшись без охраны. Лично возглавив сотню, Балх отправился на розыски гостя. Узнав от стражника на окраине лагеря о направлении, в котором отбыл Тимей, он устремился к реке, освещая дорогу факелами.

Довольно скоро его люди, осматривавшие берег в районе водопоя, наскочили на скакуна Тимея и тут же доложили об этом. Влетев в глубокую ложину и увидев освещённого огнями жеребца, Балх ещё не успел остановиться, как к нему подскочил воин и сообщил, что ниже по течению, на значительном отдалении, у самого берега в воде он кого-то заметил, но приближаться не стал – решил прежде известить его. Почувствовав неладное, Балх, нахлёстывая коня, во весь опор помчался вдоль берега и очень быстро достиг указанного воином места, сразу заметив человека, пытавшегося выбраться на сушу и при этом усиленно тащившего что-то за собой. Спрыгнув на скаку на землю, Балх уже через миг оказался рядом, узнав Тимея и помогая ему.

– Уф... Накупался я вдоволь, – стряхивая руки, произнёс тяжело дышавший Тимей, присаживаясь на землю.

Балх скинул с себя плащ и аккуратно опустил его на плечи полководца.

– Жив хоть он, этот утопленник? – спросил Тимей, кивнув на человека, лежащего всего в нескольких шагах, ещё не зная, удалось ли спасти его.

Балх окликнул сотника, махнув ему рукой. Тот сразу, услышав его, отскочил от нескольких воинов, что сгрудились в свете факелов над телом, выловленным самим высочайшим гостем, подбежал, опустил на колено и склонил голову.

– Ну, что там? Как он? – обратился к нему Балх.

– Жива она, но плоха, – ответил он.

Тимей удивленно взглянул на сотника, ловко вскочил на ноги и подошёл к спасённому чужаку. Воины почтительно расступились перед ним, повтыкали в землю свои факелы и отошли в стороны, образовав круг. Тимей наклонился над лежащим человеком, осторожно сдвинул вниз от подбородка накинутый кем-то плащ и слегка коснулся пальцами учащённо вздымавшейся груди. Сомнений не оставалось: это была женщина. Склонившись ещё ниже и внимательно всмотревшись в её лицо, тускло освещённое дрожащим отсветом, только сейчас он сумел хоть как-то рассмотреть его черты. Чёрные, густые, росшие вразлёт брови сходились на тонкой переносице, глубоко запав-

шие глаза с сомкнутыми веками оттенялись едва заметно подрагивающими длинными, сильно слипшимися ресницами. Её тёмные, пухлые влажные губы были слегка приоткрыты и при тихом, почти неуловимом судорожном дыхании раскрывались чуть шире, обнажая крепко сжатые маленькие белёсые зубы. При каждом вдохе раздувались тонкие крылья носа, женщина с напряжением, но слабо выгибалась – было видно, что дышать ей удавалось с большим трудом. Тимей осторожно провёл рукой по её голове и бережно стянул туго повязанный узлом у виска кусок ткани. Её мокрые волосы тут же скатились вниз, рассыпавшись тяжёлыми прядями.

«Похоже, успела наглотаться воды. Но это уже, надеюсь, не опасно. Главное – она пока может дышать. Была бы не так молода, наверное, не смогла бы столь долго продержаться на плаву... Надо бы срочно доставить её к теплу. Иначе она не жилец», – подумал он, отстраняясь от женщины.

В воде, борясь изо всех сил с могучим потоком и будучи всецело поглощённым мыслями о тонущем, который уже так слабо подавал голос, умоляя о помощи, Тимей не обратил внимания, кого спасал – мужчину или женщину, почувствовав на ощупь лишь грубую одежду. Теперь же стало ясным, кого ему удалось вытащить из реки, но кто она, как и почему оказалась в это время в холодной бурлящей пучине, пока оставалось загадкой. Быстро соорудив волокушу, укутанную в плащи женщину погрузили на неё, и все двинулись к лагерю.

– Я на заре отбываю в ставку. Позаботься о ней и дай мне знать, если что-нибудь станет известно, – обратился Тимей к Балху, ведшему коня рядом с ним.

– Слушаюсь и всё исполню.

Уже через десять дней от Балха в ставку царя прибыл небольшой отряд, сопроводивший спасённую Тимеем молодую женщину. Сотник этого отряда передал Тимею слова Балха, из которых следовало, что эта женщина – чужеземка, говорящая на неизвестном языке.

Облачённая в новые сакские одежды, вскоре она уже была представлена Тимею, встречавшему её у своего шатра. Она за-

метно преобразилась и выглядела совершенно здоровой. Взглянув на неё впервые при дневном свете, он долго не мог отвести восхищённых глаз, ещё не веря в то, что перед ним предстала та самая женщина, которую ему довелось вырвать из речной пучины. Внешне, казалось бы, совершенно ничем не приметная, среднего роста, худощавая, она всё же разительно отличалась от тех женщин, которых доводилось видеть ему и которые вызывали в нём интерес, но чем именно она так вдруг взволновала его, он не мог понять. Было в ней нечто особенное и необычное, пока неуловимое, но приковывавшее взор, притягивавшее внимание, заставлявшее его ощущать в душе лёгкий трепет. Тимей замер в двух шагах от неё, чувствуя всем нутром исходящую от неё силу, не в состоянии что-либо вымолвить. Лишь подходя, она мельком взглянула ему в лицо, а всё то время, что он рассматривал её, стояла с опущенной головой, как-то по-детски спрятав руки за спиной. Опомившись, Тимей отступил, откинул рукой входной полог шатра, молча приглашая её войти внутрь. Сопровождавший девушку сотник Балха, по-прежнему находившийся невдалеке, заметил растерянность командующего личной гвардией властителя, тихо кашлянул в огромный кулак, понятиливо улыбнулся и быстро удалился к ожидавшему его отряду.

В шатре было прохладно и не так светло. Ступив внутрь, женщина отошла в сторону, пропуская хозяина. Тимей прошёл на своё место, развернулся и вновь замер. Гостя вопросительно взглянула на него. Указав глазами на походное сиденье слева от себя, он тут же присел сам. Женщина опустила на предложенное место. Вошедшая прислуга подала чаши, наполненные душистым кобыльим молоком, свежим и только что взбитым. Женщина приняла угощение и вновь мельком взглянула на Тимея. Он улыбнулся, кивнул и пригубил напиток. Она неуверенно поднесла чашу ко рту и сделала маленький глоток. Затем повторила, не поднимая головы.

Немного успокоившись в привычной обстановке да ещё к тому же сразу ощутив приятное воздействие крепкого кислого прохладного питья, постепенно освобождавшего душу и тело от нахлынувшего волнения, Тимей уже более спокойно рассматри-

вал женщину и, наконец, очень ясно осознал, что так потрясло в ней. Её удивительные слегка увлажнённые огромные раскосые глаза, окружённые пушистыми ресницами, блестя парой звёзд, излучали таящиеся в глубине её существа величавость и ум и светились необыкновенной чистотой, словно принадлежали не обычному человеку, а дикой гордой лани. И ещё руки. Они очаровывали его своим невероятным совершенством. Каждое движение длинных, ровных, гибких, в меру пухлых пальцев с очень узкими точёными ногтями, лишённое всяческой суетливости, невольно воспринималось Тимеем как нечто не относящееся к их обладательнице, не подчинённое ни её телу, ни её сути, происходящее вне зависимости от неё, существующее само по себе. Он с лёгкостью представил, как они нежно и грациозно прикасаются ко всему, что доводится брать ей в руки. Даже простая чаша, как он уже полагал, оказавшись в полной их власти, неожиданно оживала и обретала особенное обновлённое значение, становясь гораздо привлекательней, превращаясь в истинную драгоценность. Тимей никогда не видел ничего подобного и не испытывал тех чувств, что так внезапно появились в нём, стоило ему совершить свои открытия.

– Как твоё имя? – завороченно прошептал он.

Она опустила чашу на колени, пожала хрупкими плечами и недоумённо посмотрела в его глаза.

– Моё имя Тимей. Я Тимей, – слегка склонив голову и приложив правую ладонь к сердцу, улыбнулся и представился он.

Она задумчиво кивнула и, тут же коснувшись своей груди сведёнными в пучок пальцами, тихо произнесла:

– Тафуц.

Услышав её низкий, мягкий грудной голос, полный достоинства, благостно воспринимаемый слухом из-за приятного звучания, Тимей больше прежнего поразился ещё и таким её качеством, способным почти мгновенно расположить к себе и призывающим без сомнений принимать на веру каждое её слово.

– Тафуц. Имя моей гостьи Тафуц, – не отводя от неё глаз, произнёс он.

Обо всём, что касалось этой женщины, спасённой им и присланной к нему, он поставил в известность Дассарию и с одобрения вождя оставил её при себе, разместив в отдельном шатре, что возвели вблизи от его жилища.

* * *

Чардад спешил. Поручение друга и царя было очень ответственным и требовало от него многих усилий. Поход по пустынным, почти безводным холмистым долинам становился всё более трудным и оттого уже казался ему слишком долгим. Но самое тяжёлое, как он понимал, ожидало его войска в конце пути, когда он узнает, успел ли вовремя или всё-таки припозднился. Именно от этого зависело, будет он сражаться с врагом в составе армий Шангала или же останется в одиночку перед всеми аланами, столкнувшись лицом к лицу с их огромным воинством. Чардад не хотел об этом думать, однако назойливые мысли ни на миг не покидали его голову, не давая покоя и постоянно держа в напряжении.

Он вёл свои сотни почти без отдыха, ненадолго останавливаясь в жаркий полдень для смены скакунов и после этого продолжая движение. Только с наступлением вечера он предоставлял людям непродолжительное время для ухода за лошадьми, приготовления пищи для себя и короткого сна, длящегося до полуночи.

По прошествии пяти дней пути его передовые отряды достигли лесистой местности и вступили в неё. Всё чаще стали встречаться небольшие озёра с прозрачной синей водой, вокруг которых среди зарослей величавых деревьев возвышались серые остроконечные горы, больше напоминающие собой не скальные выступы, а нагромождения из огромных валунов. Люди заметно взбодрились, радуясь долгожданной прохладе, царившей всюду под тенистыми кронами, на коротких привалах окунались сами в чистые живительные воды и купали в них лошадей. С появлением сытного подножного корма, сочных благоухающих трав уставшие в дороге скакуны стали наливаясь силой, обретая прежнюю мощь, игриво ступая и с лёгкостью неся на себе могучих хозяев.

Вскоре состоялась встреча с дозором исседонов. Десятник, начальник их отряда, был принят Чардадом и сообщил о том, что ставка его властителя Шангала находится в однодневном переходе от этого места, а сам царь с войсками уже вступил в первую битву с аланами, прошедшую накануне днём на небольшой равнине, что раскинулась среди густых лесов на севере, в полудневном пути от ставки. Чем она закончилась, десятник не знал, но, судя по тому, что царь не прислал ещё гонцов к вождю, оставленному в ставке, за своим последним резервом – вооружёнными простолюдинами, собранными им из всех десяти племён и размещёнными в лагере возле главного селения, можно было понять, что сражение пока не проиграно, а приостановлено с наступлением ночи.

От сказанного десятником Чардад воспрял душой. Первая задача, преследуемой и его царём, и им самим со всеми его людьми в этом походе, была выполнена. Он дошёл вовремя. Теперь же ему предстояло свершить самое главное, то, ради чего он и был направлен сюда Дассарией, – оказать всемерную помощь родственному народу в борьбе с коварным и очень сильным врагом. Следовало ускорить ход.

Выделенный десятником для сопровождения массагетов воин, который должен был показать им наиболее приемлемую короткую дорогу, продвигался во главе их отрядов, то ускоряясь, то останавливаясь и нетерпеливо дожидаясь подхода передовых частей, то вновь отдаляясь от них, при этом иногда терялся из виду среди густых лесных зарослей. Его поведение воспринималось всеми с пониманием. Каждый из воинов уже знал, что очень скоро столкнётся с противником, и внутренне готовился к сражению, настраиваясь на предстоящее кровавое противостояние, возможно, уже последнее в его жизни, и становился как никогда собранным, немногословным, внимательным и сосредоточенным.

Природа в этих краях была своеобразной и удивительной и разительно отличалась от той, что царила на родной земле массагетов. Ни Чардад, ни его воины здесь никогда не бывали, и теперь, продвигаясь колоннами по узким пролескам, петлявшим

среди скал и озёр, вдыхали воздух, насыщенный запахом хвои и смолы, и не переставали восхищённо и в то же время настороженно оглядываться по сторонам, дивясь увиденному, поражаясь тому, что, оказывается, есть на земле благодатные места, где обилие лесов, пастбищ, дикой живности и пресной воды в озёрах и родниках превосходит всякое воображение.

На узком песчаном берегу одного большого озера, охваченного плотными рядами высоких могучих раскидистых деревьев с маслянистой коричневато-золотистой корой и разлапистыми ярко-зелёными кронами, над которыми возвышалась окольцовывавшая гряда островерхих скал, чьи пепельные вершины изредка исчезали в густых клочках медленно плывущих облаков, Чардад остановил скакуна, пропуская мимо себя войска и внимательно вглядываясь в лица воинов, чтобы в очередной раз убедиться в их непоколебимом спокойствии и надлежащем расположении духа. Лишь сейчас он заметил, что они, не отрывая глаз, смотрят туда, где тихо плещется вода. Чардад вздыбил коня и развернулся в ту же сторону, окинув взором всю синевато-дымчатую гладь. Это было воистину потрясающее зрелище! Вдали, чуть ближе к этому берегу, нежели к остальным, разорвав своей громадой зеркальную поверхность озера, искрясь в ярких солнечных лучах своими влажными выступами, взметнулась одинокая скала. Всмотревшись в неё, он уловил нечто странное, но очень знакомое в её форме и тут же прикрыл глаза, стараясь удержать видение, появившееся при первом созерцании. То, что предстало перед его внутренним взором, смутно наплывало откуда-то издали, постепенно обретая образ, и наконец отчётливо проявилось. Чардад был поражён. Он открыл глаза и вновь взглянул на скалу. Теперь он уже не видел в ней мёртвое каменное изваяние. Перед ним возвышался исполинский воин. Сакский воин. Воин, склонивший голову то ли в почтительном приветствии, то ли в смиренном ожидании. Жгучая трепетная волна прокатилась по душе Чардада, яркой вспышкой озарив сознание. Это был знак. Знак, посылаемый духом предков. Знак, предвещающий нечто очень значимое для саксов.

На рассвете царь Шангал выстроил армию для нового и, возможно, решающего сражения с Асуном. Из-за сильного утреннего тумана, заставшего всю долину, войска аланов не были видны с этой окраины, но в том, что они скоро появятся, сомнений не было.

Прошла ночь, полная тревог, оставив в душе властителя горький осадок разочарования от несбывшейся последней надежды, связанной с ожиданием помощи от братских массагетов, к кому он неоднократно направлял гонцов, но от кого до сих пор её не было. Вооружённых простолюдинов, что были собраны по его велению отовсюду, он не решился вводить в войну, так как понимал, что они особой силы не представляют, а потерять в предстоящем сражении почти всё взрослое мужское население, из которого состояло и их воинство, для него означало погубить весь свой народ. Имея под рукой крепкую и боеспособную армию, хотя и уступавшую по своей численности противнику, он обладал шансом пусть не на победу, но на возможность спасения всех женщин и детей, а стало быть, на продление рода исседонов. На его месте позволить себе поступить как-то иначе не смог бы никто и ни при каких обстоятельствах.

Ещё в полночь он направил вестового к оставленному в ставке вождю, дабы тот начал вывод всех находящихся там людей в южную труднодоступную местность с многочисленными горами, озёрами и густыми лесами, туда, где для длительной обороны заранее были подготовлены лагеря и где ещё можно было попытаться уберечь их от истребления сарматами. Теперь предстояло выиграть как можно больше времени, ввязаться в изматывающее сражение, постараться задержать врага и тем самым отвести от сородичей страшный удар, давая им возможность отойти и выжить. Такое решение, как он считал, было единственно верным в сложившейся ситуации, в том тяжёлом положении, в каком он оказался. Действия, предпринятые им, были последними из всего, что он мог сделать для своих племён. Другого выхода не оставалось. Отступление войск вместе с мирянами было делом немыслимым, так как ничего хорошего оно

не сулило и означало только лишь непродолжительную отсрочку перед неминуемым столкновением с врагом, пришедшим в такую даль, обозлённым поражением от аримаспов и преследующим только одну цель – любой ценой завоевать его народ и его земли. Шангал понимал, что именно по этой причине не следовало тешить себя мыслями об ином, менее кровопролитном исходе во встрече с Асуном.

* * *

К полуночи, оставив вдали за спиной по правую руку ставку царя Шангала, сотни Чардада выбрались из лесных дебрей и сразу устремились вперёд, быстро преодолевая небольшие поляны, влетая в перелески, разделявшие их подобно ограждениям, а с рассветом приблизились к лагерю исседонов, уже опустевшему к этому времени. Зловещие звуки сражения разносились по всей округе, доносясь и до их слуха весьма отчётливо. Быстро описав полукруг, Чардад подступил слева к лесному массиву, окаймляющему всю равнину, на которой уже сошлись в битве две огромные армии. Дождавшись подхода всех своих войск, он указал полководцам мечом в обе стороны от себя и тут же ринулся в глущь зарослей. Они вошли тремя потоками.

* * *

Шангал, ударивший по врагу первым, не сумел опрокинуть его тяжёлую кавалерию, расположенную в самом центре, и отступил, намереваясь издали сокрушить её ряды своими лучниками. Он ещё не успел завершить начатый манёвр, как сам был атакован двумя лёгкими конницами противника, выскочившими одновременно с боков. Они осыпали его стрелами и стали обтекать с флангов. Одновременно на него двинулась и тяжёлая кавалерия Асуна. Аланы полумесяцем охватили исседонов, пытаясь зайти в тыл и взять их в кольцо. Видя их действия, направленные на окружение, Шангал отдал приказ всем войскам развернуться в линию от края до края равнины, дабы не допустить врага к себе за спины. Битва, до сих пор ведшаяся на расстоянии, теперь перешла в ближний бой, в одно мгновение оглушив всех

дерущихся грохотом, лязгом и скрежетом железа, ужасающими криками и диким ржанием лошадей. Вся тяжёлая кавалерия Асуна, ускорившись на просторе, обрушилась на центр войск Шангала, с ходу разметав его передние ряды, проносясь сквозь них, нанизывая воинов на длинные копья, прикреплённые цепями к могучим шеям своих тяжёлых жеребцов. Не выдержав столь сокрушающего натиска, центральная часть сакских войск начала заметно прогибаться, грозя созданием бреша. Шангал негодовал, хотя предвидел такой поворот в сражении с превосходящим врагом. Назревало время последнего его тактического хода. Теперь следовало отдать команду на общее быстрое отступление к исходным позициям, от которых очень близко находился спасительный лес, где тяжелые конники Асуна не могли нанести существенного урона. Шангал уже было подозвал к себе командующего личной гвардией, но ещё не успел ничего сказать, как вдруг, перекрывая звуки битвы, до него донёсся какой-то рёв, больше напоминающий собой единоголосый волчий вой, характерный только для сакских воинов. Поднявшись в седле, он завертел головой, пытаясь увидеть тех, кто так неожиданно и вовремя взбудрил его войска. В этот момент все войска аланов, те, что бились на левом фланге, почему-то внезапно откатились и стали поворачивать обратно, весьма опрометчиво оголив свои тылы. Почти то же самое стала совершать и их тяжёлая кавалерия. Она медленно разворачивалась, прикрываясь заградительными отрядами лёгких конниц, мгновенно стянувшимися за нею и вставшими перед саками.

С врагом творилось нечто невообразимое и совершенно не поддающееся быстрому осмыслению, что повергло Шангала в неудержный трепет. Он ничего ещё не мог понять, но то, что происходило с аланами, было явно в его пользу. Больше не выжидая, он, используя создавшееся преимущество, велел незамедлительно атаковать врага. Войска исседонов, поправив ряды, лавиной налетели на аланов.

– Узнай, что там случилось, – указав плёткой вдаль, Шангал взглянул на командующего гвардией.

– Повинуюсь, правитель, – тот склонил голову, затем взмахнул мечом.

Пять сотен воинов устремились за ним, обходя войска по левой окраине леса. Тяжёлая кавалерия аланов, закованная в броню, плотной массой отошла за середину равнины и встала огромным кругом, ошетилившись копьями под прикрытием лёгких конников, вновь выпускавших тьму стрел. Все попытки саков прорвать эту живую стену были напрасными. Неся потери, они стали издали расстреливать аланов из луков, накатывая лавинами. Большая часть вражеской лёгкой конницы находилась дальше, сражаясь и прорываясь к своему лагерю.

Вскоре к Шангалу вернулся командующий гвардией и растерянно сообщил ему о том, что ставка Асуна захвачена войсками массагетов.

– Как массагеты? Откуда? – Шангал не мог сдержать удивления.

– Прости, правитель, не могу знать, – полководец склонил голову.

– Получается, царь Дассария всё-таки успел прислать к нам свои отряды! Невероятно! Надо же, каков он! Вовремя откликнулся на просьбы и поступил так, как и подобает родственным сакам. Честь и хвала ему за это! Да продлятся его дни под этим небом! – не сумев больше должным образом выразить своё восхищение, Шангал мотнул головой, утирая со лба пот.

– Правитель, нужно помочь им. Туда отошло много аланов. Эти стоят, сдерживая нас, – взглянув в лицо царю, тихо произнёс полководец.

– Возьми всю гвардию. Со мной оставь пару сотен, – вновь посерьёзнев, повелел Шангал.

– Повинуюсь, правитель.

Десять тысяч отборных воинов, грохоча доспехами, удалились вслед за командующим.

* * *

– Живо отбить лагерь. Всех, кто прорвался туда, уничтожить. Голову их военачальника доставишь лично ко мне. Иначе, Чахоб, заплатишься своей, – Асун был в ярости.

– Слушаюсь и повинуюсь, властитель, – произнёс командующий тыловой конницей, вздыбил скакуна и с места вскачь по-

вёл его в сторону лагеря, едва не сбивая стоящих на пути всадников.

Асун находился в середине тяжёлой кавалерии, не покидая войск. То, что его лагерь, усиленно охраняемый полководцем Азнуром, вдруг был взят сакскими отрядами, внезапно появившимися в тылу, поначалу он воспринял как недоразумение, но когда об этом доложил сам Чахоб, он был потрясён, так как разведка, которой ему не было оснований не доверять, ни одной живой души на обширном пространстве вокруг лагеря в минувшую ночь не обнаружила. Самое же худшее, как он понимал, теперь исходило от другого. Его суждения, как всегда, были взвешенны и точны. Захват ставки противника при ведении военных действий во все времена считался переломным фактором, дающим ощутимый перевес в сражении и, следовательно, становившимся самым значимым событием в войне, зачастую предreshавшем её исход.

Воспрявшие духом исседоны отныне были способны на многое. Будучи совсем недавно на грани разгрома и вдруг завладевшие главным станом своего врага, они невероятно усиливались, так как, почувствовав вкус победы, могли уверовать в своё превосходство и при таких обстоятельствах уже представляли собой весьма серьёзных противников. Имея меньшую численность, но при этом сумев выработать правильную стратегию и избрать верную тактику ведения боя, саки создали для себя реальную возможность превращения из, казалось бы, уже поверженных в настоящих победителей.

Мысли о случившихся переменах сильно угнетали Асуна, мешая теперь принимать те решения, от которых, как никогда, зависела дальнейшая судьба похода.

– Что за проклятые земли?! Всё. Отходим! – прервав размышления, тихо скомандовал он.

* * *

Чардад, оценив состояние сражающихся противников и не увидев пока особой угрозы для исседонов, решил не вступать сразу в круговёрт битвы, а избрал иной путь и тайком напра-

вился в сторону лагеря аланов, рассчитывая внезапно нанести удар по их главнокомандующему и, если ему это удастся, обезглавить врага и самым эффективным образом помочь Шангалу. Разгромив многочисленную охрану ставки, но не найдя в ней правителя аланов, он понял, что тот находится среди войск на равнине. Вывести свои сотни из лагеря он не успел. Лёгкая конница противника окружила его со всех сторон. Завязалось ожесточённое сражение. Отряды аланов продолжали прибывать, сильно тесня его войска и сжимая в кольцо. Чардад уже сокрушался, что не оставил в лесу хотя бы небольшой резерв, очень кстати пригодившийся бы в таком опасном положении. Но помощь пришла. Сквозь ряды аланов прорвались войска исседонов, освободив его сотни из клещей врага и тут же стремительно скрывшись вместе с массагетами в лесных дебрях.

Опасаясь попасть в ловушку, аланы, долго преследовавшие саков, дойдя до первых деревьев, в нерешительности остановились и через некоторое время отступили.

Жаркий день перевалил за середину. Асун вернулся в лагерь, оставив армию полководца Манса в виде заслона, дабы не допустить саков к ставке. Понеся огромные потери, Шангал также отошёл на свои рубежи. Если для верховного военного вождя всех аланов прекращение сражения в разгар дня означало почти поражение, то для царя исседонов оно было явной победой.

* * *

Встретив Чардада возле своего шатра, Шангал молча обнял его и долго держал в своих благодарных братских объятиях.

* * *

На следующее утро разведка обеих сторон донесла до своих властителей, что противник не проявляет активности, но неизменно находится на прежнем месте. Только после этих сообщений на равнину вступили два траурных отряда, которые занялись сбором и вывозом всех раненых воинов, не обращая никакого внимания друг на друга. Ближе к вечеру, когда уже начало заметно смеркаться, разорвав тишину, всполошив дозоры

и аланов, и саков, на равнине появились чьи-то войска. Никто из противоборствующих вождей поначалу не мог понять, что случилось, кто эти воины, чьи они и почему оказались здесь, но через какое-то время всё прояснилось – на радость объединённым исседонам и массагетам и к великому сожалению сарматов.

Царь Сахрибий совместно с царями Кассом и Галхисом, откликнувшись на просьбу царя Дассария об оказании военной помощи царю Шангалу, направили сюда тридцатитысячное войско от союза тиграхаудов, аримаспов и даиев, которое возглавил сам Сахрибий.

Приветственный грохот сотен барабанов, что доносился из лагеря саков, извещал Асуна о скором его поражении. Желая сохранить свою честь и людей, на рассвете он отправил в ставку к сакам своего лучшего полководца Гатуну с устным прошением о заключении соглашения о мире, по которому он обязался отдать им всё золото, имеющееся как у него самого, так и у подвластных военачальников, и навсегда покинуть сакские земли. Гатун вскоре вернулся. Он с прискорбием сообщил Асуну о единственном требовании сакских правителей, суть которого заключалась в немедленном появлении в их ставке лично самого Асуна.

Исполняя данное обязательство, Асун велел погрузить на четыре повозки все собранные драгоценности, взял в сопровождение всего сотню воинов и прибыл во вражеский лагерь, где вместе с отрядом был тут же разоружён. Перед главным шатром на походных скамьях восседали цари Шангал и Сахрибий, рядом с которыми почти на равных правах с ними находился и полководец царя Дассария Чардад. Асун встал перед ними, почтительно склонил голову и приложил руку к груди.

– Так ты и есть тот самый Асун? – внимательно рассматривая его, тихо спросил Сахрибий.

Стоящий за его спиной воин перевёл сказанное.

– Да, властители, я Асун, верховный военный вождь сарматских племён аланов, – взглянув в лицо вопрошавшего, с достоинством ответил Асун.

– Сколько воинов осталось у тебя? – вновь задал вопрос Сахрибий.

– Около шестидесяти тысяч.

– Их было вдвое больше до твоего вторжения в земли ари-маспов. К тому же ты тогда преобладал числом. Почему же ты отступил? – по-прежнему обращаясь к Асуну, Сахрибий мельком взглянул на Шангала.

Шангал потупил взор, помня о том, что не пришёл на помощь, когда аримаспам угрожал Асун, и теперь стыдясь своего давешнего поведения, на которое Сахрибий не держал обиды и поступил по-сакски благородно, появившись здесь с войсками.

– Я не верю в победу, когда у меня под боком предатель, – понизив голос, ответил Асун.

– Что теперь мешает тебе вести войну? Или опять появился изменник? – Сахрибий продолжал проявлять интерес к полководцу.

– Нет. На этот раз измены уже не было. Я понял, что мне не одолеть вас, – как-то обречённо выдохнул тот, отведя глаза.

– Но ты ведь пришёл сюда, несмотря ни на что. Так в чём же всё-таки кроется истинная причина твоего повторного отступления?

– В моём первом поражении. Оно сломало меня.

– Разве такое возможно? Непобедимый, всегда и во всём решительный Асун вдруг поддался сомнениям?

– Выходит, так.

– Нет, не так. Ты играешь словами, желая добиться своего. Твоя былая слава – вот что не даёт тебе покоя. Вернуться в свою землю и предстать перед правителем дважды побеждённым ты не можешь себе позволить из-за своей гордыни, но и умереть в мнимом бесчестии тебе твоя спесивость не даёт. Твои оправдания и есть твой позор. Ты умен, но больше ты хитрец. Оттого и решил пожить хотя чем-то, но не возвращаться к своему очагу с пустыми руками. Ты и твои воины должны быть казнены. Если ты всё-таки хочешь добраться живым до своего народа и привести к нему остатки своего воинства, возьми нож и отрежь себе правую руку.

Сахрибий вскочил на ноги. Шангал и Чардад также поднялись. Сотник охраны тут же подбежал к Асуну и протянул ему

нож. Несколько воинов вскинули луки, натянув их и направив на него стрелы. Асун принял нож. Он понял, что обречён на страшное посрамление, так как появиться полководцу среди сородичей после дальнего похода без богатых трофеев, с огромными людскими потерями да к тому же без правой руки в его земле считалось ужасным позором, имевшим только одно последствие – быть проклятым самому и навлечь проклятие на свой род во всех поколениях. Сакские цари знали, что делают, предлагая ему такой выбор. Их коварству не было предела. Асун оглянулся на свою сотню, молчаливо и беззащитно взиравшую на него, затем скользнул взглядом по лицам вражьих властителей и, коротко, но резко замахнувшись, с силой вонзил нож себе в живот.

Сильно пошатнувшись и прохрипев:

– Вы же победители... прошу вас... отпустите моих... людей... – он упал навзничь, уставившись помутневшими глазами в небо.

Душа полководца, когда-то названного всем народом «великоголовым», покинула его тело в далёкой и чужой земле, куда однажды он вступил по прямому велению своего правителя, но где обрёл покой уже по своей воле, не позволив никому лишить себя воинской чести и надругаться над своим высоким человеческим именем. Все шестьдесят тысяч его воинов, каждый в полном вооружении и на своём коне, были отпущены саками, сопроводившими их до самых границ.

* * *

Предав земле тела всех погибших в сражениях воинов, среди которых оказались почти сто двадцать сотен массагетов, и воздав им все подобающие почести, царь Сахрибий и полководец Чардад по настоянию царя исседонов Шангала остались в его ставке ещё на три дня, в течение которых длился победный пир. После этого Шангал повелел разделить на две равные части всё золото, полученное от Асуна, прибавил к нему столько же от себя и преподнёс союзникам, при этом очень душевно поблагодарив от имени всего своего народа за оказанную помощь и наградив каждого из их воинов отменным оружием.

* * *

Командующий тяжёлой кавалерией полководец Гатун, возглавивший все войска аланов после смерти вождя Асуна, покинув сакские рубежи, на второй день пути был извещён разведкой о появлении к востоку от него чьих-то многочисленных дозорных отрядов. Об их принадлежности лазутчикам ничего узнать не удалось, но то, что это не саки, было установлено доподлинно.

Не имея желания обнаружить себя и тем более вновь оказаться в гуще военных событий, Гатун ускорил ход, стараясь как можно дальше уйти на запад.

Часть третья

**«...И НА ВЕЧНОЙ ЗЕМЛЕ ВНОВЬ
СМЕНЯЛИСЬ ПРАВИТЕЛИ»**

312 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Народ и войска Киок сянь-вана, главного военного правителя правого крыла хуннов, находились на своей первой зимовке в лесостепной местности, расположенной у оконечности седого горного массива, уходящего далеко на север своим бесконечным скалистым отрогом, постепенно и непрерывно нараставшим множественными каскадами каменистых островерхих гребней и хребтов и значительно раздававшимся вширь у крутых оснований. Вся обширная территория, опоясывавшая извилистую линию предгорья, примыкавшая к ней почти вплотную, была сплошь покрыта непроходимыми дебрями из высочайших деревьев, от корней и до самых макушек обросших густой вязью длинных игольчатых ветвей, сплетавшихся колючей сетью меж вековых стволов и создававших собой непрístupную преграду для любой живности среднего и крупного размера. Семь оуто, очень крупных становищ, образованных хуннами в обычном порядке и состоящих из отдельных родов, каждый из которых насчитывал от тринадцати до семнадцати тысяч человек, возглавляемых оуто-ванами и акимами, разместились огромным кольцом на правом берегу большой реки, несшей на юг свои серые воды и на редких излуцинах скрывавшей мутные потоки под заторами весеннего льда.

Дни становились длиннее и жарче. Белоснежный покров, ещё не так давно доходивший до колен, как-то быстро и неза-

метно почернел, стал рыхлым, просел и вскоре совсем сошёл, оставив за собой в низинах множество прозрачных лужиц. Многолетняя трава, скрытая зимой под толстым снежным слоем, теперь, освободившись от него, придавала земле своей пожухлостью грязно-желтоватый оттенок, но с каждым прошедшим днём, всё сильнее иссушаясь тёплыми ветрами и наливаясь живительным соком, она стала выпрямлять свои хрупкие стебельки, прибавляясь свежими ярко-зелёными ростками.

Ставка Киок сянь-вана, представлявшая собой большой военный лагерь, была разбита в самом центре его стойбищ. Тридцатипятилетний Киок, племянник великого правителя всех хуннов, шаньюя Мотуна, находился совместно с мирским правителем крыла Вэнь лули-ваном в своей просторной юрте, куда в полдень он созвал оуто-ванов, военных правителей в родах. Вэнь лули-ван, являясь старшим правителем над всеми людьми, кроме воинов, был его правой рукой, а следовательно, вторым лицом после него. Акимы, правители над мирянами в родах, вызванные Киок сянь-ваном ещё на рассвете, уже давно покинули стан, выслушав его веление о начале подготовки к предстоящему через десять дней выступлению. Сурово и очень внимательно оглядев вошедших теперь к нему в юрту военных правителей, его старших полководцев, Киок сянь-ван предложил им присесть вокруг очага – громоздкого бронзового котла с тремя витыми ножками, в котором, источая жар, пылали поленья.

– Великий шаньюй Мотун потребовал от меня скорейшего выступления. Готовы ли к дальнейшему походу наши войска? Доложите мне, оуто-ваны, – нарушив тишину, спросил Киок, окинув взором военачальников.

– У каждого из нас всё уже подготовлено, Киок сянь-ван, – почтительно склонив голову, коротко ответил ближний из них, Хонгу оуто-ван.

– Что донесли дозоры из южных и западных земель? – не отводя от него глаз, вновь спросил Киок.

– В южной стороне по нашему побережью на пять дней вперёд никого не обнаружено. Из западных земель дозорные вернулись четыре дня назад. Там также пустынно. Направлять вновь

их туда я больше не решился. Река ожила и разлилась, – уверенно доложил тот.

– На заре десятого дня выступаем вниз по течению этой реки. Оуто-ваны Хонгу и Лань, вы выдвинетесь с войсками первыми. Мы с Вэнь лули-ваном тронемся за вами. За нами пойдут обозы с людьми и весь скот. Оуто-ваны Хэнь и Люну, вы находитесь слева и справа от меня. Все остальные будут замыкающими. Дозоры отныне усилить. Направлять их как можно дальше. Я всё сказал, – Киок поднялся.

Полководцы вскочили на ноги, низко склонились, все как один сложив ладони перед грудью, попятились мелкими шажками к выходу и бесшумно удалились, оставив правителя наедине с Вэнь лули-ваном.

– Послушай, Вэнь лули-ван, через семь-восемь дней вся земля подсохнет и зацветёт. К дню нашего выступления отсюда все пастбища в округе вновь станут наливаться свежими густыми и сочными травами. После нашего ухода на десятый день в эти края должен вступить сам великий шаньюй Мотун, а после его ухода через столько же дней сюда войдёт левое крыло нашего народа. Ты знаешь, к чему я тебе говорю об этом. В эти сроки вполне успевают прорасти новые корма для лошадей и прочего скота. Оставить после себя голую пустошь мы не можем. Такое не позволено никому. Так было всегда. Великим шаньюем нам велено идти только в южную сторону. Мы должны заблаговременно начать свой поход. Другой дороги при таком сильном разливе реки просто нет. Мы не бывали там никогда, и неведомо, кого мы можем повстречать на пути. Одно ясно: кем бы он ни был, он должен быть покорён нами, – взяв в руки деревянную чашу с пенистым кумысом, Киок приложил ее к ней.

– Киок сян-ван, я всё понимаю. Не нужно тревожиться, выступим без промедления, – также отпивая душистый напиток, заверил Вэнь.

– Не об этом думы мои, – утирая рот, произнёс Киок. – Не может такая богатая земля не принадлежать никому, не быть чьей-то. Есть у неё хозяин, но кто он, где обитает и почему не видны его дозоры – вот что важно. К тому же по эту и по ту

сторону водного потока у неё могут оказаться совершенно разные властители. Знают ли они о нашем приходе, какими силами обладают и что предпримут против нас, нам пока также неизвестно. Сдаётся мне, что очень скоро кто-то из них объявится на нашем пути. Иначе и быть не может. Прошедшая зима, похоже, была последней, проведённой нами в спокойствии и мире. Больше у нас не будет тихой и размеренной жизни, да и не для того мы пришли сюда.

– Встреча с теми, кто решится встать на нашей дороге, желая пресечь её, будет для них последней. Своё отдавать никто добровольно не желает, но им придётся сделать это. Коль для нас нет обратного пути, то, стало быть, и для них уже нет места в этих краях, – согласился с Киоком Вэнь.

* * *

В установленный верховным правителем срок всё правое крыло хуннов во главе с Киок сянь-ваном двинулось на юг, взяв направление чуть западнее от намеченного пути, следуя вниз по восточному побережью реки, названной ими «серая», и уже по прошествии семи дней, ещё не зная об этом, вступило в земли сакских племён исседонов в самой непосредственной близости от их границы с родственными им сакскими племенами аримаспов. Группа хуннских кочевий, насчитывавшая около ста десяти тысяч человек, в которой две трети представляло взрослое население, причём в большей части состоящее из боеспособных мужчин в возрасте от пятнадцати лет и старше, медленно, но уверенно продвигалась по чужой для неё территории, высылая во все стороны крупные отряды дозорных. Местность, прежде почти равнинная и оттого хорошо просматриваемая, теперь плавно преобразилась в непроглядную холмистую и густо покрытую смешанными лесами, всюду испещрённую многочисленными мелководными речушками и ручьями. Частые большие ярко освещённые поляны попадались на пути внезапно, проглядываясь только лишь с нескольких шагов, словно по чьему-то велению подстерегая людей и заманивая их на отдых в свои объятия. После долгого продвижения по сумрачным дебрям, сплошь

заваленным ветроломом, когда над головами из-за навеса из плотно сплетённых ветвей не было видно неба, а под колёсами повозок и под копытами лошадей и скота похлопывала жижа, источавшая запах гнилой листвы, сырого валежника и прелой древесины, появление таких открытых пространств воспринималось женщинами и детворой радостно и желанно, отчего они сразу взбодрялись и становились очень говорливыми и шумливыми. Воины же, напротив, молчаливо и с опаской подступали к этим лесным опушкам, долго и внимательно вглядывались в оголённую местность, затем обступали её и только после этого появлялись на ней, вдыхая сухой и лёгкий воздух, с удовольствием подставляясь под тёплые лучи светила.

Завершался очередной день пути. Хунны дружно готовились к ночёвке, разбив лагерь на многочисленных полянах, заранее расчистив между ними узкие проходы, опоясав их плотным кольцом войск. Юрты не возводили, обходясь повозками и настилами из кошмы. Всюду запыхали костры, от которых по всей округе потянуло ароматом варимого мяса. Киок находился на маленьком пятачке земли на речном побережье, едва пробравшись к нему сквозь заросли кустарника. Оставив всю охрану на подступах к ним, он впервые за долгие месяцы пребывал в одиночестве, взирая на чёрную гладь потока, стеснённого с обеих сторон лесом и в этом месте наиболее сжатого берегами, причём настолько, что отчётливо просматривалась каждая веточка на другом краю воды. Всю дорогу он старался вести людей не отдаляясь от реки, в надежде найти брод, подходящий для переправы. Внимательно осмотрев подходы, срубив ударом меча длинную ветвь и измерив глубину воды, Киок ненадолго задумался, после чего довольно кивнул и стал пробираться обратно.

На следующий день к полудню широкая просека, вырубленная сотнями воинов, уже тянулась от ближней поляны к берегу реки, куда стаскивали очищенные от сучьев стволы самых длинных поваленных деревьев, которые тут же связывали попарно, вертикально поднимали и, придерживая прочными верёвочными узлами за оставленные зарубки на верхних концах, перекидывали на другую сторону реки, создавая крепкую основу для

будущего моста. С наступлением ночи работы по его наведению приостановили, а у незаконченной переправы выставили охрану. Наутро поверх этого продольного настила стали укладывать поперечное перекрытие из жердей. Несколько опытных десятников совместно со своими людьми, исполняя веление самого сян-вана, быстро перешли на другую сторону потока и стали осматривать окрестности. За ними прошли три сотни таких же спешенных воинов и приступили к вырубке леса, очищая и то, дальше, побережье.

К вечеру мост был готов. Выслав на другой берег усиленный отряд конной разведки, Киок присел у костра в ожидании вестовых. Те появились ближе к полуночи, сообщив о замеченных на западе огнях, коих было великое множество. Направленная сотня осталась там дальним постом, дабы следить за всем происходящим в тех краях во избежание обнаружения лагеря чужаками и возможного их приближения. К тому же ему стало известно, что в небольшом отдалении от реки лес заметно редел, уступая место частым перелескам, чередующимся с долинами. Из-за темноты разведке больше ничего ни увидеть, ни узнать не удалось. Приняв решение о направлении к ней на заре большой группы опытных лазутчиков и отдав соответствующее распоряжение, Киок прилёг на повозку и сразу уснул.

* * *

Бывший командующий тяжёлой кавалерией сарматских племён аланов полководец Гатун, после кончины Асуна единогласно избранный правящим военным сословием на пост главнокомандующего объединёнными войсками аланов, исполняя волю верховного правителя, ранней весной вновь двинулся со стотысячной армией на восток от своих границ, дабы исполнить то, что не удалось его предшественнику – разгромить, наконец, ненавистных саков и захватить их земли и богатства. Задача, поставленная перед ним, была не из лёгких.

Опыт прошлой войны, в которой довелось принять участие и ему, Гатуну, свидетельствовал о неизменной воинственности саков, причём значительно усиленной небывалой

сплочённостью союзов всех их племён и, в первую очередь, единомыслием между их царями. Вернувшись после неудачного похода с половиной своих людей к родным очагам, Гатун всё это время только и делал, что думал о прошедших сражениях, не понимая, как могло случиться, что предусмотрительный, прозорливый и непобедимый Асун ещё при первом сражении с ари-маспами повёл себя нерешительно, совершенно необоснованно отступил. И в войне с исседонами не проявил присущего ему напора. Фактически получалось так, что ни одной из битв с саками, по сути, он не проиграл, чаще имел явное преимущество, но почему-то в самый решающий момент не доводил их до победного завершения. Гатун помнил о раскрытии Асуном предательства полководца Вердоха, но никак не мог взять в толк, как это событие могло так сильно и пагубно повлиять на ведение военных действий в дальнейшем, ведь оно случилось на начальном этапе войны и, казалось бы, уже не имело особого значения. Он изводил себя думами, уставал от всевозможных догадок, не находя им достойного подтверждения, но так и не сумел понять поведения Асуна, кого всегда считал поистине великим и непревзойдённым полководцем, кому старался втайне подражать, кем восхищался и кого боготворил.

Возглавив поход мести и находясь уже в землях саков, Гатун всё чаще вспоминал Асуна, вызывая его образ, мысленно советуясь с ним, задавая ему всевозможные вопросы, находя на них ответы в былых его поступках, к которым тот молчаливо отсылал, порой предугадывая следующий вопрос. От такого чистого и доброго общения с духом друга и военачальника Гатуну становилось легче, и он всей душой, всем сердцем благодарил его за помощь, воздавая ему почести и совершая памятные жертвоприношения. Сызмальства, подобно всем аланским мальчишкам, Гатун воспитывался в разумной строгости, привившей ему сдержанность в проявлении чувств, умеренность в потребностях, скромность в поведении и свободу в желаниях, в свою очередь развивших в нём чуткое отношение к людям, терпеливое восприятие и преодоление любых невзгод, лишений и трудностей и умение беспрекословно подчиняться старшим.

Уже в юные годы он выделялся среди сверстников исключительной дисциплинированностью, а при правлении Асуна прослыл одним из самых замечательных и выдающихся исполнителей, кто был способен не только вдумчиво выслушивать веления, но точно и своевременно достигать поставленных перед ним целей. Постоянно ощущая справедливое покровительство Асуна, полководца, всюду незамедлительно приходящего на помощь в нужный момент, Гатун с радостью впитывал его внимание и с гордостью выслушивал его одобрение. Находясь под его началом, он всегда знал, как поступить и что сделать в той или иной ситуации, напроочь исключая все сомнения, успешно завершая начатое, испытывая от этого самое настоящее удовлетворение, постепенно становясь уважаемым среди равных и почитаемым среди подчинённых. Поначалу, неожиданно для себя получив столь высокое назначение, он со свойственной ему искренностью воспринял его с восторгом. Теперь же, став лицом, повелевающим огромной армией и отдающим команды полководцам, людям, которые не так давно находились в равном с ним положении, да к тому же возглавив дальний и опасный поход, Гатун уже был не так уверен в себе. Исполнять приказы правителей, которые думали за всех и принимали все самые ответственные решения, как он теперь осознавал, во все времена было делом второстепенным и не таким трудным. Для самого же власть имущего всё обстояло гораздо сложнее, о чём мало кто из людей догадывался и ещё меньшее число задумывалось.

Всякому правящему лицу в силу высочайшего его положения и особого значения приходилось видеть дальше каждого отдельно взятого человека и мыслить глубже всего народа, собранного под его властью, быть в ведении всех творящихся вокруг него событий, учитывать каждую мелочь, способную вдруг повлиять на течение жизни, свято помнить о прошлом, предугадывать будущее, быть постоянно готовым к грядущим событиям, знать все слабые и сильные стороны своих подданных, умело и вовремя воздействовать на их поступки и помыслы, заботиться об их благосостоянии и здоровье, проявлять интерес ко всему, что влияет и может воздействовать на их настрое-

ние и состояние духа, чутко опекать стариков, вершить суд над неблагочестием и дурным своеволием, пополнять казну, вести войны, противостоять врагу и при этом не забывать о себе и своей семье. Размышляя над всем этим, Гатун впервые ясно осознал своё настоящее положение. Власть, которой его наделили, хоть и уступала по своей величине той, что находилась в руках самого верховного правителя, но по значимости была не намного меньше её, отчего где-то в подсознании уже довлела над ним.

Каждая смена дневного и ночного светил уводила Гатуна и его людей всё дальше и дальше от родной земли, от родимых очагов. Всё сильнее нуждаясь в советах, он тем не менее не желал прибегать к чьим-либо услугам, вспоминая независимый нрав Асуна, беря с него пример, считая иное поведение неправильным и непозволительным для главнокомандующего, и, более того, был ошибочно уверен в том, что оно означает проявление человеческой слабости и являет собой полководческое бессилие.

Вот уже второй день, вступив в исконно сакские земли, он стоял огромным лагерем на подступах к лесному массиву, в самой чаще которого, как донесли дальние дозоры, протекала большая река, ставшая на его пути самым настоящим препятствием. Направив туда в очередной раз небольшой отряд для поиска брода, он принял решение разделить войска на две части. Одну из них, состоящую из тяжёлой кавалерии, он оставил при себе, вторую же, куда входили все лёгкие конники, под командованием полководца Манса с утра двинул на юг. Не ожидая нападения сакских отрядов со стороны леса и реки, Гатун всё же остерегался их появления от низовьев водного потока. Желая надёжно обезопасить себя от всяких возможных неожиданностей, он выставил мощный заслон именно в том направлении. Согласно его указанию, Манс должен был пройти вдоль лесных дебрей, при этом исследуя побережье, и встать там лагерем, отойдя на два дня пути. Гатун рассчитывал на то, что избранная им тактика исключит внезапное нападение врага, но если этому всё-таки суждено будет случиться, то он был совершенно уверен, что одна из его армий, оказываясь в преимущественном положении, способна незамедлительно прийти на помощь другой.

Киок сянь-ван, внимательно выслушав своих лазутчиков и выяснив, что обнаруженные ночью огни вовсе не означают чьё-то поселение, а представляют собой костры военного стана, отдал приказ войскам о переходе на западный берег реки. Стариков, женщин, детей, повозки и скот под охраной пятитысячного отряда во главе с Вэнь лули-ваном он оставил на месте. Четыреста сотен его воинов ближе к вечеру уже находились на другом побережье, скрытно расположившись среди деревьев.

Дальний дозор выследил в лесу небольшой вооружённый конный отряд чужаков, окружил его и, почти полностью истребив в короткой стычке, захватил одного воина, доставив его к сянь-вану. Учинённый допрос ничего не дал. К пыткам прибегать не стали, не находя в них смысла. Пленный не понимал языка хуннов, в страхе бормоча что-то невнятное в ответ на их вопросы. Киок с интересом разглядывал как его самого, так и его коня, одеяние и оружие, подобных которым до сих пор не попадалось ему на глаза.

«Странно выглядит этот воин. Совсем не похож на моих людей. Всё его снаряжение и оружие разнится с нашим, но очень даже добротное. Не могу понять, кто он. Все те народы, кто встречался на моём пути, владели языками, схожими с моим, а у этого человека он иной, непонятный для меня. Если его племена обитают здесь, то почему не обнаружили мои войска и не выступили против меня, а разбили плохо охраняемое стойбище в таком неподходящем месте? Мои лазутчики были подпущены настолько близко, что с лёгкостью сумели рассмотреть в их стане почти всё, что хотели. Такое поведение для меня непонятно, его трудно оценить. Получается так, что они либо слишком уверены в своих силах и не допускают даже мысли о возможном набеге на них, либо у них нет надлежащего порядка, отчего и царит вседозволенность, граничащая со скорым крахом. Как бы там ни было, а они уже обречены. В таком состоянии им осталось пребывать всего лишь одну ночь», – глядя на пленника, размышлял Киок.

Равнодушно махнув рукой, он развернулся и направился к своему коню. Воин-алан был тут же обезглавлен. Нанизав его

голову на копье и подвязав за ногу окровавленное тело, один из десятников медленно поволок его мимо замерших сородичей, дабы каждый из них увидел, как выглядит враг. Костры хунны не разжигали, а, укутавшись в тёплые войлочные накидки, засыпали прямо под копытами лошадей, вдыхая сырой ночной холод и терпеливо перенося обычные для них неудобства.

* * *

Лишь забрезжил рассвет, Гатун вышел из шатра. Ему в эту ночь не спалось. Проведя её в изматывающей дремоте, постоянно ощущая нутром какое-то непонятное беспокойство, он был рад наступлению нового дня, с которым связывал скорое прекращение охватившей душу хандры. Отойдя к ручью, он разделся по пояс и стал освежаться холодной водой, растирая её по телу, бросая пригоршнями в лицо. Не успел он дойти до шатра всего несколько шагов, как вдруг услышал нарастающий гул, доносящийся, как ему показалось, отовсюду. Быстро облачившись в доспехи, Гатун оглянулся по сторонам. Нахлёстывая плетью коня, к нему во весь опор нёсся начальник его личной гвардии полководец Потти.

– Правитель, враг атакует от реки, – подлетев к нему, на одном дыхании вымолвил он.

– Саки? – запрыгивая на подведённого скакуна, спросил его Гатун.

– Не знаю, правитель. Посланный туда отряд не вернулся, – сдерживая разгорячённого жеребца, ответил тот.

– Все к бою! – выхватив меч и завертевшись на месте, выкрикнул главнокомандующий. – Срочно направь гонцов к Мансу. Пусть возвращается.

– Повинуюсь, правитель, – склонил голову Потти и тут же умчался прочь.

* * *

Киок сян-ван находился на невысоком холме и пристально следил за началом сражения, расположив резерв из пяти тысяч воинов в низине за спиной. Такое же по численности войско,

разделённое на равные две половины, он предусмотрительно направил в южную и северную стороны в обход вражеского стана. Двадцать тысяч тяжёловооружённых конников, имея на флангах по пятьдесят сотен лёгкой конницы, плотно сомкнув ряды, разогнались на равнинной местности и ударили прямо по лагерю неизвестного противника.

Внезапная атака большими силами не замедлила дать ошеломляющий результат. Враг, совершенно не готовый к нападению, не выдержав сильнейшего натиска, в беспорядке отступил, оставив позиции на территории лагеря, оказался в болотистой местности и увяз там, не имея никакой возможности для манёвра. Его тяжёлые всадники на мощных, закованных в броню жеребцах, выставив наперевес длинные копья, прикрываясь щитами, неповоротливо топтались в топкой трясине, теряя силы, пытаясь сгруппироваться и создать непроходимую цепь. В таком положении больше ничего они предпринять не могли. Тяжёлая кавалерия хуннов откатилась, уступая место лучникам.

Солнце едва поднялось над горизонтом, а войска Киок сянь-вана почти одержали победу. Оставалось лишь добить врага из дальнобойных луков, не выпуская его на сушу и находясь на безопасном расстоянии. Киок не спеша спустился с взгорка, вступил в оставленный лагерь и стал медленно объезжать его, внимательно рассматривая поваленные и уцелевшие шатры, разбросанную утварь, тела убитых воинов, по-прежнему желая понять, с кем всё-таки довелось биться. Противник продолжал упорно стоять на окраине болота. Он нёс потери, но пока не сдавался, словно на что-то надеялся и ожидал важных для себя перемен. Хонгу оуто-ван доложил Киоку, что заградительному отряду ещё утром удалось перехватить нескольких гонцов противника, направлявшихся в южную сторону. К кому они были посланы, установить не смогли. Только после этого сообщения Киок понял, что враг ожидает помощи именно с той стороны. Выслав туда ещё один усиленный дозорный отряд, он повелел бросить на противника все силы и немедленно покончить с ним.

Полководец Манс, командующий в этом походе возмездия всей лёгкой конницей аланов, в точности следуя указанию Гатуну, каждые два дня с самого утра направлял к нему гонцов, извещающая обо всём, что творилось в этой местности. Сообщать пока было не о чем. Брода через реку его разведка не обнаружила, равно как и не заметила сакских дозоров. Уже миновал второй полдень, и он был уверен, что очередные его гонцы находятся на подступах к Гатуну.

Десятник Хасан, старший вестовой, исполняя его приказ, во главе своих людей приближался к ставке главнокомандующего. Звуки сражения он слышал гораздо раньше, нежели увидел большой отряд чужаков, выскочивший ему навстречу из лощины. Сообразив, что продолжать движение вперёд очень опасно да и уже, как он догадался, бессмысленно, он развернулся и помчался обратно, увлекая за собой своих воинов. Несколько стрел просвистели над головой, улетели далеко вперёд и вонзились в траву. Он успел заметить одну из них. На полном скаку, низко склонившись, он схватил её. Ему удалось оторваться от преследователей, но из десяти его воинов с ним осталось только четверо. Не жалея скакунов, они неслись во весь опор по уже знакомой им земле, спеша к лагерю Манса со страшной вестью.

Гатун не знал, что ему предпринять в таком тяжёлом положении, в какое он угодил, имея при себе только тяжёлую кавалерию, опрометчиво отослав с Мансом всех лучников, без которых вести сражение на расстоянии было невозможно. Не ведая о том, что все его гонцы, направленные к Мансу, не сумели прорваться сквозь вражеский заслон, он не терял надежду на спасение и ждал наступления ночи, рассчитывая под её покровом вырваться из окружения и продержаться ещё день до прихода помощи. Больше всего его потрясло, что враги, так неожиданно появившиеся из лесной гущи, не были саками, а представляли совершенно незнакомый ему народ.

Гатун стал думать, что саки либо подверглись завоёванию армией этих чужеземцев, либо создали с ними союз, предоставив им свои территории, куда он вступил несколько дней назад. Так или иначе, но они стали противниками аланов и уже успешно начали с ними войну. Гатун определил их количество. Вражеское войско не имело численного превосходства, но было невероятно воинственно, свирепо и, главное, действовало весьма слаженно, что свидетельствовало об одном – противостояние потребует огромных, небывалых усилий. Худшее же для него, как он понимал, могло произойти в любой момент и заключалось в другом. Если к вражьим войскам вдруг присоединятся сотни и тысячи саков, то приход Манса не станет для него спасительным. Вот тогда, как он полагал, и наступит крах. Но пока этого не случилось, следовало держаться любой ценой.

* * *

Хунны до самого вечера осыпали стрелами почти неподвижно стоящего врага. Крепкая броня доспехов его воинов и непробиваемые намордники и попоны его лошадей лишали возможности покончить с ним быстро, как того требовал Киок сянь-ван. Он терпеливо ожидал разгрома противника, вновь расположившись на вершине холма. О том, что к вражескому лагерю с южной стороны пыталось прорваться несколько всадников, он был своевременно оповещён, и этот факт довольно сильно насторожил его и беспокоил больше всего. Он выслал в том направлении дальние дозоры, которые могли хоть как-то прояснить ситуацию, но и без них он понимал, что где-то рядом находятся дополнительные вражьи силы. Быстрой победы, как он рассчитывал, одержать не удалось. До наступления темноты ему следовало принять важное решение: или прекратить боевые действия и уйти на свой берег, или продолжить натиск и одолеть врага, ставшего удобной для поражения живой мишенью.

Солнце уже коснулось нижним краем линии горизонта, когда сянь-ван отдал приказ к общему отступлению. Стремительно отойдя в лес, войска хуннов перешли реку, разместив с

обеих сторон моста по две сотни лучников, и встали на отдых. Несмотря на наступление ночи, к шаньюю Мотуну Киок срочно направил гонцов.

* * *

Весь следующий день обе противоборствующие армии провели в своих лагерях, не предпринимая никаких действий в отношении друг друга и не нарушая возникшего без какой-либо договорённости перемирия. Наутро второго дня к аланам прибыли войска полководца Манса, о чём незамедлительно узнали хунны. При таком значительном перевесе сил противника Киок не помышлял о возобновлении сражения. Он допускал мысль о том, что враг мог попытаться перейти на его берег, но был уверен в невозможности такого манёвра, так как прохода через реку, кроме моста, не было, а его он успевал сжечь при любых обстоятельствах. Отныне его тяготили и другие думы.

Первое столкновение с войсками хозяев этой земли, – а в том, что это и были истинные её владельцы, он теперь несколько не сомневался, – помимо их многочисленности свидетельствовало ещё и о хорошей их оснащённости и неплохой боеспособности. В сложившейся ситуации он уже не мог продолжать движения, дабы к установленному сроку освободить дорогу, по которой очень скоро должен был прийти сам шаньюй Мотун. Нельзя было оставлять вблизи от его пути огромную вражескую армию, представлявшую собой явную угрозу для властителя. Тщательно взвесив все возможные действия, Киок принял решение не покидать этих мест до получения велений Мотуна и заняться подготовкой территории, подходящей для размещения шаньюя и следующих с ним десяти родов, насчитывающих в себе более двухсот тысяч человек.

* * *

Гатун уже сумел совладать с собой и справиться с потрясением, которое перенёс при внезапном нападении неизвестного доселе врага, но не мог пока окончательно избавиться от тревожных мыслей относительно дальнейшей судьбы похода и

от беспокойства за состояние духа своих воинов. Полководец Манс, наиболее приближённый из всех военачальников к главнокомандующему, ещё при разделении всей армии на две части, когда с Гатунум оставалась только тяжёлая кавалерия, понимал ошибочность такого решения, но не смел возразить ему, так как таким своим поступком, как он полагал, мог подвергнуть сомнению способность полководца и друга умело править вверенными ему войсками и мудро властвовать над людьми. Теперь же, увидев исход всего, что произошло в его отсутствие, Манс был поражён до глубины души случившейся бедой, сокрушаясь по поводу своего давешнего нерешительного поведения, граничащего с малодушием и в итоге приведшего к столь печальному результату, который внес неуверенность в успех предпринятого похода на самом решающем его этапе да к тому же ещё поверг в унылое настроение всех воинов, тем самым значительно ослабив имевшиеся весьма выгодные позиции армии.

И Гатун, и Манс, находясь порознь, были всецело поглощены думами об одном и том же. Каждый относился к сложившейся ситуации как к личной трагедии и воспринимал её с невероятной досадой, и оба мучительно терзались гнетущим душу стыдом, терпя поистине невыносимую сердечную боль. Они, как только могли, старались не попадаться друг другу на глаза, умышленно избегая встреч, при этом очень ясно осознавали неизбежность предстоящего тяжёлого разговора, всяк чувствуя свою вину и великое прегрешение перед неповинными ни в чём погибшими людьми. Но это была война, и если простые воины довольно продолжительное время обходились без ненужного общения между собой, то полководцы в силу возложенных на них функций и обязанностей такое позволить себе не могли, им это было попросту не дано. Несмотря ни на что, только им следовало держать совет, принимать совместные решения, определять всеобщую будущность.

Многие военачальники пытались понять, насколько долго способны выдерживать обоюдное молчание два самых главных лица, с небывалым упорством оттягивающие наступление того важного момента, когда должны быть окончательно опре-

делены дальнейшие действия. И он, этот значимый миг, не заставил себя долго ждать и, наконец, окончательно созрев, вне зависимости от волеизъявлений Гатуна и Манса подступил к ним неотвратимо, предвещая серьёзный и чрезвычайно ответственный диалог.

Манс без особого желания вошёл в шатёр главнокомандующего, сделал шаг и замер. Обычно всегда приветливый, очень радушный и чуткий к гостям, хозяин жилища Гатун сегодня был совершенно другим. Он задумчиво восседал у полыхающего очага, уставившись в него немигающим взором, крепко сцепив пальцы, и, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что творилось вокруг.

– Правитель, позволь потревожить тебя... – почтительно обратился Манс.

– А, это ты, Манс. Конечно, проходи, присаживайся, – не отойдя ещё от дум, тихо откликнулся Гатун, бросив на него отрешённый взгляд.

Манс спокойно прошёл к очагу и опустился на одно из стоявших вокруг него походных сидений. Огонь с треском поглощал поленья, наполняя шатёр теплом и уютным светом, отбрасывая за спины сидящих причудливо подрагивающие тени.

– Если его вовремя не поддерживать, он обязательно потухнет. Не сразу, не вдруг, но очень даже скоро, – словно вслух продолжая свои мысли, по-прежнему тихо произнёс Гатун.

Крепкий плечистый тридцатилетний мужчина, полководец, прошедший весь путь от простого воина до верховного военного вождя, самого высокого воинского положения у племён аланов, обладавший безупречной осанкой и величавыми манерами, всегда с гордостью взиравший на окружающий мир, сейчас выглядел иначе, неузнаваемо, все своим видом вызывая жалость. Ссутулившийся, словно старец, сжавший плечи, подобно озябшей птице, бессильно облокотившийся на колени, он не имел ничего схожего с прежним – уверенным в себе человеком. Весь его немощный облик выражал некую обречённость, сопряжённую с отчаянием и безысходностью. Манс ещё никогда не видел его таким, отчего и дрогнул сердцем, уже сожалея о том,

что совсем недавно злился и был готов разорвать его на части за допущенное нелепое поражение.

«Что с ним происходит? Мне, наверное, нужно было раньше прийти к нему, поговорить с ним по-человечески, попытаться хоть как-то помочь ему и не доводить его до такого, почти безумного, состояния. В таком положении он явно не способен предпринять что-то полезное и нужное всем. Он сильно подавлен. Нет, похоже, не стоит затевать с ним серьёзного разговора. Он не готов к нему да и не выдержит нового переживания. Просто не сможет справиться с одолевающими его чувствами. Что же нам делать? Враг, вкусив нашей крови, притаился под боком. Он показал свою силу и узнал многое о нас. Самое неожиданное, что это не саки, а кто-то другой. Кем бы он ни был, нам не ведомо, что он помышляет и как поступит дальше. К сожалению, лишь одно для нас становится определённым – пребывание здесь опасно. Не могу понять, как быть. Идти вперёд – невозможно. Возвращаться – постыдно. Так что же выбрать: гибель или позор?»

Манс был растерян. Только сейчас всем своим существом он по-настоящему ощутил страх. Тяжёлые мысли непрестанно наплывали волнами, будоража воспалённое сознание, холодя его сердце, липкими клещами сдавливая грудь и отдаваясь омерзительным трепетом в сжавшейся душе.

– Что, плохо тебе? – вдруг разорвал тишину чей-то голос.

Манс вздрогнул. Гатун, повернув голову, пристально смотрел ему прямо в глаза. Манс ничего не смог произнести. Слова комом застряли в гортани.

– Послушай, Манс, я только теперь понял великого Асуна. Он ещё тогда, в последнем своём походе, дважды почувствовал то, что я чувствую сейчас впервые. Не знаю, как тебе объяснить, но я уже не верю в наше победоносное возвращение. Думаю, и в твоей душе появилось что-то подобное. Не торопись с осуждением и выслушай меня, возможно, в последний раз. Пойми, эта земля не для нас. Я не вижу её покорённой аланами. Саки, наверняка, могут быть побеждёнными, но не нами, – Гатун замолчал и отвернулся к огню.

– Однажды, очень давно, Асун, сидя со мной у очага, так же как мы с тобой, поделился одной мыслью, как показалось мне тогда, довольно простой. Он сказал: «Ты жив не потому, что, действуя решительно, идёшь передо мной, а потому, что я, ступая осторожно и вдумчиво, иду за тобой». Видишь, сколько должно было пройти времени, чтобы я осознал потаённую суть этой мысли! – вновь внезапно нарушив молчание, продолжил он. – Тогда я отнёсся к его словам как к похвале нам обоим и поделился своим вот таким восприятием. Каково же было моё удивление, когда, дослушав меня, он рассмеялся до слёз. Тот смысл, что он вложил в эти слова, он так и не пояснил, лишь пожелав мне как можно скорее правильно разобраться в нём и накрепко усвоить его. Да, он был не по годам мудрый и дальновидный. А ведь мы все – он, ты, я и Бат – ровесники. Ты помнишь об этом?

– Да, Гатун, этого я не забыл, – заслушавшись тем, что так спокойно и обыденно говорил его собеседник, Манс не заметил, как уже, оказывается, сам успокоился.

– Это хорошо. А я всё сделал плохо, не так, как следовало, допустив непоправимую ошибку. У меня осторожность и решительность поменялись местами. Я с опозданием вспомнил то давнее напутствие Асуна и не сумел вовремя уберечь вас от пагубных неожиданностей, – с горечью и глубокой тоской выдохнул Гатун.

– Мы ещё можем успеть отступить, – осторожно предложил Манс.

– Да. Идти вперёд нельзя. Из того тупика, куда я вас завёл, только этот выход и остался. Людей нужно спасти. Вина за случившееся лежит только на мне одном. Жаль погубленных зря душ. Ты, Манс, единственный человек, кому я признался в этом. Вот и донесёшь моё покаяние до самого властителя. Принимай командование армией и немедленно уводи её. Я с тысячью гвардейцев встану заслоном. – Гатун устало поднялся, что-то обдумывая, прошёл вокруг очага, остановился возле Манса, внимательно посмотрел на него. – Манс, друг мой, ты всё сможешь сделать как надо. У тебя получится. И знаешь почему? Да потому что ты

ещё не имеешь подозрений о том, чего не умеешь делать. Я остаюсь с теми, кто навсегда полёг в этой земле. Мне известно многое из того, чем изобилует жизнь, пришла пора, и я хочу познать, чем же насыщена смерть. Прощай.

С наступлением темноты все войска аланов, стараясь быть как можно тише и незаметнее для врага, покинули лагерь, оставив в нём своего уже бывшего главнокомандующего и тысячу воинов из его личной гвардии. Со стороны их уход не был обнаружен. Костры, поддерживаемые людьми Гагуна, продолжали гореть всю ночь.

* * *

Как только посветлел небосвод, Киоку доложили, что стан противника пуст. Новость была неожиданной. Повелев подвергнуть тщательному осмотру оставленный лагерь, все его окрестности и всю прилегающую к нему территорию, при этом приказав особо обратить внимание на южные долины, Киок вскоре убедился, что враг действительно свернул становище и ушёл на запад. Отпускать его от себя и после этого тратить силы на поиски, пребывая в постоянном ожидании нападения, он не желал.

Уже к полудню все передовые сотни хуннов выдвинулись на равнину, прошли сквозь брошенный лагерь и устремились по следу беглецов. Ближе к вечеру на их пути появился небольшой вражеский отряд. Неожиданно выскочив из ближнего перелеска, он преградил им дорогу. Хунны с ходу бросились на него, но он не принял ближнего боя и тут же разлетелся по холмам и лесам, издали метко сражая их стрелами. Немедленно оповестив сянь-вана обо всём случившемся здесь, опасаясь западни и не имея ни малейшего представления об истинном количестве врага, возможно, затаившегося по всей округе, но догадываясь о предназначении этого особого отряда, с наступлением сумерек войска хуннов прекратили попытки его преследования, отступили на небольшое расстояние и остановились. Направив с последними сведениями очередных гонцов к шаньюю, Киок, окружив плотным кольцом свой новый стан, выслал многочисленные дозоры и стал обдумывать дальнейшие действия.

* * *

Сумев остановить продвижение противника и выиграв у него драгоценное время продолжительностью в целую ночь, Гатун отдыхал. Освободившись от оков власти, несмотря на всю свою обречённость, он чувствовал явное облегчение. Задача, стоящая теперь перед ним, была ясной, как небо, что прозрачно нависло над его головой. Лёжа на расстеленной кошке, рассматривая звёзды, он мечтал только о том, чтобы продержаться весь следующий день и дать возможность Мансу уйти как можно дальше. Большого ничего он уже сделать не мог. Мысли, одолевавшие его прежде, куда-то исчезли. Душа не давала знать о себе. Его сердце билось безмятежно, тихим размеренным стуком где-то в глубине груди. Спокойствие приятно охватило его тело и разум. Такого состояния он не помнил. Даже голова была необычно пуста, словно всё, что наполняло её совсем недавно, устав находиться в ней, покинуло её. Гатун не узнавал себя, но не сожалел о происходящих изменениях. За долгие годы напряжённого существования он отвык от настоящего отдыха, расслаблявшего его так, как сейчас.

Где-то ухнула птица, и эхо, постепенно затихая, многократно разнесло её голос по округе. Гатун поднялся, оглянулся по сторонам. Его люди спали, расположившись среди деревьев. В небольшом отдалении на открытой местности паслись лошади. Тихо сменились дозоры. Он вновь прилёт, укрылся с головой и почти мгновенно уснул.

* * *

Столкновение было ожесточённым. Десятки израненных и убитых остались лежать на земле. Аланы, приняв близкий бой, рассыпались по округе, сражая хуннов из луков, но и сами неся потери от их метко выпущенных стрел.

Гатун с пятью сотнями, спрятав остальных воинов, атаковал крупный передовой отряд врага, вновь появившийся на рассвете, пытаясь показать ему всю свою мощь и дать понять тщетность предпринятого им преследования.

Хонгу оуто-ван, лично возглавивший все четыре с половиной тысячи отборных всадников, отбросив напавшие на него сотни, разделил своих людей на три части и повелел двум из них неотступно идти за противником и уничтожить его, сам же с остальными продолжил движение вперёд. Будучи опытным полководцем, он догадался, что силы противника ограничены, а стало быть, оставлены здесь для сдерживания его войск с одной лишь целью – выиграть время. Вскоре его догадки подтвердились. Пройдя достаточно большое расстояние, он не встретил на своём пути ни одного человека. Оставив в этом месте две сотни воинов, он развернулся, выстроил всех людей в линию по долинам и, медленно продвигаясь, стал прочёсывать местность, заходя противнику со спины, навстречу посланным следом за ним своим отрядам.

Приближался полдень. Гатун почувствовал опасность и отдал приказ сотникам собрать всех воинов к нему в перелесок.

Почти семь сотен очень быстро окружили его.

– Враг вокруг нас. Он понял, что нас мало, и сжимает кольцо. Обратной дороги у нас нет. Мы сумели продержаться почти два дня, и наши братья отошли ещё дальше. Скрываться дольше мы уже не сможем. Слушайте моё последнее веление! Мы будем атаковать их лагерь. Они не ожидают от нас нападения на него. Вот единственная наша дорога, – полководец поднялся в седле и указал прямо на восток. – Только этот путь сейчас свободен. Вперёд!

Войска аланов вылетели на простор и, увлекаемые Гатуном, выстраиваясь на ходу посотенно, устремились в сторону своего бывшего лагеря, где теперь находился стан противника. Сторожевые отряды хуннов, стоявшие в полной готовности на подходах к ставке сянь-вана и значительно превышавшие аланов своей численностью, встретили их плотными сомкнутыми рядами и тут же охватили со всех сторон.

Битва была скоротечной и кровавой. Когда разгорячённые сражением хуннские воины широко расступились, почтительно пропуская своего главнокомандующего, ни одного воина-алана уже не было в живых. Гатун, пронзённый копьём прямо в серд-

це, лежал в самом центре круга, образованного изрубленными телами. Осторожно ведя скакуна, Киок сянь-ван приблизился к нему, склонился, внимательно всмотрелся в его лицо, задумчиво кивнул и отбыл обратно.

На заре следующего дня всё левое крыло хуннов во главе с Киок сянь-ваном по велению шаньюя Мотуна, приславшего гонцов, двинулось на запад, следуя за уходящими войсками аланов. Ни сам сянь-ван, ни его люди не знали и даже не могли предположить, насколько долго и далеко им придётся продвигаться. Не ведали они и о том, когда доведётся вернуться в эти края.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— К^{то} это, вон там? — взгляды-
ваясь в одинокого всадника, удаляющегося от становища, спросил молодой воин.

— Где? — взглянув в направлении, указанном напарником, оторвавшись от любимого занятия — заточки меча, равнодушно спросил старый воин. Но тут же увидев того, кто уже был едва досягаем для глаз, он с почтением добавил: — А, это же сам Муццуй. Ты что, не узнал его?

— Нет. Я много раз слышал о нём, но ещё ни разу не видел. Его трудно встретить среди людей, — вытянув шею и приставив ладонь ко лбу козырьком, по-прежнему не отрывая от всадника взора, с нескрываемым восторгом произнёс юноша.

— Только Муццую самым великим шаньюем разрешено в любое время, когда ему заблагорассудится, покидать становища и возвращаться в них, — продолжая работу, цокнул языком и с какой-то потаённой завистью протянул пожилой стражник.

— Говорят, он спас жизнь самому великому властителю. Это правда? — потеряв из виду всадника, спросил юноша, удобнее усаживаясь и желая услышать как можно больше об этом странном человеке.

— Верно гласит молва. Когда Муццуй был совсем юным, он уже прослыл непревзойдённым охотником. Пожалуй, лучше был только его покойный отец. Вот он-то и прирастил своего сына к такому опасному, но весьма уважаемому занятию. Од-

нажды, это было всего две зимы назад, наш великий правитель тоже отбыл на охоту. В его свите находился отец Муццуя. Тогда он впервые и упросил шаньюя взять с собой сына. Тот благосклонно отнёсся к его прошению и, как оказалось чуть позже, очень правильно сделал, как говорится, на свою удачу. Пошли они тогда на добычу медведя. Зимой дело было, да к тому же в землях покорённых племён сянбийцев. Леса там глухие, почти непроходимые для людей. Снег очень глубокий. Верхом на лошадях не пройти. Пришлось им спешиться. Медведь в такую пору обычно крепко спит. Его только настоящий зверолов мог обнаружить. Случилось так, что они быстро вышли на одну такую берлогу. Ну, как положено, обложили её и стали поднимать зверя. Вдруг начался густой снегопад. Казалось бы, ничего страшного в этом нет. Их много, он один. Копьями разворошили медведя. Здоровущий, говорят, оказался. Всё бы ничего, да вот только стража подвела. Сгрудилась она возле охотников. Любопытство одолело. Зверь уже показался из берлоги. Только они отходить от него, ну, выманивать его стали, как вдруг сзади них неожиданно другой появился. Не медведь, а сам хозяин тех лесов – огромный тигр. Видимо, и он шёл на этого медведя. Это, я тебе скажу, зрелище ещё то! Тигр, он ведь, когда голодный, может такое сотворить, что и самому смелому охотнику не приснится. Люди все растерялись, оказавшись между двумя могучими и свирепыми животными. Медведь уже выбрался наружу. Говорят, и стража, и другие охотники оцепенели от ужаса. Только сам шаньюй, отец Муццуя и Муццуй быстро сообразили, что нужно делать. Отец юноши взялся за медведя, а шаньюй бросился на тигра с копьём. Но тут-то и случилось самое худшее для него. Его нога под снегом зацепилась за что-то, то ли за коренья, то ли за поваленное дерево. В общем, он не удержался и повалился в снег. Тигр в двух шагах от него присел, изготовился и прыгнул. Но не тут-то было. Муццуй опередил его лишь на миг. Он упал на шаньюя спиной и выставил вверх свой меч. Огромный зверь всем весом на него и напоролся. Говорят, от его тяжести рукоятка меча чуть не проломила юноше грудь. Может, и продавала. Его отец в одиночку взял медведя. Видел у велико-

го шаньюя шрам на щеке? Это и есть отмети́на, оставленная когтем того тигра. Его шкура и теперь висит в его юрте. Он подарил её Муццу́ю, но тот благодарно отказался. Через несколько дней после той памятной охоты великий шаньюй прилюдно объявил Муццу́ю единственным пожизненным вольным охотником среди хуннов. Никто не может чинить ему вопросов и запретов, и всё добытое остаётся у него. Такого никогда ещё не было. Вот так наградил властитель этого человека за его храброе сердце и небывалую преданность, – старый воин убрал меч, несколько раз кивнул, о чём-то думая, взглянул в замороженные глаза юноши и вновь посмотрел в ту сторону, куда удалился Муццу́й.

– Вот это да! – восхищённо протянул молодой воин.

– Верно, такое не каждому дано, – согласился с ним старый вояка.

* * *

Двадцатилетний великан Муццу́й вёл своего любимого жеребца тихим шагом, спокойно оглядывая окрестности. С самого раннего детства он не мог привыкнуть к царившей вокруг него шумливой людской суете и спокойно переносить её, отчего и старался больше находиться подальше от своего селения, проводя целые дни в играх с щенками, всегда вившимися резвой стайкой у его ног. Они таскали его за одежду, валили с ног, облизывали его лицо горячими и влажными язычками. Он утирался, боролся с ними, лупил их своими маленькими кулачками, но никогда не злился на них, не прогонял и втайне от матери отдавал им лучшие куски мяса. Без своих шаловливых маленьких забавных четвероногих друзей он не мог обойтись и мгновения. Не желая расставаться с ними, он всё своё время проводил только в их обществе, и даже ночами, когда засыпали родители, он тихонечко покидал юрту и навещал их. Отец не запрещал ему такого безобидного увлечения собаками. Мать иногда ругала за то, что он не обращал никакого внимания на своих ровесников и не общался с ними, как это делали все дети. В такие моменты он покорно запира́л щенков в загоне и шёл к соседним жилищам, где молча усаживался на землю и со скукой в глазах наблю-

дал за играми детей. Мать видела его поведение, недовольно мотала головой, но на некоторое время прекращала настаивать на своём, не беспокоя его упрёками. Вскоре выросли все его щенки, превратившись в матёрых псов, вырос и он, став необычно худым и долговязым юношей. Обладая очень высоким ростом, почти на целую голову превосходящим рост мальчиков-однолеток, он чувствовал себя среди них неуверенно, отчего и был замкнутым, избегал находиться рядом с ними и спешил, как прежде, уединиться со своей любимой сворой собак.

Видя сыновье непреходящее увлечение животными, отец стал брать его с собой на охоту, где обучал премудростям определения зверя по следам, его выслеживания и выманивания, ловле всевозможными приспособлениями, используемыми издревле и изобретёнными им самим, прививал ему навыки подготовки различных скрытых ловушек и умелого устройства западни с применением силков, капканов и ям, приучал его к разделке туш, выделке шкур и обработке костей. В общем, он с огромным желанием делился с сыном всем тем, что знал и делал сам. При этом самым главным, считал отец, была выработка в сыне таких важных для мужчины качеств и способностей, как сила духа и отменное телесное здоровье, отвага и храбрость, терпение, внимательность и выносливость, ну и, конечно же, вдумчивость. Муццуй оказался на редкость даровитым учеником и быстро усваивал уроки отца, с жадностью впитывая и запоминая каждое его слово, проявляя нескрываемый интерес ко всему, что видел и к чему прикасался, задумываясь всерьёз над всеми разъяснениями родителя и, в свою очередь, всегда делясь с ним своими придумками и радуясь его одобрению.

Прошло немного времени, и он с одобрения отца уже самостоятельно и увлечённо стал ходить на добычу зверя, возвращаясь в отчее жилище с обильными трофеями, безмерно радуя родителей своей удачливостью. Селяне, и стар и млад, уже иначе относились к Муццу. Видя, в кого так вдруг превратился этот прежде несуразный диковатый мальчик, значительно превзошедший их сыновей, они стали кто с завистью, а кто с почтением поглядывать в его сторону, постоянно наблюдая за его

занятостью во благо своей семьи. По установленному в родах порядку отдавая половину добычи акиму, значительная часть которой отправлялась к самому шаньюю, Муццуй вскоре был замечен и им, так как всё, что он приносил, с каждым разом становилось больше и добротнее.

В таких праведных делах быстро минуло два года, и однажды случилась та самая охота, на которую сам шаньюй Мотун позволил взять и Муццуя. С той поры прошло ещё два года, в течение которых один за другим покинули этот мир его родители, и он стал жить один. Останки отца были найдены им в глухой чащобе. Его растерзал медведь. Мать ушла вслед за ним меньше чем через год. Она сильно захворала, иссохла и тихо потухла, в один из дней не сумев подняться с постели.

Муццуй не изменил своим привычкам и продолжал заниматься охотой, подолгу объезжая леса, озёра, реки и долины, прохладными ночами находясь в одиночестве у своего костерка, греясь возле него, готовя на нём пищу, делясь думами с его мерцающим огнём, относясь к нему с благодарностью за тепло, свет, заботу и понимание. Несмотря на то что он был полностью освобождён от всех податей, он, как прежде, продолжал отдавать акиму почти весь свой охотничий трофей, оставляя себе только самое необходимое.

К несению воинской службы, как, впрочем, и к любой другой работе, его не привлекали, строго исполняя веление шаньюя о признании за ним права неподчинения никому. Он знал о том, что они уже давно начали и ведут захватническую войну, вступили в чужие земли и покорили много разного народа, но не хотел ни видеть, ни слышать об этом ничего. Ему нравился тот мир, в котором постоянно пребывал, и поэтому он не желал ничего менять.

Вот и теперь, продвигаясь со своим родом юхойань вместе с ещё десятью другими родами, ведомыми самим шаньюем Мотуном, Муццуй с головой был поглощён изучением местности, куда они вошли, и особенно живности, обитавшей здесь, в столь своеобразной стороне, разительно отличавшейся от оставленных родных краёв, значительно более суровых, пустынных и оттого почти скудных.

Постояв больше десяти дней на обширных долинах невдалеке от горных подножий, где незадолго до них отзимовало всё их правое крыло под предводительством Киок сянь-вана, хунны двинулись на юго-запад, туда, где для них уже освободил место Киок, ушедший теперь на запад.

За непродолжительное время, в течение которого их становища находились вблизи от гор с седыми заоблачными вершинами, опоясанных густыми непроходимыми лесными дебрями, только одному Муццуу удалось убить там трёх медведей. Отсутствуя пять дней, он сильно встревожил своих сородичей, но когда появился в стойбище живым и невредимым, то невероятно обрадовал их, а после того как воины, отбывшие с ним, привезли три огромные медвежьи туши, каждая из которых имела лишь по одной ране прямо в сердце, все были вновь восхищены невероятным мужеством Муццуа. Своеобразно отреагировал сам шаньюй. Прослышав об очередных подвигах своего любимчика, он вызвал его к себе, радушно угостил, но в беседе попросил быть более осторожным вне рубежей становищ, резонно сославшись на неизведанность этих чуждых земель, явно кем-то населённых и оттого становившихся очень опасными.

Поблагодарив великого властителя за проявленные чуткость, заботу и внимание, Муццуй покинул его юрту, направившись в ближайший лесок, дабы там спокойно обдумать его пожелания. Всю дорогу до нового места он не покидал обозов, следуя рядом с ними, улавливая на себе восхищённые взгляды детей и женщин, выглядывавших из крытых повозок.

Местность, куда они вскоре прибыли и встали лагерями, была лесистой, особенно вдоль речного побережья, но, отдаляясь от реки в обе стороны, она сменялась холмисто-равнинной, чередующейся с перелесками. Добротный мост, выстроенный людьми Киок сянь-вана, позволил всем им разместиться равномерно по берегам реки, что создавало определённое преимущество в случае ведения военных действий. Туда же, где они были и откуда пришли сюда, уже вошли передовые отряды левого крыла хуннов, семь родов под предводительством Куту сянь-вана.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Властители четырёх сакских племенных союзов: исседонов – царь Шангал, аримаспов – царь Касс, тиграхаудов – царь Сахрибий и даиев – царь Галхис вели срочные переговоры между собой через особо доверенных лиц, направляя их друг к другу ежедневно, а порой и по несколько раз за день. На пути следования гонцов для них были расположены частые посты со сменными лошадьми, сытной едой и свежей водой, позволявшие держать непрерывную связь между ставками властителей. Полчища чужеземцев, вторгшиеся в их земли, как они ясно осознавали, представляли собой огромную силу и явно угрожали им всем. По донесениям лазутчиков правители знали и о весеннем приходе армии аланов, и о появлении чьих-то войск, как теперь выяснялось, принадлежащих совершенно неизвестным им завоевателям, и об их столкновении, но, зорко следя за ними и будучи в постоянной готовности, они тщательно скрывали от глаз их дозоров присутствие своих многочисленных отрядов, широким полумесяцем охватывавших территорию, занятую лагерями обоих незваных пришельцев.

После отступления аланов и преследования их первой лавиной чужеземцев в сакской земле воцарилось было временное спокойствие, но теперь, когда на место ушедших гонителей пришли ещё большие их армии, саки поняли, что над ними нависла настоящая опасность, и по этой причине решили объединить всех своих воинов. Только к царю южных массагетских племён

Дассарии гонцов они пока не направляли, рассчитывая обойтись своими силами, но он сам прислал к ним вестовых, через которых интересовался обо всём, что творилось на их северных границах, причём в мельчайших подробностях, при этом предлагая им свою помощь. Прежде чем дать ему ответ, цари ещё раз тщательно взвесили свои общие возможности, обдумали и обсудили его предложение, и все, кроме Касса, приняли решение об отсутствии необходимости в беспокойстве Дассарии, полагая, что их войск вполне достаточно для ведения военных действий. С тем и были возвращены гонцы к царю массагетов. Каждое из десяти племён аримаспов и исседонов выставляло от себя по пятьдесят сотен воинов, на десять сотен меньше их выделили восемь племён тиграудов и четыре племени даиев.

* * *

Девяносто восемь тысяч воинов племён аримаспов, тиграудов и даиев, объединённые в одну армию, возглавляемую царём Сахрибием, подошли к северо-западным территориям аримаспов, где на правом берегу реки разбили часть своих стойбищ чужаки, и в ожидании прихода войск исседонов встали лагерем, охватив противника полумесяцем с юго-восточной стороны. Царь Шангал тоже прибыл точно в установленный срок и расположил всю свою пятидесятитысячную армию на южных подступах к врагу, на левом речном побережье, перекрывая ему дорогу в свои земли, правым краем войск плотно примыкая к воде, где за её потоком виднелся левый фланг его союзников. Таким образом, как считали цари саков, их армии находились на очень удобных позициях, имея между собой и противником огромное открытое пространство, преодолеть которое незамеченными вражеские войска просто не могли, а это, в свою очередь, исключало их внезапное нападение.

Атаковать же первыми саки не собирались. План их действий состоял из трёх основных положений. Во-первых, они все рассчитывали не на кровавую бойню с врагом, а на одоление его осадой и измором, в результате чего он должен был отступить и уйти только в двух направлениях: либо обратно на север, либо

на запад. Во-вторых, в случае отхода врага они не намеревались оставаться лишь безропотными наблюдателями, а тут же переходили в наступление. В-третьих, при атаке врага они не принимали открытого сражения, а под прикрытием заградительных отрядов, состоящих из лучников, отходили по заранее подготовленным ими дорогам, заманивая и растягивая его войска, заставляя его дробить свои силы, дабы он утратил их общую ударную мощь и в результате попал в западню своими разрозненными частями.

Имея за собой весьма обширные пастбища, сакские воины могли стоять лагерями довольно длительное время без какой-либо нужды в воде и кормах, что и давало им неоспоримое преимущество перед чужеземцами, которые разместились большей частью в лесной, почти бестравной зоне, отчего их положение с каждым прожитым днём должно было непременно усугубляться из-за ухудшения кормления многочисленных табунов лошадей и прочего их скота. То, что река разделяла надвое их армии, саки не считали чем-то опасным для себя и, более того, воспринимали этот факт очень даже выгодным в создавшемся противостоянии, так как противник был тоже разделён потоком и, к тому же скованный в действиях обозами, простолюдинами, женщинами и детьми, уже лишал себя быстрой манёвренности. Отныне, как всегда при ведении военных действий, многое зависело от лазутчиков, чьими ушами слышали и глазами видели полководцы в обоих лагерях.

* * *

Шаньюй Мотун, разбивший свой стан на левом берегу реки, уже знал о подходе вражеских армий и основательно готовился к войне. Хорошо помня из подробных прежних донесений Киок сянь-вана, что войска, встреченные и преследуемые им в этих краях, были достаточно многочисленными и боеспособными, сейчас он догадывался, что ничего общего с властителями этой земли они не имели. Истинные её хозяева появились лишь теперь. Мотун не сомневался, что всё то время, пока здесь находился Киок, они непрестанно и терпеливо следили за всеми его действиями и, увидев случившееся, не проявили себя. Такая вы-

держка невольно вызвала уважение к ним и заставила шаньюя воспринимать их очень серьёзно.

Срочно направив гонцов к Куту сян-вану с требованием о неотложном выступлении к нему, Мотун стал тщательно обдумывать предстоящие действия, анализируя сведения, добытые разведкой, и учитывая все условия местности. В который раз внимательно осмотрев мост, направил вдоль берегов вниз по течению реки своих людей, обученных налаживать переправы как в гористой и лесистой местности, так и на воде, задал им интересующие его вопросы, выслушал их ответы и мнения и, вызвав к себе двух оуто-ванов, повелел им спешно наладить ещё десять мостов, между которыми расстояние не должно было превышать одного полёта стрелы, и к тому же приказал им подготовить триста крепких плотов, способных выдержать на себе до пяти конных воинов.

В тёплую летнюю пору его люди всегда преодолевали водные преграды вплавь при помощи надутых бурдюков. Сейчас же он не мог позволить им такого способа, так как почти ледяная вода унесла бы в свои объятия многих из них, не считая потерь среди их лошадей. Осмотрев окрестности становищ по обеим сторонам от реки, обратив особое внимание на южные и восточные подступы к ним, где находился враг, шаньюй Мотун вызвал к себе ещё двух оуто-ванов и группу самых опытных охотников во главе с Муццумом и поручил им скрытно выкопать вдоль этих рубежей глубокие и широкие рвы, днища которых следовало усеять острыми кольями. Укрыв их от всех посторонних глаз, подобно ловушкам для зверей, они в обязательном порядке должны были оставить в них тайно отмеченные, но нечастые проходы для десяти всадников в ряд.

Работы начались незамедлительно. Лес рубили днём в верхнем течении реки и тихо сплавляли по ней вниз, с приближением вечеров прекращая работы, чтобы избежать лишнего шума. Ночами копали рвы, стаскивая землю волокушами в лес. То, что противник всё это время не предпринимал каких-либо военных действий, было весьма выгодно для хуннов. Понимая всю важность приготовлений, они охотно трудились, не обращая внимания ни на усталость, ни на получаемые раны и увечья.

Прошло десять дней, и все веления шаньюя были исполнены в точности с указанными им сроками. С севера подошёл передовой дозорный отряд Куту сянь-вана. Мотун вернул его обратно на день пути, где и приказал сянь-вану встать лагерем, не обнаруживая себя. Плоты успешно прошли испытания, устойчиво удерживая на себе даже большее количество людей с лошадьми, нежели изначально потребовал от оуто-ванов шаньюй. Мосты были наведены прочно и правильно. Отведя от них войска, к ним подвели и разместили все обозы с простыми людьми и провиантом, дабы в случае возникновения опасности на одном из берегов быстро перевести их на другой. Рвы-ловушки, сколько бы придирчиво не вглядывался в них сам Мотун, даже с близкого расстояния заметны не были. Земля, как прежде, казалась нетронутой. Для хуннов наступила пора решительных действий. Вскоре шаньюем был созван совет военачальников, на котором каждому из них он строго определил предстоящие действия и поставил ясную и конкретную цель.

* * *

«Странный противник у нас. Аланы были другими. Этот стоит на месте и чего-то ждёт. Чем он кормит своих лошадей и скот, непонятно. Но дольше, чем пробыл здесь, он не сможет выдержать. Неужели он не понимает, что на ослабших скакунах ничего путного ему не совершить? Скоро, очень скоро он что-то должен предпринять. Иного ему просто не дано. Зря он не атаковал нас в самом начале, когда мы появились тут. Время течёт не для него. Он обречён, но ещё пытается выстоять. Глупое упорство, губительное. Ведь есть же у него выход. Отступи и уходи. Нет, не выдвигается обратно. На что он надеется? Чужая земля. Всюду враг на сытных лугах. Проход оставлен, и он об этом не может не знать. Так чего же он ждёт всё это время?» – выехав на равнину и вглядываясь в сторону расположений врага, думал Сахрибий.

Почти о том же на другом берегу размышлял и Шангал. На заре следующего дня конницы противника одновременно появились на равнинах по обоим побережьям. Стремительно вы-

рвавшись на просторы, они тут же лавинами двинулись на саков. Сахрибий и Шангал пустили им навстречу отряды лучников. Сражение началось на расстоянии. Неожиданно для саков, рассчитывавших на свои дальнобойные луки, противник обладал таким же, но ещё более мощным оружием и начал сражать их с очень большого расстояния, да так, что они не могли причинить ему урона, а сами несли ощутимые потери. Стрелы саков не долетали до врага, в то время как он без особых усилий доставал до задних рядов. Ошеломлённые саки решили приблизиться, но и этого у них не получилось, так как враг замер и, разгадав их манёвр, отступил, мгновенно рассыпавшись по равнине, но тут же собрался небольшими группами в разных недостижимых местах, издали метко осыпая их стрелами, и вновь разлетался, подобно стаям птиц, не прекращая стрельбы, и вновь сбивался в небольшие отряды, не уступая своих позиций. Ни таких луков, ни такой тактики боя саки никогда не видели.

Сахрибий, равно как и Шангал, внимательно наблюдал за сражением с небольшой высоты. Действия противника были непредсказуемы и поначалу воспринимались как нечто совершенно не поддающееся разумному управлению. Но шло время, и во всём его странном поведении, во всех его, казалось бы, беспорядочных и необдуманных передвижениях стала отчётливо проглядываться отточенная до совершенства слаженность. Чужаки умело и легко продолжали битву, изматывая саков. Они не получали подкрепления, но, быстро сменяясь в группах, успевали отдыхать. Со стороны это сражение выглядело как какой-то тренировочный бой, где меньшее по числу, но опытное воинство игриво поучало превосходящие силы новичков.

Наступил полдень. Каких-либо перемен не случилось. Всё продолжалось по-прежнему. Саки несли потери, не сумев превзойти противника. Ни Сахрибий, ни Шангал не могли спокойно взирать на всё, что теперь происходило перед ними, у них уже не было сил терпеть, как враг самым настоящим образом издевался над их воинами. Дабы прекратить это, они двинули дополнительные силы. Противник помощи не получил. Следуя велениям царей, после полудня все сакские отряды начали

общее отступление, пытаясь заманить врага в западню, но тот, пройдя две трети равнины, остановился, не преследуя их, но и не уходя. Саки вынужденно вновь бросились на него. Их атака ни к чему не привела. С наступлением сумерек противник быстро и организованно исчез. Сакские воины устало возвратились на свои позиции. На них было больно смотреть. Измощённые, они валились на землю и тут же засыпали.

* * *

На следующий день всё повторилось. Противник упорно навязывал сакам свою тактику. Те, не имея другого выхода, принимали её, но уже без должного и столь необходимого воодушевления, просто исполняя долг. Заранее намеченный план их действий рушился прямо на глазах. Атаковать всеми силами они не могли. Причиной тому были лесные дебри, кишасшие вражескими войсками.

* * *

Шаньюй Мотун был доволен началом боевых действий. Всё получалось так, как он задумал. Он был уже уверен, что два дня, проведённые в непрерывных боях, сильно взбудоражили врага и настроили его на более решительные действия, заставив сменить выжидательную тактику на атакующую. То, что противник попытается заманить часть его войск в западню, он предусмотрел заранее и своевременно предупредил об этом полководцев. Всё острее испытывая нужду в пастбищах, он немедленно приступил к подготовке и осуществлению второго этапа войны, повелев Куту сянь-вану с войсками обойти с востока все армии противника и встать там заслоном, не пропуская ни одного его воина. С наступлением ночи по его приказу двадцать сотен воинов вместе со своими лошадьми, крепко перевязав им морды во избежание лишних звуков, погрузились на плоты и стали бесшумно сплавляться вниз по течению реки.

По замыслу правителя, эти войска, миновав тот речной участок, где ими на побережьях непременно будут замечены вражеские костры, должны были пройти чуть дальше и высадить-

ся им в тыл, причём каждый первый плот приставал к правому берегу, а каждый второй – к левому. Наутро следующего дня, когда крупные силы хуннов возобновили сражение, именно эти два десятисотенных отряда, разделённые водой, неожиданно для противника, выждав некоторое время, наносили удар ему в спину, но не ввязывались в ближний бой и как можно дольше и скрытно беспокоили его. Их главной задачей была паника, которую следовало посеять в рядах врага, вместе с тем по возможности они должны были вынудить его обрушиться на лагерь хуннов и оттянуть на себя часть его людей.

* * *

Ещё не забрезжил рассвет, Сахрибий и Шангал, упреждая противника и впредь не желая больше терпеть зависимость от его действий и идти у него на поводу, двинули на равнины почти по половине своих армий с требованием уничтожить всех, кто появится из леса, не давая им возможности выскочить из него и развернуться на просторе. Конницы саков под покровом ночи бесшумно приблизились к лесным окраинам на расстояние двух полётов стрелы и замерли в ожидании. На восходе небо у горизонта слегка подёрнулось мутным заревом, но в дебрях перед ними царила темень, ничем не напоминая о присутствии в них огромного количества людей.

Враг появился стремительно. Он не обнаружил себя до самого последнего момента. Направленные к лесу пешие лазутчики не успели дойти. Внезапно ожили заросли. Осыпав из них несметным числом стрел, противник вылетел навстречу сакам не сплошными рядами, как того ожидали они, а многочисленными клиньями-потоками, с ходу преодолев разделявший их промежуток открытой местности и врезавшись в его переднюю линию. В отличие от предыдущих дней враг атаковал огромными силами. Его отряды всё прибывали и прибывали, наполняя собой весь свободный участок равнины.

Впервые завязался ближний бой. Столкнувшись наконец лицом к лицу с ненавистным и скользким, как лёд, противником, озлобленные сакские воины теперь уже сражались во всю

мощь, вымещая на нём всю накопившуюся ненависть. Небосвод стал плавно освобождаться от ночной смоли, наполняя землю тусклым светом, достаточным для обоюдного обозрения противниками. Саки были сильно удивлены внешним обликом вражеских воинов, доселе не виданных ими. Низкорослые, очень широкие в плечах, облачённые в длинные доспехи, пластинчатые панцири со стоячими бронированными воротниками, изпод которых, доставая до колен, виднелись длиннополые кольчуги, да к тому же на своих толстоногих небольших гривастых лошадях, они все как на подбор напоминали вырубленные из камня цельные изваяния. Необычные пластинчатые шлемы с кожаными бармицами, увенчанные на самых макушках шпильями и фигурами фантастических зверей, придавали их головам невероятные по величине громоздкие размеры. Их оружие было совершенно другим. Имея мечи с искривлёнными узкими полотнами, а копья с бубенчиками и флажками на древках, к тому же обладая огромными луками с костяными и роговыми накладками, значительно превышающими сакские, они выглядели отнюдь не людьми, а какими-то чудовищными созданиями. Ещё более странными были их лица. Скуластые, узкоглазые и безбородые, они напоминали больше юнцов, нежели зрелых мужчин. Людей, обладающих таким вооружением и таким внешним видом, даже бывалые сакские воины ещё никогда не встречали на своём пути. При первом близком столкновении с ними саки сразу ощутили их силу и общую ударную мощь, но уже через какое-то время, как им показалось, уловили и слабые их стороны. Вражеский воин почему-то избегал длительной рубки. Вступив в единоборство, он не выдерживал долгого натиска сакского воина, стараясь как можно быстрее отбиться от него, а не сразить его, и в этом ему очень помогал кривой меч, при помощи которого он с лёгкостью гасил удары тяжёлого прямого сакского акинака.

Несмотря на численное превосходство и территориальное преобладание, армии Сахрибия и Шангала не сумели опрокинуть врага и накрепко завязли в битве, чем и вынудили их обоих ввести в сражение все оставленные войска, рассчитывая на вражеских плечах ворваться в лагерь противника. Совершенно

неожиданно для них полководцы недоуменно сообщили, что им в тылы ударили чьи-то отряды. Известие было ошеломляющим. Развернув несколько тысяч, саки ринулись обратно, туда, где появился противник, но, как ни старались, а никого там не обнаружили. Всюду лежали сражённые вражескими стрелами тела их сородичей. Не понимая, куда исчезли напавшие, озираясь по сторонам и уже не веря, что те побывали в этих местах на самом деле, но видя убитых людей, они вдруг ощутили явную оторопь, воспринимая всё случившееся как некое странное проявление неведомых им сил. В их души постепенно стал закрадываться страх.

* * *

Шаньйю Мотун находился в своей ставке. Накинув на плечи плащ, он спокойно восседал у костра, что пылал в нескольких шагах от его юрты. К нему часто, с точно определённой периодичностью подлетали гонцы от полководцев с обоих берегов. С двух сторожевых вышек, сооружённых на самых крепких и высоких деревьях, откуда просматривались обе равнины до дальних окраин, его люди внимательно следили за ходом сражений и незамедлительно докладывали ему обо всём, что там творилось.

Приближался полдень. В битву были введены почти все его войска. Оставалось ждать наступления удобного для него момента, с которым он связывал все свои надежды на победу в этой войне. Он уже знал, что его людям удалось незаметно для дозоров противника спуститься на плотках вниз по реке и вовремя атаковать в спины. Об этом он догадался сразу, как только его известили о спешном отходе нескольких крупных отрядов врага в тыл. Пока всё происходило так, как он и задумал. После полудня он отдал приказ своим армиям к отступлению и занятию позиций на лесных окраинах.

* * *

Саки всё сильнее напирали на врага, но охватившему их воодушевлению стали мешать слухи о том, что в их тылах погибло много сородичей и при этом никто из тех, кто атаковал их, обнаружен так и не был. Все эти толки, вмиг оброставшие неве-

роятными и страшными подробностями, очень быстро разносились среди воинов, тревожа их перегруженные напряжением сердца. Вскоре кто-то из них уже стал поговаривать и о том, что у противника имеются воины-великаны, притаившиеся где-то в лесной гуще, способные поражать из своих огромных луков на расстоянии, превышающем длину всей равнины. Опытные военачальники, понимая всю пагубность таких измышлений, всячески старались пресечь их, указывая на лес и призывая скорее ворваться в него и убедиться в нелепости возникших глупых суеверий.

Сахрибий и Шангал были в ярости от нарождавшейся паники. Желая поднять дух воинам и отвлечь их от опасных домыслов, они лично вступили в сражение и возглавили войска. Вскоре враг не выдержал, дрогнул на флангах и начал отступление. Оставив сплошной сдерживающий заслон, он быстро растворился среди деревьев. Разгромив преграждающие дорогу силы, саки лавинами устремились к лесу. То, что случилось на подступах к нему, повергло их в ужас. Передовые линии их конниц в одно мгновение провалились под землю, на полном скаку влетев в скрытые рвы. Следовавшие за ними плотные ряды всадников также один за другим обрушивались вниз, исчезая прямо на глазах, заполняя собой устроенную под ногами смертельную ловушку. Обе прибрежные равнины, и без того перенасыщенные всевозможным гулом, шумом и грохотом войны, вдруг огласились душераздирающими многоголосыми людскими криками и стонами и жалобным конским ржанием. Всё живое, лишь миг назад представлявшее собой грозную передовую часть сакского воинства, превратилось в одно кровавое месиво, нанизанное на острые колья, переломанное в костях и задыхающееся под грудой живых и мёртвых собратьев и их скакунов. Тут же из зарослей полетела тьма вражьих стрел.

Прошло не так много времени, но две сакские армии уже захлебнулись в атаке, потеряв больше трети воинов в каждой. Они в беспорядке откатились, с ужасом оглядываясь на переполненные телами рвы, ещё не понимая всего происходящего, но уже догадываясь об умело устроенной западне. Но и на этом

их беды не прекратились. Враг выскочил из леса и вновь налетел потоками-клиньями. Саки обратились в бегство. Такого не было ещё никогда. До самых сумерек они отрывались от преследователей, разлетевшись по долинам, пока наконец не опустилась спасительная для них ночь и гонители не отстали.

Воины исседонов уходили на юг. Аримаспы, тиграхауды и даии пытались повернуть на восток.

Весь следующий день их разрозненные отряды провели в поисках друг друга, настороженно обходя холмы и леса, подолгу и с опаской всматривались в замеченные группы всадников, и лишь убеждаясь, что это сородичи, появлялись из укрытий. Посланные царями во все стороны гонцы собирали их к указанным местам, где были разбиты походные станы.

Сахрибий пребывал в смятении. Ещё никогда за всю свою жизнь ему не доводилось слышать о подобном поражении. Он не мог поверить в то, что случилось. Это казалось ему дурным сном. В какой-то миг, поутру, когда над землёй ещё стояла звенящая тишина, ему даже показалось, что ничего этого не произошло и всё складывается по задуманному им плану. Но увидев с первыми лучами светила остатки своей армии, он ясно осознал, что постигший его разгром был самой настоящей явью. Местность, в которой он оказался, была незнакомой, отчего невозможно было разобраться, куда он попал и где находится враг. Следовало дожидаться ночи и определиться по звёздам. В том, что Шангал тоже разбит, он уже не сомневался. О невиданном до сей поры непредсказуемом противнике, применившем с самого начала военных действий своеобразную тактику ведения сражений, приведшую в итоге к одолению всех объединённых сакских сил, он не хотел теперь допускать даже малейших дум, так как они угнетали его и вызывали в его душе мучительные и болезненные чувства. Но воспоминания о страшной гибели тысяч людей, угодивших в коварно устроенную западню, отдавались горечью в его сердце, призывая к отмщению. Не зная о том, сколько воинов осталось у него и когда их удастся найти, он был вынужден пребывать в ожидании их сбора и только после этого намеревался решать вопрос о дальнейших действиях.

С наступлением ночи, угадывая дорогу по звёздному небу, к нему стали подходить отряды, обнаруженные лазутчиками. Ближе к полуночи, немало удивив, от царя Шангала прибыли вестовые, с неимоверным усилием нашедшие его стан. Они сообщили, что их правитель, понеся огромные потери, не может больше участвовать в войне и уходит в свои земли. На вопрос, как им удалось переправиться через реку, они ответили, что на воде их дозорами были найдены брошенные плоты. Теперь ему стало понятно, каким образом двум небольшим вражеским отрядам удалось выйти в тыл и к нему, и к Шангалу. Известие об уходе царя исседонов было поистине ошеломляющим. Даже помышлять о возобновлении наступления на позиции противника при таких обстоятельствах отныне становилось занятием бесполезным. Поблагодарив гонцов и отослав их обратно, царь Сахрибий отдал приказ о немедленном выдвижении войск к родным селениям.

* * *

Куту сянъ-ван, исполняя веление шаньюя, расположил все свои войска отдельными пятитысячными отрядами в одну линию строго с севера на юг в однодневном переходе к востоку от его ставки. От постоянных гонцов из главного лагеря он уже получил сведения о поражении противника и ожидал скорого появления отступающих армий. Дозорные многократно замечали большие группы всадников, днём и ночью круживших вблизи от передовых позиций, но по неизвестным причинам не принимавших решительных попыток пройти на восток.

«Они либо боятся чего-то, либо изучают меня, либо накапливают силы. Ничего, скоро всё должно проясниться. Скорее всего, случилось так, что они попросту отстали от основных своих войск, возможно, к этому времени уже прошедших мимо меня, если они взяли направление значительно южнее моего дальнего левого фланга. Да, не хотелось бы мне упустить их. Нужно срочно направить в ту сторону лёгкую конницу», – размышлял Куту, сидя у костра.

Близился рассвет. Поднялся сильный ветер. Небеса слегка посветлели у самого горизонта, обозначая зарю, но вскоре вновь

потемнели от налетевших с запада туч. Заморосил дождь. Ливу оуто-ван, спрыгнув с коня всего в нескольких шагах от сянь-вана, подбежал к нему, низко склонился и доложил о приближении большого числа вражеских войск. Услышав долгожданную весть, Куту вскочил на ноги и повелел быстро поднять людей и затушить костры.

* * *

Царь Сахрибий вёл свои тысячи прямо на восток, по мере продвижения вбирая в свои ряды заблудившихся воинов. Внезапно начавшийся мелкий дождь затруднил видимость. Замедлив ход, он приказал усилить передовые дозоры, опасаясь сбиться с дороги и наскочить на врага. До ближайшего селения племён аримаспов было три дня пути. Морось постепенно переросла в ливень и крупными частыми холодными каплями стала хлестать по всадникам, заслонив всю округу непроглядной пеленой, да так, что в шаге от себя никто не мог ничего различить. Войска были вынуждены остановиться.

* * *

Куту сянь-ван успел по мелкому дождю приблизиться к вышедшему на него противнику и уже знал, что тот находится на небольшом отдалении, но внезапно обрушившийся ливень помешал и лишил возможности с ходу атаковать его, заставив замереть и пережидать ненастье. К своим тридцати двум годам он уже не раз побывал в разных походах и принял участие в многочисленных сражениях, пройдя путь от простого воина до военачальника наивысшего ранга. Став в семнадцать лет десятником, через два года он был уже сотником, а ещё через три года достиг положения тысячника. В двадцать восемь лет от шаньюя Мотуна он получил княжеский титул ван и назначение на должность оуто-вана правящего рода люаньди, сменив на этом посту своего двоюродного брата Киока, старшего по возрасту всего на три года, ставшего сянь-ваном правого крыла. Теперь же, продолжая достойно проявлять себя, отважный и вдумчивый полководец Куту, пришедшийся так же, как и Киок, племянником

самому шаньюю Мотуну, вступил в Великую степь сянь-ваном левого крыла.

То, что предстояло ему совершить сегодня, было весьма ответственным поручением шаньюя, так как являлось первым его сражением на этой чуждой земле. Он был уверен в своих силах и свято верил в предстоящий успех, но тем не менее очень сильно волновался и злился на погоду, так некстати изменившуюся в самый важный для него момент. Утирая лицо, он с нетерпением поглядывал на небо, обращаясь к нему с мольбой о скорейшем прекращении дождя.

* * *

Саки стояли неподвижно, длинной и извилистой вереницей посотенно растянувшись меж холмов и перелесков. Они уже не могли вспомнить, как долго не сходили на землю, и теперь, даже сидя на лошадях, заметно уставали, крепко сжимая ногами их бока, не смея пошевелиться в сёдлах, дабы не увлажнить их и не соскользнуть потом на скаку. Шквальные порывы ветра постоянно загоняли струйки воды под одежду и неприятно холодили тела, но при этом были желанны, так как угоняли тучи на восток, вселяя в людские души надежду на скорое окончание ливня. Низко опустив головы, видя перед собой лишь мокрые конские гривы, воины терпеливо переживали ненастье. Уже не доверяя своему слуху из-за сильного шума дождя, каждый из них изредка украдкой посматривал по сторонам, стараясь уловить малейшее движение в своём окружении, означавшее команду о продолжении хода.

Вскоре небосвод стал проясняться. Сила обрушивающегося водного потока начала убывать. Разлетелись дозоры. Тронулись передовые отряды.

* * *

Хунны также довольно долго находились в сёдлах, но, в отличие от саков, они не теряли столько сил и не боялись падений, так как имели стремена, в которые упирались ступнями, давая своим телам возможность хоть как-то отдохнуть. Заранее расположив войска полумесяцем, Куту сянь-ван охватил противника

с боков клещами десятитысячных лёгких конниц, как только слегка распогодилось, подпустил к своему центру головные его сотни и всеми силами одновременно нанёс сокрушающий удар, издали выпустив огромное количество смертоносных стрел, тут же перейдя к наступлению двадцатитысячной тяжёлой кавалерией. Застав врага врасплох, умело и быстро раздробив на части его передние колонны, хунны начали нещадно громить их. К такому стремительному и неожиданному нападению неприятель был явно не готов, отчего сразу понёс большие потери и был не способен предпринять ответные меры и хоть как-то защищаться. Так и не сумев развернуть все свои отряды в боевой порядок, противник начал отступать, пытаясь пробиться обратно.

* * *

Царь Сахрибий сражался в первых рядах своих войск. Внезапно появившаяся на пути целая армия противника повергла его в ужас. Сломленные духом от невиданного доселе поражения и последовавшего за ним почти бесконечного и утомительного преследования, доведённые до изнеможения непрерывными битвами, уставшие от погони и постоянного напряжения, голодные и промокшие, его воины были уже совсем другими. Ослабшие в телах и сникшие в порывах, не верящие в возможное спасение и тем более в скорое возвращение к родным очагам, потерявшие последнюю надежду на выживание, они всё больше поддавались отчаянию. Выход был только один. Следовало немедленно отступить.

Сахрибий отдал приказ, но исполнить его войска пока не могли. Невероятной силы ошеломляющий удар тяжёлой кавалерии противника снёс все передовые отряды саков, опрокинув их под тьму стрел лёгких конниц, расположенных с обоих флангов. Сахрибий увидел летящих на него сплошной стеной закованных в броню всадников, но не успел открыть рта, как что-то ледяное, пробив панцирь, вонзилось ему в грудь и сразу вырвало его из седла, неся над землёй, словно пушинку. Крепко схватившись обеими руками за вражеское копьё, последнее, что он ощутил, было холодным, мокрым и скользким древком.

* * *

Дождь, будто щадя оставшиеся людские души, гася их лесной пыл, вновь усилился и полил гуще прежнего, смывая и смешивая липкий солёный пот и жаркую пенящуюся кровь. Он остужал самую бесценную человеческую влагу, растворял её в своих несметных ручьях, разносил по земле и насыщал её дух очередным, но не последним жертвенным даром. Словно с жалостью взирая на своих несмышленных детей, Вечное Небо разорвало их смертельные объятия, сочтя достаточным и того, что случилось в эти дни на крохотном участке его великой спутницы Земли. Видимо, душ, принятых им, и тел, отданных ей, было слишком много. Сражение мгновенно прекратилось. Ливень, столь нежеланный для хуннов, стал вдруг спасительным для саков, предоставив им возможность выскочить из западни и уйти как можно дальше от этого страшного места. К Небу вновь вознеслась благодарность. Земля же опять была незаслуженно проклята.

* * *

Шаньюй Мотун, узнав о победе Куту сян-вана, повелел ему явиться в ставку, а свои войска вернуть к оставленным стойбищам. Две тысячи воинов, тех, с кем он попрощался навсегда, но кто блестяще исполнил опасное задание, пройдя на плотах в тыл врага и вернувшись без единой потери, были тут же зачислены им в его личную гвардию, почётным служением в которой удостоивались в самых исключительных случаях и только те, кто отличился невероятной храбростью и отвагой.

От сильного дождя в низменной равнинной местности река вышла из русла. Там же, где она несла свои воды сквозь лесные дебри, её уровень хоть и значительно поднялся, но не переклестнул через берега, сохранив для хуннов мосты.

Теперь их народ вольготно расширил свои территории, свободно вдыхая чистый, насыщенный благоуханием трав воздух, с каждым днём всё сильнее прогреваемый жаркими солнечными лучами. Победа, доставшаяся в жестокой и кровопролитной войне, начала приносить свои долгожданные плоды. Людские

души покинул страх, уступив место уверенности в себе, в свою непреодолимую мощь и, главное, усилив веру в хорошее, сытное будущее. Тоска по родным землям постепенно исчезала, оставляя дрогнувшие в испуге сердца, наполняя их радостными мечтами и желаниями. Теперь уже никто не сомневался в правильности выбранного пути. В каждом человеке появилось очень нужное чувство хозяина этой земли, почти покорённой, но ещё не очищенной от прежних властителей. Всё удалось совершить именно так, как и задумал их великий правитель мудрый шаньюй Мотун.

Прошли похороны погибших, минули дни траура. Не спеша, но весьма уверенно хунны стали постепенно расширять свои рубежи, занимая всё большие пространства, продвигаясь на юг.

* * *

Ведя за собой оставшееся при нём тридцатитысячное войско, в свои края вернулся царь исседонов Шангал. Горе, постигшее его народ, было велико. Двести сотен отцов, сыновей и братьев полегли в сражении с врагом. После их поминания по его велению все его племена, отложив весеннее выступление на северные кочевья, стали отходить к южным землям, туда, где высокие горы, глубокие озёра и густые леса могли стать для них настоящим заграждением от пришедших завоевателей. В том, что они скоро появятся здесь, сомнений не было. Дальние дозоры зорко следили за врагом, докладывая о каждом его шаге. Предприняв все возможные в его положении меры предосторожности, Шангал последним покинул свой стан. Гонцы, многократно направленные им к царям аримаспов, тиграхаудов и даиев, сколько он ни ждал, так и не вернулись.

Царь массагетов Дассария был уже оповещён разведкой о случившемся на северных рубежах.

* * *

Цари Касс и Галхис, находясь в своих ставках, пребывали в неведении относительно военных действий, ведомых их войсками во главе с Сахрибием. Однажды от него перестали при-

ходить гонцы. Творилось что-то непонятное. Не раз посланные к нему вестовые пропадали где-то в дороге. В один из дней из самого западного селения срочно примчался сотник. Весть, принесённая им, потрясла царей: неожиданно для его дозоров появились воины из армии царя Сахрибия, он сам убит, а войска разгромлены. Доставить в ставку Касса кого-нибудь из этих воинов сотник не мог, так как они не выдержали бы долгого пути. Касс в сопровождении Галхиса и охраны прибыл в это селение. Увидев израненных, истощённых, едва державшихся на ногах людей, выслушав сказанное ими, они отпустили их и погрузились в думы.

День и ночь прибывали отряды Сахрибия. Оставшиеся в живых военачальники представляли перед царями и подробно докладывали обо всем, что узнали. По прошествии пяти дней лагерь вблизи от селения был уже переполнен войсками. Никто не знал и не мог предположить, сколько ещё уцелело воинов. Всего же за это время вернулось около сорока тысяч человек. В течение ещё пяти дней на подступы к временной ставке разными по численности группами подошло почти десять тысяч воинов. Больше ни одиночных всадников, ни отрядов не появилось.

Ошеломляющее поражение в войне, понесённые в ней огромные потери, гибель царя Сахрибия, мощь чужеземцев, которым уже не было возможности противостоять, вынудили царей отдать веления своим племенам к всеобщему отходу к южным рубежам в надежде на помощь соседей массагетов. Вскоре внук царя Касса, сын царя Сахрибия пятнадцатилетний Даввий от имени аримаспов, тиграхаудов и даиев был направлен к царю Дассарии с прошением о принятии их под своё крыло. Являясь прямым кровным отпрыском царских особ, он больше чем кто-либо из знати соответствовал этой важной миссии, и его появление в ставке царя могущественного союза родственных племён не нарушало требуемого в таких особых случаях этикета, относящегося к исключительному праву лиц высочайшего уровня. Получив согласие царя массагетов и свернув все кочевья, они двинулись в южном направлении, оставляя за собой свои издревле обжитые земли.

Часть четвёртая

**«...И НЕ ГАСНЕТ ПРЕДКА ДУХ,
КОЛЬ ГОРИТ ПОТОМКА СЕРДЦЕ»**

312 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Наступили первые жаркие летние дни. Выделив все восточные земли племенам аримаспов, тиграхаудов и даиев, Дассария находился в своей ставке. Царь союза племён хаомоваргов Калтаган, прямой потомок властителя Патши, некогда принявшего власть из рук прославленного правителя Дахара, своего единственного родного дяди, должен был прибыть к царю массагетов через два дня. Для приёма высокого гостя всё уже было готово. Царь Касс с внуком Даввием и царь Галхис совместно с их двадцатью двумя вождями разместились в отведённом для них лагере. Вожди двенадцати племён массагетов также находились в ставке. Единственным, кто поблагодарил всех царей за приглашение, но ввиду очень тяжёлого положения в своих землях не сумевшим лично выразить своё почтение их высокому совету и принять участие в нём, был царь исседонов Шангал. Он прислал своего старшего сына Ботая.

Множество отборного скота было пригнано на окраину главного селения и содержалось в загонах. Празднования в честь царя Калтагана должны были продлиться три дня. Его визит был уже четвёртым, но в отличие от предыдущих посещений имел огромное значение, так как предстояло окончательно решить вопрос о совместном выступлении саков против врага. Итоги предварительных переговоров, дважды проведённых между ним и Дассарией посредством обмена сведущими

высокопоставленными лицами, свидетельствовали о полном их взаимопонимании и единомыслии в оценке сложившейся ситуации в северных землях, захваченных чужеземцами.

* * *

– Достопочтенные властители саков, доблестные вожди и полководцы, и вы, мудрейшие старцы, я с безграничным уважением приветствую вас в этом священном для всех месте! Велик и неиссякаем дух наших предков, щедр и благосклонен дух нашей Земли, вечен и всемогущ дух нашего Неба! Только с их высочайшего позволения мы все живы и нам довелось встретиться здесь и быть вместе! Так будем же благодарны своим создателям и покровителям и воздадим им наши почести обильным жертвоприношением, – окинув взором стоящих рядом гостей, произнёс Дассария.

Прибыв по ранней заре в их сопровождении в долину мёртвых, где под множеством курганов обрели вечный покой прославленные ещё при жизни предки массагетов, Дассария остановился у величественной могилы своего деда Дантала. Повернувшись к подножию кургана, он опустился на колено, склонил голову и надолго замолчал. Все тут же почтительно колени преклонились. Над долиной повисла тишина. Дассария поднялся, развернулся, отошёл на несколько шагов и, взяв в руки поднесённый ему огромный меч, вонзил его в землю. Сотни откормленных лошадей, волов и овец, подведённые к курганам, были тут же умерщвлены ударами жертвенных ножей. К царям, старейшинам, вождям и полководцам поднесли по две чаши со свежей конской кровью и кобыльим молоком. Первым к мечу подошёл Дассария и поочерёдно вначале кровью, затем молоком стал обливать его с рукояти. Исполненному им священнодействию последовали и прибывшие с ним гости, соблюдая главенство положения.

Меч для кочевников символизировал могущество и воинственность. В степи молоко во все времена означало начало жизни, являя собой самую первую животворную влагу, которую приходилось вкушать и увидеть появившемуся на свет младенцу

или детёнышу. Людская и животная кровь среди сакского народа имела одно и то же особенное и очень таинственное значение, так как всегда в живом теле была скрыта от глаз. Её неестественное появление воспринималось как предшественник смерти. Душа лошади, извечного спутника каждого сака, была сродни его душе, и во всех подобных случаях кровь и молоко лошади приравнивались к крови и молоку человека.

Дассария впервые изменил порядок этого ритуала, что не скрылось от его окружения. То, что в первую очередь он кровью полил меч, имело особый смысл и подразумевало приход врага и желание его гибели, а пролитое вслед за кровью молоко – надежду на полную победу над ним, его изгнание из всех своих земель и благополучное продолжение жизни. Такое действительно было впервые. Обычно перед началом похода в чужие территории саками соблюдалась иная очерёдность, когда молоко предшествовало крови, что означало только одно: «мы уходим, оставляя жизнь в своих очагах, и несём смерть всем, кто встанет на нашем пути». Дассария намеренно давал понять, что отныне всё изменилось, и сакам предстоит отстаивать свою свободу и земли, а не быть покорителями чьих-то душ и завоевателями чужих богатств. Завершив жертвоприношения, все они дружно прибыли в ставку, где на огромной площади перед царским шатром началось пиршество.

Весь следующий день был посвящён всевозможным состязаниям. Таким образом царю Дассарии удалось поднять дух людей, прибывшим к нему, в главный стан массагетов. На третий день они воодушевлённо собрались на великий совет. Грохот боевых барабанов известил о его начале.

– Братья мои, мы воздали почести всему, что дорого нашим сердцам и свято чтимо нами во все времена. Мы принесли в жертвы всё то, что должны были принести. Мы вкусили и испили положенное и нам. Мы увидели мощь наших отважных воинов. Теперь настал черёд оглашения наших помыслов, от которых будут зависеть и наши действия, и наше будущее. Славные наши предки перед общей угрозой всегда объединяли свои усилия и силы. Думаю, и нам пришло время сообща при-

нять важное решение: вместе мы выступим против завоевателей, как прежде, или же будем порознь встречать их. Племена исседонов пока противостоят им в одиночку, но это не может продолжаться долго. Их возможности не так велики и однажды иссякнут. Сын доблестного царя Шангала находится здесь, среди нас. От него вы знаете обо всём, что происходит с их племенами. Пришедшие в наши северные края чужеземцы многочисленны и воинственны. То, что с войсками продвигаются и их семьи, свидетельствует не о простом походе, а о желании крепко обосноваться на наших бескрайних пастбищах, у наших гор, рек и озёр. Такому не бывать никогда! Даже в худшие для нас годы мы сумели защитить свои очаги и не допустили к ним врага. Мы сильны и поэтому способны дать отпор кому бы то ни было, кто посягнёт на нашу свободу и на право первенства на нашей территории. Покуда бьётся сердце хоть одного сака, мы непобедимы! Нет места чужакам в наших землях, равно как и для нас нигде нет другого места. Здесь познали жизнь наши деды и отцы, и только здесь будут рождаться на свет наши потомки. Мы, кто прошёл все жизненные испытания от нашествий многих пришельцев до голодных смертей и при этом продолжал оберегать свои святыни, ни на шаг не отступим от них, даже если все, до последнего младенца, ляжем у могил славных сородичей. Нам суждено было появиться однажды в этой благодатной земле, и она принадлежит нам навсегда. Да, она вновь впитывает кровь наших братьев и принимает их израненные тела, но теперь мы напоим её досыта кровью наших врагов и отдадим ей ещё больше, но уже их тел. Месть наша за погибших сородичей будет велика. Никто из тех, кто, не спросясь, пришёл к нам, не ушёл безнаказанно. Что мы решим в этот день и как мы поступим дальше, зависит от этой встречи. Пусть каждый из вас сейчас выразит своё мнение. Я призываю к объединению наших сил и немедленному выступлению, – так Дассария, восседая при царских символах во главе собравшихся на площади правителей, старцев, вождей и полководцев, начал совет.

Первым, внимательно выслушав сказанное и после этого бросив перед собой плеть, заговорил царь хаомоваргов Калтаган.

– Доблестные властители и правители, одни из нас уже приняли участие в битвах с врагом и познали его силу, другие продолжают сражение с ним, сдерживая его своими поредевшими отрядами, третьи ещё не столкнулись с ним. Всё это только начало большой войны. Царь Дассария прав. Надеяться на уход чужеземцев по своей воле было бы глупо. То, как он по-хозяйски основательно обживает захваченные наши земли, и есть самое неопровержимое подтверждение его серьёзных намерений. Он, подобно злой, свирепой, многочисленной и изголодавшейся стае волков, почуяв кровь, не насытится даже сотней табунов и будет неустанно рыскать всюду в поисках ещё больших жертв, пока не найдёт их. Путь, однажды выбранный им, приведёт его скоро и сюда, к нам, если перед ним не появится преграда. Ею и должны стать мы все. Не на кого нам больше надеяться и рассчитывать. Я со своими войсками вступаю в войну.

Главное, на что наделся Дассария, случилось. Сильный сосед в лице могущественных племён хаомоваргов теперь стал союзником массагетов, исседонов, аримаспов, тиграхаудов и даи-ев. Отныне против чужеземцев выступали все саки.

При завершении данного совета царь Касс на правах прямого кровного родственника, являясь отцом супруги погибшего царя Сахрибия и доходясь родным дедом их сыну Даввию, от имени всех вождей племён тиграхаудов провозгласил своего внука их царём. Самый молодой властитель получил из его рук царские символы. Во второй половине дня высочайшие особы уже определились в сроках объединённого выступления. Каждый из них назвал число выставляемых войск. Помимо воинов племён исседонов, стотридцатитысячная армия должна была собраться через десять дней у северных границ массагетов.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Тимей, вернувшись от царя, находился в своём шатре. Тихо вошла Тафуц, подошла к нему, опустилась на колени и протянула ему чашу с молоком. Прервав свои думы, он взглянул на неё и, прежде чем принять чашу, задержал свои руки в её тёплых мягких пальцах. Она вскинула голову, внимательно осмотрела его лицо и заглянула ему в глаза, проникая взором в самую душу.

– Беглянка ты моя, – прошептал он, нежно провёл ладонью по её щеке и опустился рядом с ней, отпивая душистый напиток.

Женщина тут же прильнула к нему, сжимая пальцами его руку.

– Начинается великий поход. Я ухожу вместе с братом. Ты знаешь, что к нам подошёл сильный и многочисленный враг. Он уже очень близок. Нам следует остановить его и обязательно разбить. Прости за то, что я так и не успел найти твоего отца. Мои люди осмотрели в горах всё, что смогли, но сколько и как они ни старались, никого там не обнаружили. Они, конечно же, продолжают поиски и без меня, вот только чем они завершатся, пока никому не известно. Быть может, он ушёл обратно, на другую сторону хребтов? Как ты полагаешь? Он ведь опытный охотник и точно знает, где обитает зверь, – с сожалением произнёс Тимей, высвободил руку, обнял её за хрупкие плечи и сильнее прижал к себе.

– Не знаю, Тимей. Могло и такое случиться с ним, – печально вздохнув, ответила Тафуц.

– Вот и я думаю о том же. Иначе его нашли бы уже давно. Очень трудно скрываться долгое время, когда тебя ищут умелые в этом деле люди. Знаешь, Тафуц, нужно просто надеяться на то, что он в полном порядке. Не следует сильно тревожиться за него. Вот увидишь, однажды он сам объявится, – как мог успокаивал её Тимей, стараясь не лишать её веры в скорую встречу с отцом.

С каждым днём Тафуц всё лучше и лучше овладевала сакским языком и уже хорошо понимала его и изъяснялась. Тимей удивлялся такой её способности, вспоминая себя в подобном положении, когда, очень часто допуская путаницу в сакских словах, он старательно и подолгу заучивал и запоминал все поправки, стремясь впредь не совершать ошибок, и делал это порой излишне рьяно и слишком ретиво, чем вызывал добрый смех у Дассарии. Она же была совершенно другой и гораздо быстрее усваивала язык, подхватывая почти на лету каждое новое слово и уже через миг правильно и к месту используя его в своей речи, тем самым восхищая детей и приводя в восторг женщин.

Каждый раз, делясь рассказами о её успехах с Дассарией, Тимей радовался тому, с каким интересом он слушал его восторженные речи и как уважительно воспринимал её даровитость и особо подчёркивал её способности. Но приятнее всего ему было улавливать почтительное отношение брата к этой женщине. Тимей всячески давал ему понять это, с благодарностью вспоминая тот день, когда Дассария разрешил оставить Тафуц.

Прошёл без малого год. Из разговоров с Тафуц Тимей со временем узнал о её принадлежности к одному из племён динлинов, которые всегда обитали по соседству с народом юечжи, размещавшимся за высокими горными хребтами, расположенными на востоке сакских земель. Пришедшие в их края могущественные племена хуннов вытеснили их на юго-запад, к самым подножьям гор. Начались голод и лишения. Многие подались в чужие земли, но её племя осталось на месте, кормясь тем, что добудет.

Будучи единственным ребёнком в семье, она стала перенимать от отца навыки ведения охоты и уже довольно скоро овла-

дела многими знаниями и умениями в этом деле. После смерти матери стала сама выходить на промысел зверя. В один из таких дней её поймали чьи-то вооружённые люди. Так она оказалась в неволе и только там поняла, что захватившие её воины были согдийцами. В начале прошлого лета её в числе нескольких женщин, таких же как и она рабынь, выделили на работы на дамбу дляготовки пищи охранявшим её отрядам. Вот там-то, больше не выдерживая унижительного рабского существования и частых домоганий мужчин, она решила сбежать, но подходящего для этого случая ей долго не представлялось.

Однажды вечером один из воинов, насильно закинув её на лошадь, повёз к реке. Ей было понятно, чем должно закончиться это похищение, но с самого начала пленения она определилась в своём поведении на такой случай и предпочла позору смерть. Ей удалось вырваться из его грязных объятий и броситься в воду. Попад в речную пучину, в душе и мыслях попрощавшись с жизнью, она вдруг увидела одинокого всадника на другом берегу и с последней надеждой на спасение подала голос. Этим человеком, её благодетелем, оказался он, Тимей.

Теперь в её судьбе всё изменилось. То, как она жила прежде, уже воспринималось ею как нечто чужое и не связанное с нею, и только постоянная тоска по родителям, людям, столь дорогим её сердцу, напоминала ей о прошлом.

Слабый огонёк тускло освещал шатёр, подрагивая от дуновений ветерка, свежими вечерними порывами свободно залетавшего внутрь при откинутом входном пологе.

– Возьми меня с собой. Я ведь не могу без тебя, – тихо попросила Тафуц, вновь заглянув в глаза Тимею.

– Я бы взял, но нельзя. Это война. Вдруг я потеряю тебя, тогда что? – он нежно погладил её по волосам и ещё крепче прижал к себе. – На какое-то время мне придётся думать только о ней, а если ты будешь рядом, то я не смогу этого делать и подведу брата. Ты знаешь, он всегда спрашивает о тебе и радуется тому, что у нас с тобой всё хорошо.

– Вот видишь, он желает нам добра, а это значит, что мы всегда и везде должны быть вместе, – с надеждой произнесла

она и, слегка отстранившись, обвила его шею руками, не сводя глаз с его лица.

– Даже если я и возьму тебя с собой, мы почти не будем видаться. Там всё обстоит по-другому, совершенно иначе, нежели в обычной мирной жизни, и тем более гораздо опаснее для любого человека, не говоря уже о женщине, которой будет ещё сложнее пребывать в тех невыносимых условиях. Ты ведь слышана о том, что в каждом военном походе везде и всюду льётся кровь как своя, так и чужая, слышны стоны тысяч раненых и изувеченных людей. К тому же ты знаешь, что в войнах главенствует только смерть. Зачем тебе чувствовать и видеть всё это? Находиться здесь для тебя будет и правильнее, и спокойнее. Ты будешь ожидать моего возвращения. Я тоже буду думать о тебе и ждать нашей с тобой встречи. Так и время пройдёт быстрее. К тому же ты будешь заботиться о нашем родимом очаге, – Тимей успокаивал её, мысленно считая дни, оставшиеся до выступления.

– Тогда и ты знай. Я всё равно пойду за тобой. Вот увидишь. Не для того мне послали тебя небеса, чтобы я рассталась с тобой в такое смутное время. Здесь я не останусь. Пойми, мне не нужен тот мир, где нет тебя. Я не сумею в нём прожить и дня. Не беспокойся, я многое умею делать и обузой для тебя не стану. Я обязательно пригжусь тебе и принесу пользу твоему брату Дассарии, – Тафуц поднялась, улыбнулась Тимею и покинула шатёр.

Вскоре она уже вернулась с едой и стала кормить его, словно маленького ребёнка.

* * *

Дассария задумчиво вёл своего скакуна, изредка склоняясь к его гриве и похлопывая по шее.

– Они пришли откуда-то с востока, из-за гор, или через них, или вдоль них. Сперва прошли мимо земель племён аримаспов, но потом повернули и вошли в них. Их передовая часть как ушла за аланами, так больше и не вернулась. Всё у них другое. Никто не знает о них ничего и доселе не видел их никогда. Теперь случилось так, что Шангал со всеми своими людьми острым клином остался среди их воинства, но пока ещё держится. Наши

лазутчики сообщают о том, что два дня назад они почему-то всё же остановились. Надолго ли они прекратили движение, никому не известно, – ведя коня бок о бок с царским жеребцом, досказывал последние сведения Чардад.

– Царь Касс многое сумел узнать о них от своих полководцев, что были с Сахрибием, и поведал мне столько интересно-го и важного о поведении врага в сражениях, ведомых им, что невольно дух захватывает. Вот послушай, что он сообщил мне. В открытом чистом поле его отряды попросту недостижимы и мало уязвимы. А знаешь почему? Они ведут себя так, что не допускают приближения к себе и всякий раз при совершении таких попыток сразу же рассыпаются на большое количество мелких разрозненных групп. Вот так, изматывая противника, они то разлетаются, то вновь собираются в единый кулак и наносят удары. К тому же их дальнобойные луки выпускают стрелы на расстояние почти в семь сотен шагов. Ты можешь представить себе, какая это небывалая и невиданная доселе мощь? Да это же двойное преимущество над возможностями наших самых лучших лучников! Вдобавок ко всему они умело применяют всевозможные ловушки и западни. А построенные ими и спущенные по реке плоты с размещёнными на них войсками? Как ловко и ко времени они воспользовались ими. Это ж надо такое придумать! Очень умно. Ничего не скажешь. Да, слишком коварен, изворотлив и хитёр их властитель! Но главное – он весьма бережливо относится к своим воинам и дорожит их жизнями. Знает, что в чужой для него земле ему пригодится каждый из них. Внимательный Касс заметил и ещё два существенных отличия между нами. Они относятся к вооружению и снаряжению их воинов и, как он понял, хотя и не имеют прямого отношения к тактике ведения битв, но, наверняка, влияют на неё. Мечи у них имеют изогнутые полотна. Что даёт такая форма, ему пока неизвестно. И вот ещё что. Есть у всех вражеских всадников одно странное приспособление. Оно, вероятно, крепится к самим сёдлам. В него упираются ступни ног. Об их назначении он тоже ещё не догадался. Чардад, нужно изготовить нечто подобное и тому, и другому. Лишним для нас такое не будет, а познать нам всё это

следует, – остановив скакуна и взглянув в глаза друга, произнёс Дассария.

– Я понял тебя, Дассария. Всё постараюсь сделать. Вечером представлю тебе, – Чардад склонил голову.

Они развернулись и направились к ставке.

* * *

– Властитель, царь просит явиться к нему Тафуц, – войдя в шатёр Тимея, сотник почтительно обратился к хозяину.

– Как срочно? – спросил тот, подходя к нему.

– Немедленно, – вновь склонил голову сотник.

– Хорошо, ступай.

Тафуц тут же прибыла к Дассарии. Он радушно встретил её, подойдя к ней и пригласив вежливым жестом к отведённому для гостей месту. Внесли угощения. Тафуц, искренне выражая дань уважения проявленному гостеприимству, пригубила чашу с молоком и опустила её на настил. Она впервые находилась в царском шатре. Суровый на вид, степенный и величавый в поведении, немногословный в общении, осанистый красавец-властитель всегда вызывал в её душе лёгкий трепет. До сих пор ей ещё не доводилось созерцать его так близко. Умными, ясными, искрящимися каким-то юношеским задором глазами он спокойно смотрел на неё. Длинные русые волосы, поблескивая серебристыми прядями, волнами спадали на его широкие плечи. Окаймлённые густыми, но аккуратно подстриженными бородой и усами плотно сжатые губы свидетельствовали о его решительном и непреклонном характере. Манера восседать с широко расставленными ногами подчёркивала в нём уверенность в себе, а руки с сильными жилистыми пальцами и большими бутристыми ладонями указывали на непоколебимую внутреннюю силу.

«Да! Это действительно царь, настоящий властитель! От него исходит невероятная и даже завораживающая мощь. Тимей всегда восхищается им, видимо, есть за что, но трудно представить его улыбающимся, а ещё труднее – смеющимся. Рядом с ним невольно чувствуешь себя защищённой и понятой без лишних и ненужных слов. В его присутствии невозможно вести

себя неискренне и неумно. Интересно, зачем он вызвал меня к себе? Что сулит мне это приглашение? Для чего же я стала нужна ему так срочно?» – отведя от него взор, но ощущая на себе его взгляд, подумала Тафуц.

– Тафуц, какое странное и красивое у тебя имя. Скажи, что оно означает? – вдруг, словно продолжая прерванный разговор, спросил Дассария.

Его низкий и густой голос прозвучал внезапно и тут же наполнил собой всё пространство шатра, отчего она непроизвольно вздрогнула.

– В детстве моя мать рассказывала, что в древности на горных лугах самой ранней весной распускался цветок-однодневка, называемый тафуц, что означало «живущий таинственно». Кто его так назвал и на каком языке, никто не знал и не знает до сих пор. Поговаривали о нём только одно – нашедшему его человеку он обязательно принесёт несметные блага. Многие искали этот цветок, но о том, чтобы хоть кто-то нашёл его, она не слышала, – совладав с собой, женщина посмотрела в глаза властителю и тихо ответила.

Он задумчиво кивнул, взял с блюда кусок мяса, ловким движением ножа отсёк от него небольшую дольку и протянул ей, причём сделал всё это как-то обыденно и очень по-свойски. Она приняла подношение и тут же ощутила желание съесть его. Отрезав кусочек и для себя, он стал аппетитно жевать его, совсем не по-царски, а как обычный человек. Всё это происходило просто и непринуждённо. В её душе мгновенно растаяло напряжение, да так, что дышать ей стало сразу легко и свободно. После мяса он угостил её сыром. Она ела с настоящим удовольствием, не стесняясь и не боясь выглядеть неподобающе и бестактно. Отпив свежего молочного напитка, Дассария вытер рот, вновь склонился над стоящим перед ним большим блюдом, осмотрел ещё раз все лежащие на нём яства, довольно потёр ладони, буд-то раздумывая, не съесть ли ему ещё чего-нибудь, но, изменив своё решение, отстранился, внимательно взглянул на женщину и спросил:

– Хочешь ещё чего-нибудь?

– Нет, властитель, благодарю. Я сыта.

Он слегка кивнул, как бы соглашаясь с ней, о чём-то подумал, посмотрел вверх, затем окинул взором шатёр и произнёс:

– «Живущий таинственно» – в этом названии заключён двойной смысл: и скоротечность жизни, и таинство её вечности. Это весьма странное сочетание, так как оно одновременно подразумевает в себе совершенно разные понятия: противоположность и единство. Если первое сильно огорчает человека, то второе всегда его манит, заставляя свято верить в свою исключительность и неповторимость, а главное, в возможность жить дольше и лучше, чем приходится на самом деле. Название цветка породило хорошее и многозначашее имя.

Он ненадолго замолчал, после чего продолжил:

– Тафуц, Тимей – мой брат. Мне дорого всё, что связано с ним. Прошлое наших с ним предков обязывает нас беречь друг друга, а наше настоящее наполнено только одним смыслом – всегда быть вместе. Мне кажется, у тебя есть, что сказать мне или же спросить. Если хочешь, сделай это сейчас.

Тафуц поняла, что разговор, ради которого царь пригласил её к себе, начался только теперь.

– Властитель, могу ли я высказать одну свою просьбу?

– Почему одну? Я исполню все твои желания.

– Благодарю, властитель, но я прошу только об одном. Позволь мне быть рядом с Тимеем в предстоящем походе. Больше мне ничего не нужно.

– Хорошо. Будь с ним. Вам не нужно расставаться. Он пережил многое. Ты тоже перенесла много бед. Однажды всё это должно закончиться. Жаль, что время тяжёлое наступило, но и оно не должно разлучать вас. Как долго продлится эта война, никому неизвестно, а жить нужно, несмотря ни на что. Думаю, вам обоим нельзя находиться порознь друг от друга.

– Благодарю тебя, властитель, за твоё понимание...

Тафуц была взволнованна, как никогда.

– Знаешь, Тафуц, и у меня есть к тебе одна просьба. Она напомнит тебе о твоём прошлом, прости. Я невольно заставляю тебя вновь пережить боль, но это очень важно.

Дассария проникновенно и сочувственно посмотрел ей в глаза.

– Властитель, я готова ко всему и справлюсь с любым испытанием, лишь бы знать, что буду полезна тебе и Тимею.

– Нет, Тафуц, подвергать тебя опасности я не позволю ни себе, ни кому-либо другому. Для этих целей есть мы, мужчины. Благодарю тебя за чуткость сердца и благородство души. От тебя я хочу услышать лишь об одном твоём воспоминании. Скажи, Тафуц, кто пришёл в ваши земли и вытеснил вас из них? Постарайся как можно подробнее вспомнить о них.

Она понятиливо кивнула, ненадолго ушла в себя и начала свой печальный рассказ:

– Это были очень могущественные племена хуннов. Они обитали на востоке от нас, в пустынном и суровом краю. Я слышала о том, что все их соседи, в том числе и мы, платили им дань. Те же, кто по каким-то причинам переставал делать это, наказывались ими быстро и нещадно. Их жестокость была невероятной. Любое непослушание грозило смертью. Они не терпели неповиновения и всякий раз в случае малейшего его проявления совершали внезапные набеги. Казни учинялись ими и днём, и ночью. Всюду, где они появлялись, лилась кровь. Они забирали всё, что оказывалось на их пути, особенно лошадей и скот. Истреблению подвергались не только наши воины, но и малые дети и старики. Мой отец – охотник, и поэтому мы жили не в селении, а отдельно, в предгорье. Я не знаю, чем провинилось наше племя, но однажды они появились и там. Много народу подалось в горы. Они подошли следом. Мы были вынуждены подняться ещё выше. Тогда я впервые увидела их, хотя и издали, но днём. Быстрые, ловкие, все в одинаковых доспехах, с огромными луками. Отец был напуган из-за нас, и мы ушли ещё дальше. Больше я не встречалась с ними. Это всё, что я помню.

– Хунны. Никогда не слышал о них. Тафуц, что тебе известно о них, о численности, о правлении, о языке? Может быть, твой отец что-то говорил об этом? Хотя бы об их речи. Ты теперь знаешь и сакский язык. Какой он у них, похож на наш или на твой? – Дассария засыпал её вопросами.

– Нет, властитель. Сколько их и кто ими правит, мне неизвестно, а вот язык у них действительно почти такой же, как у моего народа. О том очень много шло разговоров среди селян. Именно из-за такой схожести в нём они и жили с верой в доброе соседство, но этого не случилось, – Тафуц замолчала и пожала плечами, давая понять, что ей в самом деле больше сказать нечего.

– Ну что ж, я очень доволен нашей беседой. Передай Тимею, что я жду его вечером у себя. Благодарю тебя за помощь. Поверь, Тафуц, она поистине бесценна, – Дассария поднялся и впервые улыбнулся.

Женщина была тронута до глубины души его искренним вниманием, доброжелательным поведением и уважительным отношением к себе. Всю дорогу до своего шатра она пребывала под приятным впечатлением от первой встречи с братом Тимея.

* * *

Ближе к вечеру, когда Дассария и Тимей находились в шатре, прибыл долгожданный Чардад.

– Властитель, я исполнил твоё веление. Прошу тебя, выйди из шатра и взгляни на то, что получилось, – Чардад склонил голову и тут же отошёл в сторону, пропуская царя.

Перед шатром, спешившись, держа рядом с собой лошадей, стояли два могучих воина. При виде вышедшего к ним правителя они сразу опустились на колени, склонив головы.

– Властитель, эти люди и есть те самые лучшие мастера, кому я передал твоё веление. Взгляни на их творения, – сказал Чардад.

– Встаньте, мои умельцы, и покажите-ка мне свои изделия, – Дассария почтительно кивнул им.

Первым к нему подошёл старший по возрасту кузнец-оружейник. Он вновь опустился на колено и на вытянутых руках протянул ему меч с изогнутым полотном. Дассария принял оружие, внимательно осматривая и взвешивая его.

– Он лёгкий. Скажи мне, мастер, что ты открыл в нём? Чем он хуже или лучше наших акинаков? – с интересом вертя необычный меч, спросил царь.

Мастер поднялся и растерянно посмотрел на Чардада.

– Говори всё без утайки, – заметив его заминку, спокойно подбодрил его Дассария.

– Властитель, он лучше, но я не могу объяснить всего на словах. Нужно показать, – огромный мастеровой смотрел в глаза Дассарии.

– Хорошо. Покажи, – Дассария понимающе улыбнулся и вернул ему меч.

Тот принял оружие, склонил голову, отошёл чуть в сторону, взглянул на своего товарища и запрыгнул на скакуна. Его напарник снял со своего коня кожаный мешок и, положив его у ног, также ловко взлетел в седло, выхватив акинак. Они разъехались на несколько шагов, развернулись, вздыбили лошадей, ударили их плетьюми и сошлись в рубке. Начался самый настоящий поединок. В отдалении вокруг площади стали собираться зрители.

Дассария очень внимательно следил за каждым из дерущихся. Второй воин наносил акинаком сокрушающие удары. Кузнец больше защищался, отражая их кривым мечом, подставляя его срединной частью полотна и плавно оттягивая до самого кончика. Поединок длился довольно долго. Наконец оба его участника подвели скакунов к царю и сошли на землю. Более молодой напарник кузнеца тяжело дышал и часто утирал пот. Мастер же был спокоен и свеж.

– Так, один подустал, а второй будто и не сражался. Странно. Силы потратили явно не в равной степени. Дай-ка мне своё новое оружие, – Дассария обратился к мастеру. – Чардад, а ты готовь своё.

Царь взял в руку кривой меч, махнул им, рассекая воздух, подошёл к скакуну мастера и запрыгнул на него. Чардад взобрался на второго жеребца.

– А ну-ка, атакуй! – с азартом крикнул Дассария.

Чардад ураганом налетел на него, осыпав ударами акинака. Дассария в точности повторял действия мастера, подставляя свой меч.

– Достаточно, – почувствовав, что Чардад ослабил напор и наносимые им удары уже не так сильны, повелел Дассария.

Он покойно сошёл с коня и стал осматривать меч, пытаясь найти на нём зарубки, но, к его удивлению, оружие было в порядке.

– Ну, как ты? Что скажешь? – взглянув на подошедшего запыхавшегося Чардада, с улыбкой спросил он.

– Да-а. Я не щадил тебя, властитель, но ничего больше того, что сделал, не смог. Преуспеть мне, как ты видишь, так и не удалось, – приложив руку к груди и переводя дыхание, ответил тот.

– Вот эта кривизна легко гасит всю мощь удара прямого меча, – Дассария провёл пальцем по изогнутому полотну. – Вот в чём секрет. Я ведь почти без особых усилий сдерживал твой натиск и поэтому не утомился. К тому же вес оружия весьма удобен. Ты понял, насколько важно обладать таким вот мечом при долгом сражении?

– Невероятно, но это так, – вынужден был согласиться Чардад. – Можно, властитель, и я попробую?

– Держи, – протянул ему меч Дассария. – Тимей, не хочешь испробовать эту новинку на себе? – он обратился к брату.

– С огромным желанием, властитель, – откликнулся тот. Результат и их поединка был схож с предыдущими.

– Что ж, с оружием всё понятно, а как со вторым моим заданием? – Дассария взглянул на Чардада.

Тот кивнул и подошёл к напарнику кузнеца, мастеру по изготовлению конских амуниций. Вскоре вместо прежнего седла на скакуна накинули новое седло, взятое из привезённого мешка.

– Вот, властитель, я готов, – подтянув подпруги, повернулся к царю, склонив голову, второй мастер.

– Что это?

Дассария подошёл к его коню и взял в руки свисающее на ремне от седла кожаное кольцо.

– Прости, властитель, я не знаю, как назвать это, но оно очень удобно, – вновь склонил голову мастер.

– Ну-ка, покажи его предназначение, – Дассария отступил на шаг.

Мастер по привычке сжал в левом кулаке пучок конской гривы, вставил ногу в кольцо и легко и быстро оказался в седле.

Слегка склонившись к правой ноге, он вдел её во второе кольцо, затем вытянулся во весь рост, упираясь ступнями в оба приспособления, и повёл коня, не опускаясь в седло. Дассария очень серьёзно следил за всем происходящим. Отъехав на небольшое расстояние, мастер развернулся, стегнул плёткой коня и погнал его во весь опор, при этом всем телом низко наклоняясь то в одну, то в другую сторону, почти свисая с него, но тут же выпрямляясь и разворачиваясь в седле то через одно плечо, то через другое. Он подлетел к царю, осадил скакуна и спрыгнул на землю. Его глаза сияли от удовольствия.

– Что, мастер, вижу, ты очень доволен? – спросил Дассария.

– Да, властитель, ноги не устают, да и двигаться в седле гораздо легче и удобнее, – склонил голову тот.

– Вижу. Верю. Дай-ка и я попробую.

Дассария взобрался на скакуна, повторяя все движения мастера, и пронёсся по площади, вертясь в седле, вставая в полный рост, низко склоняясь к земле, отпуская жеребца в свободный бег.

– Ты прав, мастер, это очень удобно. Тело и ноги отдыхают. Особо не утруждаешься. Манёвренность невероятная. Можно долго и без усталости находиться в седле, – сойдя на землю, довольно произнёс царь.

Его примеру последовал и Тимей. Он был также восхищён.

– Запомните этот необычный и очень значимый день. Благодаря усердию и умению наших мастеров мы получили два поистине величайших творения, – Дассария подошёл и поочерёдно обнял умельцев. – Оставьте свои изделия в шатре.

Все последовали за правителем. В шатре он пригласил их присесть. Внесли еду и напитки. Молча приступили к вечерней трапезе. Закончив её, Дассария взглянул на вошедшего сотника и слегка кивнул ему. Тот подошёл к нему и опустил у ног небольшой мешок, отвернув края и замерев возле него.

– Это вам за труды ваши благие, – царь поднялся.

Все тут же вскочили на ноги. Сотник вытащил из мешка две огромные золотые чаши и протянул их мастерам. Те склонились и обеими руками приняли награды, благодаря правителя за столь высокую оценку их стараний.

– А теперь я хочу узнать от вас о том, сколько вам нужно времени, чтобы изготовить такое оружие и такие приспособления для всех наших воинов, – обратился Дассария к мастерам.

– Властитель, если объединить усилия всех мастеров оружейников и их подмастерьев, такими мечами мы сможем снабдить войска за десять дней, – первым ответил мастер по изготовлению оружия.

– Властитель, то, что довелось сделать мне, не потребует столь большого времени и гораздо проще в производстве, нежели оружие. Для меня и моих помощников понадобится вдвое меньший срок, – заверил царя второй мастер.

– Десять дней дать не могу. Всё оружие должно быть готово на два дня раньше. К нему нужно ещё и приноровиться. Пять дней на изготовление всех подножников – это тот срок, который меня вполне устраивает. Тимей, срочно оповести вождей, пусть немедленно пришлют к тебе всех, кого потребуют мастера. Да вели им, чтобы каждый воин нарастил щиты ещё одним слоем воловьей шкуры. Приступайте к работе с зарёй, – повелел Дассария.

– Слушаюсь, властитель, – Тимей вместе с мастерами спешно покинул шатёр.

– Свои войска, я надеюсь, мы ещё успеем усилить и новым оружием, и подножниками, а вот союзников, боюсь, уже нет. Попробуем пока сами. Акинаки и длинные мечи не заменять. Пусть при каждом воине будут и они. Чардад, возьми на себя их обучение. Каждый меч, каждая пара подножников должны сразу отдаваться воину. Учения не прерывать вплоть до выступления в поход. Теперь же о главном. Я не уверен, но сдаётся мне, что пришедшие в наши земли завоеватели – это племена хуннов. Часть из них ушла за аланами. Вернутся ли они обратно, нам неизвестно, но и тех, что находятся в землях исседонов и аримаспов, трудно будет выбить. Мне неизвестно, сколько их ещё может подойти из-за гор, где они обитают, и поэтому нам следует вступать в войну не всеми армиями, а иметь резерв. Причём держать его втайне и как можно дольше. Думаю, войска царей Касса, Галхиса и Даввия и составят его. Они потерпели

поражение, и им нужно восстановиться духом. Вновь бросить их в первых рядах в сражение с теми, кто поверг их в бегство, было бы решением опрометчивым и неправильным. Они должны пересилить страх, иначе от них не будет прока. Воины царя Калтагана составят левое наше крыло и будут продвигаться к царю Шангалу. Мы двинемся прямо на север. Справа от нас пойдёт наш резерв. Начнём поход в таком порядке, а дальше посмотрим, как и что изменить. Вот ещё что. Лазутчикам прикажи при всяком удобном случае стараться захватить хоть одного воина противника. Есть у меня одна затея, но об этом позже, когда передо мной предстанет пленник, – Дассария делился планами с Чардадом.

– Всё будет исполнено в точности со всеми твоими велениями, Дассария, – Чардад понимал друга и не задавал вопросов.

– Вот и хорошо. Теперь это важно. Что на южных рубежах? Не замечено ли оживления в соседних землях? – рассматривая оставленный меч, спросил Дассария.

– Пока всё спокойно. Усилены наши дозорные тысячи. Тимей постоянно следит за положением в тех краях.

– Я намерен послать туда ещё несколько отрядов.

– Что ж, лишним не будет. Как поведут себя их властители после нашего ухода, никому не известно, – согласился Чардад.

– Время позднее уже, пора отдохнуть, – Дассария поднялся. Чардад попрощался с ним и покинул шатёр.

* * *

Дассария вышел под открытое небо. Над землёй опустилась звёздная ночь. Всюду возле жилищ горели костры, дрожащими отсветами своих огней изредка выхватывая из темноты людские силуэты. Селение готовилось ко сну, погружаясь в тишь и покой, и только частый собачий лай продолжал будоражить слух, словно верные псы извещали хозяев о своей неутомонной бдительности. Дассария вдохнул заметно посвежевший воздух, уже не так сильно, как днём, отдающий кисловатой примесью дыма, прошёл мимо стражников, что тихо сидели у своего костра. При виде правителя те вскочили в поклоне, но он махнул им рукой,

дабы они не тревожились, отошёл от вытоптанной площадки на траву, где скинул с себя плащ и опустился на него.

Прошедший день был очень насыщен важными событиями. От Тафуц он узнал о хуннах. Сопоставив сказанное ею со словами Касса, он уже не сомневался, что именно их племена вошли в сакские земли. Это была важная информация. Она хоть и не несла в себе всего, что он желал бы знать, но кое-что всё же прояснила. Во-первых, стало известно, кто противник. Во-вторых, он уже знал, пусть и не так много, но для начала достаточно о стратегии и тактике, применяемой им при ведении военных действий. В-третьих, благодаря мудрому и внимательному Кассу удалось перенять у захватчиков некоторые весьма значимые новшества в виде кривого меча и подножников, что само по себе уже лишало их определённых преимуществ. В-четвёртых, на что он возлагал очень большие надежды, Тафуц, зная вражеский язык, могла принести ему огромную пользу, так как значительно расширяла возможности его войск. Приятным было и то, что Чардад сумел своевременно и точно исполнить его веление, и теперь в ближайшие дни начиналось переоснащение войск.

Дассария взглянул на небо, мысленно поблагодарил его за ниспосланные им блага и откинулся на спину. Погасший день имел для него важное и особо личное значение и ещё из-за одного события, но в отличие от тех, что произошли во все эти дни, слишком давнего, довольно печального и очень горестного, о котором он помнил, но по причине большой занятости и отсутствия свободного времени не мог пока спокойно подумать. Сегодня исполнилось уже десять лет, как не стало его супруги Усанны, а вместе с ней так и не успевшего родиться малыша. Десять вёсен прошло с той поры, как умерла внучка Зембы, одного из самых прославленных вождей, ставшая однажды Дассарии верной спутницей в жизни. Три года он прожил с ней в ладу, душа в душу, пока не случилась беда, внезапно унесшая её в другой мир. Вместе с её смертью угас род Зембы. Видимо, как полагал Дассария, рана, полученная ею ещё в девичестве, очень сильно сказалась на её здоровье. Тогда, в те далёкие голодные годы, после смерти её родного брата вождя Талантара ей при-

шлось стать воительницей и возглавить своё племя. Частые набеги их сородичей не давали им покоя и всегда заканчивались кровопролитием. В одной из таких ожесточённых схваток она получила опасное для жизни ранение, но усилиями целителей была спасена. Бережно, всегда по-женски относясь ко всем своим людям, она сумела уберечь от смерти большинство из них, однажды откликнувшись на призыв царя и приведя к нему пятьдесят сотен, превзойдя по численности воинов все остальные племена.

Время было тяжёлое. В Согдиану вступил царь Македонии Александр. Дассария надолго исчез, следуя своему тайному плану и оказавшись в строящемся вражеском городе Александрия. После благополучного возвращения он совместно с вождями направил все усилия на восстановление мирной жизни в массагетских землях. Так в заботах и хлопотах прошло больше трёх лет.

В один из дней, объезжая кочевья, он прибыл и в её селенье. Их встреча была для обоих неожиданно трепетной и, как оказалось чуть позже, очень долгожданной, значимой и судьбоносной. Вместо двух дней, отведённых им же самим на посещение каждого из племён, он пробыл у неё вдвое дольше. После его отбытия через десять дней к ней прибыли сваты во главе с Чардадом. Двое старейшин её племени, чудом переживших голод, взяв на себя всю ответственность, обычно возлагаемую на родителей невесты, устроили им подобающий приём. Проводив сватов с её согласием и своим общим одобрением, они стали готовиться к предстоящему пиршеству. Следовало подумать и о новом преемнике воительницы, чтобы вовремя предложить его царю. Через пять дней в окружении огромной свиты, с богатыми дарами – большими табунами лошадей и стадами скота – к ним прибыл и сам Дассария. Пир длился три дня.

Поскольку, кроме Усанны, прямых потомков у Зембы не было, вождём её племени царь провозгласил названного ею и старейшинами двадцатилетнего полководца Тамура, блестяще проявившего себя в прошедшие годы. Усанна под бурное ликование всего народа покинула своё родное селение царицей массагетов.

Шли дни, пролетали месяцы. Отношения между супругами всё крепили, изо дня в день на радость им становясь небывало жаркими. Высокая, лучезарная, добрая и чуткая властительница пришлась по душе всем людям, обитавшим в главном селении. Довольно скоро молва о её замечательных достоинствах достигла самых отдалённых кочевий. Теперь трудно было представить в облике этой скромной, спокойной и тихой женщины бывшую воительницу, не раз бесстрашно ведшую за собой грозные сакские сотни. Глядя на неё, подростки не верили рассказам своих матерей о её недавнем прошлом, славном и воинственном, и только после убедительных утверждений отцов восхищённо разносили небывалые слухи о ней, дерясь со всеми, кто сомневался в их словах.

Прошёл год. Народ, бурно обсуждая и подсчитывая возможные сроки, с нетерпением ожидал появления на свет первого царского наследника, но этого пока, к их немалому разочарованию, почему-то не случилось. Дассария не допускал даже малейшей мысли о бесплодии Усанны. Он свято верил, что рождение каждого ребёнка всецело зависит от благосклонности всех великих духов и не терял надежды на то, что в скором будущем увидит своего малыша, первенца.

Прошёл ещё год. Беременность у Усанны не наступала. Она заметно сникла, потускнел взор и уже не было уверенности в поступи и словах, словно что-то погасло в её душе. Дассария всячески пытался вернуть её к прежнему задорному и жизнерадостному поведению, то увлекая с собой на охоту, то устраивая пиры с многочисленными состязаниями, то нанося с ней визиты во все селения её племени, но ожидаемых им перемен не происходило. Усанна понимала, что все эти невероятные придумки и забавы уготованы им только для неё, посвящены только ей и сотворены только ради неё. За эти прекрасные порывы она относилась к нему с ещё большей благодарностью, воспринимая всем сердцем и как самого замечательного мужчину, и как великодушного супруга, и даже порой как отца. Она с нежностью смотрела на него, но так и не находила в себе сил даже наедине с ним выразить переполнявшие душу любовь и почтение.

От этого жалкого, гнетущего и оттого ненавистного состояния, всё чаще охватывавшего её, женщина злилась, мысленно укоряя себя в чёрствости, искренне обвиняя в непорядочности по отношению к супругу, считая себя недостойной быть рядом с таким удивительным и благородным человеком. Причиной всему этому было всё нарастающее ощущение вины за неспособность родить ему наследника.

В один из вечеров, когда Дассария, по своему обыкновению, был занят делами и находился в главном шатре, Усанна пришла к нему, чего не позволяла себе делать никогда, смиренно дожидаясь его в жилом шатре. Он удивился, но виду не показал и радостно встретил её, в одном порыве, словно пушинку, вскинув на руки и закружив вокруг пылающего очага. От неожиданности она смутилась, но уже через миг смеялась, как дитя, испытывая неописуемое удовольствие и даже почти забытый девичий азарт. Запрокинув голову, зажмурив глаза, Усанна, подобно птице, парящей высоко над землёй, не ощущала тела, наслаждаясь лёгкостью души.

– Уф, как хорошо! – бережно опустив супругу на мягкий войлочный настил и присев рядом, с восторгом произнёс Дассария.

– Устал? – нежно проведя пальцами по щеке любимого, тихо и очень ласково спросила она.

– Дивная моя, разве от полёта устают? Мы же с тобой были птицами, – проникновенно заглянув в глаза верной подруги, сердечно ответил он.

– Устают, коль без земли никак не могут обойтись, – перебившись в настроении, с какой-то потаённой грустинкой в голосе задумчиво произнесла Усанна и поднялась на ноги.

– Усанна, скажи мне, что-то случилось?

Дассария встревоженно вскочил и пододвинул к ней сиденье. Она осторожно присела.

– Знаешь, Дассария, я, наверное, совершаю что-то ужасное. Мне очень тяжело об этом думать и ещё труднее выразить, но как бы там ни было, я уверена, что так не должно больше продолжаться, – Усанна мотнула головой, будто решаясь на что-то, затем уверенно выпрямилась и взглянула ему прямо в глаза.

– Что, что не должно больше продолжаться? – растерянно опустившись на сиденье перед ней, почти шёпотом спросил он.

– Прости меня, если, конечно, сможешь, но я ухожу от тебя, – с горечью выдохнула она и виновато потупила взор.

– Усанна, что ты говоришь? За что ты просишь у меня прощения? Куда ты уходишь?

Дассария ничего не мог понять. Сказанное было полной неожиданностью для него.

– Мне больно признаваться, но я знаю, что извела тебя ожиданием. Я измучила твою благородную чистую душу. Ты не должен так страдать из-за меня. Ты достоин иной, лучшей судьбы. Зачем тебя такая женщина, как я? Для чего я тебе нужна? Ты терпелив, как целый народ. Ты умён, как тысяча мудрецов. Ты внимателен, чуток и добр, как материнское сердце. Ты любишь людей, как Небо любит Землю. А я? За всё, что ты сделал для меня, я даже всего один раз поблагодарить тебя как следует не сумела, хотя должна была делать это каждый миг, что нахожусь рядом с тобой. Поверь мне, прошу тебя. Не спрашивай меня ни о чём. Ты сам всё знаешь. Моими устами сейчас говорит весь мой род, – Усанна обращалась к нему с мольбой, взирая на него как на божество.

Дассария только теперь понял суть этих слов. Не выдержав её взгляда, он отвёл глаза. Под сводами шатра нависла гнетущая тишина. Усанна поднялась и тихо вышла. Дассария долго сидел, пытаясь совладать с потрясением, затем вскочил, схватил копье и, скрежеща зубами, стал крушить всё, что находилось перед ним. Он ничего не видел. Ярость и отчаяние, мгновенно вспыхнувшие в нём, ослепили разум, разрывая сердце и сжигая душу. Откинув входной полог, в шатёр влетел Тимей и тут же бросился к нему, сильно обхватив его руками со спины. Дассария рычал, словно разъярённый зверь, загнанный в ловушку. Он продолжал бесноваться, пока вконец не обессилел. Почувствовав его успокоение, Тимей разжал объятия. Дассария тут же рухнул лицом вниз, зажав ладонями виски. Его тело беззвучно сотрясалось. Тимей, никогда не видевший брата в таком состоянии, оцепенев, смотрел на него, нервно покачивая головой. Он понял: произошло что-то страшное. Опомнившись через какое-то

время, собрал разбросанные вещи, тихо подошёл к Дассарии и опустился возле него. Тот неподвижно лежал. Судорожные хрипы постепенно перешли в ровное дыхание. Немного выждав, Тимей провёл рукой по его волосам, прикасаясь к ним бережно и очень душевно. Дассария рывком присел, утирая руками глаза.

– Как ты? – спросил Тимей.

– Всё хорошо, Тимей. Не беспокойся.

– Мне остаться с тобой? – Тимей внимательно вглядывался ему в лицо.

– Не тревожься. Мне нужно идти, – Дассария поднялся, кивнул брату и вышел из шатра.

– Я понимаю тебя, – тихо произнёс Тимей.

* * *

Усанна сидела у очага, немигающим взором следя за всполохами огня. Слез уже не было. Мокрый лоскут ткани был зажат в пальцах. Опустошённая в душе, женщина не думала о себе. Всё, на что она решилась в уходящий вечер, свершилось. Плохо или хорошо она поступила, для неё уже не имело значения. Оттягивать разговор с Дассарией больше было нельзя. Совесть не позволяла. Все муки и страдания должны были однажды закончиться. И это случилось. Теперь оставалось сделать последний шаг. Возвращаться в своё селение Усанна не собиралась. Нужно было уходить от всех и навсегда. Как закончить жизнь, она не знала, но и не терзала себя особым выбором, понимая, что это произойдёт само по себе. Ей не было жаль себя. Дассария – вот кто не заслуживал подобного отношения. Его она жалела сильнее всего на свете.

«Таких людей, как мой Дассария, больше нет и никогда не будет. Только на мою долю выпала великая честь стать его супругой. Ох, как бы я хотела быть рядом с ним всю свою жизнь! Видимо, это слишком много для такой женщины, как я. Больно. Невыносимо больно расставаться с ним. Так жаль оставлять его. Я ведь не могу без него. Он – моё солнце. Он – моя душа. Он – моя суть. Я так ждала его! И он пришёл. А теперь я вынуждена покинуть его. Я должна прервать всё, что было между нами. Иначе просто невозможно. Рано или поздно, но ему нужен будет

наследник, которого я не могу дать. Да будут трижды прокляты и та мерзкая война, и тот голод! Они отняли у меня возможность стать матерью его детей и сделать его счастливым отцом. Уж лучше бы я умерла тогда и не превращала сейчас его надежды и ожидания в глени и прах, заживо убивая в нём прекрасную душу. Если б я чуточку раньше узнала, что не могу иметь детей, разве б я посмела обречь его на несчастье? Конечно же, нет», – горькие мысли, подобно дождевым каплям, падавшим на пыльную землю, вновь оросили её и без того истерзанную душу, плавно сливаясь в ней в маленькие струйки, образуя ручейки и очень скоро превратившись в единый бурный поток. Усанна не заметила, как стала тонуть в его пучине.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, она вскинула голову и посмотрела на вход. Там стоял Дассария. Сердце в груди дрогнуло и бешено заколотилось. Усанна не могла отвести от Дассарии глаз. Через мгновение какая-то невиданная сила подняла женщину и приблизила к супругу. Она с нежностью и тревогой всматриваясь в его глаза, с надеждой ища в них прежнее тепло и понимание. И увидела ответное озарение. Её душа не находила себе места, словно вот-вот была готова покинуть тело и воспарить к небесам. Она обвила руками его шею и, как только коснулась губами щеки, тут же безудержно заплакала. С жадностью целовала Усанна лицо возлюбленного, не стесняясь обильных слёз, ничего не видя и не слыша, будто после долгой разлуки вновь встретилась с ним и наконец обрела навечно. Он прижал её к себе, да так сильно, что она ойкнула, но никто из них не обратил внимания на это, словно оба стали вдруг бестелесными и желали раствориться в душах друг друга. Он поднял её на руки и понёс в глубину шатра. Эту ночь и весь следующий день супруги не покидали его. Чуткий Тимей наказал стражникам не впускать никого в царское жилище, дабы никто не посмел потревожить семью брата.

* * *

Слухи о беременности царицы мгновенно разнеслись по массажетским землям. Долгожданное известие было радостно воспринято всеми: от вождей до пастухов. В самых отдалённых

кочевьях люди проявляли живой и искренний интерес к такой новости, расспрашивая каждого прибывшего к ним человека о её достоверности, выпытывая как можно больше подробностей, связанных с положением супруги царя. Дассария ежедневно осыпал Усанну несметными дарами. Он чаще обычного с благодарностью обращался к духам предков, Земли и Небес, словесно и жертвоприношениями выражая им свою признательность за сотворённое ими великое чудо. Вечерами, вернувшись к себе в шатёр, он опускался на колени перед Усанной и осторожно прижимался то одним, то другим ухом к её заметно округлившемуся животу, пытаясь уловить малейшее движение будущего малыша. Она замирала, гладила его по голове и с умилением взирала на него, наслаждаясь великолепием мгновения. По велению Тимей и под его бдительным присмотром в жилище брата впервые появились опытные и обходительные служанки. Усанне было всё тяжелее совершать прежние работы, и она всецело доверилась им.

Прошло немного времени, и наступил срок, положенный для появления на свет ребёнка. Четыре повитухи несколько дней находились в шатре с Усанной. Они не допускали туда никого, изредка поодиночке выходя и отдавая распоряжения прислуге. Дассария не находил себе места. Он не прикасался ни к еде, ни к напиткам. Всё сильнее нарастало его волнение. Чардад и Тимей не покидали его шатра. Иногда кто-то из них, не выдержав тягости ожидания и неизвестности, направлялся к жилищу Усанны, но тут же быстро возвращался, молча качая головой на вопрошающий взгляд царя. Для будущего пиршества в связи с рождением царского наследника заранее на откорм были поставлены лошади и другой отборный скот. Главное селение тщательно готовилось к такому важному событию. Люди всё чаще поглядывали в сторону шатра царицы, ожидая увидеть взметнувшийся ввысь шест с красно-бело-жёлтыми лентами, извещавшими о появлении царевича, но его пока не было.

Наступил вечер очередного тревожного дня. Дассария задумчиво сидел у очага, крепко сжав руками плетёный и нервно теребя её пальцами. Чардад и Тимей расположились за его спиной,

опустившись на кошму, под тихий и размеренный треск огня устало прикрыв глаза. Вдруг обострённый слух Дассарии уловил, как, едва нарушив тишину, снаружи кто-то прикоснулся к входному пологу. Дассария вскочил на ноги. Слегка и как-то неуверенно сдвинув кожаный навес, внутрь просунулась чья-то маленькая костлявая рука. Сердце Дассарии мгновенно сжалось в предчувствии чего-то плохого. Низко пригнувшись, опираясь на палку, бесшумно, словно тень, в шатре появилась сгорбленная старуха, старшая из повитух. Поведя подслеповатыми глазами по сторонам, она увидела царя и тут же, выронив клюку, пошатнувшись, вытянув к нему руки, опустилась на колени, припав лбом к полу. Чардад и Тимей с небольшим опозданием повскакивали с мест, с ужасом глядя то на царя, то на неё. Дассария продолжал молча стоять, не сводя глаз со старухи. Тимей бросился поднимать её, но она отчаянно завертела головой, тряся седыми космами, бормоча что-то невнятное, вытягивая руку и отстраняясь от него, не желая принимать помощи. Он растерянно отступил на шаг. Старуха подняла голову, невидящим взором уставилась на царя и вдруг, издав хриплый скрипучий заунывный стон, стала яростно царапать ногтями своё бледное морщинистое лицо. В одно мгновение оно залилось тёмной кровью, но она изо всех сил обеими руками продолжала нещадно наносить себе раны. Дассария подскочил к ней, замахнулся, но в самый последний миг отбросил плеть и, сорвав полог, выскочил наружу. Он влетел в шатёр Усанны. Находящиеся там женщины подались в стороны, склонив головы.

– Все вон! – прошипел он.

Укрытая светлой тканью от ног до самого подбородка, Усана лежала за занавесом. Уловив нечто неестественное и странное в том, чем и как она была накрыта, Дассария подошёл и тихо опустился у изголовья. Слабый отсвет, исходивший от очага, проникал сюда тусклыми бликами, искажая видимость. Веки Усанны были прикрыты. Оторвав взгляд от лица и внимательно оглядев её всю, Дассария заметил, что покрывало подвёрнуто с боков под её вытянутые вдоль тела руки, но самое поразительное, что приковало его взор, виднелось ниже её груди. Какая-то

бесформенная масса выпирала и будто бы растекалась вширь на уровне её живота. Горький плотный ком подкатил к горлу и удушливо застрял в нём. Пытаясь избавиться от него, Дассария стал судорожно глотать воздух и сжимать пальцами кадык. Через миг, вскочив на ноги, он сорвал занавес и оглянулся во круг. Только теперь он почувствовал всем нутром, что что-то ещё зловещее и непоправимое случилось здесь. В шатре стояла мёртвая тишина. Кроме своего дыхания, он не слышал ничего. Ни единого звука, хоть как-то отдалённо напоминающего детский плач, не было. Дассария всё понял. Он бессильно опустил-ся на колени, обнял голову Усанны и зарыдал.

«Как же так?! Почему?!» – то умоляющий шёпот, то душе-раздирающий крик доносились из шатра до самого утра.

Войти к нему не посмел никто.

* * *

Усанну хоронили всем народом. Беда, постигшая массаге-тов, острой болью отразилась в их сердцах. Земля наполнилась горестным плачем и скорбным причитанием. Вожди, полковод-цы и воины воздавали последние почести Усанне как храброй воительнице и милосердной царице. Весь остальной люд про-вожал её в вечность как многострадальную женщину. Дассария простался с супругой как с истинной матерью своего ребёнка, не пожелавшего покинуть её чрево. Он так и не узнал, кто должен был родиться: мальчик или девочка. Над её могилой насыпали высокий курган. Отобранные лошади и скот пошли под нож, но уже с иным, совершенно другим предназначением. Их жирное мясо варилось в тех же старых котлах, но было подано вовсе не как торжественное праздничное угощение, знаменующее при-ветствие новорожденной жизни и чествующее молодую мать, а как траурная трапеза в память о двух усопших людях, так и не успевших разьединиться ни телом, ни душой.

* * *

Дассария присел, несколько раз глубоко вздохнул, потёр рукой грудь, ощущая под ладонью учащённое биение взволно-

ванного сердца, немного успокоился от нахлынувших воспоминаний, затем поднялся, подхватил плащ и направился к шатру, на ходу подумав: «Завтра нужно навестить могилу Усанны. Ждут, наверное, моего прихода».

* * *

За три дня до выступления в поход в шатёр Дассария радостно вбежал Чардад.

– Дассария, мастера досрочно закончили работы. А это они изготовили для тебя, – видя, что, кроме царя, никого нет, на одном дыхании вымолвил он, обернулся, откинул полог и кому-то махнул рукой.

Двое воинов внесли кривой меч в кожаных ножнах и аккуратно обмотанное подпругами новое седло со свисающими по бокам широкими ремнями, к которым железными спаренными кольцами были прочно прицеплены подножки из многослойной прошитой кожи. Дассария вначале взял оружие. Вынутое из ножен, оно засверкало изогнутым полотном. Он внимательно оглядел его и отложил. Затем он принял седло, принялся к нему и с удовольствием произнёс:

– Добротное. Свежее. Какой запах! Оба подарка мне по душе. Знают мастера, что не терплю излишеств.

Воины молча склонились и покинули шатёр.

– Что ж, это хорошо. Я благодарен тебе, Чардад. Всё идёт по плану. Продолжай обучать войска. Недолго осталось ждать, – Дассария подошёл к нему, по-братски взял за плечи и очень серьёзно заглянул в глаза, давая понять, что следует поторопиться.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Пятью колоннами по десять тысяч воинов, следуя на видимом отдалении друг от друга, продвигались на север войска массагетов. Слева от них в двухдневном переходе в таком же построении вёл свою сорокатысячную армию царь хаомоваргов Калтаган. Равное с ним количество воинов возглавил и молодой царь Даввий. Объединённые ари-маспы, тиграхауды и даии под его командованием находились по правую руку от Дассарии и так же, как хаомоварги, шли в двухдневном переходе от него. Замыкали шествие войск обозы, полностью загруженные походными шатрами, оружием, снаряжением, амуницией и провиантом, вслед за которыми гнали табуны лошадей и множество скота.

В строгом соответствии с избранной на большом совете стратегией, заранее усилив свои южные границы, в установленный срок, три дня назад, саки одновременно выступили тринадцатью потоками, стараясь охватить как можно большую территорию. Подобно стае голодных хищников, вышедших на большую охоту, в поисках будущих жертв, обитавших на столь огромном пространстве, они оглядывали каждый участок земли, готовясь вгрызться клыками в любую живность, появившуюся на их пути.

К концу шестого дня лазутчики царя Калтагана встретились с дозорной сотней царя Шангала. Стало известно, что он сумел не впустить врага в гористую местность, куда стянул весь

свой народ, но, оказавшись зажатым с трёх сторон да к тому же оставшись без пастбищ, имея лишь выход в южную, скудную лугами местность, держался из последних сил. Отослав сотника исседонов к его же властителю с известием о своём приходе, Калтаган разбил лагерь, выслал дозоры и срочно направил гонцов к Дассарии, дабы определиться в дальнейших совместных действиях. Вскоре они вернулись, но в сопровождении небольшого массагетского отряда во главе с одним из военачальников Дассарии, молодым сотником по имени Цара, которому было велено лично осмотреть и изучить позиции как исседонов, так и противника, о чём он немедленно по прибытию и доложил Калтагану. Также Цара сообщил о том, что обе армии – и царя Дассария, и царя Даввия – остановились, пока не обнаружив вражеских дозоров.

Калтаган, уже направивший своих разведчиков к вражеским рубежам, счёл уместным и разумным такую предусмотрительность Дассарии и повелел выделить в помощь его сотнику ещё несколько человек из числа опытных и искушённых лазутчиков, но тот, поблагодарив властителя, отказался от них, сославшись на достаточность своих сил. Заметив недовольство царя хаомоваргов, Цара тут же вежливо пояснил своё поведение, очень тактично намекнув ему, что большое количество людей может быть замечено дозорами противника. Калтаган отнёсся к его доводу несколько своеобразно. Он не стал настаивать на своём предложении, махнул рукой, тем самым на языке жестов говоря ему: «Что ты понимаешь в таких делах? Ты всего лишь какой-то сотник. Если даже меня не слушаешь, то поступай, как тебе заблагорассудится». Таким завершением аудиенции, несмотря на допущенное властителем непонимание, Цара остался очень доволен. Его реакция на итог разговора с царём союзников со стороны выглядела бы для кого-то совершенно неправильной, но только в том случае, если бы он не поступал осознанно и преднамеренно. Одно очень важное обстоятельство давало ему право именно на такое отношение к своему восприятию беседы с царём хаомоваргов. Калтаган не мог знать того, что стоявший перед ним всего мгновение назад моложавый упрямец вовсе не

был сотником, а являлся тысячником, причём командующим одним из лучших подразделений разведки Дассарии, чья главная цель на самом деле заключалась в другом. Цара имел особое тайное царское поручение – он должен был захватить вражеского воина и доставить его к Дассарии. Об этом задании он, конечно же, не обмолвился ни единым словом.

* * *

Шангал никак не мог понять, почему подошедшие войска собратьев не начинают активных военных действий. «Столько долгих бессонных ночей и тревожных дней я и мой народ провели в томительном ожидании помощи от них, и вот они здесь, рядом, но бездействуют», – огорчённо думал Шангал. Он решительно вышел из своего шатра, расположенного в тени могучих раскидистых деревьев недалеко от самого большого озера из почти сотни озёр, что странным образом уместились на этом удивительном клочке земли среди горного нагромождения и непроходимых лесных дебрей.

Стоял жаркий летний полдень. Пройдясь по мягкому песку, сплошь перемешанному с опавшей хвоей и пересохшими сосновыми шишками, он остановился под палящими солнечными лучами в шаге от воды, наблюдая за мелкими прозрачными волнами, которые плавно набегали на пологий берег при каждом дуновении ветра и подкатывали к его ногам, играючи шевеля яркими чистыми камушками, перешёптываясь с ними тихими всплесками и покрывая их причудливыми дрожащими паутинками света. Присев, он обмакнул в них ладони, приложил влажную прохладу к лицу, освежая и остужая запылавшую жаром кожу, затем стряхнул руки, поднялся и взглянул вдаль, на водную гладь. Огромная одинокая скала возвышалась над ней на большом отдалении от берега и невольно притягивала взор. С самого детства, когда отец впервые привёз его, маленького мальчика, к этому озеру и показал ему эту удивительную скалу, он запомнил её именно такой, таинственной и загадочной. Теперь же, будучи уже в пятидесятилетнем возрасте, он, конечно же, воспринимал её иначе, обыденнее, но в глубине души

хранил то давешнее отношение к ней. За долгие годы он был наслышан о ней всяких разных рассказов, да таких, что в пору было бы относиться к ней как к живому существу, но он-то знал, что всё это выдумки охотников и рыбаков, желавших обмануть простых мирян, дабы те не появлялись в этих местах и не пугали дичь и рыбу. Как бы там ни было, но не признавать того, что это творение и в самом деле не обычное, было нельзя.

Рыбаки поговаривали, что по утренней зорьке, когда над водой повисал непроглядный туман, скала исчезала, и в этом, на первый взгляд, ничего особенного и удивительного не было, так как всё вокруг в это время затмевалось и пропадало из поля зрения. Но те из них, кто хотел убедиться, на месте ли скала, и направлял свои лодчонки в её сторону, всегда садились на мель на подступах к ней, так и не увидев её. Охотники же утверждали, что именно в предутренних сумерках, когда исходившая от этого озера плотная туманная завеса, клубясь, подавалась на сушу, проникала в прибрежные леса, окутывала деревья и поднималась по горным подножьям, первыми, оглашая всю округу своими встревоженными голосами, покидали эту местность птицы. Вслед за ними, становясь как никогда пугливыми, разбегались звери. Что могло произойти под покровом предрассветной кисеи на восточном побережье озера, люди не знали, но в том, что все эти таинственные явления напрямую связаны со скалой, никто из них не сомневался. Вспомнив эти слухи, Шангал уже в который раз внимательно всмотрелся в скалу. Выступая широким отвесным основанием из воды, набирая высоту, она постепенно сужалась, завершаясь острым верхом. Казалось бы, скала как скала и ничего необычного в ней нет, но два интересных момента всё-таки отличали её от других каменных выступов. Во-первых, она единственная находилась в воде. Во-вторых, с разных сторон она выглядела по-разному. Шангал помнил, что с западного берега она напоминала стоящего с посохом старца, а отсюда, с этого места, в ней проглядывался воин со слегка склонённой головой, державший в руке копьё. Он скользнул взглядом по озёрной глади.

Как и в дневное время, множество лёгких одноместных лодчонков, корпуса которых издавна изготавливались из кожи, по-

качивались на воде, но ни одна из них так и не приближалась к скале. Они опоясывали её, находясь в отдалении. Вокруг озера, всюду, куда только он не переводил свой взор, из лесных зарослей тянулись к небу белёсые дымки костров. Люди продолжали жить, не оставляя надежды однажды вырваться из этих, хоть и красивейших, но теснин и вернуться на привычные просторы.

За спиной слышались чьи-то шаги. Кто-то приближался, хрустя песком и хвоей. Шангал оглянулся. Начальник его личной охраны спешил к нему. Он сообщил, что от царя Дассарии прибыл сотник.

Шангал принял его у себя в шатре. Цара почтительно представился царю исседонов, передал ему сердечное приветствие от своего властителя, особо подчеркнув его благодарность за проявленные стойкость и мужество, и доложил о цели своего появления. После непродолжительной трапезы, устроенной в честь желанного гостя, воодушевлённый посланием Дассарии, Шангал со свойственной ему точностью обстоятельно поведал о дислокации сил противника на ближних рубежах, отметив состояние и своих позиций. Цара узнал, что враг расположил свои войска с трёх сторон от этой местности, причём, имея возможность окружить её полностью, он не делал этого, оставляя исседонам проход на юг, тем самым вынуждая их двинуться туда, где, по мнению Шангала, и намеревался окончательно разгромить его, так и не сумев в течение всего этого длительного времени преодолеть устроенные им защитные преграды из завалов, у которых постоянно держали оборону его лучники. Помимо очень важных и нужных сведений, полученных от Шангала, Цара был приятно удивлён его уважительным отношением к себе и своим людям. Он понимал, что царь и его народ находятся в трудном положении и его гостеприимство напрямую связано с прибытием помощи, но при этом он чувствовал и то, что ему не была чужда простая человеческая благодарность, отчего общение с ним было искренним и доброжелательным. В завершение беседы Шангал поинтересовался, не нужно ли сотнику какого-либо содействия, на что тот попросил выделить ему одного опытного лазутчика, хорошо знающего окрестности. Довольно быстро

ему был представлен такой человек. Больше не задерживаясь, попрощавшись с царём, Цара и его двенадцать воинов в сопровождении проводника отбыли в дорогу.

* * *

С наступлением сумерек отряд Цары, продвигавшийся по едва заметной звериной тропе, остановился посреди непроходимых дебрей. По словам сведущего воина-проводника, лес от этого места сгущался ещё сильнее и тянулся на целый день пути, из-за чего пройти дальше верхом на лошадях уже не представлялось возможным. Поскольку в его услугах больше не было нужды, Цара поблагодарил его и отправил обратно, а сам наряд со всеми своими людьми, отдохнув до полуночи и оставив с лошадьми одного из них, двинулся пешим ходом с остальными на северо-восток, ориентируясь по звёздам. По сведениям всё того же проводника, в этом направлении враг даже не пытался проникнуть на их территорию и за лесом не держал каких-либо крупных сил, появляясь там небольшими дозорными отрядами.

Идти бесшумно не удавалось. Под ногами предательски хрустели шишки, хвоя и валежник. Деревья росли таким плотным массивом, что зачастую не пропускали сквозь свои ряды, заставляя плутать и искать обходные проходы. Иногда на пути попадались невысокие скалы, покрытые мхом. Неожиданное появление этих каменных нагромождений поначалу очень сильно настораживало воинов, так как каждая из них в темноте была схожа с притаившимся человеком. Единственным приятным открытием на пути были родники. Чистая холодная вода снимала усталость, освежала и бодрила, давая возможность восполнять силы.

Ближе к утру остановились на отдых. Не разжигая костра, все приняли пищу, состоящую из копчёного мяса и сыра, после чего, выставив сменные караулы, улеглись. В полдень продолжили путь и ближе к вечеру добрались до окраины дебрей.

Лес заметно поредел, и вскоре сквозь деревья уже была видна открытая местность. Разослав по два воина в разные стороны от себя, Цара стал наблюдать за всем, что происходило на рав-

нине. Она была пустынна. Встревоженные их появлением птицы довольно быстро уgomонились. Жаркий воздух наполнился запахом разнотравья. Появились стрекозы, пчѣлы и множество мелких летающих кровососов, досаждающих своим жужжанием, писком и укусами.

Наступила ночь. Теперь спали и бодрствовали половинным составом.

Едва забрезжил рассвет, Цара первым увидел одинокого всадника. Тот появился из туманной дымки на середине долины и не спеша вѣл коня в сторону леса. Цара поднял всех своих людей, указал на него и жестами рассредоточил их по окрUTE. Всадник приближался, но когда до крайних деревьев осталось совсем небольшое расстояние, он почему-то остановился. Цара находился прямо на его пути и уже хорошо различал каждую деталь в его одеянии, вооружении и снаряжении, причѣм явно не сакскую. На его голове был круглый облегающий кожаный шлем со свисающими с боков длинными наушниками. На его голое и мускулистое тело была надета мохнатая безрукавка из чѣрной овчины. Просторные кожаные штаны были заправлены в огромные, достающие своими подвѣрнутыми голенищами до самых колен тяжѣлые сапоги из воловьей шкуры. Сзади к его седлу были привязаны ещѣ какие-то свѣрнутые рулоном вещи, поверх которых, словно упор для спины, был прикреплѣн круглый щит. Под этими вещами с боков были приторочены кожаные мешки и два колчана, набитые стрелами. На его левом плече за спиной висел невероятных размеров лук. Большой прямой нож свисал также слева от его широченного пояса. Очень длинное копье с толстым древком и мощным листовидным наконечником он держал перед собой поперѣк седла. Сам же всадник был настоящим исполином. Его гривастый жеребец казался небольшим, но был широкогруд, имел толстые ноги и мощный круп.

«Странно, а говорили, что хунны низкорослые. Этот вон какой великан! Ну да ладно. Мне-то какое дело до их размеров. Главное – он почти попался. Не думал я, что вот так просто захвачу их воина», – подумал Цара.

Увидев его заминку, Цара прижался ещё сильнее к земле, боясь, что тот не войдёт в лес и отступит. Всадник долго стоял, вглядываясь в заросли перед собой, затем взглянул на небо и наконец тронул коня, повернув его влево. Он явно что-то искал, часто замирал, смотрел под ноги и внимательно вглядывался в дебри. Пока он продвигался, саки, низко пригнувшись, короткими перебежками следовали за ним. Наконец он повернул к лесу и решительно въехал в него. Стало понятно, что он искал. Узкая неприметная тропа петляла между деревьями. По ней он и повёл коня, углубляясь в лес.

Вздыхнув с облегчением, Цара подал знак всем своим людям двигаться на расстоянии от него, чтобы не вспугнуть раньше времени. Теперь он был уверен, что чужеземец в его руках и задание царя будет исполнено. Оставалось тайком держаться за ним, дать ему возможность как можно дальше войти в дебри и там уже взять в плен. Всадник уверенно продвигался, иногда оглядываясь по сторонам. Цара махнул десятнику, и когда тот оказался рядом с ним, повелел ему с пятью воинами держаться по левую руку от хунна и ждать сигнала. С остальными он решил зайти к нему справа.

Вскоре лес настолько сильно сгустился, что между деревьями порой было трудно протиснуться даже пешему человеку, не говоря уже о конном, так как густые ветви переплетались так плотно, что создавали собой живую изгородь. Всадник не смог продвигаться дальше верхом, остановился и сошёл с коня. Цара выпрямился, поднял руку и резко опустил её. Одиннадцать его воинов со всех сторон бросились на хунна. Вопреки ожиданию Цары, тот не растерялся, быстро развернулся, тут же выхватил нож и прижался спиной к коню. Брошенный кем-то аркан он увидел вовремя и пригнул голову. Петля зацепилась за щит, сдернув его на землю. Саки обступили его и взяли в круг. Он стоял, широко расставив ноги и следя за ними глазами. Цара кивнул, и четверо воинов двинулись на него. Полоснув перед ними ножом, он сделал резкий выпад и нанёс сильный удар одному из них. Тот схватился за грудь и упал навзничь. Трое других накинудились на него, пытаясь выбить нож и связать ему руки, но,

как только коснулись его, тут же разлетелись в стороны. Хунн был очень силен. Теперь на него двинулись сразу пятеро воинов, выставив перед собой копья. Он наотмашь ударил своим ножом, перерубив два древка, но три копья упёрлись ему в грудь остриями наконечников. Тяжело дыша, он замер. Двое других саков подошли к нему с боков, намереваясь отнять оружие, но не заметили, как он развернул нож и уколол им жеребца. Тот от боли вздыбился и отпрянул в сторону. Этого мгновения хунну хватило, чтобы отпрыгнуть назад и вновь нанести удар по копьям. Ещё два древка были перерублены им, но третьи остриями угодили ему в правую руку, и он выронил нож.

Цара не ожидал такого сопротивления. Обозлённые саки навалились на него все вместе и повалили на землю. Он рычал и барахтался, нанося им удары кулаками, коленями и головой. Цара уже не хотел видеть этой нескончаемой возни, устроенной всего лишь одним человеком. Он подошёл к его изголовью, сорвал с него шлем, хлестнул плетью по его лицу, наступил ему на горло и придавил его с усилием. Тот завертел головой, пытаясь освободиться из-под ноги. Кровь, хлестнувшая из нанесённой плетью раны, стала обильно заливать ему глаза, попадая в рот и нос. Он начал задыхаться. Воины уже связывали ему руки. Цара отошёл. Хунна подняли на ноги. Не дав ему опомниться, десятник накинул на его голову кожаный мешок с прорезями для доступа воздуха. Немного отдохнув, подхватив своего раненого товарища, отряд быстро двинулся в обратный путь, ведя на привязи захваченного хунна, оставив его жеребца. К полудню они уже вышли к своим лошадям.

* * *

Дассария ждал возвращения тысячника Цары. Он верил, что ему удастся исполнить его поручение, очень опасное, но весьма важное.

Наступила пятая ночь, как отбыл Цара. Лагерь готовился ко сну. В царский шатёр вошёл Тимей.

– Дассария, прибыл Цара, – взволнованно произнёс он.

– Где он? – Дассария вскочил на ноги.

– Здесь, – кивнул Тимей и выглянул из шатра.

Вошёл Цара, склонил голову и замер.

Дассария подошёл к нему, взял за плечи, осмотрел, убеждаясь в том, что с ним всё в порядке, после чего спросил:

– Как ты, как твои люди?

– Властитель, благодарю тебя, я здоров. Вот только один из моих воинов получил очень сильное ранение. Боюсь, он не выживет. Все остальные целы и невредимы. Прошу, взгляни на нашу добычу, – устало улыбнулся тысячник и отступил в сторону.

Двое стражников ввели в шатёр высокого, широкоплечего, великолепно сложенного мужчину со связанными руками и мешком на голове. Всё его тело было забрызгано кровью. На поясе висели пустые ножны от большого ножа. Он ничего не видел, отчего неуверенно переставлял ноги. Цара кивнул одному из стражников. Тот ловко скинул с пленника мешок. От яркого света хунн прищурил раскосые глаза. Широкое скуластое лицо, покрытое кровью и потом, пересекала тёмная, сочащаяся сукровицей полоса. Две длинные косички свисали от висков. На самой макушке волосы были стянуты узлом тонкой кожаной полоской и тугим конским хвостом падали на спину. Тонкий с горбинкой нос часто раздувался большими ноздрями. Плотные сжатые разбитые губы слегка подрагивали. Привыкнув к свету, он злобно уставился на Дассарию, понимая, что именно он здесь старший. Вошёл Чардад, обошёл пленника, оглядывая его, и молча присел у очага.

– Кто он? Где ты нашёл его? – не сводя глаз с захваченного, тихо спросил Дассария.

– Хунн, властитель. Он в одиночку появился в долине и вошёл в лес, – ответил Цара.

– Царь Касс описывал их другими, не такими могучими, как этот. Что он делал в лесу? – отойдя и присев рядом с Чардадом, вновь спросил Дассария.

– Что-то искал, властитель. Вёл себя уверенно и спокойно. Очень силен. Их лагерей в той стороне нет, только дозоры изредка осматривают равнину, от которой начинается непроходи-

мый лес. Может, высматривал дорогу для проведения войск? Не могу знать, – пояснил Цара.

– Может быть, – задумчиво протянул Дассария. – Оставь его здесь, а сам отдыхай. Ты устал.

– Повинуюсь, властитель, – склонился тысячник и покинул шатёр.

– Тимей, дорог каждый день, начнём, – Дассария кивнул брату.

Тот выскочил из шатра. Через мгновение он вернулся с Тафуц. Дассария и Чардад поднялись, приветствуя её. Пленник мельком взглянул на неё и прикрыл веки.

– Тафуц, это хунн. Спроси у него, как его имя, – обратился к женщине Дассария.

Она повернулась к хунну, окинула его изучающим взором и лишь после этого что-то сказала ему на странно звучащем языке какими-то короткими, будто оборванными, словами. Услышав её голос, пленник вздрогнул, напрягся, но тут же совладал с собой, удивлённо посмотрел на неё и, чуть помедлив, что-то тихо ответил. Тафуц повернулась к Дассарии:

– Властитель, его имя Муццуй.

– Кто он? И что делал в лесу, где его захватили мои люди?

Тафуц вновь обратилась к пленнику. Тот продолжал удивлённо смотреть на неё, но отвечал без задержек.

– Властитель, он охотник. Когда его пленили, он выслеживал медведя, – перевела его слова Тафуц.

Дассария был очень доволен тем, что Тафуц оправдала его надежды и что теперь он будет обладать всеми нужными ему сведениями.

– Спроси, есть ли у него семья, и если да, то где она находится. Также пусть поведаст мне о том, кто правит у них, где его ставка, сколько у них войск и где расположены лагеря, – попросил её Дассария.

Она задала пленнику вопросы. Он что-то коротко ответил и опустил голову.

– Семьи у него нет. Его правитель – великий шаньюй Мотун. Их много. Это всё. Больше он ничего не скажет, – перевела Тафуц.

– Да, не так уж и много он сообщил. Что ж, придётся говорить с ним иначе, – Дассария взглянул на Чардада.

Тот понимающе кивнул и направился к выходу, бросив стражникам:

– Ведите его за мной.

Оставшись в шатре с царём и Тимеем, Тафуц тихо произнесла:

– Он действительно охотник.

– Тафуц, ты веришь его словам? – удивился Дассария.

– Да, властитель, но только не словам, а глазам. Он не воин, – также тихо ответила она.

– Но его взяли в плен с большим трудом. Он ранил одного из воинов, а они очень опытные и сильные разведчики, – вежливо возразил Дассария.

– Властитель, у него нет даже меча, – задумчиво произнесла Тафуц. – Воин не может быть без меча.

Дассария ещё больше удивился и перевёл взгляд на Тимея. Тот вышел и быстро вернулся. За ним внесли оружие пленника. Дассария стал рассматривать. Большой тяжёлый нож лежал поверх деревянного щита, обтянутого двойным слоем толстой волчьей шкуры. Огромный лук и два колчана со стрелами тоже были здесь. Тафуц подошла, присела, отложила в сторону нож и с большим усилием подняла щит, разглядывая его внешнюю поверхность.

– Тимей, сними с него шкуру, – обратилась она к нему.

Он взял щит, надрезал шкуру своим ножом и содрал её.

– Вот, властитель, таким не может быть боевой щит, – Тафуц провела ладонью по дереву. – Он не новый, но на нём нет ни единого повреждения. Он не участвовал в сражениях.

Дассария был вынужден согласиться с её доводами:

– Ты права, Тафуц. Пусть он охотник. Но ведь он не живёт отдельно от своего народа. Придя сюда, он всё знает и о войне, и о своих войсках. Нам важно выведать многое, прежде чем начать наступление. Вот для чего он нужен.

– Прости, властитель, я всего лишь женщина и, видимо, сказала лишнее, – Тафуц склонила голову.

– Нет, Тафуц, я благодарен тебе за внимательность. То, что ты заметила, тоже имеет большое значение, – учтиво поддержал её Дассария. – Сейчас его приведут, но я прошу тебя пройти вон туда и отвернуться от входа. Тебе не следует видеть его.

Тафуц послушно прошла за очаг и опустилась на указанное походное сиденье спиной ко всем. Снаружи слышались шаги. Вошёл Чардад. За ним четверо стражников втащили пленного и бросили на пол. Он был по пояс раздет. Вся его спина блестела от крови, под которой проглядывались бурые вздутые полосы от ударов плетью. Он тяжело дышал, но не издавал ни звука.

– Тафуц, повтори ему мои вопросы, – спокойно попросил её Дассария.

Она, не поворачивая головы, вновь заговорила на языке хуннов. Пленник выплюнул сгусток крови, что-то коротко ответил ей, при этом едва выговаривая слова.

– Он готов принять смерть, но больше ничего не скажет нам, – произнесла она.

– Уберите его. Дайте воды и охраняйте, – повелел Дассария.

* * *

На следующий день пытка повторилась, но пленник упорно молчал. Дассария вызвал к себе тысячника Цару и поручил ему совершить ещё одну вылазку с той же целью. Тот, взяв своих людей, вскоре покинул лагерь, но уже направился прямо на север.

* * *

Слегка прикрытый от назойливых мух каким-то тряпьем Муццуй лежал на земле под дырявым навесом, натянутым на копыта. Шёл третий день его пленения. Он не чувствовал не только боли, но и самой спины. Внутри у него пылал иссушающий жар. Нос был забит пылью. Язык настолько распух, что едва помещался во рту, но, к его радости или на его беду, ещё пропускал воздух. От горячего дыхания его губы сильно растрескались и превратились в сплошные кровоточащие раны. На истерзанную плетью спину повернуться он не мог, отчего у него уже онеме-

ли грудь и живот и не ощущались руки и ноги. Его сознание помутилось. Перед глазами стали проноситься обрывки каких-то видений. Он не успевал запомнить их и тем более понять. Всё чаще и чаще он стал впадать в забытие.

Стражники видели его состояние. Они подходили к нему, поливали на него воду, иногда заливая её ему в рот, грубо выворачивая набок его голову. В такие мгновения он приходил в себя, разлеплял веки и тупо смотрел на них. Те переглядывались, в недоумении пожимали плечами и отходили на место, теряясь в догадках, но так и не сумев взять в толк, для чего нужен властителю этот полуживой человек. Порой им хотелось просто добить его, чтобы и он не мучился, и они не сидели здесь как проклятые, изнывая от жары под палящими солнечными лучами, но страх перед царским гневом пересиливал их желание, и они продолжали смиренно караулить его.

* * *

Цара вернулся, как всегда, ночью. Он был ранен. Из одиннадцати его людей в живых осталось только двое. Захваченный хунн на этот раз оказался воином и внешне соответствовал описанию Касса. На дозорный отряд, в котором он состоял, Цара напал на рассвете. Завязалась ожесточённая битва. Случайно набросив аркан на него, Цара поволок его на юг. Стрела, посланная ему вслед, угодила в левое бедро, но он успел остановиться и забросить пленника на своего коня.

Враг превосходил численностью и вскоре начал одолевать его воинов, охватив в кольцо, из которого удалось вырваться только двоим его людям, прикрывавшим его от долгого преследования. Дальние дозоры саков выручили их, отбив атаку хуннов.

Дассария был огорчён потерей девяти лучших разведчиков и опечален состоянием тысячника Цары, но то, что им удалось сделать, было поистине бесценным и требовало немедленного внимания. Пленённый хунн молчал и не назвал даже своего имени. Его, так же как и охотника Муццуя, подвергли порке плетьюми, но он не проронил ни слова, и тогда ввиду спешки и

особой срочности его подвергли пытке огнём. Этого испытания он не выдержал.

Дассарии удалось узнать, что прямо перед ним находятся четыре хуннских стойбища из их левого крыла, каждое из которых было заселено представителями только одного рода и насчитывало почти по семнадцать тысяч человек. Большие половины их взрослого населения составляли воины. В случае необходимости все подростки также вливались в войска, так как сызмальства были способны владеть оружием. Этим крылом, куда входило всего семь родов, правил Куту, имевший княжеский титул, называемый сянь-ван. Остальные три его стойбища размещались справа от Дассарии, на пути у аримаспов, тиграхуудов и даиев. Властителем же всех хуннов, как поведал и первый пленник, был Мотун, имевший титул шаньюя. Под его личным началом находилось десять родов, более крупных и сильных, чьи стойбища размещались по всей захваченной сакской земле. Четыре из них находились вокруг местности, где до сих пор держались племена исседонов под предводительством царя Шангала. В каком из стойбищ пребывал сам шаньюй Мотун, пленник не знал. Сведения, добытые от захваченного воина, были невероятно важны. Дассария не ожидал, что хунны пришли таким огромным числом. Количество их войск не поддавалось точному определению, но даже при грубом подсчёте оно значительно превышало объединённые сакские силы. Самым же важным из всего услышанного было то, что хунны не имели постоянных позиций на южных рубежах, а расселились на большой территории, имея возможность полностью контролировать её и в нужный для себя момент собираться там, где в этом появлялась необходимость. При такой их стратегии саки не могли нанести единого сокрушающего удара по ним и должны были теперь раздробить все свои армии на части и рассредоточить их, что становилось очень опасным для них.

Срочно направив гонцов к царям Калтагану и Даввию, Дассария стал думать, как начать военные действия и что сделать для того, чтобы вынудить хуннов принять открытое сражение.

* * *

Сквозь дрему Муццуй услышал чей-то стон, открыл глаза и лишь потом почувствовал, что рядом с ним, касаясь его, кто-то лежит.

Стояла ночь.

– Эй, ты кто? – повернув в его сторону голову, с трудом шевеля губами, тихо спросил он.

Тот вновь застонал. Тусклый свет от костра охранников едва проникал под навес. Муццуй попытался поднять голову и рассмотреть лежащего, но было темно, и он не смог понять, кого бросили к нему. Вскоре тот замолчал и больше не подавал признаков жизни, а ближе к утру его тело похолодело.

* * *

Расстояние, разделявшее ставки сакских правителей, при передвижении их войск покрывалось за два дня и две ночи. Гонцы же преодолевали его за треть дня. Дассария ждал их возвращения в надежде услышать мнение Калтагана и Даввия с его опытными советчиками относительно начала совместных действий. Гонцы прибыли, но как только они начали говорить, Дассария понял, что оба союзника полностью доверяли любому принятому им решению, а это, в свою очередь, означало только одно: он становился главнокомандующим всеми силами саков и отныне нёс полную ответственность за каждого воина и за исход всех предстоящих сражений. Он был готов к такому их поведению и уже заранее выработал для себя стратегию первоначальных военных действий. Отказавшись от мысли об открытом сражении, на которое хунны явно не собирались идти, он решил начать иначе. Снарядив новых гонцов, но уже выбрав их из числа военачальников среднего уровня, способных понять его и в точности передать его веления, он огласил свой приказ, согласно которому одно пятнадцатитысячное войско царя Калтагана обходило слева всю местность, занимаемую исседонами, и в установленный срок атаковало самое западное стойбище хуннов. Такое же войско совершало обход с правой стороны и наносило удар по самому восточному их стойбищу. Оставшиеся десять тысяч воинов вступали в лагерь царя

Шангала, объединялись с его войсками и переходили в наступление на два срединных стойбища.

Царю Даввию надлежало приблизиться к массагетам на половину пути и быть готовым к выступлению, как только к нему прибудет полководец Чардад с двумя тысячами воинов. Какими силами и кого атаковать, Даввию обязан был пояснить именно он, а его отряд должен был поднять дух союзникам. Дассария рассчитывал войсками Даввия отсечь три восточных стойбища хунна Куту и разгромить их, не дав соединиться с остальными его стойбищами, после чего спешно соединиться с ним. Сам же он двумя колоннами по двадцать тысяч воинов вступал между четырьмя стоящими перед ним стойбищами и нападал на них одновременно. Восьмитысячное войско он проводил дальше, делил его и наносил удар по этим стойбищам с тыла. Срок общего начала военных действий был назначен на утро третьего дня после прибытия к ним его гонцов.

* * *

Муццуй терял силы с каждым днём, которым он потерял счёт. Он уже знал, что лежавший рядом с ним замученный до смерти человек был его сородичем. Его распухшее тело зачервивело и сильно смердело, но никто и не думал убирать его. Муццуй по-прежнему часто впадал в забытие. От жары, пыли и особенно от зловония, исходящего от мертвеца, теперь он задыхался пуще прежнего. Охранники перестали давать ему воду и даже не подходили к нему. Только по их голосам он догадывался, что они ещё находились где-то поблизости.

Наступила очередная ночь, принеся спасительную прохладу. Придя в себя, он открыл глаза. Едва соображая, он всё же уловил какие-то странности, произошедшие в округе. Во-первых, не горел костёр стражников, к которому он привык за это время. Было необычно темно. Во-вторых, стояла какая-то гнетущая тишина. Лёгкий ветерок относил в сторону тошнотворные запахи, отчего ему дышалось намного легче. Ухом, прижатым к земле, он слышал гулкий конский топот. Вскоре пара лошадей, в чём он был уже уверен, приблизилась к нему и остановилась, часто

перебирая копытами. Кто-то один спрыгнул на землю. Шаги его были лёгкими. Он подошёл к лежащему рядом телу и поволок его за ноги. Муццуй повернул голову, но ничего не увидел. Довольно быстро человек вернулся к нему, обхватил за пояс и стал поднимать. Муццуй, как мог, упёрся руками в землю, помогая и себе, и ему. Когда он встал во весь рост, то заметил, что навеса над головой не было. Пересиливая боль в шее, он, оглядываясь, повёл головой. Ни охраны, ни единого огонька вокруг не было. Степь опустела. Оставив его на миг, человек подвёл к нему осёдланного коня. Лишь теперь, взявшись рукой за гриву, Муццуй понял, что убивать его не будут. Он видел чёрный силуэт стоящего в шаге от себя невысокого человека, но ничего больше разглядеть не мог.

– Кто ты? – тихо спросил он.

В ответ тот протянул ему небольшой сосуд в кожаном мешочке. Муццуй с жадностью стал вливать в себя холодную воду. Человек взял обратно опустевшую фляжку и вновь протянул ему какой-то мешочек. Муццуй с усилием поднял повисшую плетью руку, пытаясь принять его, и случайно коснулся его пальцев. В одно мгновение, словно молния, его озарила догадка. Он понял, что перед ним стоит женщина.

– Это ты? – удивлённо спросил он, имея в виду переводчицу, что была в шатре при его допросе.

– Уходи, Муццуй. Ты воин только по духу. Мы оба с тобой всего лишь охотники, поэтому ты и жив, – низким, грудным, завораживающим голосом произнесла она.

– Благодарю, – Муццуй был поражён до глубины души.

Он закашлялся, но тут же справился с удушьем и добавил:

– Ты хороший и красивый человек.

– Прощай, Муццуй. Больше никогда не попадайся нашим людям, – она запрыгнула на скакуна и исчезла в темноте.

Собравшись с силами, Муццуй взобрался на коня и повёл его шагом, поглядывая на звёздное небо.

* * *

Куту сян-ван, как всегда, находился в своей ставке, расположенной на южном рубеже захваченных им земель на равном

отдалении от ближних трёх своих стойбищ. Он спал. Время близилось к утру. Внезапно его покой был нарушен влетевшим в юрту начальником его личной охраны. Он упал на колено, склонил голову, прижав к груди руку.

– Что случилось? – поднимаясь с ложа, спросил Куту.

– Правитель, напал враг, – на одном дыхании ответил тот.

– Так. Поднимай войска, – Куту, не дожидаясь прислуги, стал облачаться в доспехи.

* * *

В полночь Чардад прибыл с двухтысячным отрядом к Даввию, передал ему все указания Дассарии и совместно с ним без задержек повёл его армию на север, быстро вклиниваясь между четырьмя стойбищами Куту на западе и оставшимися тремя стойбищами на востоке, и к рассвету, равно разделив войска, повернул их на восток, с ходу начав наступление.

Войска Дассарии, Калтагана и Шангала, действуя в соответствии с их велениями, точно в установленный срок, разгромили все дозоры хуннов, стали лавинами приближаться к их лагерям. Таким образом, на заре определённого Дассарией дня объединёнными саками были одновременно атакованы одиннадцать хуннских стойбищ.

* * *

Куту сянь-ван, внимательно выслушав донесения своих полководцев, немедленно направил гонцов в ставку шаньюя и во все свои становища.

* * *

Небо на горизонте слегка посветлело. Первые линии саков с ужасающим воем стремительно приближались к селениям хуннов, готовые выпустить по ним тьму стрел. Когда вдаль стали уже различимы костры у их жилищ, размещённых кругами, они увидели перед собой заграждения в виде расставленных цепью длинных, крытых шкурами повозок с огромными деревянными колёсами, между которыми зияли широкие проходы. Как толь-

ко саки подступили к ним на расстояние одного полёта стрелы, в селениях потухли все огни. Что-то опасное и зловещее исходило от них. Не было видно не только войск, но даже какого-либо движения. Это-то и настораживало воинов. Им уже казалось, что стойбища пусты.

«Но ведь кто-то есть там и затушил костры?» – с сомнением думали они, сбавляя ход.

Тут же вперёд вырвались сотники и повели их в оставленные проходы. В этот момент на повозках, стоящих боками к ним, откинулись покрытия, и оттуда полетели стрелы. В одно мгновение между ними натянулись железные цепи. Сотни сражённых саков попадали на землю. Скакуны, налетевшие на цепи, ломая ноги, валились как подкошенные, давя друг друга и слетевших людей. Всюду стали слышны стоны, крики, грохот и лошадиное ржание. Всю округу наполнил невероятный гул.

Саки также в ответ осыпали врага стрелами, но не заметили, как из-за жилищ вылетели конницы и обрушились на них сквозь эти же проходы, где уже были опущены цепи. На подступах ко всем одиннадцати хуннским становищам атаки саков захлебнулись, так и не успев начаться. Понеся потери, их войска отступили. Они потерпели поражение. Хунны не стали развивать наступления и вернулись в свои лагерь.

* * *

Дассария не знал, что творится у Калтагана с Шангалом и у Даввия с Чардадом, но когда прибыли от них гонцы и сообщили страшные вести, он понял, что с ними случилось то же самое, что и с его войсками. Хунны проявили себя как непредсказуемый и очень коварный противник. Их властитель Могун, как теперь ясно осознал Дассария, вдумчиво и своевременно применял всё, что было у него под рукой. Он в совершенстве владел стратегией войны против любого врага, постоянно изыскивал тактические новшества, умело создавал для себя преимущества, используя особенности местности, и берег своих людей. Именно поэтому победного начала войны для саков не получилось. Они вернулись на исходные позиции.

Цари собрались в ставке Дассарии. В его шатре нависло небывалое напряжение. Из-за быстрого отступления потери были небольшими, но главным и наиболее опасным теперь для них становилось пораженческое настроение в войсках. Оно очень сильно отразилось на воинах царя Даввия, уже во второй раз вынужденных обратиться в бегство от хуннов. Не считаться с таким особенным их положением было нельзя, так как вся сводная армия племён аримаспов, тиграхаудов и даиев составляла почти треть от объединённых сил. Никто из царей не укорял Дассарию в неправильности избранной им стратегии, это уже было не так важно для них. Печальный исход сражения довлел над ними больше всего. Все понимали, что им следует выработать иную тактику ведения войны против хуннов, но что конкретно предпринять для этого, какой найти выход, они пока не знали.

– О чём думаете, доблестные властители? Какие будут мнения? – первым начал совет Дассария. – Прошу вас, если можете, то забудьте на время о том, что случилось с нами. Иначе мы не сможем принять нужное и правильное решение. Во всём есть своя польза. Мы познали врага. Пусть не так много нам стало известно о нём, но всё же и этого для начала хватит, чтобы больше не совершать ошибок. Я благодарен вам за оказанное доверие и не считаю, что для нас всё уже потеряно. Нет. Жертвы, принесённые нами, будут оправданы и скоро отомщены. Те несколько тысяч наших воинов, что приняли смерть в бою, отдали свои жизни не зря. Вы знаете, что войны без потерь не бывает. Для нас сейчас важнее всего понять, как действует враг, изучить его поведение и постараться учесть опыт первых сражений с ним, дабы перехитрить его и не дать ему возможности ещё раз взять верх над нами. В весенней битве с Шангалом и Сахрибием он применил ловушки в виде скрытых рвов и сплавил по реке к ним в тыл плоты с войсками. Сегодня он оградил свои стойбища вереницами повозок с лучниками, соединив их цепями. Такая защита не пропускает конницы и очень быстро перемещается к нужному месту. Надо признать, его уловки неожиданны для нас и весьма хороши. Завтра он придумает ещё что-то. Всего преду-

смотреть мы не можем. Он предпочитает оборону и не примет открытого сражения. К тому же оно не выгодно и для нас. Мы бросили в битву все свои войска. Он же имеет ещё шесть резервных стойбищ, что даёт ему перевес над нами.

При последних его словах цари удивлённо взглянули на него. Дассария поднял руку, кивнул и продолжил:

– Хочу предупредить все ваши вопросы. Признаюсь, я не говорю ничего голословно. Я узнал об этом от заранее пленённого мною хунна. У меня есть человек, знающий их язык. Именно поэтому мы и начали наступление на все их южные стойбища.

Дассария уже видел, что ему удалось отвлечь властителей от их горьких дум и полностью завладеть их вниманием, и он поведал им в подробностях обо всём, что ему довелось узнать от захваченного вражеского воина.

Слушая его, цари оживлённо переглядывались, но не мешали ему, желая узнать как можно больше.

– Теперь мы должны подумать над тем, как вести дальше начатую войну, – закончил Дассария.

Первым взял слово Шангал:

– Мне кажется, хунны лишь на одном направлении готовы перейти от обороны к наступлению. Там, где нахожусь я. Они оставили мне выход в южную сторону и ждут, когда я начну выводить своих людей. Не знаю, изменят ли они теперь свои намерения разбить меня на равнине, но надеюсь, что они пока не отказались от мысли завладеть той моей территорией из-за множества озёр с пригодной для питья водой и очень большого количества чудодейственных родников. Кроме того, этот участок моей земли, как вы убедились, при должной его защите просто неприступен. Они поняли всю его важность для себя, поэтому и стремятся завладеть им любой ценой. Что, если нам попытаться заманить туда часть их войск, устроив им западню, из которой они уже не вырвутся? Для видимости я выведу оттуда всех своих мирян, уберу от завалов лучников и скрытно размещу своих воинов в лесах и предгорьях. Попробуем начать одолевать их таким способом.

Он обвёл всех глазами и замолчал.

Калтаган кашлянул в кулак, задумчиво взглянул на Шангала и произнёс:

– Треть своих войск я готов выделить Шангалу. Несколько моих отрядов будут охранять его простолюдинов. С остальными же я встану заслоном на пути хуннов, если им удастся вырваться из западни.

Дассария внимательно слушал каждого из них.

В том, что придумал Шангал, он увидел большой смысл. План, предложенный им, мог стать началом успешных действий, так как касался четырёх крупных хуннских стойбищ и на какое-то время ослаблял их в связи с уходом из них большей части войск.

– Вы правы, доблестные цари Шангал и Калтаган. Затея очень значимая. Я в свою очередь проведу триста сотен по восточной окраине твоих земель, Шангал, и как только войска хуннов вступят в устроенные тобой лесные проходы, я поведу своих людей на оставленные ими стойбища. Царь Даввий, тебе следует подвести свои войска к оставляемым мною двадцати тысячам воинам, возглавляемым Чардадом, и вместе с ним вывести их следом за мной. Твоя цель – перекрыть все подступы к этим хуннским лагерям. Если к ним направится помощь из других становищ, то вступайте с ними в сражение. На открытой местности тебе будет легче действовать. Покинув свои лагеря, они уже не смогут быть неуязвимыми. К тому же я больше чем уверен, что хунны не успеют так быстро собрать воедино большую армию. Как только цари Шангал и Калтаган уничтожат в ловушке их войска, а я сровню с землей их стойбища, мы вновь отступим на прежние позиции. В случае преследования мы вступим в битву с врагом, но это будет уже другая война, без преимуществ для него.

Определившись в точном сроке начала совместных военных действий, цари отбыли к своим войскам.

* * *

Добравшись к вечеру до леса, Муццуй сошёл с коня. Зная, что тот чужой и может убежать в любой момент, он привязал его к дереву и устало прилёг на траву, по-прежнему прижавшись

к земле животом. Дорога отняла у него очень много сил. Он сразу задремал. Впервые за последние дни ему снилось что-то спокойное и даже приятное. Крутом стояла звенящая тишина, лишь изредка нарушаемая щебетанием готовящихся к ночёвке птиц. Муццуй приоткрыл глаза, пытаясь вспомнить, что ему привиделось в дрёме и наполнило душу теплом, но поначалу у него ничего не получалось. Он вновь прикрыл веки, и тут же перед его внутренним взором всплыл силуэт какого-то человека, очень знакомого, но пока неуловимого памятью. В груди ощутимо усилилось биение сердца. Не открывая глаз, удерживая видение, он упёрся в землю рукой и слегка приподнялся, подавшись набок. Силуэт стал заметно преображаться и в какой-то миг предстал перед ним отчётливо в образе молодой женщины. Он напрягся и, наконец, увидел её. Это была та самая женщина, что знала его язык и подарила ему коня. Муццуй открыл глаза, уже не боясь потерять её облик. Сердце помогло памяти вспомнить её. Теперь он уже слышал и её удивительный голос.

Он поднялся, подошёл к коню, на ощупь нашёл привязанный к седлу мешочек, взял его и вернулся на место, присев и осторожно прислонившись спиной к стволу. Запустив в него руку, он вытащил из него большой кусок сваренного мяса, ломоть сыра и закупоренный глиняный сосуд, как оказалось, с кислым кобыльим молоком. Держа на ладонях это великолепное яство, Муццуй ощутил невероятный голод, но прежде чем приступить к еде, он долго наслаждался её ароматом, поочерёдно поднося к лицу то мясо, то сыр и учащённо вдыхая исходящие от них запахи, и только потом стал с жадностью зубами отрывать аппетитные куски, тщательно прожёвывая, выдавливая из них вкуснейший сок. С трудом пересилив желание съесть всё, он положил половину пищи обратно в мешочек и с удовольствием стал пить молоко. Выронив опустевшую посудину, он тут же уснул.

На следующий день он пробудился к полудню. Жаркое солнце висело над долиной, заливая её ослепляющим светом, густыми золотистыми косыми пучками проникая сквозь кроны деревьев и яркими пятнами выхватывая меж стволов клочки земли, пушащиеся зелёным покровом. Муццуй поднялся и взглянул

на коня. Тот заметно оттянул наброшенные на сучок поводья и пощипывал траву под копытами. Взобравшись на него, Муццуй продолжил путь, продвигаясь по окраине леса и не выбираясь на открытую местность. Ближе к вечеру он увидел родник. Маленький ручеёк вытекал из чашеобразного углубления, в котором находился источник. Напоив коня, Муццуй лёг израненной спиной в чистейшую холодную воду, мгновенно ощутив облегчение и прилив сил. После купания доев всё, что оставалось, он тронулся дальше, с наступлением темноты покинув лес и следуя по окраине долины. Вскоре прямо перед собой в тусклом лунном свете он увидел одиноко пасущегося осёдланного коня. Приблизившись к нему, он сошёл на землю и тихо свистнул. Встреча со своим верным другом, жеребцом, ожидавшим его все эти дни вблизи от места пленения, была очень трогательной.

Отпустив на волю сакского скакуна, тут же убежавшего в степь, Муццуй отвязал от седла свёрнутый плащ, накинул на себя, взобрался на жеребца и, больше не задерживаясь, направил было его в сторону родного становища, но вспомнив, что никогда ещё не возвращался с охоты с пустыми руками, повернул в лес в надежде добыть хоть какого-нибудь зверя.

* * *

– Отец, хунны разбирают завалы на всех трёх направлениях, – склонив голову перед Шангалом, доложил прибывший – его старший сын полководец Ботай.

Пещера, в которой обосновался царь после ухода в южном направлении всех его простолюдинов, была сухой и просторной. В середине пылал очаг. Вокруг, прикрепленные к шероховатым стенам, горели факелы.

– Хвала небесам, духам наших предков, земле и воде! Враг вступает в западню! Сколько их идёт? – спросил царь.

– Много, отец. У каждого из проходов их скопилось почти по сто сотен, – ответил Ботай.

– Вот и хорошо. Всё ли готово у нас для приёма столь важных гостей? – с иронией поинтересовался он, зная, что всё обстоит именно так.

– Да, отец, всё готово у нас. Сто двадцать сотен хаомоваргов и пятьдесят наших сотен скрытно расположились с двух сторон вдоль главного прохода. Два других прохода также охвачены с боков. Там по сто двадцать сотен.

– Извещены ли цари Дассария и Калтаган?

– Я направил к ним гонцов.

– Хорошо, Ботай. Ты всё сделал верно. А теперь оставь меня одного. Скоро я прибуду к главной дороге. Жди меня там.

– Жду, отец, – Ботай склонился и покинул пещеру.

Шангал опустил с походного сиденья на колени, прикрыл глаза и стал что-то нашёптывать, обращаясь к духу горы.

* * *

Хунны продвигались плотными колоннами, оглядывая ближние скалы и внимательно всматриваясь в лесные дебри. День уже родился и предвещал быть ясным и жарким. Нигде не было замечено ни одной живой души. Направляя крупные дозоры в многочисленные пролески, расходившиеся в стороны и непременно приводившие к местам брошенных стоянок, они лишний раз убеждались, что люди, заселявшие их, не так давно покинули эту местность. То, чего хунны добивались всё это время, наконец было достигнуто. Хозяева этой земли отступили вновь. Они, по мнению хуннов, всё-таки не выдержали устроенной им блокады и не сумели устоять перед постоянным натиском, создавшим невероятные неудобства для нормального существования на этой территории, повлекшим за собой совершенно невыносимые и непригодные для жизни условия ввиду отсутствия пастбищ, а стало быть, и пищи. Для хуннов всё складывалось так, как и задумал великий их шаньюй. Теперь им оставалось осмотреть всю округу и после этого подготовить всё необходимое для расселения здесь главенствующего рода люаньди во главе с самим Мотуном. Восхищаясь удивительной природой, столь разнящейся с той, что была всюду кроме этой местности и оставалась за их спинами всего в полудневном переходе, хунны вскоре втянулись в неё последними отрядами.

* * *

– Пора. Начинайте, – всматриваясь вниз сквозь деревья, стоя за скальным выступом на склоне горы, отдал приказ Шангал.

Над его головой на высоте к небу взметнулся столб чёрного дыма. По бокам от всех трёх дорог в одно мгновение, словно откуда-то из-под земли, появились тысячи сакских воинов и, быстро переснаряжая луки, стали осыпать врага стрелами и короткими копьями. Сотни сражённых хуннов с грохотом падали с лошадей. Оказавшись в узких древесных коридорах, зажатые с двух сторон, они не видели своего противника, а главное, не имели никакой возможности ни атаковать его, ни подобраться к нему, ни отойти от него. Началась паника. Всадники завертелись на месте, натыкаясь друг на друга, давя копытами раненых, не предпринимая никаких ответных мер. Задние их отряды развернулись и помчались обратно, но тут же, вылетев из этих лесных теснин, были опрокинуты тьмой стрел, выпущенных в них стоящими на их пути войсками саков.

Небесное светило прошло две трети своего дневного пути, когда хунны были полностью разгромлены. С высоты горных вершин открывались ужасающие виды на три лесные дороги, своими серпантинами очень напоминающими глубокие и извилистые канавы, наполненные людскими и конскими телами, ещё шевелящимися, но уже обречёнными на смерть.

* * *

Четырьмя семитысячными отрядами Дассария одновременно атаковал покинутые почти всеми войсками четыре становища хуннов. Пролетев мимо выставленных в виде заграждений крытых повозок, его воины на полном скаку выпустили по ним подожжённые стрелы. Те запылали, выдавливая из себя скрытых лучников. Теперь некому было удерживать натянутые между горящими повозками цепи, и они, звеня, попадали на землю. Саки хлынули в проходы, рубя бегущих людей, устремляясь к жилищам хуннов. Они не стали заходить вглубь селений и закружили по их окраинам, поджигая юрты запалёнными стрелами и забрасывая их факелами.

* * *

Юный царь Даввий стоял на отведённом Дассарией месте, ограждая его полумесяцем с севера на восток. Его дальней разведкой не было замечено даже вражеских дозоров. За его спиной горели стойбища хуннов. Вскоре к нему от Дассарии прибыл гонец и передал веление срочно отходить на прежние позиции. Даввий повернул войска на юг и в спешном порядке двинулся обратно, видя, что царь Дассария ведёт своих людей туда же между ним и лесом.

* * *

Воины правителей Шангала и Калтагана на заранее приготовленных конных волокушах стаскивали тела убитых хуннов и лошадей за пределы лесной зоны и вперемешку с хворостом, валежником и скошенной сухой травой сбрасывали их в глубокие расщелины, где предавали огню. Далеко за полночь при свете костров все проходы были вновь завалены брёвнами и камнями, за которыми расположились отряды лучников. Лагерь погрузился в сон.

* * *

Муццуй весь день провёл в поисках добычи, но, кроме волчьих следов, ничего не обнаружил. Уставший и голодный, он немного отдохнул и в сумерках направился к своему становищу. Глубокой ночью он приблизился к веренице повозок. То, что возле них не горело ни одного костра, он заметил только когда подъехал вплотную. Всё его внимание поначалу было приковано к селению, откуда почему-то доносился запах гари, но огней там не было видно. Теперь же, сойдя с коня и коснувшись рукой колеса одной из повозок, он понял, что она почти сожжена. Пройдя к соседним повозкам, он убедился и в их подобном состоянии. За ними он обнаружил лежащие на земле человеческие тела. Сердце охотника дрогнуло. Душа его сжалась в предчувствии большой беды. Он вёл коня к чернеющему в ночи селению, не желая думать о самом худшем, возможно, случившемся там, но страшные мысли о гибели всех его обитателей назойливо лезли в голову, постепенно заполняя всё нутро множеством

смешавшихся горьких ощущений: обидой, злобой, постепенно гаснущим неверием и уже даже отчаянием. Юрты сгорели дотла. Всюду он наткался на лежащие тела убитых людей. Густой слой копоти покрывал всю территорию селения: и землю, и всё, что находилось на ней, при каждом малейшем дуновении ветерка хлопьями разлетаясь по окрестностям, наполняя воздух кислым удушливым запахом чада. Муццуй остановился посреди главной площади, чутко прислушиваясь к тишине в надежде уловить хоть чей-то голос.

* * *

Шаньюй Мотун уже знал о гибели тридцати тысяч воинов, попавших в западню, и о потере четырёх стойбищ, сожжённых врагом.

Старики, женщины и дети, покинувшие эти стойбища с самого момента сообщения им дозорными о появлении конницы противника, сумели остаться незамеченными, скрывшись группами в окрестных пролесках и ложбинах, и были найдены направленными к ним отрядами.

До сведения Мотуна также было доведено, что воинами в одном из этих становищ был встречен Муццуй. Догадываясь, что тот, являясь звероловом, отсутствовал в селении во время ночного вражеского набега, шаньюй не придавал этому факту какого-то особого значения, но очень скоро одно из доверенных ему лиц донесло до него довольно странную весть.

При купании охотника Муццуя в реке им было замечено, что его спина исполосована, причём раны были свежими и очень напоминали собой следы от ударов плетью, кроме того, на его лице имелся свежий рубец.

Такого просто не могло быть, ведь никто не смел не только прикасаться к нему, но даже задавать ему вполне безобидные вопросы.

Мотун, несмотря на большую занятость важными делами, связанными с готовящимся наказанием за столь дерзкое нападение на лагерь, всё же был очень удивлён таким сообщением и повелел пригласить к нему Муццуя.

После устроенной трапезы, к которой Муццуй не прикоснулся, шаньюй поинтересовался у него о самочувствии, на что тот скупой поблагодарил его за внимание и, ничего больше не сказав, молча кивнул, давая понять, что с ним всё в порядке, чем вверх властителя в недоумение, почти граничащее с недоверием.

– Послушай, Муццуй, ты ни о чём не желаешь мне поведать? Может, тебе что-нибудь нужно? – не то спросил, не то предложил Мотун.

– Нет, великий шаньюй. Благодарю, – сдержанно и скромно произнёс охотник.

– Муццуй, ты однажды спас мне жизнь. В знак благодарности я наделил тебя исключительным правом неподчинения никому, освободил от пошлин и запретил всем чинить тебе какие-либо препятствия и задавать вопросы. К этим всем я отнёс и себя. Поэтому я не хочу нарушать своего же веления, но то, что интересует меня, очень важно. Мы потеряли слишком много людей. Врагу удалось заманить наше большое войско в западню и сжечь дотла четыре наших стойбища. Только чудом остались в живых старики, женщины и дети. Ты можешь рассказать мне о том, где ты был всё это время, чем занимался и что видел? Поверь мне, если ты не захочешь этого делать, то заставить тебя я не могу, – искренне обратился к нему Мотун.

– Великий шаньюй, в те дни я выслеживал в лесах медведя. Он оставил следы, но ушёл. Там есть только волки, – пожал плечами Муццуй и замолчал.

– Ну что ж, воля твоя, – Мотун поднялся, завершив общение. Муццуй вскочил на ноги, склонился и покинул юрту.

«Почему он молчит об увечьях? Кто мог нанести ему их? Он всё понял, но ничего не прояснил. Не помог мне. Что такого он скрывает, что даже мне не может об этом сказать? Его не было несколько дней. В стычке с отрядом противника пропал один дозорный воин. После этого случая все мои южные стойбища были атакованы вражьими войсками, причём это было совершенно одновременно и очень точно. Откуда у них сведения о местонахождении этих становищ? Тот воин так и не вернулся, а Муццуй появился в сожжённом селении. Всё бы ничего: он охотник

и был на промысле. Но откуда раны на его спине? К тому же это его упорное и оттого сомнительное молчание. Что-то здесь нечисто. Так не ведут себя люди, которым нечего скрывать. Значит, он чувствует свою вину. В глаза мне не смотрел сегодня. Не нравится мне всё это», – впервые Мотун думал плохо о человеке, спасшем ему жизнь.

Ему было неприятно и даже мерзко от этих возникших внезапно мыслей, но не учитывать появившихся странных совпадений он не мог. Слишком дорого пришлось заплатить ему за допущенные всего за один день ошибки. Он хлопнул в ладони. В юрту вбежал начальник его личной охраны.

– Вот что, Тай-Да. Ночью возьми под стражу охотника Муццуя. Сделай это скрытно и тихо. Держи его в его же юрте либо подальше от посторонних глаз. Узнай от него обо всём, что он делал и где провёл все эти последние дни. Попыткам не подвергай, – повелел ему Мотун.

– Но, великий шаньюй, прости меня, я не могу поступить с ним так, ведь вольный охотник неприкосновенен и... – начал было военачальник.

– Я лишаю его этого права для твоих вопросов, но только на один день. Ты понял меня? У тебя есть только один день. Ступай, – отдал приказ Мотун.

По тому, как он с досадой махнул рукой и покачал головой, было видно, что он недоволен своим решением и только крайняя необходимость заставила его сделать это. Оставшись один, шаньюй задумчиво присел к очагу.

* * *

В полночь, когда к нему в старую юрту вошёл начальник личной охраны шаньюя, Муццуй не удивился его появлению. Он понимал всё и ждал его прихода. Он знал, что нужно этому человеку и чего он будет добиваться от него, исполняя волю самого правителя, и поэтому был готов ко всему, и даже к самому худшему для себя. Ситуация, в которую он угодил, была поистине нелепой. С одной стороны, он действительно был пленён, но выдержал все пытки, учинённые ему, так и не сказав врагу

ничего. Казалось бы, об этом ему можно было открыто поведать правителю без опаски быть непонятым им. Но, с другой стороны, он остался в живых и вернулся обратно, а в это время враг нанёс точные удары по стойбищам. Следовательно, возникали два вполне резонных вопроса к нему: откуда враг узнал такие важные сведения и не от него ли? При таких сомнительных в отношении себя обстоятельствах он не имел никаких доказательств, указывающих на его невиновность, а стало быть, все подозрения падали на него.

Только сейчас Муццуй осознал в полной мере, в какое сложное и почти безвыходное положение он попал. Больно терзало душу недоверие, выраженное ему шаньюем. Об этом свидетельствовал поздний визит его человека. Даже то, как он был отпущен из плена, теперь было явно против него. Признайся он в этом и скажи, как всё было на самом деле, никто бы не поверил ни единому его слову, и, более того, все окончательно убедились бы в его измене. Он ломал голову над одним из самых трудных вопросов, так внезапно вставших перед ним: «Что делать?» Единственный ответ, к которому он приходил всё время, был таков, что не заключал в себе глупое отрицание своей вины, что звучало бы как жалкое оправдание или, того хуже, как обман, а зиждился на простом молчании, пусть и не проясняющим ничего, но и не ведущим ко лжи. Вспомни он об умершем рядом с ним человеке при нахождении в лагере противника, он бы, возможно, догадался о его предательстве, но, к своему великому сожалению, он совсем забыл о нём, с головой окунувшись в круговерть нахлынувших событий. Ни на один вопрос начальника охраны правителя он так и не ответил, молча сидя перед ним, потупив взор, погрузившись в тяжёлые мысли о своём отныне неизвестном будущем.

– Муццуй, в связи с твоим непонятным поведением у великого шаньюя возникает множество вопросов к тебе. Ты же сам ведёшь себя так, что невольно порождаешь повод для усомнения в твоей честности, особенно в нынешней твоей благонадежности. Скажи мне, что вдруг случилось с тобой? Конечно, ты обладаешь правом молчания. Никто не посягает на него. Но ты,

видимо, совсем запамятовал о том, что у нашего властителя есть обязанность знать всё, что происходит среди его народа, и она является для него первостепенной. Как быть?

И на этот последний вопрос военачальника охотник не ответил ничего.

– Что ж, раз так, тогда сам предстань перед ним и поступай как тебе хочется, – тот встал, закончив допрос.

* * *

– Ложь, Муццуй, появляется и процветает только там, где существует постоянное и тесное человеческое общение. Но ты ведь нелюдим, твоя жизнь протекает в одиночестве и полном уединении. По этой причине, я полагаю, для тебя должны быть чужды обман и лукавство. Моя вера в то, что ты один из тех немногих людей, кто пока не подвергся этим человеческим порокам и остался свободным от них, до сих пор была непоколебима. Убеждённого в правоте своего молчания победить почти невозможно, но он может и многое потерять, так как о его потаённых устремлениях, даже пусть и благих, не знает никто, кроме него. Есть ли в этом польза? Ни один человек не может увидеть и познать весь мир. Меньшую часть его созерцает и ощущает он сам, но всё остальное, если доведётся, он понимает и осознаёт посредством чувств и повествований других людей. Именно через них в большинстве случаев каждый из нас находит своё предназначение и однажды испытывает свою значимость. Всегда и везде нужно быть благодарным всем тем, кто помог тебе раскрыть твои возможности. Я не имею желания ни обидеть тебя, ни причинить тебе зло, но ты сам впервые поселил в моей душе неверие к тебе. Своим упорным молчанием ты вводишь меня в заблуждение, не проявляя даже ничтожных попыток прояснить ситуацию, связанную с тобой. Но самое главное и неприятное для меня кроется в том, что ты не считаешь нужным относиться уважительно к моему доверию, не говоря уже о твоём непочтении к моему достоинству. Думаю, я не заслужил всего этого. Всепрощение во все времена обильно возрастало на слабости духа и безволии правителей и обязательно приводило к большей

беде в их владениях. Я предоставил тебе возможность правдиво объясниться, но твоё молчание вознесено тобою выше предела моего терпения, и я вынужден принять решение относительно тебя. Отныне ты, Муццуй, больше не находишься под моей властью. Уходи и не появляйся ни в одном из моих стойбищ, – в сердцах произнёс шаньюй Мотун, пристально смотря на уже бывшего любимчика. Но тот, как прежде, продолжая молчать, так и не подняв глаз, покинул его юрту.

В один миг охотник Муццуй, обладавший небывалым покровительством властителя, позволявшим ему как никому другому из простых смертных хуннов быть абсолютно свободным, лишился даже самого малого, что имел каждый из его сородичей. Забрав всё оружие и одежду, в этот же день он удалился из селения.

* * *

Прошло десять дней после учинённого саками разгрома войск хуннов в устроенной западне. Первая одержанная победа подняла дух воинов, вселяя в них надежду на скорое освобождение захваченных врагом земель. Они уже рвались в сражение с ним, нетерпеливо поглядывая на своих полководцев. Окрылённые успехом, их цари понимали, что повторения того, что они сумели сделать, больше не будет. Они вновь, собравшись в ставке Дассарии, определялись в дальнейшем своём поведении и, как прежде, решали ставший по-новому вопрос: как быть дальше?

В самый разгар совета в главный шатёр вошёл вождь Чардад и сообщил, что дальними дозорами замечены крупные отряды противника. На вопрос Дассарии о принятых мерах по уточнению этих сведений тот ответил, что туда направлены несколько сотен воинов и он ожидает точных подробностей. Чардад ещё не успел договорить, как вдруг появился Тимей и доложил о приближающихся к ним двух армиях хуннов, одна из которых шла прямо на позиции массагетов, другая – в направлении лагерей Даввия. Также он поведал, что ещё одна их армия расположилась у земель царя Шангала. Весть, хоть и была ожидаемой, но всё же потрясла всех присутствующих властителей.

– Они жаждут скорого отмщения за понесённые потери и только поэтому идут в открытое сражение, желая наказать нас за одержанную нами победу. Думаю, шаньюй хуннов не стал больше отсиживаться в становищах и решил, наконец, перейти в наступление. Нам всем нужно немедленно выступить ему навстречу, – Дассария обвёл взглядом царей.

– Да будет так! Я отбываю к войскам и жду твоих велений, Дассария, – первым высказался Шангал и покинул шатёр.

Вслед за ним удалился Даввий. Калтаган остался и вызвал своего полководца.

* * *

Шаньюй Мотун, отодвинув все свои становища на север, тремя армиями двинулся на врага. Его левое крыло, состоящее из тридцати тысяч воинов, встало напротив той гористо-лесистой местности, где в страшной западне погибли почти все его войска из четырёх западных стойбищ. Сам же шаньюй возглавил пятидесятитысячную армию и повёл её прямо на юг.

Восточное сорокатысячное крыло под командованием Куту сянь-вана продвигалось справа от него на небольшом отдалении. Многочисленные лазутчики и дозорные постоянно оповещали правителя обо всём, что творилось на пути. Ближе к вечеру от них он узнал, что перед ним и Куту не遠деке уже находится противник.

Разбив лагеря, подтягивая в них все свои тысячи, Мотун приготовился к предстоящему утру всеобщему наступлению, приказав полководцам к этому времени развернуть армии по равнинам в полном боевом порядке, разместив в самом центре всю тяжёлую кавалерию.

* * *

Срочно направив в свою ставку сопровождавшего его полководца, повелев ему оставить у Шангала сто сотен и с остальными спешно прибыть к царю Дассарии, Калтаган, не имея другого выхода, стал ждать его возвращения, сильно переживая, что тот не успеет подойти к рассвету.

Дассария отдал приказ Чардаду отбыть с пятитысячным отрядом к царю Даввию с целью помочь и поддержать его в предстоящем сражении.

* * *

На заре воины Дассарии и Даввия посотенно выстроились на равнине, издали рассматривая стоящих перед ними хуннов. Войска Калтагана ещё не прибыли. Равные по численности армии противников замерли на своих исходных позициях в ожидании команд властителей, растянувшись в линию почти по всей огромной территории равнины. Шаньюй Мотун и царь Дассария расположились позади своих войск на небольших возвышенностях, каждый держа при себе отряды личной гвардии.

Первой двинулась тяжёлая кавалерия хуннов. Лавина сакской лёгкой конницы устремила к ней навстречу. Сблизившись на расстояние полёта стрелы, саки стали расстреливать её из луков, тут же рассыпаясь перед ней в стороны, откатываясь и вновь нанося дальний удар. Кавалерия хуннов плотными сомкнутыми рядами быстро надвигалась на центр неподвижно стоящих основных сакских сил. Следуя в строгом соответствии с указаниями Дассарии, те выжидали её приближения до самого последнего момента, и когда между ними оставалась всего лишь пара сотен шагов, они отступили, разделились надвое, разлетелись в стороны, пропуская противника дальше и смыкаясь за ним.

Всю свою тяжёлую кавалерию Дассария расположил на правом фланге массагетов, ближе к Даввию, и тут же совместно с его войсками двинул её на врага, желая опрокинуть его левое крыло. Мотун, видя всё происходящее на равнине, оценив манёвры противника, ввёл в битву обе армии. Только теперь началось самое настоящее сражение, вмиг перешедшее от угрозы столкновения на расстоянии в ближний бой. Тяжёлая кавалерия хуннов, стремительно проскочив открывшееся перед ней пространство, оказавшись в тылу у врага, остановилась, развернулась, перестроилась клином и стала пробиваться обратно, рассчитывая на прорыв к своим лёгким конницам.

Наступил полдень. Ни одна из сторон не имела преимуществ. Битва продолжалась с переменным успехом. Вскоре саки получили подкрепление. Подошли войска хаомоваргов и во главе с царём Калтаганом вступили в сражение на левом фланге массагетов. Натиск саков заметно усилился, но уже через некоторое время к хуннам с запада также подошла вызванная шаньюем подмога, и силы вновь стали равны. С наступлением сумерек противники отошли на свои позиции.

Следующий день не принёс перевеса ни сакам, ни хуннам. К вечеру их поредевшие армии разошлись на отдых. Всё поле сражения было залито кровью и покрыто телами убитых людей и животных, между которыми находилось огромное количество ещё живых, истерзанных, израненных воинов и изувеченных лошадей. Но с каждым мгновением их оставалось всё меньше и меньше. Сильные боли от полученных ран, потеря крови, невероятные страдания от испепеляющей дневной жары и пронизывающего до костей ночного холода да к тому же страшные муки, испытываемые от нестерпимой жажды, отнимали у них последние силы, нещадно выдавливая из них остатки жизни.

Утром третьего дня противники вновь выстроились на равнине. Никто из них не решался первым начать наступление. Уставшие воины уже не смотрели в сторону друг друга. Всё их внимание было приковано к грудам убитых, заполонивших собой обширное пространство между их армиями, значительно расширившееся за минувший день и оттого казавшееся теперь ещё больше.

Шло время, но никто из них так и не двинулся с места. Противостояние зашло в тупик. Атаковать напрямую ни у кого из них не было возможности. Мешали непроходимые завалы из тел поверженных воинов и лошадей. Обходить их они не собирались. Покинуть позицию для каждого из них означало помимо лишних затрат усилий ещё и потерю определённого преимущества.

Хунны, так и не сумевшие применить во всех прошедших сражениях свою излюбленную тактику, были вымотаны до изнеможения. Они с трудом держались в сёдлах. Саки, более

привыкшие к такой тактике ведения боя, хоть и были готовы к продолжению битвы, но также тяготились её изнуряющей длительностью и испытывали не меньшую усталость. Массажеты оценили по достоинству все удобства перенятых у хуннских воинов подножников и лёгких мечей с кривыми полотнами клинков. Благодаря этим новшествам им удавалось чувствовать себя значительно бодрее по сравнению с собратьями из других племён.

Новый день, к всеобщему огорчению, зарождался как никогда знойным и совершенно безветренным, отчего люди уже с самого утра всё чаще стали прикладываться к сосудам с водой, быстро слабея с каждым глотком. В какой-то момент саки заметили, что в рядах хуннов началось активное движение. Их тяжёлая кавалерия вместе с прибывшим последним подкреплением, стоявшим на правом фланге, стала вдруг отходить. Пройдя небольшое расстояние, они развернулись и замерли. После этого стала отступать и их центральная группа войск с шаньюем Мотуном, и армия Куту сянь-вана. Так, поочерёдно создавая заслон парными частями, постоянно сменяясь и готовясь к отражению нападения, хунны удалились, исчезнув в дрожащем над землёй мареве.

* * *

Три дня стояли саки в своих лагерях, рассылая лазутчиков в захваченные хуннами земли. Те ушли к своим отдалёвшимся стойбищам, создав новые рубежи.

Шангал вернул часть своих пастбищ, расположенных на севере от него, и расселил там несколько племён. Оставив крупные дозорные отряды, армии Дассарии, Калтагана и Даввия двинулись к своим селениям.

Г Л А В А Ч Е Т В Ъ Р Т А Я

Ш

Шёл девятнадцатый день, как Муццуй продвигался в северо-восточном направлении, оставив далеко за спиной местность, где находилась ставка шаньюя Мотуна. Спешить ему было некуда. Завидев на своём пути стойбища сородичей, он медленно объезжал их, часто останавливаясь и подолгу всматриваясь в них, вбирая в себя знакомые запахи, с интересом наблюдая за всем, что там творилось, внимательно следя за женщинами, суетсящими у казанов, что висели над кострами на треногах, с улыбкой глядя на детишек, с визгом проносившихся между жилищ, за которыми, громко лая, бежали своры собак. В такие мгновения он напрочь забывал и о своём одиночестве, и о том, что он с некоторых пор отлучён от жизни среди своего народа, и о том, что он уже никогда не сможет вернуться в своё родное селение после долгого отсутствия на охоте. Воины ближних дозоров, заметив его, замирали, не смея приближаться к нему, молча провожая его настороженными взглядами.

Он любовался огромными табунами лошадей, что паслись под охраной в отдалениях от становищ. Ему очень нравилось созерцать их на закате, когда они, поднимая клубы пыли, источая жар, растягивались в могучем беге, нескончаемым потоком направляясь на водопой. Такое зрелище всегда захватывало его дух. Он восхищался чистой необузданной дикой силой, исходящей от этих красивых, благородных и преданных животных. При виде мчащихся табунов он сходил со своего жеребца. Тот

наострял уши, задира́л верхнюю губу, издавая тихое ржание и, не сводя с них своих призывных глаз, начинал нетерпеливо топтаться на месте, часто и возбуждённо перебирая копытами, готовый вырваться из рук хозяина и тут же присоединиться к ним. Муццуй понятиливо обнимал его за шею и мягким поглаживанием по гриве и голове успокаивал. Именно в такие моменты он вспоминал, что и его верный конь, и он сам обречены на вечное скитание, бесприютное и отчуждённое. В душе он больше жалел своего друга, нежели себя, понимая, что тот не заслуживает такой горькой судьбы и совершенно не повинен в постигшем его наказании. Дабы лишний раз не тревожить ни его, ни свою душу, Муццуй однажды перестал приближаться к стойбищам, и особенно к тем местам, где могли появиться табуны, по возможности загодя обходя и быстрее отдаляясь от них.

С наступлением вечера он останавливался на ночлег у какого-нибудь источника воды, рассёдлывал коня, поил и купал, после чего стреноживал и отпускал пастись. Готовя на костре добытую за день дичь, он поначалу предавался разным тяжёлым думам, связанным с постигшей его участью, но шло время, и им он стал предпочитать приятные воспоминания о прошлой жизни. Первые несколько дней после того как он покинул ставку шаньюя, его переполняли обида и злость. Тогда он даже не мог разобраться в том, к кому они больше относились: к себе ли, не сумевшему как следует объяснить властителю всё случившееся, или к шаньюю, не проявившему должного терпения и поступившему с ним таким несправедливым и жестоким образом. В конце концов, поставив себя на его место, он окончательно осознал, что в той сложной ситуации прав был всё-таки шаньюй. Муццуй также понял и то, что властитель отнёсся к нему довольно снисходительно и обошёлся с ним весьма по-человечески, сохранив ему жизнь, хотя всё было предрасположено совсем к иному, более страшному завершению. Не зная куда податься, он провёл два дня в лесу, недалеко от главного стойбища, в надежде, что властитель изменит принятое решение и пошлёт за ним, но этого, к великому сожалению, не произошло. Тогда он тронулся в путь, намереваясь достичь родимых земель и там попытаться начать

жить по-новому, пусть в одиночестве, но у могил своих предков. Так и промелькнуло девятнадцать дней.

Сегодня он сидел у костра, стараясь не думать о предстоящих тяготах дальней дороги, вспоминая многое из своего прошлого: и уснувших добрых родителей, по которым скучал как никогда в жизни, и своё беззаботное короткое детство, ставшее теперь таким далёким, словно не было явью, а всего лишь приснилось ему, и первый самостоятельный выход на охоту, когда сумел добыть первого зверя, коим оказался большой, но старый медведь. Узкая, неглубокая тихая речка протекала всего в нескольких шагах от него, отражая своей плавной гладью блёклые отсветы от пока ещё тусклых звёзд, редкой россыпью народившихся на небосводе. С наступлением прохладных сумерек огонь стал казаться менее жарким и более ярким. Муццуй поднялся, накинул на плечи свою любимую тяжёлую накидку из хорошо выделанной медвежьей шкуры, придвинул к костру брошенную на землю подстилку из овчины, опустился на неё, подтянул под локоть седло и вытянул к теплу босые ноги. Конь пощипывал невдалеке прибрежную траву, лениво лягаясь и отгоняя длинным хвостом надоедливых слепней. Изредка он поднимал голову, тихо всхрапывал и поглядывал в сторону хозяина блестящими глазами. «Ничего, потерпи, скоро утомонятся кровососы», – посмотрев на него, подумал Муццуй, поправил седло, прилёг удобнее и задремал.

Ему стали сниться какие-то люди. Они то приближались к нему, заглядывая в лицо и что-то говоря, то отдалялись, размахивая руками. Он чувствовал, что они чего-то хотели, но никак не мог понять, чего именно. Никто из них ничего внятного не произносил. До его слуха доносилось лишь какое-то общее бормотание. Он растерянно стоял среди них, будто был глухой. В какой-то миг они все замолчали и расступились, кого-то пропуская в его сторону. Довольно рослый человек, почему-то закутанный с головой в длинный чёрный плащ, медленно приблизился к нему и замер.

– Кто ты? Что вам всем нужно от меня? – хотел спросить его Муццуй, но язык не подчинялся ему, словно онемел.

Человек высунул руку из плаща. Она была какой-то неестественно белой. Он поднял её к своей голове и резко опустил, открыв лицо. Это был сам шаньюй Мотун. Муццуй хотел было опуститься на колени и приветствовать его, но ни тело, ни руки, ни ноги не слушались его. Он не знал, как подать ему хоть какой-нибудь знак и объяснить ему, что не может даже пальцем пошевелить. Обида на своё бессилие наполнила всю его душу.

«Надо же, разве такое может случиться с живым человеком? Я ведь в сознании, но почему я ощущаю только свою душу и больше ничего?! Во мне всё отказалось от меня. Какой ужас! Может быть, я умер?!» – промелькнула обжигающая мысль.

От досады он хотел закрыть глаза и не видеть властителя, но и веки уже были чужими и не подчинялись его воле.

«Ну дела! Что это со мной происходит? Выходит, он не отпустил меня, а казнил! Меня нет. Просто это он вспомнил обо мне. А как же вся эта дорога, по которой я шёл все эти дни, чтобы добраться до могил моих родителей? Её что, тоже не было? Или это со мной осталось последнее желание, когда я умер?» – судорожно размышлял Муццуй.

Тем временем всё вокруг погрузилось во мрак.

«Нет, Муццуй. Я не убивал тебя. Ты жив. И дорога твоя также стелется перед тобой. Но ты избрал не тот путь. Я хочу верить тебе как прежде, но ты должен доказать мне, что ты не повинен в гибели собратьев. Я жду тебя с доброй вестью и готов всё исправить, но это уже зависит только от тебя», – вдруг очень отчётливо услышал Муццуй голос шаньюя.

«Прошу тебя, великий шаньюй, если можешь, прости меня за молчание. Я говорю тебе чистую правду и действительно не виноват ни в чём ни перед тобой, ни перед собратьями, принявшими лютую смерть. Но я, к сожалению, никак не могу доказать это и не знаю, как теперь быть», – мысленно произнёс он, не видя никого в кромешной темноте.

«Я ничем не могу тебе помочь. Только ты сам способен сделать это для своего же блага», – вновь прозвучал голос шаньюя.

«Но как?!» – вырвалось с болью и отчаянием из души Муццуя.

«Сынок, вспомни всё. Быть может, ты кого-то забыл, кто больше других способен прийти к тебе на помощь. Главное – не сомневайся, великий шаньюй не отрёкся от тебя. Он ждёт», – неожиданно прозвучал голос его матери.

Муццуй проснулся. Он лежал уже на животе. Сердце разрывало грудь бешеным стуком. Откинувшись на бок, он с облегчением вздохнул, мотнул несколько раз головой, пошевелил затёкшими руками, убеждаясь в их послушности, затем поднялся, размял ноги и, пошатываясь, побрёл к реке. Вода окончательно привела его в чувство.

Стояла глубокая ночь. Жеребец по-прежнему пасся невдалеке. Костёр почти прогорел. Бросив в него охапку сухого валежника, Муццуй опустил на место.

– Мама, о ком ты хотела сказать мне? Кто может помочь мне вернуть моё доброе имя? Кто? – прошептал он, обхватив голову руками.

«Женщина», – внезапно услышал он её голос. Вскочив, он оглянулся по сторонам. Вокруг никого не было.

– Какая ещё женщина?! – не веря в то, что не ослышался, тихо произнёс он.

«Да что со мной творится?! Ещё не хватало, чтобы я лишился разума. Видимо, я просто очень устал. Нужно поспать. Потом станет легче. Разум – что это такое? Наверное, это нечто общее для всех людей, от которого каждый отщипывает ровно столько, сколько способен понять», – укутываясь в накидку, подумал он, лёг и закрыл глаза.

Взбудораженное сознание ещё долго сопротивлялось сну, но всё-таки, в какой-то миг утомившись, сдалось.

Наутро он пробудился отдохнувшим.

Доев остатки мяса, он стал седлать коня, но когда решил набрать с собой воды и взял кожаный мешочек с сосудом, что отдала ему его спасительница во вражьем стане, он вспомнил слова матери, что услышал ночью.

«Мама, так вот о какой женщине ты хотела сказать мне! – осенило его. – Верно. Ведь только она знает всю правду! Благодарю тебя, мама».

С первыми лучами светила Муццуй повернул на юг. Он уверенно вёл коня, зная, что где-то там, вдали, в обличии молодой красивой женщины-чужеземки живёт человек, когда-то спасший его тело, а теперь способный уберечь и его душу. Он не думал о том, как ему удастся встретиться с ней. Не имея за собой греха перед ней и её народом, он просто верил, что это обязательно должно случиться.

* * *

В сакской земле уже прошли дни поминания погибших полководцев и воинов. Всюду воцарялась мирная жизнь. Дозоры на рубежах с хуннами, ставшими новыми северными соседями, сменялись в установленном порядке и не приносили тревожных вестей. Цари и вожди смирились на время с их присутствием в своих некогда исконных и обетованных землях. Следовало восполнить понесённые потери, подготовить пополнение из числа новобранцев. На всё это нужно было время.

Дассария лично объезжал селения своих племён, общался с мирянами, поднимал дух воинам, посещал семьи, в которых случились утраты, проявляя заботу о них, занимался отбором юношей в войска.

Тимей, как всегда, осматривал южные границы, следуя от гарнизона к гарнизону, интересуясь всем, что произошло за время его отсутствия. В свою очередь, везде, где он появлялся, его подробно расспрашивали и о прошедших сражениях, и о хуннах, и о дальнейших планах относительно захватчиков. Тафуц, пережившая эту войну вместе с ним, по его просьбе осталась в ставке, ожидая его возвращения, отдыхая и занимаясь обычными делами. По прибытию в главное селение Тимей сразу навестил брата и доложил ему о состоянии южных войск. Пригласив вождя Чардада и вместе с ним обсудив все назревшие дела и вопросы, они приступили к вечерней трапезе, после завершения которой Чардад покинул их общество. Оставшись наедине с Тимеем, Дассария долго и задумчиво смотрел на огонь очага, затем взглянул на него как-то загадочно, улыбнулся и спросил:

– Как Тафуц? Надеюсь, её пребывание в походе и жизнь в лагерях не сказались плохо на её здоровье?

– У неё всё хорошо. Немного уставала поначалу, но уже отдохнула и набралась сил, – Тимей охотно ответил брату.

– Вам нужно быть вместе по-настоящему. Жить в одном шатре, плодить детей себе и мне на радость. Семья есть семья, Тимей. Ты что-то молчишь, не затеваешь бесед по этому поводу. Я жду от тебя радостной вести. Когда ты сообщишь мне такую новость? Может, что-то не так у вас? Ты поведай мне. Обсудим, подумаем вместе. Что скажешь? Когда устроим празднования в вашу честь? – Дассария был серьёзен.

– Так ведь война, Дассария. Не до того. Столько смертей, крови и горя. Душа не на месте. Вот наступит мирная жизнь, тогда и решусь. Пойми меня правильно. Не хочу давать повода для лишних разговоров и всяких толков. Хотя я давно живу на этой земле, и этот народ, прежде только твой, стал однажды и моим, но все помнят и знают, каких я кровей. К тому же и Тафуц не массагетская женщина. Не могу не считаться с тем, как истолкуют и воспримут моё поведение люди. Вот я и думаю, что не пришло ещё время для празднеств, – Тимей высказал сокровенное.

– Ты прав, Тимей, идёт война, и неизвестно, когда она закончится. Но в ожидании её завершения может пройти вся наша жизнь. Я согласен с тобой, много уже случилось утрат. Возможно, нам предстоят ещё большие потери. С этим нужно считаться, но всё это тоже часть жизни, и она не должна мешать человеку ощущать семейное счастье и испытывать радость отцовства и материнства. Детями процветает земля. В них будущность народа. Если их нет, то для чего мы живём, воюем, творим? Теряется суть всех этих действий. Получается так, что они изначально уже обречены на бессмысленность. Без создания семьи и без появления на свет младенцев обесценивается каждый прожитый день. Поверь мне, это так. Твоё уважение к мнению людей, живущих рядом с тобой, и есть свидетельство того, что ты стал одним из них. Во мне тоже течёт смешанная кровь, но несмотря на это, я правлю чистокровными саками, и ни один из них ещё не упрекнул меня в том, что мои предки отчасти были

инородцами. Так стоит ли думать о том, что ты не будешь понятым? Полагаю, нет. Всему своё время. У каждого человека своя судьба. Вот что даёт право ему поступать так, как подсказывает его душа. Я не настаиваю на своём предложении, а всего лишь считаю своим братским долгом выразить тебе своё мнение. Мудрецы говорят, что причиной смерти всегда является жизнь. Но война не повод для отречения от себя, от своих чувств и ощущений. Я желаю вам с Тафуц долгой и счастливой жизни и очень жду вашего первенца. Хочу наравне с вами заботиться о нём, как и о своём потомке, – Дассария душевно тронул Тимея за плечо.

– Прости, Дассария. Я невольно напомнил тебе о прошлом и причинил боль. Мне дорого всё, что связано с тобой. Я чту память об Усанне. Всё, что ты сказал, останется во мне навсегда. Я понял тебя и очень благодарен за доброе сердце и благородную душу. Обещаю тебе, что очень скоро приму решение и сообщу о нём. А своего первого малыша я обязательно отдам тебе, даже если он будет у меня единственным, – тронутый отношением брата и всем сказанным им, сердечно произнёс Тимей.

В этот вечер они ещё долго вели беседы, впервые со времени начала войны оставшись вдвоём.

* * *

– Взгляни вон туда. Кажется, там кто-то есть или мне привиделось? – поднялся с места молодой воин, всматриваясь в сторону холма, чернеющего на фоне звёздного неба в небольшом отдалении от заросшей кустарником ложбины.

– Где? – вскочил второй воин, вглядываясь в темноту.

– Да вот уже и не вижу, – с сомнением в голосе протянул первый.

– Ну-ка, разбуди сотника. Подними всех. Только тихо. Пусть не шумят, – опрокинув котёл с водой на костёр, прошептал второй.

Один из дальних дозоров массагетов расположился на ночлег в урочище у родника. Их сотенный отряд находился на северных рубежах своих земель, что с некоторых пор граничили с хуннами. Ежедневно осматривая отведённые для них участки,

проходя большие расстояния, при этом постоянно держа связь с соседними дозорами, воины за день сильно утомлялись и с наступлением ночи, подобрав удобное место, поев и выставив сменные караулы, дорожа каждым мгновением, тут же погружались в сон, восстанавливая силы для следующего дня. Быстро поднявшись по тревоге, дозорные оседлали лошадей и затаились в зарослях, ожидая команды сотника. Тот с двумя караульными, проявившими бдительность, решил осмотреть окрестности холма. Как только они втроём выбрались из ложбины, тут же увидели перед собой одинокого всадника, неподвижно стоящего в нескольких шагах от них. Заметив их, он спешился, но не пошёл к ним.

– Эй, ты кто? – подал голос сотник.

Человек молчал.

– Ну-ка, приведите его сюда, – повелел сотник.

Воины подбежали к незнакомцу, наставили на него копья и повели к сотнику. Из-за царящей темноты невозможно было рассмотреть его лицо, но то, что это был мужчина высокого роста, стало заметно при его приближении.

– Пусть проверят ту сторону, откуда он появился. Запалите костёр, – не сводя глаз с подведённого человека, повелел сотник.

Вскоре десятник со своими людьми умчался к холму. Захватив лошадь чужака, кто-то из воинов исчез в зарослях. Ещё несколько воинов встали вокруг поляны. Вспыхнувший огонь наконец осветил незнакомца. Сотник обошёл его, с недоумением оглядывая одеяние, не понимая, кто он.

– Здоров же ты, ничего не скажешь! Прямо как медведь. Да и накидка на тебе вроде как из медвежьей шкуры. На нашего не похож. Хунн, что ли? Чего молчишь? Или онемел от страха? – незлобиво произнёс он.

Слышавшие его слова воины дружно рассмеялись.

– Может, он не в себе? Ну-ка, снимите с него накидку и шлем. Глянем, каков он без них, – повелел сотник.

– Точно, хунн, – осмотрев его со всех сторон, он утвердительно кивнул.

Вернулся десятник и сообщил, что больше никого в округе нет.

– Чего это он забрёл сюда? И спросить его не спросишь. Не поймёт ведь. Отдайте ему всё, пусть оденется. Холодно, ещё околеет. Руки покрепче ему свяжите. Утром сопроводи его к самому Царе, вдруг пригодится для какого-нибудь дела, – сотник обратился к стоявшему рядом десятнику.

Тот склонил голову. Чужака увели.

– Интересно, что он тут делал? Эй, несите к огню все его вещи! Что там нашли? – крикнул сотник.

К нему подбежали два воина и положили на землю всё, что обнаружили на коне пришельца.

Сотник присел, внимательно осмотрел оружие, перебирая его руками, затем повернулся к десятнику:

– Вот это захватишь тоже с собой. В дороге следи за ним. Просто так не появляются такие люди в чужой стороне. Он явно для чего-то направлялся в наши земли, но это уже не моё дело. Оно больше имеет отношение к самому Царе. Понял меня?

– Понял. Всё исполню в точности, – ответил тот.

На заре отряд из пяти человек во главе с десятником тронулся в сторону ставки, ведя на поводу жеребца, на котором восседал связанный чужеземец.

* * *

Тимей вышел из шатра и чуть было не столкнулся с военачальником Царой, возглавлявшим отныне всю массагетскую разведку, лицом в лицо замеревшим в шаге перед ним.

– Что-нибудь случилось? – спросил его Тимей.

– Даже не знаю, как и сказать. В общем, Тимей, один из дальних дозоров захватил человека с той стороны, – Цара кивнул на север. – Его доставили ко мне. Он уже здесь находится. Мне нужна твоя помощь. Вернее, Тафуц. И ещё. Прежде посмотри сам на него.

Они запрыгнули на своих скакунов и устремились к восточной окраине селения, где обособленно от всех других жилищ находились шатры Цары, в которых размещались его разведчики.

– Вот здесь он ждёт. Прошу, проходи, – откинув входной полог одного из шатров, Цара пригласил Тимея пройти внутрь.

Войдя, Тимей увидел стоящего сбоку между двумя стражниками чужака и сразу узнал его.

– Оставьте нас, – повелел он, присев у очага.

Стражники покинули шатёр.

– Что же это такое получается, опять этот охотник у нас? Ему что, жить надоело? Может, он смерти своей ищет? Иначе для чего появился вновь в наших землях? – удивлённо спросил Тимей, разглядывая пленника.

– Что верно, то верно. Зачастил он что-то в наши края. Узнать бы нам, для чего. Странно всё в его поведении. Его ведь не захватывали в плен, как в тот раз. Сам пришёл к нашим дозорным. А вот сказать, зачем явился, он не может, поскольку языка не знает, – пояснил Цара.

– Сам, говоришь, явился? Ну-ну. Значит, понравилось ему у нас. Одного не пойму: как он в живых-то остался после первого пленения? Насколько я помню, он толком ничего не сказал, а вот второй, из-за поимки которого ты хромаешь, тот говорлив оказался. Может, они оба живы? – Тимей взглянул на Цару.

– Чего не знаю, того не знаю. Охрана у них тогда была не моя. Помню, несколько позже, от сотника, что выставлял её, я услышал, что эти двое скончались. После допроса второго началось выдвижение войск, и мне уже было не до них. Очень сомневаюсь в том, что тот выжил. Его, в отличие от этого, подвергли ещё и пытке огнём. Обычно она заканчивается смертью, – восстанавливая в памяти прошедшие события, ответил Цара.

– Настоящий охотник заблудиться не может. Этот, похоже, один из них. Выходит, он не случайно вышел на наш дозор, а по какому-то желанию, пока не известному нам. Что ж, хорошо. Стемнеет, и я приведу Тафуц. Жди нас, Цара. До тех пор пока сами не узнаем всего, тревожить властителя не будем, – Тимей поднялся и вышел из шатра.

С наступлением ночи Тимей и Тафуц уже находились в шатре Цары. Вскоре появился и он. За ним ввели пленника. Тафуц тоже сразу узнала его. Она не верила своим глазам. То, что ему удалось выжить, было приятно ей. Но то, что он опять оказался здесь, её и удивило, и сильно огорчило. Увидев её, он тихо вздохнул

и потупил вспыхнувший взор. Тимей попросил Тафуц узнать от него, ради чего он появился в сакской земле. Она кивнула, на мгновение задумалась и начала задавать ему вопросы на его языке:

– Муццуй, зачем ты вновь появился здесь? Я ведь просила тебя не делать этого. Ты же видел, что случилось с твоим сородичем. Что привело тебя в эту землю? Кто тебе нужен? Ответь, не таись, иначе тебя подвергнут пыткам.

– Я пришёл сюда за тобой, добрая женщина. Мне нужна твоя помощь, – Муццуй посмотрел ей в лицо.

Она уже намеревалась перевести его слова, но тут же изменила решение и спросила его:

– Тебе нужна моя помощь? Но в чём?

– Я не знал погибшего от пыток своего сородича и совсем забыл о нём. Я не мог знать и том, что он поведал вам. Но судя по действиям ваших армий, он сказал вам достаточно много. Я вернулся в своё селение, но оно уже было сожжено. Позже я узнал о подобной участи ещё трёх наших селений. Увидев следы от плети на моей спине, меня заподозрили в измене своему народу. Я опозорен. Опозорен весь мой род. По этой причине великий шаньюй изгнал меня. Отныне только ты одна можешь спасти мою честь и моё имя, – Муццуй склонил голову.

Тафуц, совершенно не ожидая такого разговора с пленником, была искренне поражена целью его появления. Теперь она не знала, как быть. Перевести всё сказанное им было попросту невозможно. О её тайном возвращении к нему и оказанной ему помощи пока никто не знал. Ей следовало быстро что-то придумать и наконец начать произносить якобы сказанные им слова. Тимей и Цара ждали. Она стала говорить:

– Он изгнан своим же властителем. Его обвинили в предательстве после того пленения нами. Истинный изменник умер при нём, находясь возле него. Покинув властителя, под влиянием сильных переживаний он вёл своего коня не выбирая пути и продвигался куда смотрели глаза. В чужие земли, к нам, он попал случайно, не зная ничего о новых рубежах между хуннами и саками. А сбегать, увидев наши дозоры, не стал, потому что ни о чём плохом против нас он не помышлял.

Сказав полуправду, Тафуц замолчала. Она почему-то верила этому человеку и уже всерьёз раздумывала над тем, как ему помочь.

– Выходит, по недосмотру нашей охраны он и остался в живых. Дальше всё становится понятным. Мы ушли, а он, будучи умелым охотником, сумел добраться до своего селения, – выслушав Тафуц, высказался Цара.

– Если жив хоть один из тех охранников, найди и узнай, как всё было на самом деле. В случае, если он подтвердит, что оставил этого охотника в живых, мы поверим в сказанное им и решим, как поступить с ним. Одно для нас известно доподлинно: он не предатель и не изменял своему правителю. На него несправедливо навесили вину второго пленника. Ладно, пусть уведут его, – Тимей обращался к Царе. – Прикажи покормить его и определи в какое-нибудь жилище. Держи под стражей.

– Всё исполню, Тимей, – склонил голову тот.

Через день нашёлся один из тех стражников, которые охраняли двоих пленных хуннов. Он был ранен, но пребывал в сознании. Царе удалось узнать от него всю правду. Из его слов стало известно, что ни он, ни кто-либо другой из стражников пленными всерьёз не занимался, они не обращали на них никакого внимания и, следовательно, при отбытии с войсками не знали, живы те или нет. Хотя сказанное им можно было истолковать как угодно, но всё же оно было в пользу охотника, о чём Цара и сообщил Тимею. Тимей в свою очередь обо всём случившемся в подробностях поставил в известность царя и испросил его повелений относительно дальнейшей судьбы хунна, на что получил от него приказ отпустить его на волю. В этот же день Муцуй был освобождён из-под стражи. В присутствии Тимея и Цары Тафуц перевела ему решение царя.

– Как мне быть? – смотря ей прямо в глаза, спросил он.

– Прости, но я не могу пойти с тобой. Я не хочу потерять всё, что есть у меня. К тому же почему ты уверен в том, что твой властитель поверит мне? – искренне жалея его, произнесла Тафуц.

– Он сохранил мне жизнь, а это значит, что он дал мне возможность для нахождения оправданий. Он пока ещё ждёт моего

возвращения и вместе со мной ожидает моих доказательств. Я верю в это. Даже за гораздо меньшую провинность у нас обязательно подвергают суровой каре, вплоть до казни. Причём не только слушника, но и всю его семью. Вот так. И никак иначе. Он не сделал этого, а отпустил меня. Если ты согласишься отбыть со мной, то я, клянусь духом своих предков, обязательно верну тебя обратно. Помоги мне, и я не пощажу своей жизни ради тебя, – зная, что это последний их разговор, Муццуй не хотел терять надежду на её согласие.

– Хорошо. Жди меня в эту полночь у речной излучины, что находится за селением в сторону твоей земли, – тихо произнесла Тафуц.

Тут же посмотрев на Тимея, она перевела:

– Он выражает благодарность вам и царю и уходит обратно. От вашего имени я пожелала ему суметь восстановить честь и доброе имя.

Муццуй почтительно склонил голову, приложил руку к сердцу, отступил и вышел из шатра.

* * *

Ближе к полуночи Муццуй слышал стук копыт. Кто-то приближался к нему в темноте. Он выехал навстречу. Это была она, женщина, знавшая его язык. Приблизившись к ней, он развернул коня и повёл рядом.

– Скажи, как мне обращаться к тебе? – спросил он.

– Моё имя Тафуц, – ответила она.

– Тебя, наверное, будут искать?

– Несколько дней не будут. Я часто охочусь.

До самого утра они не обмолвились больше ни словом. Тафуц была всецело поглощена мыслями о своём безумном поступке. На душе у неё было плохо. То, на что решилась она, граничило с безрассудством. В сердце появилась ноющая боль. Разлука с Тимеем и этот обман уже давали знать о себе. На заре они встали на отдых в небольшом урочище. Муццуй ловко и быстро соорудил шалаш, постелил в нём свежую траву, поверх которой бросил медвежью шкуру, и предложил Тафуц поспать

в прохладе, покуда он не приготовит пищу. Уставшая больше от тягостных дум, нежели от дороги, она забралась внутрь и неожиданно для себя мгновенно уснула.

Пробудившись в полдень, увидев над собой кровлю из веток, она долго не могла сообразить, где она находится, но когда в шалаш заглянул Муццуй и пригласил её на трапезу, она всё вспомнила. Теперь ей стало ещё хуже. Возникший в ней изначально душевный порыв, связанный с желанием помочь этому человеку, уже угас, уступив место горькому сожалению. Она мысленно корила себя за глупость, из-за которой покинула Тимея и оказалась наедине неизвестно с кем в таком диком месте. Только сейчас она подумала, что всё происходящее есть ловко подстроенное действо хуннов, преследовавших лишь одну цель – заполучить человека, знающего язык саков. От одной мысли, что всё это является продуманным хитросплетением ходов со стороны их властителя и этого человека, она готова была сойти с ума.

«Как же так! Ведь в нашем с ним прошлом много общего. Он охотник и побывал уже в плену у саков. Я тоже охотница и тоже пережила пленение согдийцами. Только поэтому я и решила помочь ему. Будь он воин, я бы не стала оказывать ему такую услугу. Ну и что же теперь получается? Я, поверив его словам, по своей воле следую с ним в его лагерь, чтобы сказать его властителю, что он не предатель. Да кто поверит мне?! Как я докажу это? Мне придётся сообщить о втором погибшем воине, истинном изменнике. Без этого ничего из нашей затеи не выйдет. А это значит, что я должна буду признаться в причастности к его смерти. Не будь меня, никто бы не понял его и не узнал бы о его последних признаниях. Но тогда за его гибель со мной тоже следует поступить по справедливости. Я виновна в этом, и меня должны наказать. Они не отпустят меня и тем более не оставят в живых. Выходит, сейчас я еду для спасения чести этого человека ценою своей жизни. Пусть бы так. Может, мне уже суждено умереть. Но вдруг я ошибаюсь. Что, если всё совершенно иначе и они хотят отомстить мне, опорочив и моё честное имя? Жизнь за жизнь или честь за честь? Да, ну и по-

пала я в ситуацию! Это ж надо такому случиться со мной! Расскажи кому, не поверят», – судорожно думала Тафуц, не смея выбраться из шалаша.

– Прошу тебя, Тафуц, поешь. Хоть немного поешь. Это нужно для тебя, – не дождавшись её появления, вновь заглянул Муццуй.

«Ладно, путь уже начат. Будь что будет. Я не позволю никому из них так просто убить себя и за честь свою сумею постоять», – решила она, вложив за голенище сапога небольшой нож.

Пройдя незамеченными для дальних дозорных отрядов сакков и хуннов, на седьмой день пути они наконец приблизились к главному стойбищу последних. Спрятав Тафуц в густых зарослях на берегу реки, Муццуй направился к охране ставки. Сотник, узнавший его, отделился от своих воинов, не спеша подъехал к нему и сдержанно приветствовал его.

– Скажи, у себя ли великий шаньюй? – спросил Муццуй.

– Нет, Муццуй, его нет. Я не должен был говорить тебе об этом. Ты всё понимаешь. Больше ничего сказать не могу, – ответил тот.

– Благодарю, – Муццуй склонил голову.

Они развернулись и разъехались. В том, что сотник не обманывал, Муццуй был уверен. Вернувшись к Тафуц, он сообщил ей об этом. Теперь оставалось только ждать. Он не знал, сколько на это уйдёт времени.

* * *

Шаньюй Мотун в сопровождении охраны объезжал все свои стойбища, в каждом из них останавливаясь по два дня. Прожив на белом свете без малого шестьдесят лет и получив верховную власть в свои руки в довольно зрелом возрасте, он тем не менее никогда не сталкивался с изменой среди хуннов. Всякое бывало в жизни его народа: и трудные, порой голодные годы, и междоусобицы, и внезапно вспыхивавшие болезни, уносившие сотни жизней, и опустошительные вражеские набеги, и кровопролитные сражения с ними, но чтобы кто-то из мужчин совершил нечто подобное предательству, он пока ни разу не

слышал. То, что случилось с Муццуем, человеком, родившимся, взращённым и воспитанным пусть и в простой, но очень достойной семье, благодаря своим замечательным качествам однажды, будучи ещё юношей, прославившим и себя, и своих добрых родителей, и весь свой род, спасшим ему, властителю, жизнь и ставшим одним из особо приближённых к нему лиц, никак не могло уместиться в его голове. Мотун часто думал о нём, искал причины, побудившие его совершить такой подлый, низкий и коварный проступок, но, сколько ни старался, не мог их найти. Он вспоминал всё, что было связано с вольным охотником Муццуем, и тогда перед его глазами пролетала вся его жизнь, какая-то чистая, безобидная и незамысловатая, в которой никогда не было места даже ничтожно малому нарушению общепринятых устоев жизни и уж тем более непослушанию его велениям.

Мотун помнил и о том, что, будучи освобождённым от податей, Муццуй продолжал по своей воле отдавать акиму рода большую часть всего добытого им на охоте и понимал, что так не может поступать человек, не любящий свой народ, своих соплеменников. Он знал, что ещё при его отце, правителе ныне главенствующего рода, хоть и очень редко, но бывали случаи, когда кое-кто из знатных подданных утаивал от него и недопоставлял всю положенную ему, как властителю, долю от податей, при этом бессовестно обирая своих соплеменников. Теперь же, за время его правления, таких нарушений, насколько он был оповещён, выявлено не было. Каждого, кто посмел бы совершить самоуправство, ожидало неминуемое и жестокое наказание.

Но всё же, несмотря на это, где-то в глубине души Мотун чувствовал, что подобные нелицеприятные факты допускаются отдельными нерадивыми и очень жадными до чужого добра акимами, и он невольно сравнивал их низменные поступки с величавым поведением этого простого охотника, которому до сих пор не были свойственны ни скупость, ни хитрость, ни алчность, и от этого неприятного сопоставления его охватывала злость. Находясь в чужой земле, пережив страшное сражение с её бывшими, но ещё не покоровшимися хозяевами, он решил

раз и навсегда пресечь любое возможное предательство, искоренить недоимки в казну, состояние которой в новых условиях существования имело особенное значение, заодно желая самолично убедиться в непоколебимости своей власти на местах. Для достижения этих целей Мотун задумал очень действенное, как он считал, мероприятие, которое решил осуществить безотлагательно, выступив из ставки для посещения всех становищ в установленной им очерёдности. Высланные вперёд гонцы спешили оповестить оуто-ванов и акимов о прибытии к ним верховного властителя, дабы те были готовы к встрече с ним и собрали в строго определённый день весь народ впервые без празднеств и пышных приёмов в его честь.

Такого не было ещё никогда. Весть для родовых правителей была неожиданной. Они пребывали в полной растерянности, не зная, как поступать им без соблюдения надлежащего ритуала при приветствии властителя и его свиты, в обязательном порядке связанного с торжественным гостеприимством. В каждом стойбище оуто-ваны и особенно акимы ожидали появления великого шаньюя по-разному: кто со страхом и трепетом, а кто и с искренней радостью. Лишь одно обстоятельство уравнивало их положение: они понимали, что он наносит такой своеобразный визит неспроста. Ещё на подступах к первому на пути становищу, кишашему людьми, он был встречен почётным караулом во главе с оуто-ваном и акимом. Вступив в него под drobный грохот сотен барабанов, Мотун всем своим видом и поведением дал понять и правителям, и всему собравшемуся народу о необычайной значимости своего прибытия к ним. Строгий и величественный, он восседал на красивом коне, направляя его к главной площади, не обращая никакого внимания на коленопреклонённых подданных. На робкое предложение оуто-вана отдохнуть с дальней дороги и вкусить приготовленные в его честь яства он никак не отреагировал, словно и не слышал сказанного им, чем немало напугал его и очень насторожил акима, также следовавшего рядом с ним. Тысяча его личной гвардии расчищала перед ним путь, тесня в стороны всех, кто там оказывался, создавая живой коридор. Люди не смели поднимать

головы, часто попадая под копыта скакунов, давя друг друга и спешно отползая. В одно мгновение главная площадь была очищена войсками и взята ими в плотное кольцо. Остановив скакуна посередине, шаньюй окинул цепким взором всю округу и поднял руку, в которой сжимал плетень. Барабаны замолчали, люди притихли.

– Подданные мои, я пришёл к вам с благодарностью за ваше мужество и преданность! Чужая земля вобрала в себя многих из наших рядов. Но отныне и навсегда она стала нашей. Жертвы принесены не зря, а во благо каждого из нас. Мы все начинаем здесь новую и сытную жизнь. На этих благодатных и необъятных просторах, пропитанных уже нашей кровью, мы оседем навечно и установим только свои порядки. Нас, старших летами, однажды не станет, но эти земли будут радовать взоры наших многочисленных потомков, – низким спокойным голосом начал Мотун.

Он видел тысячи и тысячи глаз, устремлённых на него. Он слышал сдержанное людское дыхание и даже чувствовал биение их сердец.

– Я привёл вас сюда и обещал достойное спокойное будущее. Теперь оно уже неизбежно. Да, прежние хозяева этих изобильных мест пока ещё не повержены, но уже не страшны. Однажды вы поверили мне и смело пошли за мной. Я же верую в вас всегда, где бы мы ни были и как бы ни сложилась наша судьба. Мы должны быть ещё сплочённые и как никогда едины. Ничто и никто не может помешать нам быть там, где мы хотим, и жить так, как мы желаем. Каждый из нас должен продолжать свято блюсти наши устои, честно исполнять свой долг и всегда помнить о величии наших предков, – услышав гул одобрения, он ненадолго замолчал, затем вновь поднял руку, призывая к тишине.

Повернув голову к оуто-вану, он вдруг приказал ему:

– Всех военачальников, начиная с десятника, выведи на площадь.

– Повинуюсь, великий шаньюй, – склонил тот голову и сразу, не мешкая, громогласно выкрикнул его веление.

Вскоре военачальники всех уровней, каждый в строгом соответствии со своим рангом, выстроились за спиной Мотуна.

– Все здесь? – спросил он.

– Все, великий шаньюй, – ответил оуто-ван.

– Сойди с коня, преклонись перед народом и повтори всё, что я скажу. Следом за тобой, когда я дам знать, должны говорить и они, – взглянув на ровные ряды военачальников, тихо повелел властитель.

– Повинуюсь, великий шаньюй, – оуто-ван спрыгнул с коня и опустился на колено.

– Подданные мои, наступил важный миг в нашей жизни! Слушайте всё, что я скажу. Запоминайте каждое моё слово! – Мотун вытянул руку в сторону военачальников. – Все они получили свои назначения от меня, правителя всех хуннов, ради преданного служения мне и всему нашему народу. Дабы оно, это служение, длилось всегда и никогда не подвергалось сомнению, сейчас каждый из них даст клятву верности мне и присягнёт перед вами, – Мотун перевёл взгляд на оуто-вана. – Громко и внятно повторяй за мной: клянусь духом предков, своей жизнью и здоровьем, жизнью и здоровьем своей семьи и своих потомков в честном и праведном служении шаньюю и всему народу хуннов. Присягаю в вечной верности шаньюю и народу. Если я нарушу принесённые клятву и присягу, то пусть духи предков, Земли, Воды и Вечного Неба тяжко покарают и меня, и весь мой род до самого последнего моего отпрыска.

Оуто-ван повторял всё сказанное шаньюем. Когда он произнёс за ним последнее слово, то уже весь истекал потом. Такого прилюдного обещания никто никогда не давал. Сотворённое великим властителем невиданное доселе действие настолько сильно потрясло всех присутствующих, что несколько человек, не выдержав напряжения, упали без сознания. Едва держась на ногах, оуто-ван поднялся и утёр руками лицо.

– Ну а теперь твой черёд, аким, – взглянув на побледневшего правителя рода, повелел Мотун.

Рухнув на колено, дрогнувшим от волнения голосом, замет-но запинаясь, тот стал также произносить слова клятвы и при-

сяги. Церемония длилась почти весь день. Она коснулась всех без исключения лиц, кто занимал в роду хоть какую-то должность, независимо от того, воинская она или гражданская. Все остальные простые миряне, покидая в сумерках главное селение, разъезжались под огромным впечатлением от увиденного зрелища, всю дорогу не переставая восхищаться находчивостью великого шаньюя, вспоминая всё случившееся и цокая языками.

Весь следующий день шаньюй посвятил отдыху, вкушая поднесённые ему яства, внимательно следя за поведением оутована и акима, отмечая про себя произошедшие в них перемены, выраженные в повышенной покорности, и от этого пребывая в довольстве собой. Следуя поставленной цели, он посетил все стойбища, где уже знали о его нововведении и готовились к нему, трепетно заучивая слова клятвы и присяги. Таким образом, шаньюй Мотун, помимо тел своих подданных, всецело и окончательно завладел и их душами. Больше всего его интерес распространялся на власть имущих. Он бесповоротно лишил их возможности даже мысленно перечить его воле, тем самым обезопасив своё главенствующее положение от возможного предательства и покончив с мздоимством, учиняемым некоторыми из них, делая ставку не на их бездумное почитание себя, а на всеобъемлющий страх. Он в очередной раз убедился в силе слова, значительно преобладающей над физической мощью. Если прежде нужно было беспрестанно следить за каждым из них, затрачивая большие усилия, то теперь в необходимости делать всё это нужда попросту отпадала. Они все стали заложниками произнесённых принародно клятв.

«Да, как всё-таки удивительно устроен мир людей! Не соверши Муццуй своего греха, я, может быть, и не сумел бы догадаться до такого, казалось бы, простого и единственно правильного решения давно назревшего, тяжёлого, но весьма значимого вопроса. Надо же! Поворот в судьбе всего лишь одного человека, обычного охотника, в один миг повлиял на будущность целого народа! Невероятно! Прямо не знаю теперь, прощать его или нет. Думаю, не нужно делать этого. Слишком много

чести для него. Да никто и не поймёт меня. В конце концов, не признаваться же мне перед ним в том, что его проступок стал причиной судьбоносного хода. Жалко его, конечно. Прямых доказательств его вины вроде как нет. Но ничего не поделаешь, раз такое совпадение. Пусть живёт по своему разумению. Одно то, что я сохранил ему жизнь, уже есть проявление моей милости. Однажды он спас меня. Я ответил тем же. Этого вполне достаточно», – думал шаньюй Мотун, возвращаясь в свою ставку.

* * *

– Тафуц, великий шаньюй Мотун уже прибыл к себе, – Муццуй сообщил долгожданную весть женщине.

Она устало посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Я знаю, что утомил тебя, прости. Недолго осталось ждать. Скоро закончатся все твои мытарства, и я сопровождаю тебя обратно к твоему очагу, – видя её состояние, с жалостью произнёс он.

Оседлав лошадей, они направились к селению. К сотнику, встретившему их, Муццуй обратился с просьбой известить начальника личной охраны властителя о своём желании предстать перед ним. Тот внимательно осмотрел его спутницу, затем молча кивнул и отправил в ставку десятника. Через некоторое время десятник вернулся. Разрешение было получено. Оставив отряд, сотник лично препроводил Муццуя и женщину к юрте начальника охраны. Выслушав Муццуя, полководец Тай-Да удалился. Ожидание затянулось. Наконец он появился и приказал им следовать за ним. Перед главной юртой они спешились. Стражники приняли у них коней. Первым вошёл в юрту сам полководец, затем он вышел оттуда и позвал Муццуя, жестом указав женщине оставаться на месте. Шаньюй Мотун возлегал на мягких валиках с чашей в руке. Прямо над ним висела огромная тигровая шкура. Муццуй замер у входа.

– Оставь нас, – шаньюй махнул полководцу.

Тот склонился и вышел.

– Проходи, Муццуй, присаживайся. Стар я уже да и изрядно притомился в дальней дороге. Не обессудь, вставать не буду. Угощайся напитком и едой, – шаньюй кивнул на бурдюк и посудину с парящимся мясом, тем самым проявляя гостеприимство.

Муццуй взял чашу, налил в неё пенящееся прохладное кобылье молоко, присел на кошму и отпил глоток.

– Пей, ешь. Еда и напитки для того и существуют, чтобы ими делиться и наслаждаться. Это и есть пища для тела. А для души необходима только одна отрада – доброе общение, – рассматривая чашу, произнёс шаньюй.

Муццуй взглянул на него и вновь сделал глоток.

– Что ж, всему под небесами заведён свой черёд, – отставив опустевшую чашу, продолжил властитель. – Вот и ты появился вновь в моей юрте. Своим приходом ты нарушил моё последнее веление. Надеюсь, не напрасно. Говори.

– Благодарю тебя, великий шаньюй, за оказанный радушный приём и предложенные угощения. Я не отниму у тебя много времени. Моё появление не является послушанием твоего веления. Я нашёл и привёл к тебе человека, способного пролить свет на всё, что случилось со мной в ту пору, когда я появился в сожжённом селении. Прошу тебя, великий шаньюй, прими и выслушай его, – поднявшись, тихо и почтительно высказал просьбу Муццуй.

– Муццуй, как человек, я понимаю твоё стремление оправдаться, но, как бывший твой властитель, вовсе не считаю нужным идти навстречу твоему прошению. Ты ведь с некоторых пор уже не являешься подданным мне. Всем известно, что своих решений я не меняю. Только в особо исключительном случае я могу пойти на снисхождение, но не думаю, что он настал с твоим приходом. В своё время я не смог добиться от тебя объяснений, хотя трижды предоставил тебе возможность сделать это, чего не разрешал никому. С той поры прошло достаточно много времени, и я не уверен в твоей искренности, так как ты мог уговорить кого-нибудь из сочувствующих поддержать тебя и высказаться в твою пользу. Я не желаю, чтобы ты оказался в ещё худшем положении. Подумай, на что ты

идёшь, предлагая мне принять и выслушать своего человека. Взвесь всё, дабы не стало поздно. Пожалеть о своём поступке ты успеешь. Надеюсь, ты не считаешь, что я не умею быть благодарным. Я помню всё: и плохое, и хорошее, – шаньюй поднялся, поправил накидку на плечах и опустил на сиденье у очага.

– Великий шаньюй, никто и никогда не смеет подвергать сомнению твои справедливые решения. Я благодарен тебе за всё, что ты сделал для меня, и впредь хочу служить тебе верой и правдой. Для меня не существует ничего такого, ради чего можно было бы пойти на обман даже простого человека. Прежде чем явиться к тебе, я всё взвесил и многократно обдумал. Человек, ожидающий снаружи, особый. Он честен, великодушен и добропорядочен. Очень прошу тебя, прими и выслушай его. Пусть это будет моей последней просьбой, – Муццуй с надеждой смотрел в глаза Мотуну.

Тот долго молчал, что-то обдумывая, затем устало провёл рукой по лицу и произнёс:

– Ну что ж, раз ты так настаиваешь, я пойду на уступку, но знай, если сказанное твоим человеком не вызовет во мне веры, то ты вместе с ним будешь казнён. Зови его.

– Великий шаньюй, благодарю за оказанную честь, – Муццуй склонился и быстро покинул юрту.

От тут же вернулся. Следом за ним вошла Тафуц. Они оба замерли, почтительно склонив головы.

– Кто ты, женщина? – рассматривая её, спросил шаньюй.

– Великий шаньюй, моё имя Тафуц. Я прибыла к тебе по своей воле из земли саков, – спокойно ответила она.

– Из земли саков? Кто это, саки? – шаньюй вскинул бровь.

– Саки – это твои враги, великий шаньюй. Ты вошёл в их земли, сейчас в них находишься и ведёшь войну с ними, – смотря ему прямо в лицо, твёрдым и уверенным голосом произнесла Тафуц.

– Так вот с кем мне довелось повстречаться здесь! Не знал имени этого народа. Выходит, ты и есть сакская женщина и прибыла ко мне с желанием помочь Муццую? Когда и где состоя-

лось ваше знакомство? Откуда ты знаешь мой язык? Я слушаю тебя, – внешне скрывая удивление, начал допрос шаньюй.

Тафуц поведала ему обо всём, что случилось с Муццуем, очень коротко и сжато коснувшись своей судьбы. Выслушав её, Мотун предложил им присесть, что свидетельствовало о серьёзном отношении к сказанному. Взяв маленький колокольчик, он позвонил. В юрту вошла женщина.

– Принеси еду и напитки, – повелел он.

Это был добрый знак. Тафуц мельком взглянула на Муццуя. Тот одобритительно прикрыл веки и слегка кивнул. Вскоре было подано много разного ароматного горячего мяса, свежего сыра и прохладного кобыльего молока.

– Угощайтесь. Вижу, у вас была нелёгкая дорога. День только родился, и нужно хорошо подкрепиться. К тому же нам предстоит долгий разговор, – подцепив красивым ножом кусок мяса, предложил шаньюй.

Тафуц, привыкшая всегда за трапезой вести себя вольготно, несмотря на разыгравшийся аппетит, вела себя очень сдержанно, понимая, что не время и не место азартно утолять свой голод, тем более зная и помня, что проявленное верховным властителем гостеприимство является всего лишь данью его уважения общепринятым устоям степи и не больше того.

Она осознавала, что всё главное в общении с ним последует позже и чем оно может закончиться, известно только ему, хозяину юрты и всех хуннов.

Закончив трапезу, дождавшись пока гости обмоют руки чистой водой, принесённой в большой бронзовой чаше, Мотун отпустил всю прислугу и продолжил начатый разговор, умело переводя его в доверительную беседу:

– Не скрою от тебя, Тафуц, жизнь Муццуя всего несколько мгновений назад висела на волоске. Я не склонен видеть каждого, кто желает появиться передо мной с какими-либо признаниями, и тем более верить ему на слово. Не считаю нужным и правильным делать это. Допускать расточительность драгоценного времени в моём положении непозволительно. Так получилось, что этот случай действительно имеет иное, особое

значение. Всё, что ты сказала мне, достойно внимания и глубокого осмысления. Признаться, твоё появление довольно неожиданно для меня. Вижу, нелёгкая участь постигла тебя в прошлом. Из своего большого жизненного опыта я почерпнул и познал многое, в том числе и такое редкое человеческое качество, как самоотверженность. Только тот человек, кто хоть раз в своей жизни испытал тяжкую долю, но ощутил поддержку в эту пору, способен понять другого, оказавшегося в подобном положении, и протянуть ему руку помощи. Поверь мне и ты, Муццуй, понимание – это всего лишь сопереживание, и оно являет собой только часть благонамеренного порыва. А оказание своевременной помощи – это уже венец настоящего сочувствия, означающего полноценное и действенное участие в чьей-то судьбе. Вот ты, Тафуц, невзирая ни на что, сумела совершить и то и другое, а решиться на такой шаг может далеко не каждый. Для такого отважного поступка нужно обладать большим, добрым сердцем и чистой, благородной душой. Видимо, у тебя случалось нечто схожее с тем, что произошло с Муццуем. Мне приятно видеть таких людей, как ты. Судя по нашим временам, такое явление – редкость. Полагаю, одна из его побудительных причин кроется в твоём отменном воспитании. Честь и хвала твоим родителям, кто бы они ни были. Надеюсь, живы они?

– Нет, великий шаньюй. Они умерли, – с сожалением ответила Тафуц.

– Жаль. Пусть покоятся с миром их души. Своё предназначение в этой жизни они исполнили сполна, народив на свет и достойно взрастив такое славное дитя, как ты, – Мотун выразил искреннее почтение усопшим.

– Благодарю тебя, великий шаньюй, за добрые слова в честь памяти моих родителей, – Тафуц была тронута его вниманием.

– Теперь скажу о главном, – шаньюй посмотрел на Муццуя. – Знаю, ты, Муццуй, ждёшь с нетерпением моего решения. Должен признаться, эту добропорядочную женщину ты нашёл и привёл ко мне не зря. Я снимаю с тебя обвинение в измене, полностью восстанавливаю тебя в прежних правах и возвращаю в число своих подданных.

Муццуй вскочил, тут же опустился на колени, прижав руку к груди, склонил голову перед властителем и взволнованно произнёс:

– Благодарю, великий шаньюй! Твоя милость воистину велика! Клянусь, моя жизнь принадлежит только тебе! Мои тело и душа – в твоей власти!

– Встань. Живи долго, вольно и достойно. Помни о сказанном тобой всегда. Видишь, я не убрал твой подарок, – шаньюй показал рукой на тигриную шкуру. – Это значит, я верил в тебя.

Муццуй поднялся. Он уже не знал, что сказать. Чувства переполняли его.

– Истинные слова признательности ты должен выразить ей, – шаньюй взглянул на Тафуц.

Муццуй повернулся к ней, вновь опустился на колени и проникновенно произнёс:

– Благодарю тебя, мудрая и смелая женщина, за всё, что ты сделала для меня.

– Не стоит. Я всего лишь поступила по зову своего сердца и получила не меньшую радость от проделанной дороги и благополучного её завершения, – спокойно и как-то обыденно сказала она.

Мотун не сводил с неё глаз. Он внимательно рассматривал её, вслушиваясь в её удивительный голос. Всеми своими манерами, неподдельными и величавыми, всем своим одухотворённым и очень женственным естеством она излучала спокойствие и тепло, невольно завладевая его душой. То, как она вела себя и как говорила, уже не могло быть не замеченным им. Теперь, когда он полностью освободился от бремени дум относительно судьбы Муццуя, он словно прозрел и впервые увидел её по-настоящему. Равнодушие, с которым он принял её вначале, вдруг куда-то бесследно исчезло. Он уже чувствовал, что желает видеть и слышать её как можно дольше. Всё, что ещё не так давно тревожило сердце и беспокоило душу, стало плавно отдаляться, освобождая сознание, теряя значение, превращаясь в нечто второстепенное и не столь важное. Он ощутил небывалый прилив сил. Ему почему-то захотелось, чтобы эта женщина не по-

кидала его никогда и приняла участие и в его судьбе. Лёгкость, с которой он допускал эти мысли, вселяла в него уверенность в том, что именно так и должно случиться. Он совершенно забыл о своих летах и не думал о её возрасте. Что-то невероятно волнительное и трепетное колыхнулось в его груди, освежая всё его нутро, тут же мгновенно сменившись всетелесным жаром от вскипевшей крови и вновь вытесняясь и уступая место наплывам ледяного озноба. Улавливая в своём странном состоянии что-то очень знакомое, но так и не сумев понять его суть, шаньюй потянулся за чашей и большими, жадными глотками влил в себя её содержимое.

«Что это со мной? Как будто наваждение какое-то. Уж не обезумел ли я на старости лет?» – успокаиваясь, подумал он.

Муццуй и Тафуц молча сидели, украдкой поглядывая на него.

– Вот что, Муццуй, с тобой мы всё решили, а теперь передай начальнику охраны моё веление немедленно установить юрту для гостыи. Ей нужно как следует отдохнуть. После этого ты свободен, – шаньюй встал.

Разговор был окончен.

– Повинуюсь, великий шаньюй, – Муццуй взглянул на Тафуц, склонился и быстро удалился.

– Побудь здесь, Тафуц, пока не исполнят моё указание, – более мягким тоном Мотун обратился к женщине.

– Благодарю, великий шаньюй, – она потупила взор.

* * *

– О небеса! Прошло столько дней! Тимей, наверное, заждался меня. Что я тут делаю? Как я объясню всё это ему? – Тафуц не находила себе места, мечась по юрте, терзаясь думами, страдая от непонятного заточения. – Где этот Муццуй? Где его обещание? Он бросил меня. Как быть?

Две ночи и два дня она провела в полном одиночестве, не прикасаясь к еде, утоляя голод водой. Прислуга, выделенная для неё, появлялась в строго определённое время, молча исполняла свою работу и тут же исчезала, предусмотрительно забирая с собой ножи. Ей не запрещалось покидать жилище,

но как только она выходила из него, за ней всюду следовали две женщины. Перед входом в юрту всегда стояли вооружённые стражники.

«Нужно что-то делать. Я больше не выдержу этой неизвестности. Может, попытаться попросить встречи с шаньюем? Нет, он не примет меня. Только по его велению всё это и происходит со мной. Чего он добивается? Что он задумал? Неужели у него слова разнятся с поступками? Какое лживое лицемерие! Мог бы сразу сказать о своих намерениях. Кто я, чтобы скрывать их от меня? Глупая и бездумная женщина, попавшая в его лапы. Вот кто я. Довериться хуннам, тем, кто изгнал мой народ да к тому же пришёл с войной к людям, кто спас меня и вселил в мою душу надежду на спокойную жизнь и принял меня как родную, могла только я, неблагодарная изменница. Честь, имя! Как же! Нашлась сердобольная и отзывчивая! Тупо променяла истинных друзей и своё счастье на предательство и горе. Так и надо мне. Не буду лезть туда, куда не следует. Получила сполна по заслугам, вот и радуйся теперь! Мало мне было того пленения? Получи ещё, раз ума не нажила. Ну надо же такому случиться?! Взять и появиться в стане врага дважды! Ну не это ли настоящее безрассудство? Хуже не бывает. Нет оправдания моему поведению! Нет! Тимей рисковал своей жизнью, чтобы спасти меня из той проклятой реки, а чем я отплатила ему? Уж лучше бы утонула тогда. И не было бы позора ни на его голову, ни на свою», – уже в который раз за эти дни Тафуц истязала себя тяжкими мыслями.

Вечером, уставшая от укоров к себе, она заплакала, упала на шкуры и вскоре, вконец обессиленная, уснула. Ночью она проснулась от чьего-то прикосновения.

– Кто здесь? – вскрикнула она, подняв голову, утирая припухшие глаза и озираясь по сторонам.

В очаге едва тлел огонь. Его свечение было очень слабым и терялось вблизи от него. Тафуц присела.

– Это я, Муццуй. Прошу, не говори громко, – она услышала шёпот и различила силуэт стоящего у входа человека.

– Где ты был? – Тафуц поднялась.

Осторожно ступая, он обошёл очаг и приблизился к ней.

– Потом, всё потом, – он взял её за руку и потянул за собой.

В противоположной от входа северной стороне, в двух шагах от места, где лежала она, в боковом войлочном покрытии юрты был большой разрез, из которого внутрь торчали обломки древесного каркаса.

– Уходим, – Муццуй опустил на колени и стал выбираться наружу.

Тафуц последовала за ним. Замерев и прислушавшись к ночной тишине, они низко пригнулись и побежали в сторону реки, что, изгибаясь узким руслом, петляла по селению и убегала на юг. Добравшись до её берега, Муццуй тихо вошёл в воду, держа Тафуц за руку. Вскоре они поплыли вниз по течению.

* * *

– Эй, ну-ка глянь, что это там виднеется? – поднявшись в седле, громко выкрикнул дозорный, указывая рукой на реку.

В лунном сиянии на поверхности водной глади что-то темнело, плавно скользя мимо пары всадников, стоящих на небольшой возвышенности.

– Поди бревно опять понесло, – стегнув плёткой коня, второй дозорный помчался к берегу.

Остановившись у воды, он стал всматриваться.

– Да что там может быть кроме коряги, – уверенный в своей правоте, недовольно бурча себе под нос, он снарядил лук и выпустил в неё стрелу.

Слегка бугрясь над водой, она проплыла дальше.

– Ну, что я говорил. Так и есть, – закинув за спину лук, выкрикнул он, разворачивая скакуна.

* * *

– Тафуц, крепче держись за меня. Тут рядом уже. Немного осталось, – прошептал Муццуй, придерживая её правой рукой.

За очередной излучиной он стал подгрести к берегу. Как только под ногами оказалось твёрдое дно, они встали и побрели на сушу.

– Ну вот и хорошо. Добрались, – Муццуй шагнул, пошатнулся и рухнул лицом в траву.

Отошедшая чуть в сторону Тафуц, заметив его падение, подумав, что он споткнулся, приблизилась к нему, но когда она склонилась над ним, чтобы помочь подняться, то вдруг увидела торчащую из его левого бока стрелу. Её охватил ужас. Она упала на колени, обхватила руками его голову, повернула её к себе и прижалась к ней лицом, пытаясь уловить его дыхание. Он был жив, но дышал учащённо, судорожно всхлипывая. Не зная, что делать, она сняла с себя мокрую одежду и укрыла его. Затем вскочила на ноги, осматривая округу.

«Где же его лошади? Они должны быть здесь», – прикусив губу, сжав кулачки, она завертелась на месте.

Шагах в двадцати от неё чернели заросли. Она бросилась к ним. Два осёдланных скакуна паслись на небольшой поляне среди густого кустарника. Боясь напугать их, она стала медленно подбираться к ближнему из них. Не успела она прикоснуться к нему, как что-то острое вонзилось ей в ногу, мгновенно вспыхнув пронзительной болью во всём теле. Она упала. Перед её глазами всё закрутилось, потемнело и потухло. Сознание покинуло её.

* * *

– Я же говорил тебе, что нужно подождать. Вот и вышло по-моему, – выходя из кустов, произнёс вооружённый мужчина.

– Везучий ты. Давай посмотрим, кто тут у нас попался. Только не спеши, осторожно подходи, ты-то вроде как в ногу угодил, – поравнялся с ним второй.

Держа наготове кривые мечи, они подошли к лежащему человеку.

– Ух ты, женщина! Да ещё почти голая! Ничего себе! – нагнувшись, воскликнул первый.

– Точно, везучий, – восхитился второй, ощупывая её грудь.

– Тише ты, не кричи. Лошади-то две. Где-то поблизости ещё кто-то есть, – оглядываясь, прошептал первый. – Пошли назад. Они побежали обратно в кусты.

– Думаю, должна быть ещё одна женщина, – тихо высказался второй, готовя лук.

– С чего ты взял? – взглядываясь в поляну, спросил первый.

– Если был бы мужчина, то он сам бы пришёл за лошадьми, а не посылал за ними женщину, – резонно подметил второй.

– Ишь, какой умный стал! Хотя, наверное, ты прав, – нужен был согласиться с ним первый.

Они замолчали, чутко прислушиваясь к звукам. Наступила полночь, но никто больше не появился.

– Слушай, надоело сидеть тут. Озяб я. Сколько можно ждать? Давай пройдемся и посмотрим там, у реки. Эта-то оттуда пришла, – поёживаясь от холода, предложил второй.

– Ладно, будь по-твоему. Пошли, – согласился первый.

На берегу они нашли лежащего мужчину, раненного стрелой.

– О, а этого кто подстрелил? – удивился второй.

– Странные дела тут творятся. Нужно быстрее уходить отсюда, – присев и с опаской оглядываясь, произнёс первый.

– С ними как поступим? – спросил второй, опускаясь на корточки рядом с ним.

– Оставлять их здесь нельзя. Сменный дозор обнаружит. Попадёт нам тогда от сотника. Лошадей одних тоже не заберешь с собой, – рассуждал первый.

– Это ещё почему? – возмущился второй.

– А потому что нас спросят, почему мы не узнали, чьи они, и не дождались хозяев. Что ответишь? То-то и оно, молчишь. Сотник шкуры сдерёт с нас за это и на ремни пустит. Понял? – первый уже закипал.

– Да понял, понял. Чего не понять-то, – успокоил его второй.

– Ну раз тебе всё стало ясно, слушай мою команду. Грузим обоих на их лошадей и везём к сотнику, – решительно повелел первый.

* * *

Начальник личной охраны шаньюя Мотуна, подобно урагану, влетел в старую юрту, стоящую на окраине селения.

– Вот они, правитель, оба тут лежат. После полуночи были доставлены моими дозорными, – склонив голову, доложил вбежавший за ним сотник.

– Живы? – пророкотал полководец.

– Пока не отбыл к тебе, были живы, – неуверенно ответил тот.

– Смотри, если нет, то с ними здесь же сляжешь, – низко склонившись над женщиной, пригрозил полководец.

По его велению обоих раненых перенесли на повозку и в свете факелов повезли к центру ставки.

– Этих твоих дозорных, что нашли их, немедленно пришли ко мне, – запрыгнув на скакуна, приказал он сотнику и устремился следом за ней.

* * *

– Обычно она всего по три дня проводит на охоте. Было, что пару раз она задерживалась и дней на пять, но не дольше, – Тимей сидел у очага в царском шатре и растерянно смотрел на огонь.

– Ты что, отпускаешь её одну? – стоя за его спиной, удивлённо спросил Дассария.

– Да, ведь она привыкла в одиночку предаваться любимому занятию. Уединение на лоне дикой природы было своеобразным отдыхом для неё, вот я и не мешал ей. К тому же люди Цары всегда тайком присматривали за ней, – с досадой ответил Тимей.

– Что он сказал? – Дассария опустил на сиденье напротив него.

– Ничего. Он направлял за ней охранный отряд только тогда, когда я предупреждал о её предстоящей выезде. В этот раз ни я, ни он об этом не знали. Как и в какое время она покинула селение, никому не известно. Спихнулись, видимо, уже через день. Я был занят делами и не виделся с ней два дня, а когда заглянул в её шатёр, то не застал её там. Очаг прогорел и был остывшим. Прислуги у неё нет. Она всем занималась только сама, так что спросить не у кого, – Тимей вытянул руки к огню, будто хотел согреться.

– Что дали поиски? Нашли что-нибудь? Хоть какие-нибудь следы, места ночёвки, кострища сумели обнаружить? – Дассария с надеждой взглянул на него.

– Нет, – вздохнув, мотнул головой Тимей.

– Тебе нужно отдохнуть. Поиски будем продолжать дальше. Иди к себе и постарайся выспаться. Не нужно изводить себя. Это ничему не поможет, – Дассария поднялся, подошёл к брату и положил руку ему на плечо.

– Хорошо, Дассария, я постараюсь совладать с собой и взять себя в руки, – Тимей обнял Дассарию и вышел из шатра.

Недолго постояв и поразмыслив над чем-то, Дассария вызвал сотника охраны и повелел ему послать за начальником разведки Царой.

Тот быстро явился к нему.

– Мой царь, я слушаю тебя, – войдя в шатёр, склонил голову Цара.

– Проходи, Цара, присаживайся. Как твоя нога, заживает? – Дассария радушно встретил молодого полководца.

– Благодарю, властитель, всё в порядке. Почти не беспокоит, – Цара, слегка прихрамывая, прошёл к очагу и присел.

– Скажи мне, Цара, что дали поиски Тафуц? – также присаживаясь на своё место, спросил Дассария.

Цара взглянул на царя и тут же отвёл взгляд.

Заметив его заминку, Дассария насторожился:

– Что-то не так? Говори. Ничего не утаивай.

– Прости меня, мой царь, я виноват перед тобой, – Цара опустил голову.

– Не томи, – зная характер своего полководца, Дассария терпеливо ждал.

– Тафуц ушла с тем хунном, охотником по имени Муццуй. Я не стал направлять за ней своих людей, считая такое решение недопустимым для себя из-за её высокого положения. Я сам проследил за ней в ту ночь. После того как по твоему велению, властитель, Муццуя отпустили на волю, он встретился с Тафуц в полночь у излучины реки в северной стороне, и они вместе направились дальше, пройдя наши рубежи и войдя на

территорию врага. Я не знал о её целях, но был уверен в том, что она получила какое-то тайное задание от тебя, властитель, так как Тимей ни о чём подобном меня не предупредил. Когда начались её поиски, я был уверен, что всё это лишь продуманная уловка, необходимая для дела, связанного с её отъездом. Теперь я понял, что она направилась с этим человеком только по своему желанию. Видимо, их что-то связывает и у них есть какие-то свои интересы. Сообщать о своей случайной осведомлённости Тимею я не стал. Он мог попросту неправильно воспринять это и осудить меня за чрезмерно ретивое поведение. Все эти дни у меня не было сомнений в своей правоте. Но увидев переживания Тимея, я понял, что всё обстоит несколько иначе, нежели я предполагал. С этого времени я уже не мог не учитывать и возможности возникновения сугубо личных отношений, появившихся между Тафуц и Муццум, и по этой причине отказался даже от мысли уведомить Тимея обо всём известном мне. Это всё, – Цара замолчал.

Дассария задумался. С самого начала разговора с начальником своей разведки, уловив его нерешительность, он почувствовал неладное и где-то в глубине души уже ожидал от него какого-то нехорошего известия, связанного с пропажей Тафуц, но то, что довелось ему услышать, стало для него ошеломляющим открытием и невообразимой новостью. Поднявшись с места, он обошёл очаг, остановился возле Цары:

– Ты всё сделал правильно. Ступай. Мне нужно подумать.

– Слушаюсь, мой царь, – Цара поднялся, склонил голову и направился к выходу.

* * *

Прошло два дня, прежде чем Тафуц пришла в себя. Она открыла глаза. Первое, что она увидела, было отверстие в своде жилища, через которое проникал яркий солнечный свет. Тут же она почувствовала ноющую боль в левой ноге. В голове сильно шумело. Вялая путаница мешала появлению хоть какой-то мысли. Она не могла сосредоточиться и понять, что с ней случилось и где она находится. Прикрыв веки, ощущая слабость во всём

теле, она задремала. Сквозь приглушённые звуки, доносящиеся снаружи, она вдруг уловила чьё-то тихое близкое дыхание. С большим усилием, но ей всё же удалось напрячь слух и определить сторону, откуда оно исходило. Она повернула туда голову и вновь открыла глаза. В двух шагах от неё лежал Муццуй. Увидев его, она сразу вспомнила всё, что произошло с ними. Она поняла, что он жив, и это тронуло её, разлившись в груди лёгким теплом. Отвернувшись, она опять погрузилась в сон. Её утомили всплывшие в сознании события и всего лишь одно движение головы. Как долго спала, она не знала, но пробудившись, опять увидела свет, льющийся ярким потоком через верхнее отверстие юрты.

«Я нахожусь у хуннов. Нам не удалось сбежать», – пришла ей в голову первая и довольно неприятная мысль.

Но она тут же подумала о Муццуе, о том, что она не одна и он не бросил её и пытался исполнить обещанное, и от этого сразу стало легче. Ближе к вечеру она с трудом поднялась с лежанки. На раненой ноге была тугая повязка. На себе обнаружила чужую уже ношеную одежду, немного великоватую, но чистую и удобную. Подойдя к Муццуу, она долго разглядывала его. Он лежал на спине, укрытый накидкой. Его глаза были прикрыты, а дыхание казалось ровным и спокойным.

«Что же теперь будет с нами?» – тревожно подумала она, вернулась на место и прилегла.

* * *

Шаньюй Мотун сидел у своей юрты под большим кожаным навесом. День был слегка пасмурным и свежим. Он с удовольствием подставлял лицо прохладным дуновениям ветерка, с наслаждением вдыхая сырой бодрящий воздух, прислушиваясь к звукам падающих на тент редких капель дождя. Вокруг главной площади, вытопанной тысячами ног, простиравшейся прямо перед ним, возле своих юрт у котлов на пылающих кострах, как всегда, хлопотали женщины, изредка покрикивая на непослушную ребятню, пытаясь загнать их в жилища, дабы те не промокли. Отовсюду, пробиваясь сквозь дурманящие запахи

повлажневшей травы и земли, приглушая кислицу дыма и терпкость подсыревшего войлока, доносился аромат готовящейся еды. Иногда мимо площади под лай собак проносились группы всадников. Где-то слышался звонкий девичий смех. Во всём селении протекала обычная размеренная жизнь. Люди занимались своими повседневными делами, заботясь о семьях и хозяйствах, отдыхая и бодрствуя, приводя в порядок жилища и готовясь к трапезам, ухаживая за скотом и отлаживая снаряжения.

От созерцания царящей вокруг него умиротворённой житейской суеты шаньюю было приятно на душе. Сколько он помнил себя, он всегда любил дождливую погоду из-за её неповторимого чудодейственного своеобразия, благостно и по-особенному одухотворённо влиявшую на его чувства и ощущения. В такие мгновения он всем своим существом предавался уединённому насыщению её совершенно неожиданными, непредсказуемыми и в то же время до боли знакомыми проявлениями, упиваясь её не сравнимым ни с чем трепетным, будоражащим душу великолепием, наполнявшим всю округу уютными тонами, а его сердце очищенной и помолодевшей кровью. Из всех ниспосланных небесами разнообразий он больше всего любил дождь и его начало воспринимал как великий дар, способный сотворить чудо со всем, что есть на земле. Он свято верил, что только эта ниспадающая влага каждой своей каплей может по-настоящему преобразить всё: от самой маленькой букашки до человека, от камушка до величественной горы. Вот и сейчас он радовался тому, что всё увиденное и услышанное им в равной степени волновало его нутро. Такое совпадение в своих восприятиях происходящего для него являло собой редкостное сочетание и случалось с ним только при дождливой погоде.

«Как часто мы видим одно, а слышим совсем другое, поступаем так, а говорим иначе, при этом думая только о своём сокровенном. Люди устроены из противоречий. Даже глядя на усопшего, они думают лишь о себе, о том, что того уже нет, а они остались в живых, хотя вслух произносят, казалось бы, подобающие такому случаю слова и нехотя идут за телом, без

особого сочувствия провожая его в последний путь. Сущность человеческая соткана из запутанных нитей, дабы он знал своё место в этом мире и не пытался встать вровень с диким совершенством, где всё наполнено порядком, чистым естеством и истиной. Каждому человеку дорог только он сам. Всё остальное лишь видимость, состоящая из желания выглядеть не хуже других. Всегда и во всём для него превыше всего только помыслы о себе. Если вывернуть их наизнанку и показать окружающим, то он тут же умрёт от стыда. Оттого так и устроено, что думы каждого потаённые в его голове. Обращаясь к небесам, прося у них какие-то блага, он в первую очередь имеет в виду себя и уже потом других, прилюдно же преподнося свои мольбы, как высказанные ради всех. Вот и я такой же, как все. Народ мне нужен лишь для того, чтобы я чувствовал своё величие и ощущал власть над ним. Без него я никто. Если бы у меня была возможность править песками, я бы без утрызения совести ушёл к ним, покинув людей и забыв о них. Песка значительно больше, а значит, слаще была бы слава и дороже моя значимость. Но об этом я никогда и никому не скажу. Я всегда буду говорить только то, что дозволительно мне в моём положении, и вести себя буду так, будто для меня судьба каждого моего подданного важнее всего. Пусть верят. Они нуждаются в этом. Так нужно для всех. Эх, как нехорошо я думаю! Но что поделаешь, раз вышло так, что я властитель, а они простые смертные. От того, какой духовной пищей я буду насыщать свой народ, зависит очень многое: и его помыслы и его поступки», – размышлял над жизнью и над своим положением Мотун.

Тихо подошла служанка и подала ему чашу со свежим напитком. Приняв её, он внимательно посмотрел на женщину. Она была молода и красива.

Он невольно сравнил её с пленницей: «Похожа на Тафуц. Надо же, уже скучать стал по этой чужеземке. Вот ведь как бывает?! И видеть её хочу, и встречи с ней желаю, а не могу. Боязнь появилась. Наверное, годы дают о себе знать. Не те уже, чтобы что-то начинать сызнова. Телом её завладеть, конечно, можно, но вот душой она не примет меня, а такого счастья мне не нуж-

но. Не такая она женщина, чтобы променяла честь на подаяния. Гордая и чистая она, потому и сбежать пыталась. Оков, даже золотых, не терпит. Заточением её не сломишь. Это видно. Как же добиться её расположения? Муццуй не помеха. К нему она питает лишь уважение, но не больше того. Видимо, есть кто-то, кто занял уже место в её сердце. Оттого и рвётся обратно в свои земли. Эх, кабы знал я, как пересилить её чувства и овладеть ими, не сидел бы здесь в одиночестве, а наслаждался бы вместе с ней этой дивной погодой. Несмотря на молодость, она очень даровита, языками владеет, а это уже само по себе огромное, не измеримое ничем бесценное подспорье в условиях военных действий. Сколько бы с ней мы великих дел сотворили?! Всего один человек – и на тебе, изменил весь ход войны. Четыре стойбища из-за неё я потерял, да к тому же впервые отступил. Да за такое деяние нужно на тысячу частей разорвать её, а я даже зла на неё не держу. Ну не странно ли это? А ведь во всём повинна душа моя. Прикипела она к этой женщине неожиданно. Даже признаться себе в этом совестно. Может, взять да и открыто сказать ей обо всём? Представляю её удивление. Зрелый мужчина, властитель непобедимых и доблестных хуннов склоняется перед ней и бросает к её ногам целую державу! Где и когда было видано такое? Хотя, если откровенно признаться себе, я готов на этот шаг. Наверное, во мне появилось моё последнее в жизни возвышенное чувство. О небеса, зачем вы послали на мою голову ещё и это испытание! Выдержу ли я его достойно? Справлюсь ли с ним подобающе? Прямо помутнение какое-то в моём разуме. Неужели такое бывает в жизни? Ведь это же сладкая доля для молодых, а для престарелых людей – уже горькая участь. Как мне поступить с этой женщиной теперь?»

Мотун, погрузившись в свои глубокие и непростые раздумья, не сразу заметил подошедшего к нему начальника охраны.

Тот покорно стоял сбоку от него, не смея нарушить течение его мыслей.

– А, это ты, мой верный полководец Тай-Да. Пройдём в юрту. Что-то прохладно здесь стало. Засиделся я, – взглянув на него, шаньюй поднялся.

В юрте было тепло и светло.

– Вели подать еду. На свежем воздухе проголодался я. Да и ты, наверное, ещё не ел, – усаживаясь на своё место, произнёс Мотун.

Утолив голод, обмыв руки, он прилёг.

– Великий шаньюй, дозвожь мне доложить, – дождавшись, пока уйдёт прислуга, начал начальник охраны.

– Говори, – разрешил Мотун.

– Вольный охотник Муццуй по-прежнему в забытьи. Женщина быстро поправляется и уже вполне готова к допросу. Мне самому приступить к нему или же привести её к тебе, великий шаньюй?

– Поговори вначале сам. Сопоставь сказанное ею с тем, что поведали тебе те дозорные. Особого усердия проявлять не нужно. Полагаю, она пока слаба и ещё не способна выдержать твоих долгих расспросов. Не утомляй её. Помни, что она нужна мне для очень важных целей. Где мы ещё найдём человека, знающего язык наших врагов саков? Сейчас постарайся узнать от неё о том, где и когда они сговорились с Муццуем о побеге отсюда и кто подал мысль об этом. Дай ей понять, что никто ничего плохого ни ей, ни ему не желал и не желает. Поясни ей, что её пребывание здесь связано всего лишь с гостеприимством. На её возможную просьбу предстать передо мной ответь отказом. Меня нет. Понял? Так надо. Не наступило ещё подходящее время. Муццуя не беспокой. Но как только он станет приходить в себя, обязательно перевези его в другую юрту. Следи за ним день и ночь. Смотри не опоздай. Они не должны обмолвиться между собой ни единым словом. Её не встревожь. Скажи ей, что так будет лучше и для неё, и для него, что это вызвано необходимостью для скорейшего их выздоровления. Никого, кроме своих людей, к ним не подпускай. Ступай, – шаньюй устало прикрыл глаза.

* * *

«Этот охотник обманул и Тимея, и Цару. Он появился в наших землях, чтобы встретиться с Тафуц. Для чего? То, о чём они говорили с ней, на самом деле никому не известно. Значит, он только ей мог объяснить истинную цель своего прибытия к

нам. Обвинение в предательстве своим же властителем, наверняка, является правдой. Именно по этой причине он изгнан из своего народа. Стало быть, он ошибочно принят за изменника и наказан вместо того, кто действительно стал им, того, кто не выдержал пыток и выдал нам всё, что знал. Только один человек мог подтвердить проявленную Муццумей стойкость и честность. Это Тафуц. За ней он и пришёл сюда. Поведай она об этом Тимею, он бы не отпустил её от себя. Вот она и не решилась поделиться с ним просьбой охотника об оказании ему помощи и выбрала свой путь, рассчитывая на понимание и благородство правителя хуннов. Как же глупо и наивно она поступила! Он не отпустит её никогда. Если она благополучно добралась до его ставки, то она явно жива. Таких людей, как она, знающих многое о противнике и, главное, обладающих его языком, берегут пуще всей казны или целой армии. Любой властитель за поднесение такого бесценного дара простит всё что угодно, и даже более значительное преступление перед ним, не говоря уже о помиловании простого человека, не совершившего ничего предосудительного. Где и как найти выход из этого сложного положения? Как вернуть Тафуц и успокоить Тимея?» – рассказывая по шатру, напряжённо думал Дассария.

К утру он принял решение и вызвал к себе Чардада и Цару, рассказав первому обо всём, что стало ему известно от Цары, и изложив им обоим свой план предстоящих действий. Согласно задуманному, Цара должен был срочно и тайно покинуть главный лагерь, после чего любой ценой захватить в плен как можно больше вражеских воинов и держать их на границе с хуннами до прибытия Чардада. Чардад же со свитой и охраной, забрав по пути этих пленников, отбывал в ставку властителя шаньюя с посланием царя массагетов об обмене Тафуц на его людей. В случае получения отказа, в чём Дассария нисколько не сомневался, Чардад приступал к осуществлению основной части плана – предложению о заключении мира между саками и хуннами. После чего Чардад обязан был возобновить переговоры об обмене. Дассария понимал, что, направляя Чардада и его вои-

нов в стан врага, он шёл на большой риск, возможно, жертвуя их жизнями, но он рассчитывал на извечную гарантированную неприкосновенность послов и надеялся, что для шаньюя Мотуна спокойное будущее всего своего народа гораздо важнее судьбы одной чужеродной женщины, пусть и очень значимой. В завершение беседы Дассария подал Чардаду свою золоченную царскую плетть, дабы тот в случае заключения мирного договора с шаньюем хуннов передал её ему в знак закрепления этого соглашения. Также он высказал им свою просьбу о том, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ставили в известность Тимея обо всех этих поручениях и до подходящего момента держали его в полном неведении.

Отдав полководцам все распоряжения, тем самым сделав первый шаг в осуществлении своего замысла, он остался один и теперь задумался над тем, что больше всего тревожило его душу, о чём он не стал делиться ни с кем из них и не высказался перед ними по этому поводу. Отныне Дассарию очень беспокоила реакция царей союзных племён на его действия, не согласованные с ними, но совершаемые и от их имени. Сейчас он не мог даже предположить, как поведут они себя после того, как узнают о предпринятой им попытке заключения мирного соглашения с вражеским правителем, захватившим почти половину всех сакских земель.

* * *

Шаньюй Мотун находился на конной прогулке в живописной местности недалеко от своей ставки.

«Похоже, Тафуц говорит правду. Ножом, что случайно нашли у неё в сапоге, она вполне могла разрезать не только войлочный покров юрты. С его же помощью ослабить и переломить прутья каркаса не составило большого труда для неё. Опять же, встреча её с Муццумом, как она объясняет, могла действительно произойти совершенно непреднамеренно. Он обещал вернуть её обратно в селение, вот и находился поблизости от её жилища в надежде решить этот вопрос. Его тоже можно понять. Она спасла ему жизнь, помогла восстановить честное имя, следова-

тельно, он обязан был исполнить свой долг перед ней. Не верить в то, что их ночная встреча при её побеге была лишь простым совпадением их действий, оснований нет. Дальше всё тоже получилось именно так, как она и пояснила. Её слова нашли полное подтверждение в показаниях дозорных. Найти лошадь для умелой охотницы также не представляет особой сложности. Но этот вопрос решил Муццуй, заблаговременно приготовив коней в схроне. Видимо, он ждал подходящего случая ежедневно. Выходит, что он, помогая ей, не совершил ничего предосудительного. Он ведь не мог знать о моих планах относительно её будущего. Получается, что после его окончательного выздоровления мне придётся отпустить его. Вот только оставлять его здесь не следует. Нужно сегодня же, пока он не пришёл в себя, отправить его в другое становище. Подальше. Пусть это и будет наказанием за своеволие. Всё, что он может сказать, уже не имеет значения», – размышлял он.

После его возвращения в ставку Муццуя погрузили на повозку и в сопровождении небольшой охраны повезли в самое отдалённое становище.

В один из дней к шаньюю Мотуну прибыл гонец от Куту сянь-вана и передал от него известие о том, что на границе с саками произошло крупное столкновение, в результате которого врагом были захвачено в плен почти полсотни его воинов. После прошедшего последнего сражения наступило долгое затишье. Дозорные отряды обеих сторон постоянно вели наблюдение друг за другом и при случайных сближениях старались разойтись с миром. Эта стычка между ними была первой.

Выслушав гонца, шаньюй насторожился. То, что произошло на его южных рубежах, явно таило в себе тревожный сигнал и вполне могло служить преддверием готовящегося противником наступления. Шаньюй отослал гонца обратно к Куту сянь-вану с поручением довести до сведения веление приготовиться к сражению.

* * *

Повязав поверх шлемов лоскуты белой ткани, пять сотен сакских воинов во главе с Чардадом вошли на территорию врага. Дальние дозоры хуннов, увидев сакских воинов и быстро оповестив свои соседние отряды, стали тут же скапливать силы и уже намеревались начать атаку, но, вовремя обратив внимание на то, как те продвигаются – не в боевом порядке, а маршевой колонной, причём с необычными повязками на головах, да к тому же ведя с собой полсотни их собратьев, – тут же изменили решение и пропустили их, выделив им усиленное сопровождение. Чардад заметил, как от хуннов умчались гонцы. Он первым уверенно вёл своего скакуна, следя за противником только лишь глазами, не поворачивая в его сторону голову. Его воины молча следовали за ним, так же как и он, стараясь не замечать врага, всем своим видом игнорируя его близкое присутствие, держа луки за спинами и не прикасаясь к оружию.

* * *

Шаньюй Мотун, ожидавший скорого возобновления войны с саками, был немало удивлён появлением их странного отряда в своих землях. Повелев своим полководцам нигде не чинить ему препятствий, везде и всюду пропуская и указывая дорогу к его ставке, он пребывал в ожидании его появления у себя. То, что саки вели с собой его плененных воинов, как он полагал, могло свидетельствовать об их мирных помыслах, но что на самом деле стояло за всем этим, он пока не понимал.

* * *

Судя по небывалому оживлению, царящему в главном селении, Тафуц догадалась, что произошло что-то важное. Она присела возле своей юрты, наблюдая за всем происходящим вокруг, пытаясь понять, чем всё-таки вызвано такое поведение хуннов. Вскоре появилось множество воинов, создавших собой живой коридор от южной окраины ставки до площади и окруживших её плотным кольцом, а через некоторое время сквозь

этот строй караула к юрте шаньюя проследовал начальник его охраны и ещё какой-то всадник. Тафуц поднялась, всмотрелась в него и, к своему удивлению, узнала в нём самого Чардада. Этого не могло быть. Она не верила своим глазам. Девичье сердце бешено заколотилось в предчувствии встречи с ним и возможного освобождения из заточения. Она забежала в юрту, приводя себя в порядок, нисколько не сомневаясь в том, что за ней скоро пришлют, так как без неё общение шаньюя и Чардада просто не представлялось возможным.

* * *

Шаньюй Мотун встретил посла саков в полном боевом облачении. Предложив ему почтительным жестом присесть у очага по свою правую руку, он внимательно разглядывал его, отмечая про себя каждую деталь его внешности и одеяния. Тафуц уже находилась здесь. Её глаза сияли радостью, что сразу же было замечено шаньюем и весьма не понравилось ему. Внесли угощения. Того требовали обычаи хуннов. Трапеза длилась довольно долго. Яства сменялись с определённой периодичностью. Вначале были поданы мясные блюда из нежной жеребятины, телятины и ягнятины, отваренные, копчённые и запечённые на углях в желудке с жиром, затем они сменились мясом дикой дичи, рыбой и всевозможными сырами, и в завершение внесли свежайшее кислое, только что взбитое, пенящееся кобылье молоко. Закончив трапезу, обмыв руки, шаньюй взглянул на Тафуц и приступил к разговору.

– Всегда и на всё воля небес. Однажды мне было суждено прийти в эти земли, где прежде обитал ваш народ. Начались неотвратимые войны. Теперь мне доводится принимать у себя посла своего врага как гостя. Кто ты? Назовись и поведай мне о цели своего визита, – произнёс он, обращаясь к Чардаду.

Тафуц перевела его слова.

– Властитель хуннов, я прибыл к тебе по поручению своего правителя царя Дассарии. Моё имя Чардад. Я вождь одного из племён саков – массагетов, чьи земли простираются прямо на юг от тебя. Прежде всего хочу выразить благодарность за то, что

ты не чинишь мне препятствия на пути в твою ставку, – склонив голову, начал Чардад.

Шаньюй благосклонно кивнул.

– Пленные воины доставлены в полной сохранности. Ни один из них не подвергался ни истязаниям голодом и жаждой, ни пыткам. От имени своего царя Дассарии я предлагаю тебе обмен, – Чардад смотрел в глаза шаньюя.

Дослушав Тафуц, Мотун удивлённо вскинул брови, но промолчал.

– Так вот, твоих воинов, властитель хуннов, он меняет на женщину по имени Тафуц, – спокойно договорил Чардад.

Тафуц была поражена услышанным. Её голос дрогнул от охватившего волнения. Шаньюй ненадолго задумался, пригубил чашу, улыбнулся и несколько равнодушно произнёс:

– Вождь Чардад, я ведь могу и без обмена забрать эту полусотню, так опрометчиво попавшую в ваши руки. Как любой правитель, я дорожу своими людьми, но не настолько, чтобы радоваться возвращению горстки слабаков, не способных постоять за себя. Предложение твоего царя я отвергаю. Если желаешь, я могу казнить их принародно как предателей.

– Властитель хуннов, нам неведомо то, как у вас принято поступать с послами, но у нас в степи к ним относятся весьма почтительно и они, с кем бы ни прибыли, обладают полной неприкосновенностью. В данном случае приведённые мною взятые в плен воины являются частью моей свиты и всецело принадлежат моему царю, – Чардад помнил наказ Дассарии быть вежливым, но напористым и учитывал такой ответ шаньюя.

– Среди моего народа, доблестный Чардад, также чтят слов. То, что ты прибыл ко мне без единой заминки в дороге, и есть наглядное свидетельство тому. Обвинять меня в непочтении к тебе и твоим людям у тебя оснований нет. Думаю, нам не следует больше вести беседу по этому поводу. Моё мнение относительно обмена, надеюсь, тебе понятно. Если у тебя есть ещё что сказать, то я готов выслушать. Но если нет, тебе пора отбыть обратно. Пленных можешь забрать с собой или же казни их сам. Они в твоей власти, – Мотун говорил сдержанно и очень серьёзно.

– Я понял тебя, властитель хуннов. Признаться, я ожидал от тебя такого ответа. Наверняка ты не пошёл бы на обмен этой женщины даже на тысячу своих воинов. Ты прав, она много знает и к тому же владеет языками, что немаловажно в условиях войны. Но не всё измеряется только интересами военного положения. Мой царь рассчитывал на человеческое понимание с твоей стороны. Прежде всего, она женщина. Её место у своего очага, где её ждут. Ведя с тобой эти переговоры, я не могу не касаться её судьбы. Поверь, властитель хуннов, это очень важно для неё. Ты долго пожил под этим небом, многое пережил и повидал. Тебе не чуждо ничто человеческое. Мой царь надеялся на твоё доброе понимание. Неужели женщина, кем бы она ни была и какими достоинствами ни обладала, может стать заложницей в войне, ведомой мужчинами? Так не должно быть, – более примирительным тоном произнёс Чардад, продолжая настаивать на своём.

– Ты, вождь Чардад, вижу, искушён в словесности. Это приятно. Но ты не учёл одного обстоятельства. Эта женщина не заложница, а моя гостья. Она прибыла ко мне по своей воле. Никто её не брал в плен и не доставлял сюда против желания. Теперь она находится под моей властью и защитой. Её не содержат в заточении. Скажу тебе больше. С тех пор как она появилась у меня, ей не было задано не единого вопроса, связанного с вашим военным положением. Она сама может подтвердить правоту моих слов. В отличие от вас, пытавших и убивших моего воина, ставшего, к сожалению, изменником, я не веду себя так, хотя для меня очень важно всё, что она знает. Мы ведь с вами враги, – Мотун величаво и с достоинством парировал всё сказанное Чардадом.

Тафуц, переводя его слова, добавила от себя, что он лжёт и она не хочет оставаться здесь.

Чардад всё понял и продолжил:

– Хорошо, властитель хуннов, твоё мнение относительно этого вопроса мне понятно. Мы пока противники, это правда. В таком случае, с твоего позволения, я готов перейти к обсуждению особого поручения своего царя. Он уполномочил меня

от его имени предложить тебе, властитель хуннов, заключить мир между нами.

Было видно, как шаньюй изменился в лице. Пытаясь скрыть это, он медленно провёл по нему рукой, словно желал таким образом избавиться от усталости. Неожиданный поворот в беседе явно застал его врасплох. Довольно быстро совладав с собой, он спросил:

– Скажи, вождь Чардад, твой царь, он царь всех саков? Теперь растерялся Чардад.

Он помнил веление Дассарии предложить мир от имени всех саков и не знал, как вести себя в этой сложной ситуации, идя на обман.

– Нет, властитель хуннов. Мой правитель является царём сакских племён массагетов, – вынужден был признаться он.

– Выходит, что предложенное им мне посредством тебя есть всего лишь полумир или того меньше, – резонно подметил шаньюй.

– Разве этого мало за жизнь и освобождение одного человека? – Чардад всем нутром ощущал слабость своей позиции.

– Согласен. Не так уж и мало. Но в таком случае я не могу понять, как в условиях военных действий с другими вашими племенами я буду знать, что вы не принимаете в них участия. К тому же, хотя это уже не моё дело, своими обособленными действиями вы ведь противопоставляете себя всем своим собратьям. Для меня это небывалая новость, – искренне произнёс шаньюй и тут же подумал: «Видно не всё у вас обстоит так хорошо, как ты пытаешься представить мне. Чем глубже раскол в ваших рядах, тем лучше для меня. Нужно воспользоваться вашим предложением и своим положением и внести в вашу среду ещё больший и непоправимый раздор и тем самым значительно ослабить позиции. Наверняка правители других ваших племён не извещены об этом визите. Коль ты, посол, начал беседу с обмена женщины, а не с заключения мирного соглашения, то это значит, что твой властитель преследует интерес скорее сугубо личный, нежели державный. Заключив с твоим царём мир, я ничего не теряю и, более того, получаю

неожиданное и довольно весомое преимущество. Хвала великим и всемогущим небесам за предоставление мне такой весьма выгодной и существенной возможности. На моём месте в создавшейся ситуации было бы неразумно не пойти на такую договорённость. Обратное было бы большой глупостью с моей стороны. Всё-таки придётся пожертвовать этой женщиной ради своего блага. Чувства чувствами, а победа над саками, сотворённая их же руками, не ценнее моих душевных мук. Время погасит их и растворит в себе. Разум, как всегда, возобладает над сердцем. Теперь главным становится другой мой шаг. Как же сделать так, чтобы все саки узнали об этом мирном соглашении? Только тогда среди них возникнет недоверие друг к другу и начнутся кровавые междоусобицы. Вот над чем мне нужно сейчас очень серьёзно подумать».

– Вот что, вождь Чардад, я склонен доверять тебе, как особому человеку и полководцу, исполняющему высокую миссию посла своего царя, но ты уж не обессуди меня за вопрос. Ты поймёшь, насколько он правилен, уместен и важен. Скажи, как ты намеревался удостоверить свои полномочия и скрепить возможное соглашение между нами? – приняв для себя решение, спокойно спросил Мотун.

Чардад встал и вытащил из-за пазухи кожаный свёрток. Бережно развернув его, он шагнул к шаньюю, опустился на колени, склонил голову и протянул свёрток на обеих ладонях. Мотун также поднялся и с почтением принял подношение, с интересом рассматривая его.

– Властитель хуннов, это царская плеть. Она является одним из символов власти над массагетами. По велению своего правителя я должен её отдать тебе в случае заключения договора о мире между нами, – пояснил Чардад.

Осторожно взяв в руки плеть с золотой рукоятью и выбитым на ней конём, внимательно оглядев её ещё раз, шаньюй ненадолго задумался, затем также почтительно вернул её Чардаду со словами:

– Доблестный вождь Чардад, сомнения развеяны, ты убедил меня в своих очень высоких полномочиях. Тебе и твоим людям

нужно отдохнуть. Отныне вы мои гости. О своём решении я скажу тебе позже.

Чардад склонил голову, понимая, что разговор на сегодня окончен, но прежде чем покинуть шаньюя, он произнёс:

– Властитель хуннов, все твои люди, что прибыли со мной, свободны.

– Что ж, благодарю тебя, вождь Чардад, за оказанную честь.

* * *

По велению Мотуна всех сакских воинов разместили на ночлег в чистых просторных жилищах, относясь к ним радушно и уважительно. Для Чардада же возвели юрту вблизи от главной юрты самого шаньюя, что имело огромное значение.

* * *

На следующий день неожиданно для саков с самого утра загрохотали барабаны, оповещая селение о чём-то важном. Главная площадь была полностью оцеплена войсками. За спинами этого живого ограждения толпились тысячи простолюдинов. От неё до юрты посла был выстроен почётный караул. Шаньюй Мотун уже восседал на своём излюбленном месте под навесом, куда пригласил и Чардада, усадив его справа от себя. Тафуц удобно расположилась за ними. Воины саков находились здесь же. Они также были размещены чуть в стороне от властителя хуннов. Окинув взором площадь, шаньюй встал. Воцарилась тишина.

– Народ мой! Сегодня необычный день. К нам впервые прибыли гости из соседней земли саков. Такой их визит являет собой начало новых отношений между нами и может послужить хорошим предзнаменованием в деле налаживания мирных связей. Хунны всегда и невзирая ни на что славились своим гостеприимством, и поэтому в честь прибытия посла властителя саков начинается этот пир, – Мотун высказал подобающее приветствие сакам и своим сородичам, начав празднество.

До полудня длились всевозможные состязания и единоборства, что во все времена было частью оказываемых почестей и свидетельствовало о мощи тела и духа воинов принимающей

стороны. Награды победителям вручал сам шаньюй. После устроенных состязаний площадь была начисто убрана, и прямо на ней постелили огромные войлочные ковры, поверх которых из расчёта на небольшие группы людей были уложены тонкие кожаные настилы. На них и стали подавать различные кушанья. Вместить всех желающих отведать главные пиршественные яства площадь не могла, но никто обделённым не остался. Из несметных табунов властителя накануне вечером было отобрано и зарезано достаточное количество жирных лошадей, и каждая семья получила свою щедрую долю. Ближе к вечеру шаньюй Мотун поблагодарил небеса за ниспосланные ими блага, выразил признательность народу за участие в пиршестве, пожелал Чардаду хорошего отдыха и удалился в юрту.

* * *

Лишь только забрезжил рассвет, Чардад был приглашён к шаньюю.

Несмотря на очень насыщенный событиями прошедший день, Мотун не выглядел уставшим и был свеж и бодр.

Он предложил Чардаду душистый напиток и произнёс:

– Достопочтенный вождь Чардад, я обдумал предложение твоего царя. Считаю, что оно приемлемо и для меня и для моего народа. Мир, пусть даже с частью своего врага, это тоже немалый успех. Твой властитель решился на этот шаг обдуманно, а значит, видит в этом такой же смысл, что вкладываю в него и я. Что касается Тафуц, то она вольна поступать так, как сама считает нужным. Она была свободна в выборе, прибыв однажды ко мне. И теперь никто её не ограничивает в поступках. Но у меня есть одно условие. Того требует важность создавшейся ситуации. Ты сейчас поймёшь меня. С тобой она не уйдёт. Не беспокойся за неё. Я передам её лично твоему царю, а для этого я назначаю ему встречу на наших совместных рубежах. Ты отбываешь сегодня в полдень. Я же буду ждать его в срок, равный двойному твоему пути, что ты затратил на прибытие ко мне. В знак доверия твоему царю прими от меня мой меч и вручи ему, как только предстанешь перед ним. Это всё.

Стоявший у входа полководец, тот, кто первым встретил Чардада и его людей на подступах к ставке шаньюя, молча подошёл к нему и протянул ему оружие в золочёных ножнах, на которых был барельеф медведя.

Чардад поднялся, принял подношение, вновь вытащил царскую плеть и преподнёс её шаньюю:

– Да будет так, властитель доблестных хуннов. Прими и ты этот символ моего правителя.

В полдень саки выступили в обратную дорогу.

Тафуц проводила их со слезами на глазах.

В её окружении тут же произошли перемены.

Отныне её никто не сопровождал и не охранял.

* * *

Муццуй, пришедший в себя на следующее утро по прибытию в дальнее становище, через пять дней, хоть и не очень уверенно, но уже начавший самостоятельно передвигаться по юрте, опираясь на старое древко копья, сколько не старался, не мог понять, почему и как он оказался здесь. О том, что побег с Тафуц не удался, он догадался сразу, увидев и столь знакомое хуннское жилище, вспомнив и своё ранение на реке, но того, что случилось дальше, он не знал. Все его думы теперь были только о Тафуц. Имея навыки выживания в условиях дикой природы, привитые ещё отцом и нажитые уже в свою бытность, будучи знатоком целебных свойств различных животных жиров, трав и отваров из них, он активно принялся за своё лечение и вскоре значительно преуспел в этом деле, быстро пойдя на поправку и почти избавившись от болей в боку. При этом из-за недоверия к хозяйке жилища, не обращавшей на него внимания и не проявлявшей никакой заботы, он всё старался делать во время её частых и длительных absences, при ней же продолжая вести себя так, как и подобает тяжело раненному человеку.

Одинокая престарелая женщина, в чьей юрте и был оставлен Муццуй, вела себя странно: либо по указу начальника личной охраны шаньюя, рассчитывавшего на его скорейшую смерть,

либо по своей воле она почти целыми днями находилась где-то в селении, но только не у себя. Такое её безразличное поведение поначалу раздражало его и вызывало в нём негодование, но со временем стало удобным для него. Почувствовав прилив сил, желая как можно скорее узнать обо всём, что произошло с Тафуц, в один из поздних вечеров, когда хозяйка вернулась в юрту, Муццуй нарочито слабым безжизненным голосом обратился к ней с просьбой привести к нему из загона его жеребца. От неожиданности открыв беззубый рот, она едва удержалась на ногах, схватившись за сердце и уставившись на него словно на привидение.

«Ого, какая ты пугливая! Ну-ка, я застрашаю тебя. Хоть какую-то пользу выжму из тебя», – игриво подумал он.

– Сегодня я умру. Охотник покидает этот мир только на своём коне и всегда вдали от людей. Я охотник. Никто не должен видеть моей смерти. Если ты, старуха, не хочешь, чтобы я проклял тебя, то сделай всё, что я скажу. Иначе ты ослепнешь, онемеешь, у тебя отнимутся ноги и руки. Этого тебе точно не миновать. Поняла ли ты меня? – растягивая слова, придавая им зловещий тон, прошептал Муццуй, с трудом сдерживая смех.

Перепуганная хозяйка, не сводя с него глаз, затрясла головой, что явно означало понимание. Видя её полуживое состояние, он с удовольствием продолжил:

– Коня моего знаешь? Приведи его, да смотри не ошибись. Поняла?

Старуха закачалась и плавно опустилась на колени.

– Как только я надену на себя мешок и лягу поперёк седла, ты поведёшь коня за окраину селения. В ту сторону, – Муццуй слабым жестом показал на восток. – Тебе повстречаются дозорные. Ты им скажешь о моей смерти и о том, что ты хочешь сбросить моё тело в реку. Запомни: так велел сам великий шаньюй! Поняла?

Старуха вновь судорожно затрясла головой. Она уже была готова умереть от страха. Её глаза стали закатываться наверх. Дрожащими руками она водила перед собой, намереваясь рухнуть.

«Ну и нагнал же я жути на тебя! Не перестараться бы. Эй, ты чего? Того и гляди, сляжешь тут, так и не дослушав меня! Ничего, сейчас я задам тебе хорошую встряску», – с азартом подумал Муццуй.

Он решил быстрее покончить со всем этим, хотя ему очень нравилось, как это зловредина мучилась. Глубоко и с небывалым хрипом вздохнув, выкатив на неё глазища, он заорал:

– Бегом за лошадьё! Видишь, умираю!

Не успел он и глазом моргнуть, как её уже не было в юрте. Всё получилось так, как он задумал. Выслушав старуху, дозорные расступились, тихо переговариваясь о том, что наконец-то бедная вдова дождалась своего хорошего дня, избавившись от лишних хлопот. Кто-то из них не очень настойчиво предложил ей помощь.

Она тут же прибавила шаг, злобно шепнув в ответ:

– У самого пусть руки и ноги отсохнут.

Дозорные замолчали. Уверенная в том, что её мучитель уже давно умер, старуха довела коня до реки, остановилась, плюнула на мешок и побежала обратно. Муццуй сполз с коня, смеясь, снял мешок, бросил его в воду, похлопал любимчика по шее и взобрался в седло. Сделав большой полукруг, убедившись в том, что дозоры не заметили его и никто за ним не следует, он повернул на юг и во весь опор погнал жеребца к главному стойбищу.

Через три дня к полуночи он приблизился к ставке. Стараюсь быть незамеченным, надёжно спрятав коня, он бесшумно, словно змея, проскользнул сквозь ближнюю охрану селения, украдкой, скрываясь за загонами для скота, тенью пробрался к юрте Тафуц и припал к земле. К своему удивлению, стражников у входа в её жилище он не обнаружил. Выждав какое-то время, оглянувшись по сторонам, прислушавшись к ночной тишине, убедившись в безопасности, он поднялся и метнулся к юрте, рывком откинул полог и влетел в неё. Тафуц спала. Утирая пот, успокаиваясь, Муццуй тихо прошёл к очагу. Почувствовав чьё-то появление, она проснулась.

– Тише, Тафуц, это я, Муццуй, – прошептал он.

Она вскочила на ноги, бросилась к нему, обняла его и молча прижалась к его груди.

– Ты жива. Я тревожился за тебя, – погладив её по голове, взволнованно произнёс Муццуй.

Покормив его, Тафуц поведала обо всём, что произошло за это время. Его удивление нарастало с каждым её словом. Теперь он знал всё. Он понял действия шаньюя. Отправив его в дальнее становище, тот попросту решил разлучить их с Тафуц, дабы не случилось повторения побега. Больше всего из её рассказа Муццуя поразило событие, связанное с прибытием сакского посла с целью заключения мира. Это было неожиданной новостью. В какой-то момент он даже обрадовался тому, что освобождение Тафуц должно произойти довольно скоро, причём по воле самого шаньюя, но уже через миг странные сомнения закрались в его душу. Причиной тому стал вопрос, возникший у него в голове: «Почему шаньюй, намереваясь заключить мир с саками, не отпустил её сразу с их послом?» Торопясь уйти затемно, Муццуй поинтересовался у неё, верит ли она обещаниям шаньюя или же готова опять совершить побег. Убедившись в том, что она не доверяет ни единому его слову и согласна на бегство, он пообещал ей тщательно подготовиться и в следующую ночь прийти за ней. Уходя, он попросил её ничего не брать с собой. Также Муццуй предупредил её, что у реки придётся снять сапоги и часть своей одежды и оставить их на берегу, дабы ищущие могли поверить в то, что она покончила с жизнью, бросившись в воду.

* * *

Крепко ухватившись за две большие высохшие коряги, связанные между собой ремнями, находясь в середине них, тем самым исключая повторение допущенной прежде ошибки и желая надёжно защититься от возможного обстрела из луков с обоих берегов, Муццуй и Тафуц плыли по реке, оставив уже далеко окраину ставки. Впереди них, также виднеясь над водой сучковатыми боками, скользило несколько брёвен, заранее пущенных Муццум по течению. Заметив в одном месте близкий

ночной дозор, они пригнулись, спрятав головы. Воины дальней охраны, похоже, не обратили никакого внимания на проплывающие мимо них коряги. Разместив лошадей на этот раз заранее гораздо ниже по реке, Муццуй часто подгрёбал ближе к берегу, внимательно всматриваясь в него, пытаясь не пропустить оставленного там знака. Наконец его усилия оправдались. Он увидел торчащую на отмели палку, наполовину светлевшую из-за очищенной коры. Отпустив спасительные коряги, они подобрались к пологому берегу и вскоре устало вышли на него. От долгого пребывания в холодном потоке и появления на свежем ветру их бросило в озноб. Отдышавшись, они побежали к зарослям. Лошади были на месте. Отвязав от седла на своём жеребце тяжёлую медвежью шкуру, Муццуй тут же укутал в неё Тафуц, затем накинул на себя большую шубу из овчины. Они присели на траву, отдыхая и быстро согреваясь.

– Ну, как ты? – тихо спросил он.

– Уже хорошо, – ответила она.

– У меня есть еда. Хочешь?

– Нет. Пока не проголодалась.

– Я всё хотел спросить у тебя, почему шаньюй так спокойно отнёсся к тому, что я пробрался к тебе в ту ночь и увёл с собой. Ведь наверняка ему доложили о том, как я проник в твою юрту?

Тафуц хотела было сказать, что взяла на себя всю ответственность за тот побег и обманула шаньюя, сказав, что сама разрезала войлок в жилище, но вспомнив о припрятанном и обнаруженном позже ноже, промолчала, так как не желала, чтобы Муццуй узнал об этом. Она была уверена в том, что он, услышав её объяснение относительно появления у неё этого ножа, мог обидеться за недоверие к нему, проявленное ею в той их первой дороге сюда, в ставку шаньюя, а говорить неправду ей не позволяла совесть.

– Я тоже не могу понять, – тихо произнесла она.

– Нам пора, – поднимаясь, предложил Муццуй.

Они взобрались на лошадей и повернули их на юг.

– Меч для саков символизирует войну. Какое значение придают ему хунны, передавая его противнику? Неужели мир? – держа в руках подарок Мотуна, расхаживая по шатру, размышлял вслух Дассария.

Чардад и Цара сидели у очага.

– То, что ты, Чардад, сказал властителю хуннов правду о предложении мною мира не от имени всех саков, а лишь от массагетов, ничего теперь не может изменить. Узнав об этом, он, скорее всего, многое понял, но тем не менее не стал отказываться от него. Шаньюй Мотун очень догадлив, весьма предусмотрителен и достаточно умен и прозорлив. Его желание встретиться со мной лично на самом деле есть стремление придать данному соглашению всеобщую огласку. А знаешь, для чего он затеял всё это? Его цель – разлад в отношениях между сакскими племенами и, конечно же, в первую очередь между мною и всеми остальными правителями саков. Степь сразу же узнает, что я, царь массагетов, втайне заключил мир с врагом, а значит, предал собратьев. Шаньюй рассчитывает именно на это. До твоего возвращения из его ставки, не зная об итогах переговоров, я не стал извещать союзников о направлении тебя к нему. Теперь же об этом вообще не стоит говорить им. Я подумаю, как найти выход из положения. Вот только времени почти нет. На рассвете мне следует выступить к нашим рубежам на встречу с шаньюем в указанный им срок. Остаётся всего три дня. Отказываться от неё я не могу. Никакого договора не будет. Переданные нами символы власти должны быть обязательно возвращены обеими сторонами. Очень надеюсь, что Тафуц он отпустит к нам до начала переговоров. С собой я возьму только личную гвардию. Возглавишь её ты, Чардад. Тимея, дабы он немного развеялся, я отослал к нашим южным границам. Цара, а ты со своими людьми скрытно охвати хуннов с двух сторон. Следи за всем, что творится вблизи от места, где будет происходить встреча. Постарайся сразу же узнать о численности приведённых им войск и немедленно сообщи мне. Вы оба понимаете, что в случае возникновения столкновения,

кроме вас, мне рассчитывать больше не на кого, а вероятность такой возможности весьма велика, и я её не исключаю. Скажу больше. Именно она может стать выходом из сложившейся ситуации, – отложив меч, Дассария присел к очагу и пристально посмотрел в глаза каждому из них.

– Мы готовы на всё, Дассария, – за себя и Цару заверил его Чардад.

* * *

– Великий шаньюй, её нигде нет. Я лично ещё раз осмотрел её юрту. Там действительно остались все её вещи. Даже еда не тронута. Спрятаться она не могла. Уже многократно подвергли обыску и всё селение, и всю округу. Если она была бы жива, то хоть как-то проявила бы себя. Кроме той её одежды и сапог, что обнаружили у реки на ближнем берегу, ничего больше не нашли. Да и срок прошёл довольно большой. Столько времени вытерпеть без пищи мало кто сможет. Выходит, она утонула, – завершил очередной свой доклад начальник охраны Тай-Да.

– Что с Муццум? – спросил его Мотун.

– Несколько дней назад он всё-таки умер. Сведения достоверные. Целый отряд дозорных и хозяйка жилища в один голос подтвердили это, – с готовностью ответил тот.

– Жаль. Очень жаль, что с ней случилось такое. Ошибки не могло быть? – шаньюй пристально взглянул на него и устало поднялся.

– Нет, великий шаньюй, – твёрдо произнёс полководец.

– Вели снять ту тигриную шкуру. Ступай, – отпустил его шаньюй.

До встречи с царём массагетов оставалось три дня. Вызвав к себе самого опытного гонца, он вручил ему кожаный свёрток и приказал срочно отбыть к южной границе, повелев там передать его в руки царя саков. Не имея переводчика, шаньюй решил отказаться от встречи с ним, так как уже не видел в этом никакого смысла. В том, что и у правителя саков не было человека, знающего его язык, он не сомневался.

Дассария прибыл к назначенному месту вовремя. Вопреки его ожиданию, властитель хуннов не появился. От Цары примчался посыльный и сообщил, что войск противника, кроме отрядов дозора, нигде не обнаружено. Вскоре на вражьей стороне был замечен одинокий всадник. Он приближался к сакам. Высланный десятник преградил ему путь, быстро окружив его своими людьми. Тот что-то показал ему и вскоре в сопровождении охраны предстал перед царём. Спешившись, хунн показал небольшой бронзовый медальон, висевший на ремешке на его шее, означавший, как догадались саки, знак гонца. После этого он почтительно склонился и молча протянул царю свёрток. Приняв и развернув его, Дассария увидел свою золочёную плетъ. Повернув голову к Чардаду, он кивнул. Чардад спрыгнул с коня и в ответ протянул гонцу завёрнутый в тонкую кожу меч его властителя. Тот принял его, вновь склонился, подошёл к своему скакуну, запрыгнул на него и помчался обратно. Развернув войска, Дассария двинулся в ставку.

«Шаньюю почему-то передумал. Что помешало ему? Из нас двоих эта встреча была нужнее ему. Для отказа от неё должна быть весомая причина, о которой он, видимо, не мог знать тогда, когда принял решение о встрече со мной. С чем же она связана? Вернув мне плетъ, он ясно дал понять, что отказывается от своих слов, высказанных Чардаду, а это значит, что он отныне не намерен оглашать моё предложение о заключении мира. Почему? Его единственным условием была передача Тафуц в этом месте лично мне. Но её он также не прислал. Не может быть, чтобы она стала этой причиной. Хотя без неё мы действительно не поняли бы друг друга, и встреча оказалась бы попросту бессмысленной. С ней явно случилось что-то непредвиденное. Не в его интересах убивать её. Сбежать она не могла. Это невозможно. Что тогда? Неужели она покончила с собой?!» – последняя мысль неожиданно поразила Дассарию.

Он остановил коня.

– Что случилось? – подлетел к нему Чардад.

– Тафуц. Мне кажется, её не стало, – взглянув в лицо друга, произнёс он.

* * *

С наступлением третьей ночи после совершения побега, когда Муццуй, собираясь продолжить путь, стал седлать коней, его снова стал душить кашель, но на этот раз, вытерев рукой рот, он увидел на ней кровь. Не обмолвившись даже словом об этом с Тафуц, он немного отдышался, успокоился и закончил начатое. Вскоре они уже двинулись дальше. Тафуц украдкой поглядывала на него, переживая из-за его состояния. Она догадывалась, что долгое нахождение в холодной речной воде не прошло для него бесследно. Даже сейчас, при тусклом лунном свете, от её глаз не скрылись крупные бисеринки пота, обильно выступавшие и покрывавшие его лицо и стекавшие каплями к шее. Он часто утирался, стряхивал ладони, но не останавливался и упорно шёл вперёд, вглядываясь в небо и округу. Его кашель появлялся неожиданно, захватывал приступами, сгибая его и подолгу не отпуская, и проходил также внезапно. Муццуй тут же зажимал рот рукой, боясь быть услышанным в ночной тиши.

К рассвету они скрытно расположились в одном из многочисленных урочищ у маленькой звонкой речушки. Сойдя с коня, Муццуй подошёл к Тафуц и протянул к ней руки, помогая ей спешиться. Прикоснувшись к нему, она почувствовала сильный жар, исходивший от его тела, и отчётливо услышала хрипы. Расседлав лошадей, отпустив их пастись, он, как всегда, стал готовить место для отдыха. Тафуц подошла к нему, тронула его за руку и тихо предложила:

– Приляг, я сама всё сделаю.

Муццуй взглянул на неё и слегка кивнул. Отойдя от неё на несколько шагов, он опустился на землю в тени дерева, затем откинулся на спину, прижав к левому боку ладонь. В этот день Тафуц не отходила от него, утирая его лицо, шею и грудь куском ткани, часто смачиваемым ею в прохладной воде. После первого же приступа кашля она увидела кровь на его губах. Изредка он

впадал в забытие, метался и что-то шептал. Ей было больно смотреть на его мучения, но помочь ему чем-то ещё она не могла. Далеко за полдень он всё-таки уснул. Подогнав лошадей, обойдя и оглядев ближние окрестности, она присела возле него, оберегая покой.

К вечеру Муццуй проснулся. Тафуц улыбнулась ему и протянула еду. Он поблагодарил, но отказался. Выглядел он гораздо лучше.

– Ещё одна ночь и всего один день – и мы дойдём до начала твоей земли, – смотря ей в глаза, произнёс Муццуй.

– Нас, наверное, ищут. Или шаньюй поверил нашим условиям? – спросила Тафуц.

– Не знаю, но преследователей я не заметил, – ответил он.

– Если поверил, то ты для него уже не существуешь. Что будешь делать дальше? Ведь возвращаться тебе нельзя, – не желая причинять ему душевную боль, как можно мягче вновь спросила она.

– Не хочу пока думать об этом. Вот доведу тебя, тогда и буду решать, как быть. Может, отправлюсь туда, откуда пришёл сюда со своим народом. Там могилы моих предков, – вздохнув, произнёс он.

– Как же ты будешь жить в одиночку? Это трудно. К тому же тебе нужно поправиться. У тебя идёт кровь. Видно, рана твоя ещё не зажила и требует хорошего ухода. Останься хоть на какое-то время со мной. Я попрошу Тимея проявить заботу о тебе. Он всё для этого сделает, – Тафуц с надеждой посмотрела на него.

Муццуй улыбнулся, отвёл глаза, сорвал травинку и как-то нерешительно спросил:

– Тимей, он кто?

– Это мой друг и брат царя саков Дассарии. Он не кровный брат ему, а названный. Их деды дружили при жизни. Так получилось, что однажды по воле судеб и им довелось встретиться. Это очень хорошие люди. Тимей не сак. Он появился на свет в далёкой стране, называемой Греция. Его семья жила на острове среди тёплого моря. Он грек. Когда-то давно мать деда царя

Дассарии ушла из своей земли и каким-то образом спасла жизнь деду Тимея. Единственного сына она доверила ему, защищая их и приняв смерть ради них. Потом дед Дассарии появился в своей земле, здесь, и уже через некоторое время стал царём. А дед Тимея остался на своей родине, но всегда, как мог, помогал брату, когда тот вёл войну против чужеземцев. Так они и жили, пока не умерли. Связь между их потомками прервалась. А чуть больше пятнадцати лет назад к землям саков подошли войска из Греции. С ними и появился Тимей. Как там всё случилось, я не очень поняла, но Дассария спас жизнь раненому Тимею. С той поры они вместе и тоже стали братьями. Обо всём этом мне поведал сам Тимей. Его дед был значительно старше деда Дассарии, а он на пять лет младше него. Они оба удивительные, благородные люди. Ты увидишь их и поймёшь, что я права. Всё время так получается, что кто-то из них всегда спасает кому-то жизнь. Вот и Тимей спас меня. Знаешь, Муццуй, о чём я подумала? О реке. Не о какой-то реке, а так, вообще о реке. Он вытащил меня из реки, когда я тонула. Можно сказать, что и из реки, и из рабства. Ты по реке вывел меня на свободу из заточения. Странно всё. Река явно имеет какое-то тайное значение в моей судьбе. С ней теперь многое меня связывает. Даже не знаю, бояться или преклоняться перед ней. Наверное, всё же будет правильным второе. Как думаешь?

– Раз она не сделала тебе ничего плохого, то и страшиться её не нужно. Для одного она просто поток воды, для другого – нечто большее и значимое. Кто-то вспоминает о ней только тогда, когда его одолевает жажда и желание добыть рыбу, а вот ты помнишь и думаешь о ней как о спасительнице. Это хорошо, – Муццуй задумчиво посмотрел на Тафуц и замолчал.

Они оба понимали, что пора выдвигаться в дорогу, но им очень хотелось продолжить эту добрую беседу, подольше посидеть в этом месте, не торопясь провести время в обществе друг друга.

«Когда ещё доведётся мне вот так тепло и спокойно пообщаться с такой умной и красивой женщиной, ставшей почти родной, словно сестра?» – думал Муццуй.

«С ним мне хорошо, надёжно и легко. Он очень чуткий, внимательный и великодушный человек. Жаль, если он не согласится остаться в земле саков, рядом с нами, с Тимеем и со мной. А ведь он мог бы стать нам настоящим братом», – думала Тафуц.

– Здесь могут быть дозоры? – спросила она после долгого молчания.

– Не думаю. Свежих звериных следов много на земле. Птица не пугана. Опять же поблизости нет большой воды, – по-охотничьи рассудил он.

– Давай побудем в этом месте. Разведём костёр. Я приготовлю горячую еду, – предложила она.

– Я не против, – улыбнулся он.

Для них эта ночь пролетела как один миг. Они наслаждались пищей, с интересом рассказывали о своей прошлой жизни, с удовольствием слушали друг друга, без стеснения задавали вопросы и охотно отвечали на них, шутили и смеялись, грустили и сопереживали, говоря о настоящем, рассуждали о будущем. Их души постепенно облегчались, в сердцах зарождалась былая радость, головы наполнялись светлыми помыслами. Казалось, что они впервые прозрели и ясно осознали, что они ещё очень молоды и их жизни только начались. Они узнали многое друг о друге, сделали столько приятных открытий, что к утру им уже казалось, что они всегда были знакомы. Уставшие, но очень довольные состоявшимся общением, ближе к заре они крепко уснули у потухшего костерка.

* * *

Тафуц проснулась после полудня. День был пасмурный. Небо заволочло низкими серыми тучами. Муццуй спал. Она взяла его шубу, осторожно, дабы не потревожить его, укрыла, при этом заметив на его губах засохшую кровь.

«Нужно спешить. Ему стало значительно хуже. Он не показывает своей измождённости, но это видно. До сакских земель остался всего один переход. Оттуда до ставки ещё три дня пути. Как только увижу наши первые дозоры, попрошу их найти повозку для него. Верховая езда даётся ему с огромным усилием.

Он, конечно же, терпелив, но силы его не беспредельны, и это не может продолжаться слишком долго», – встревоженно подумала она.

Тяжёлые редкие капли упали на землю.

Муццуй открыл глаза.

– Как ты? – склонившись над ним, спросила Тафуц.

– Хорошо. Смотри, никак гроза собирается? – он поднялся на ноги, подставляя ладони дождю.

– Тогда, может, тронемся в путь, не дожидаясь ночи? – заинтересовалась она, убирая вещи.

– Тафуц, накинь на себя медвежью шкуру. Обвяжись поверх неё ремнём. Голову прикрой. Становится холодно. Скоро задует сильный ветер. Когда он пройдёт, начнётся ливень, – быстрым шагом направляясь к лошадям, повелел Муццуй.

Вскоре она убедилась в его правоте. Шквальный ветер пронёсся низко над землёй, сметая всё на своём пути, пригибая кусты и деревья, поднимая клубы пыли. Как только он стих, причудливыми изломами засверкали молнии, тут же загрохотали небеса и начался ливень. Несмотря на ненастье, сытые кони шли бодро, уверенной поступью. Муццуй часто останавливался, подолгу вглядываясь под ноги. Сплошная дождевая стена мешала ему определять верное направление. Дневной свет померк в объятиях ниспадающей влаги. Стало совсем темно. Муццуй сбавил ход и через какое-то время замер. Тафуц подвела коня ближе к нему.

– Не могу понять, куда мы попали, – повернув к ней голову, выкрикнул он.

Она оглянулась по сторонам, но ничего не увидела. Стало понятно, что они заблудились.

«Ещё этого нам не хватало. Прошлой ночью нужно было идти, не теряя времени. Это я испортила всё своими разговорами. На хуннов бы теперь не выйти», – Тафуц с досадой корила себя.

– Ничего, постоим, подождём, – Муццуй пытался взбодрить её.

Ливень усилился. Холодные струйки стали проникать под одежду.

«Ну надо же такому случиться! Если Муццуй промокнет, то он больше не сможет держаться в седле», – Тафуц уже злилась на себя и на непогоду.

Как долго они стояли, они уже не могли понять. Время будто остановило своё течение вместе с ними. Они уже не знали, завершился ли день и настала ли ночь. Кони, пофыркивая, низко опустили головы и изредка порывисто мотали ими, встряхивая слипшиеся гривы и разбрызгивая сочащуюся по ним влагу. Муццуй и Тафуц, плотнее укутавшись в шубы, погрузились в дремоту. Дождь то стихал, то вновь набирал силу, обрушивая потоки воды. Молнии сияли всюду ослепительными ярко-белыми ветвистыми всполохами, на мгновения выхватывая серые клочки небес и земли. Раскаты грома настолько сильно сотрясали всю округу, что заставляли всё живое невольно вжиматься в подножную твердь. Гроза бушевала вольготно и всевластно, показывая свою невероятную мощь.

Тафуц вздрагивала при каждом новом грохоте, но усталость брала своё и одолевала страхи. Приходя в себя, она сразу же засыпала. Её посещали обрывки каких-то неприятных путаных видений. Порой ей казалось, что она стоит среди высоких гор и видит, как на неё летят огромные глыбы. Тут же всё быстро менялось, и ей уже казалось, что она тонет в ледяной воде. Станным было то, что она не ощущала особой угрозы для себя, но при этом одно и то же настойчивое тревожное предчувствие не покидало её, постепенно заполняя собой всё нутро. Вконец обессилив, она уже не могла нормально соображать, отчего её разум стал воспринимать творящееся то как сон, то как явь. Как бы там ни было, но всё происходящее перед её внутренним взором повторялось снова и снова, пока она не уловила каким-то слабым наитием, что её душу наполняет чувство беды, отвратить которую, к сожалению, она почему-то не могла. От пронизывающего холода она вдруг проснулась. Дождь шёл уже моросью. Вдали посветлел небосклон. Она взглянула в сторону Муццуя. Припав к конской гриве, свесив руки, он спал. Она приблизилась к нему и слегка дотронулась до его плеча. Он не проснулся. Она толкнула сильнее. Неожиданно он стал сползать

с седла и упал на землю. Она прыгнула с коня и склонилась над ним. Он не дышал. Скинув с себя потяжелевшую от влаги шубу, она присела возле него и стала растирать ему лицо. Оно было ледяным. Огрубевшая кожа не поддавалась её усилиям. Муццуй был мёртв. Не веря в его смерть, Тафуц яростно заколотила по его груди кулаками, умоляя его:

– Вставай же скорее, Муццуй, прошу тебя! Ну не лежи ты так! Не путай меня!

Она запустила дрожащие руки ему за шею, пытаясь поднять его голову, но не сумев сделать это, прижалась к нему и горько заплакала, сотрясаясь всем телом. Мелкий дождь вскоре закончился, и по влажной земле блеснули первые косые лучи восходящего солнца. Вольный охотник Муццуй не дожид до рассвета. Ему не хватило всего нескольких мгновений. Его сердце, спокойно и размеренно бившееся в груди всю его недолгую жизнь, не выдержало более и мук, неожиданно и внезапно навалившихся на него в последнее время. Чрезмерные переживания надорвали его небывалыми нагрузками, и оно остановилось, прекратив свой ровный ход. Тело Муццуя получило свою последнюю горячую пищу из рук Тафуц. Его душа благодарила за это, но более всего она была благодарна ей за оказанную помощь и чистое, светлое общение с ним. Будучи сам человеком чести, являясь приверженцем порядочности и благородства, он всегда больше всего ценил в людях эти качества, по его убеждению, обязательно и неразрывно связанные с преданностью истинной дружбе, ведущей к высоким чувствам и способности быть полезным, а в нужный момент даже самоотверженным. Он с почтением относился к таким достоинствам. Его единственная и первая в жизни просьба, волею судьбы высказанная этой женщине, нашла отклик в её душе и была исполнена сполна. Оставшись верным данной ей клятве, он также успел ответить ей добром на добро.

* * *

Срочно вызванный от южных границ в ставку, оповещённый Дассарией обо всём произошедшем за время его отсутствия,

поражённый до глубины души всем тем, что было задумано и свершено его братом и прежде держалось в тайне от него, Тимей, удручённый, вернулся в свой шатёр. Он понимал, что Дассария сделал всё, что мог, и даже гораздо больше, но от этого ему было не легче. Ему не хотелось верить в предположение Дассарии относительно участи, постигшей Тафуц. Он то ложился и вспоминал свою первую встречу с ней, когда вытащил её из реки и разглядывал беззащитно лежащую на берегу в тусклом свете факелов, то вскакивал на ноги и ходил по шатру, легко вызывая её образ, видя её и слыша её голос, то приседал к очагу, представляя её зовущей на помощь в последние мгновения жизни, и от этого ему становилось не по себе. За все эти дни и ночи доведённый думами о ней до истощения, теперь он изводил себя ещё больше, каясь, что недоглядел и в итоге обрёк её на одиночество среди чужих людей, приведшее её к гибели. Он понимал, что в дальнюю дорогу её повело всего лишь одно желание, связанное с вызволением человека из беды, постигшей его, которое в итоге и обернулось для неё безвыходным положением, тупиком. Он ни о ком не хотел думать плохо, виня только себя в случившемся с этой женщиной, столь дорогой его сердцу, однажды всецело завладевшей всей его душой и наполнившей смыслом всю его жизнь. Теперь её не стало, и мир для него опустел, став безликим, холодным и чужим. Ему было плохо, да так, что он готов был без сожаления покинуть этот страшный и несправедливый свет. Такого с ним никогда ещё не случалось. Горькое осознание того, что, куда бы он ни пошёл, что бы ни делал и где бы ни появился, он уже никогда не найдёт, не встретит, не увидит и не услышит её, терзало и разрывало его душу на части. Он не знал, как быть и как жить дальше без неё. На всей земле никто не мог заменить её.

– Мама, что мне делать? Моей самой желанной женщины не стало. Я не могу без неё! Я не хочу жить без неё! Помогите мне, мама. Дайте мне силы не сойти с ума. Я так устал... – обращаясь к самому родному человеку, шепча мольбы, Тимей упал и закрыл голову руками, не заметив Дассарии, тихо вошедшего в шатёр и с болью наблюдавшего за ним.

* * *

– Кто это там? – приподнявшись на коне, удивлённо спросил сотник.

Вдали появился всадник. Он продвигался медленно, ведя на поводу ещё одну лошадь, на которой поперёк седла лежало что-то большое, завернутое в мохнатую шкуру.

– После такой грозы может померещиться всякое. Вон как земля парит! – вглядываясь в указанную сторону, произнёс десятник.

– Наших там вроде никого не должно быть. А этот явно идёт от хуннов. Ну-ка, возьми людей и глянь, что да как, – повелел сотник.

– Слушаюсь, – десятник махнул рукой и помчался навстречу чужаку, увлекаая за собой воинов.

– Тафуц?! – сотник был поражён, увидев того, кто подступил к нему.

Он спрыгнул с коня, подбежал к женщине, помогая ей сойти на землю, на ходу бросив десятнику:

– Живо сюда повозку.

Вскоре в окружении охраны большая старая повозка, скрипя колёсами, тронулась в направлении ставки царя Дассарии. Дозорные так и не узнали, чьё тело было завернуто в медвежью шкуру. Тафуц не проронила ни слова. Она молча и отрешённо сидела у изголовья усопшего.

* * *

Не дослушав прибывшего к нему от границы десятника, Царя выскочил из своего шатра. Тафуц устало прошла к костру и опустилась на сиденье. Вскочив в седло, он тут же помчался к главному шатру. По прошествии короткого времени появился сам Дассария. Все, кто был здесь, почтительно преклонили перед ним колени. Не обращая на них внимания, не сводя глаз с женщины, он спрыгнул с коня. Увидев его, Тафуц поднялась и склонила голову. Дассария подошёл и обнял её. Она тихо заплакала.

Дассария гладил её по волосам, приговаривая:

– Всё хорошо. Не плачь. Уже всё позади.

Почувствовав тепло, исходящее от его слов и нежного прикосновения, она немного успокоилась. Ощувив неловкость от десятка взоров, она отстранилась от него. Укрыв её своим плащом и усадив к костру, Дассария взглянул на тело на повозке и спросил её:

– Это Муццуй?

– Он.

– Да упокоится с миром его душа.

Она вздохнула.

– Цара, пусть тело покойного обмоют, облачат в воинские одежды и поместят в отдельный шатёр. Готовь всё к похоронам, – повелел царь.

– Тебе, Тафуц, нужно отдохнуть. Скоро предстоит встреча с Тимеем, – Дассария запрыгнул на подведённого скакуна.

– Хорошо, властитель, – поднявшись, прошептала она.

* * *

Тимей вбежал в шатёр Тафуц. Она спала, свернувшись по-детски клубком. Тихо подойдя к ней, он присел рядом, не смея отвести глаз от её исхудавшего лица. И без того хрупкое её тело теперь казалось ему совершенно невесомым. Его сердце сжалось. Ему было больно смотреть на неё. Чувство небывалой радости, охватившее его при словах брата, теперь смешалось в нём с жалостью, наполнив душу горечью и обидой за неё, за всё, что довелось ей испытать в очередной раз в своей недолгой, но очень трудной жизни. Он смотрел на неё, не веря, что она жива и сейчас находится перед ним. Не так давно он попрощался с ней навсегда. Теперь он вновь приветствовал её, мысленно воздавая небесам хвалу и слова благодарности за сотворённое ими чудо.

«Сколько трудностей может вынести на своих плечах один простой человек, да к тому же вот такая беззащитная и хрупкая женщина? Наверное, ровно столько, сколько в нём поселено доброты и отзывчивости. Выходит, очень много», – подумал Тимей.

Тафуц повернулась на спину, вдруг открыла глаза и увидела его.

– Тимей! – выдохнула она и порывисто обняла его. – Ты прости меня. За всё прости. Я не хотела причинять тебе боли. Ты вправе сердиться на меня, даже ругать, но об одном прошу тебя: не отвергай меня. Я очень виновата перед тобой за то, что ни о чём тогда не сказала и покинула тебя. Но я ничего плохого больше не сделала, поверь мне, – шептала она.

– Что ты, Тафуц! Разве я не понимаю тебя? Как я посмею держать зло или обиду на тебя из-за порывов твоего доброго сердца. Главное – ты жива и мы снова вместе, – крепче прижимая её к себе, успокаивал Тимей.

Не прикасаясь к принесённой еде, забыв обо всём на этом свете, они долго сидели, не отпуская рук друг друга. Затаив дыхание, Тимей слушал каждое её слово, и когда она закончила свой рассказ, он был искренне потрясён всем случившимся с ней самой и её поступком. Он на миг представил себя на месте Муццуя и понял, как, оказывается, важно встретить на своём жизненном пути, особенно тогда, когда тебе тяжело и с тобой вдруг случилась беда, такого человека, как Тафуц, способного понять тебя и прийти к тебе на помощь невзирая ни на что. Она с тревогой смотрела ему в глаза, пытаясь понять, верит он ей или же у него есть какие-то сомнения в её правдивости. Тимей всё понимал. Только сейчас он по-настоящему осознал действия своего брата, столь рискованные и опасные, самоотверженные и значительные, совершённые им ради их с Тафуц счастливого будущего. Самое главное – через них он узнал и окончательно убедился в истинном, очень серьёзном восприятии Дассарией его отношений с Тафуц, так ярко, наглядно и однозначно дававшим понять ему, что всё это было выражением его настоящих братских чувств. Тимей не знал, как отблагодарить Дассарию за его поступок – настолько он был бесценен и недостижим в своей величавости.

На следующий день после того как вернулась Тафуц, тело её спасителя – вольного охотника хунна Муццуя – в сопровождении её самой и сотни воинов было доставлено в долину мёртвых и скромно предано земле. Его конь вырвался из загона, словно не желал больше находиться рядом с сакскими лошадьми, и убежал на волю. Увидев это, Цара приказал не трогать его, где бы он ни появился. Ещё через два дня дальние дозоры саков заметили появление одинокого странного жеребца. Он промчался мимо них и исчез в землях хуннов. По прошествии ещё десяти дней Тимей и Тафуц предстали перед царём Дассарией, прося его благословения на совместную семейную жизнь. Торжества по этому случаю длились три дня. До наступления осени война между саками и хуннами возобновлена не была. С приходом зимы о ней уже не думали ни те, ни другие.

Часть пятая

**«...И СМИРЯЮТСЯ ВОЛЬНЫЕ ДУШИ,
НЕИЗБЕЖНОСТИ УСТУПАЯ»**

299 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Прошло тринадцать лет со дня вступления в земли саков воинственных и непобедимых хуннов во главе с шаньюем Мотуном. Десять вёсен подряд саки объединяли все свои силы и выступали против них, но все их попытки выбить завоевателей из северных территорий так и остались безуспешными. Три последних года прошли без сражений. Стороны, не сговариваясь, прекратили их. Бóльшая часть бывших сакских земель теперь принадлежала хуннам. В прошедшую зиму умер царь аримаспов Касс. Место правителя занял единственный его младший брат, сорокалетний Илира.

Недовольный чрезмерной терпеливостью своего покойного старшего единокровного сородича Касса, все эти годы неустанно и беспрекословно подчинявшегося царю племён массагетов Дассарии и не сумевшего отбить у врага даже клочка своей земли, войдя во власть, он стал действовать более решительно и с этой целью начал активно готовиться к войне, собирая войска из всех своих десяти племён, призывая в их ряды подростков и даже стариков, способных держать оружие в руках. Мир, воцарившийся в последние годы, был ему не по душе. Он не собирался больше жить гостем в землях массагетов и править людьми, почти ставшими подданными их царя. Послов Дассарии, узнавшего о его приготовлениях, он принимал весьма недружелюбно, без проявления должного уважения к ним. Своего племянника, двадцативосьмилетнего царя тиграхаудов Даввия, он стал вся-

чески склонять на свою сторону, при этом не забывая и о царе даиев Галхисе, которого он также уговаривал выступить вместе с ним. Переговоры с последним длились до весны.

Даввий же, долго не раздумывая, сразу и категорично отказался от его предложений, напомнив ему о заключённом между ними и царём Дассарией военном союзе, согласно которому каждый из них дал обещание действовать только совместно с ним, и никто не имел права нарушать его ни при каких обстоятельствах. Царь Галхис, так же как и Илира, пребывавший все эти годы в землях массагетов, не имевший особой людской силы из-за малочисленности своих племён да к тому же желавший вернуться в родные края, пошёл на соглашение с ним, заверив его, что в случае начала военных действий выставит всех своих воинов под его власть. Таким образом, Илира в короткие сроки собрал четыреста сотен войск и с наступлением первых летних дней двинулся на врага, стоявшего перед ним, перейдя границу и обрушившись на стойбища Куту сянъ-вана.

Даввий тут же оповестил Дассарию. Тот был крайне возмущён поведением нового властителя аримаспов, но во имя общего дела повелел Даввию со всеми его войсками приблизиться к северным рубежам, дабы в случае необходимости успеть оказать помощь ушедшим собратьям.

* * *

Семидесятитрёхлетний шаньюй хуннов Мотун, проводивший большую часть жизни в битвах и завоеваниях, последние три года проведя в мире со своими южными соседями, саками, уже было стал привыкать к спокойному сосуществованию с ними, желая встретить быстро надвигающуюся старость и неминуемую смерть в кругу многочисленных внуков, как вдруг по весне саки дали о себе знать, войдя сорокатысячным войском на его территорию. Тревожные вести о том, что отдельные сакские племена, расположенные на их восточных окраинах, готовятся к возобновлению сражений, начиная с прошедшей зимы доходили до него не раз, но, имея сведения от лазутчиков о всеобщем и довольно сложном положении во всех их землях,

связанным с прошедшей десятилетней изнуряющей войной, он до последнего момента не верил, что они решатся на это. Куту сян-вану им было направлено веление об обязательном разгроме армии саков. Впервые за всё время войны с ними Мотун приказал Куту не дать ни одному из воинов саков вернуться обратно к своим очагам, а их головы обозами доставить к нему как главный трофей для изготовления традиционных чаш из черепов.

Предстоящую битву шаньюй считал последней для саков, и таким своим жестоким повелением он решил завершить все военные действия с ними, показав всему миру свою мощь и абсолютное превосходство, тем самым преследуя цель устрасить каждого, кто пожелает вступить с ним в подобные отношения и попытается вести переговоры с ним с позиции силы, раз и навсегда напрочь отбив желание посягать на свободу его народа.

* * *

Царь Илира, пройдя границу с хуннами и уничтожив все вставшие на его пути дозорные отряды, разделил свои войска на четыре части и двинул их на четыре ближних стойбища. Он был уверен во внезапности своего нападения. Несмотря на наступившие сумерки, не теряя драгоценное время, он начал одновременную атаку вражьих лагерей. Повозки, выставленные цепью перед его воинами, были подожжены на расстоянии. К удивлению саков, в них не оказалось лучников, как это было всегда. Даже препятствующих растяжек между ними на этот раз не было, что вселило в них ещё большую уверенность в неожиданности их нападения. Как только они многочисленными потоками устремились в эти проходы, видя в небольшом отдалении огни селений, те тут же потухли, погрузив их во мрак, и в этот же миг вся округа вдруг наполнилась странными ужасающими звуками: сотрясающим землю грохотом и ревающим гулом. Ничего не понимая, саки продолжили наступление, и уже через полсотни шагов столкнулись с несущейся на них плотной ревущей и мычащей массой. Огромные стада быков и коров, выпущенные из загонов и подгоняемые ударами плетей всадни-

ков, налетели на саков, разъярённо врезавшись в них мощными телами, опрокидывая их острыми рогами, топча их копытами и сметая с пути. То, что случилось несколько позже, уже нельзя было назвать сражением. Промчавшиеся в открытую степь обычно тихие, покладистые животные, превращённые хуннами в живой и всесокрушающий таран, оставили за собой сплошное месиво из израненных людей и лошадей. Уцелевшие, но разрозненные группы саков были мгновенно окружены и взяты в плен сотнями брошенных на них арканов. Возле всех четырёх стойбищ хуннов с саками случилось то же самое. Задолго до полуночи войска Илиры были наголову разгромлены. Куту сянь-ван блестяще исполнил приказ великого шаньюя Мотуна. Такой быстрой победы, да ещё без понесённых людских потерь, хунны никогда не добивались.

Два дня царь Даввий ждал гонцов от Илиры, но они так и не появились, а вскоре по земле пронеслась страшная весть: объединённая армия аримаспов и даиев была полностью уничтожена. По приказу Дассарии Даввий повернул обратно.

Двадцать тысяч отрубленных голов сакских воинов были погружены на обозы и направлены в ставку шаньюя. Вслед за ними повели столько же связанных пленных, среди которых шёл и сам Илира. Собрав в главном поселении всех оуто-ванов стойбищ и акимов родов, шаньюй Мотун устроил празднования в честь победы, одержанной Куту сянь-ваном. На большой поляне недалеко от ставки все пленные саки во главе с царём Илирой были прилюдно обезглавлены. В огромных котлах на жарких кострах были выварены все их черепа, из которых мастеровые изготовили чаши для питья. Страшный трофей стал украшением многих хуннских жилищ, являясь свидетельством их могущества.

Сорокапятилетний племянник великого шаньюя Куту сянь-ван отныне всем народом воспринимался единственным будущим его преемником. Он и его полководцы были щедро вознаграждены Мотуном. Отбывая через день в свои становища, их воины вели с собой несметное количество скота.

Горе, постигшее племена аримаспов и даиев, было настолько велико, что многие их старцы не пожелали больше находиться под этим небом и, взяв с собой лишь посохи, разбрелись по бескрайним степям, после чего их никто уже больше не видел и ничего о них не слышал. Потеряв сыновей и внуков, они предпочли жалкому и бессмысленному существованию мучительную и голодную смерть. Оставшиеся немощные старики и старухи, женщины и дети как могли помянули погибших и стали раздумывать над тем, как жить дальше. Прибывший в их края Дассария попытался оказать им помощь, но люди не хотели общаться с ним, отворачивались от него, всячески избегая встреч, молча и понуро, словно тени, проходя мимо, не желая принимать ничего из того, что он привёз с собой. Когда появился Даввий, к нему под руки вывели подслеповатого, самого старого жителя селения и шёпотом объяснили ему, кто перед ним. Поведя невидящим взором по сторонам, услышав топот копыт скакуна царя тиграхаудов, тот освободился от поддержки, шагнул к нему и плюнул на землю. Это и было выражением наивысшего презрения всех живых аримаспов и даиев молодому правителю их союзников за то, что он оставил в беде Илира и его армию. Таким образом старик показал ему, что отныне они уже не братья, а враги. Даввий с трудом выдержал нанесённое ему оскорбление, развернулся и покинул ставку покойного дяди.

Через десять дней в полдень дальние дозоры массагетов и тиграхаудов, расположенные на юго-востоке сакских земель, стали очевидцами жуткого события. Вереницы гружёных обозов, табуны лошадей, большие стада крупного и мелкого скота, ведомые молодыми женщинами аримаспов и даиев, во главе с царём Галхисом продвигались мимо них сплошным потоком. Они навсегда уходили в чужие земли, туда, куда однажды с берегов Яксарта увёл свои войска царь Александр Македонский, на северо-запад таинственной Индии.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Наступила середина жаркого лета. Дассария объезжал селения и пастбища своих племён, навещая вождей, гостя у них и интересуясь всем, что у них происходило. Люди радовались его приезду, собирались в его временной походной ставке, устраивали празднества, используя такой редкий случай для отдыха. Он не утомлял их долгим пребыванием и продолжал свой путь.

Одиннадцатилетний первенец Тимея и Тафуц, имевших к этому времени ещё троих детей, наречённый Дассарией именем Диввона, отданный ему на правах сына, постоянно находился при нём. Мальчик знал об истинных родителях, но к Дассарии относился как к отцу и называл его соответственно. С ним он стал жить с полугодовалого возраста. Шли годы, Диввона рос на радость всем родным крепким и смышлёным мальчиком. С отцом они понимали друг друга с одного взгляда и были неразлучны. Везде, где бы ни пребывал Дассария, его сын был рядом с ним. Долгие зимние вечера они всегда коротали вместе. Дассария рассказывал ему о славных предках, о жизни саков, о приходе греческого царя Александра, о хуннах и, конечно же, о дружбе и своих друзьях. Ребёнок внимательно слушал его, впитывал каждое его слово, задавая ему вопросы, получая ответы на них, с восхищением открывая для себя мир, задумываясь над его удивительными проявлениями. Ему было интересно всё: и то, что окружало его, и то, что происходило в других землях.

Очень скоро он уже разбирался в иерархии власти, так же, как и в организации военной службы. Он много и упорно тренировался, желая в совершенстве овладеть столь сложным воинским искусством, и на глазах отца добивался успехов в этом непростом, но очень важном деле. С раннего возраста узнав, кому он доводится сыном и кем является сам, он вёл себя подобающе, часто спрашивая отца о том, с кем и как он должен вести себя, о чём говорить и в каких случаях молчать. При встрече с Тимеем и Тафуц он обязательно останавливался, замирал и почтительно склонял голову, поступая так, как научил его отец. Они также с почтением приветствовали его, тем самым подчёркивая его высокое положение, и только после этого подходили к нему и очень нежно и ласково обнимали его, в первую очередь проявляя интерес к самочувствию его отца.

Вот и теперь он следовал рядом с отцом. Они приближались к селению вождя Пунта. Вдалеке следом за ними появилась группа всадников. Заметив её, от двух сотен охраны царя отделилась полусотня и быстро направилась к ней навстречу. Преследователем оказался Цара с небольшим отрядом. Он сообщил Дассарии, что его людям стало известно о плохом состоянии шаньюя Мотуна, который в прошедшую ночь потерял сознание и пока не пришёл в себя.

За все прошедшие годы противостояния хуннам многие саки уже стали понимать их язык, как, впрочем, и те успешно овладевали их языком, что давало возможность разведке обеих сторон быть более информированной о событиях, происходящих на противоположной территории. Выслушав Цару, Дассария повернул в ставку, выслав к вождю Пунту гонца, дабы тот не ждал его прибытия к себе.

* * *

Как только Куту сян-ван узнал о значительно ухудшившемся здоровье шаньюя, сразу же примчался к нему в главное становище. Мотун находился в своей юрте под присмотром опытных сиделок. Он пережил ночь, но по-прежнему в сознание не приходил. Никто не мог знать, в какой момент ему стало

плохо, лишь ранним утром прислуга обнаружила, что он не поднялся и даже не открыл глаз. Судя по тому, как он лежал и во что был одет, можно было предположить, что всё произошло с ним во сне. Он дышал ровно, но его дыхание было каким-то слабым, словно могло прерваться в любой момент. Куту сидел у его изголовья, вытирая с его лица лёгкую испарину. В селении царилла тишина. Из него вывели весь скот и всех собак. Люди молча занимались своими обычными повседневными делами, настороженно поглядывая в сторону юрты властителя. Так прошёл день, но особых перемен, свидетельствующих об улучшении либо ухудшении состояния шаньюя, не случилось. Опустилась ночь. Решив немного отдохнуть, Куту отправился в отведённое ему жилище.

* * *

Дассария, несмотря на весеннее ошеломляющее поражение аримаспов и даиев, внутренне относился к шаньюю хуннов с большим уважением. О таком достойном противнике он не слышал никогда и сравнивал его лишь с греческим царём Александром, с которым, хоть и не довелось ему вести такой масштабной войны, но соприкоснуться пришлось. Являясь потомком великих завоевателей, он всем своим разумом осознавал действия каждого из них и воспринимал их обоих как равных своим прославленным предкам, потрясшим когда-то мир. Видя всё, что творится в последнее время в землях саков, не имея возможности благостно влиять на ход происходящих событий, он до боли в душе переживал по поводу утраченного единства среди союзов племён и сильно расстраивался таким печальным итогом, ведущим к неминуемой и окончательной потере их бывшего могущества. Ко всем прошедшим войнам с хуннами, принесшим и радость побед, и горечь поражений, он относился как к обычным проявлениям сложной и многогранной жизни. Главное же для него отныне заключалось в другом. Всем нутром он чувствовал, что время господства саков в своих некогда обширных и необъятных просторах, значительно уменьшенных и сжатых теперь, начало стремительно угасать. Он всячески старался

отгонять от себя тяжкие мысли о том, что когда-то в будущем на этой земле не останется ни одного вольного сака, но думы об этом назойливо появлялись в его голове, изматывая душу и болью пронзая сердце. Всё нараставшее ощущение неотвратимости такого смутного и худого грядущего, особенно усилившееся после ухода в неизвестность всех племён аримаспов и даиев, уже не покидало его ни на миг. Он уже не помышлял об освобождении бывших сакских территорий, захваченных хуннами. Все его мечты и желания были направлены на заключение прочного и долговечного мира с ними. Он не знал, как царь племён хаомоваргов Калтаган отнесётся к его предложению, но в том, что царь исседонов Шангал не поддержит его, он был уверен, так как тот потерял в ходе войны многие свои земли и никогда не оказался бы от попытки вернуть их. Царь тиграхаудов Даввий в этом случае был для него предсказуем. Вернув свой народ на исконно родные земли, когда-то принадлежавшие ему и вновь радушно выделенные Дассарией, он не потерял ничего и не мог иметь особых претензий.

До отбытия к вождям племён Дассария направил к союзникам послов и с нетерпением ждал их возвращения. Как он и предполагал, Даввий полностью разделял его мнение. От двух других царей ответы вскоре были также получены им, но, к его изумлению, каждый из них буквально потряс его своим содержанием. Вопреки его ожиданию, Шангал выразил согласие на заключение мира с хуннами. Калтаган же по непонятным причинам в одностороннем порядке расторг договор о союзе и с массагетами, и с исседонами, и с тиграхаудами и вышел из него, сославшись на невозможность продолжения исполнения принятых на себя обязательств. Дассария понял его действия по-своему. Пройти в земли хаомоваргов, беспрепятственно минуя всех остальных саков, хунны не могли, и поэтому царь Калтаган оставался защищённым от них без всяких ненужных для него договорённостей. Это был опасный ход и на первый взгляд выглядел весьма удобным для него. Единственное, чего не мог взять в толк Дассария, обдумывая поведение Калтагана, заключалось в том, что в случае нападения на хаомоваргов врага

со стороны их южных границ они оставались в полном одиночестве и не смели надеяться на помощь собратьев. Как бы там ни было, но Дассарии удалось заручиться поддержкой двух союзных царей, наделивших его правом от их имени вести переговоры о мире с властителем хуннов. Используя подходящий, как он полагал, момент, связанный с болезнью шаньюя Мотуна, он стал собираться в дорогу, впервые решив лично прибыть в его ставку, тем самым выразив и уважение к его возрасту и состоянию, и почтительное отношение к его народу, при этом преследуя лишь одну важную цель – мирное добрососедство.

* * *

В полночь Куту сянь-вана разбудили. Шаньюй Мотун пришёл в себя. Куту тихо вошёл в его юрту. Властитель лежал с открытыми глазами. Приблизившись к нему, Куту опустился на колени. Шаньюй повернул к нему голову. Его взгляд был осознанным и ясным.

– Великий шаньюй, как ты себя чувствуешь? – проникновенно спросил Куту и коснулся его руки.

– Я выспался, – шутливо ответил тот и улыбнулся.

Куту не понял его. Шаньюй облокотился, опустил с лежанки ноги и присел. Куту подался к нему и хотел помочь, но тот в запрете выставил ладонь, усмехнувшись чему-то, кивнул и предложил ему сесть.

– Ты ещё молод, чтобы знать всё о стариковских уловках, – довольно странно начал шаньюй. – Ничего, это поправимо, дай срок. А вот спешить к этому не нужно. Всё придёт само. Ум – это не только способность мыслить, это ещё и знание житейских премудростей. Долог путь того, кто беспрестанно находится в поиске всего нового и своевременно соединяет эти два бесценных дарования, умело используя их для своего же блага. Только мысли нарождаются в голове, а всё остальное скрыто во внешнем мире. Оно и видно и не видно, и слышно и не слышно. Всё зависит от внимательности и вдумчивости человека. Вот где и в чём кроется загадка жизни. Подметить, распознать, запомнить и применить разбросанные в окружении знаки – это и есть суть

разумного бытия, из которого складывается и накапливается то, что мы называем великий опыт, а вернее, мудрость. Она и есть то единственное в людском существовании, чему нет предела. Вижу, ты удивлён. Хорошо, объясню проще. Я тут решил немного отдохнуть от праведных дел, заодно и узнать, кто и как в моём близком окружении относится к моей немощи, а в итоге и ко мне. Что ж, скажу тебе откровенно, что своими наблюдениями я не разочарован. Конечно, не всё было мне по нраву, но, в общем, получилось довольно неплохо. Почти все приближённые мне люди уважают и почитают меня достаточно искренне. Кое-кто из них даже жизни не представляет без меня. Вот это-то меня и расстраивает немного, а всё потому, что они всецело поглощены только бездумным подчинением, а вечных правителей не бывает. Нужно всегда свято исполнять волю своего властителя, но при этом не терять головы и быть готовым жить и действовать самостоятельно. Так учил меня мой отец. Ты, мой дорогой племянник Куту, как я уже убедился, умеешь совмещать эти два дела. Я рад тому, что у меня есть такой сородич, как ты. Мне недолго осталось жить под этим небом, но я спокоен за будущее своего народа, коль им будешь править именно ты, Куту. Я верю в тебя и не считаю нужным скрывать этого. Есть ещё один человек, достойный заменить меня и быть над всеми хуннами, но он очень далеко да и жив ли, неизвестно. Вестей давно не было от него. Ты понял, о ком я говорю?

– Да, великий шаньюй, я понял. Это твой старший племянник Киок сянь-ван, – склонив голову, ответил Куту.

– Верно, это он. Надеюсь, ты не удручён сказанным мною? – пристально взглянув ему в глаза, вновь спросил Мотун.

– Нет, великий шаньюй, мне по сердцу любое твоё решение. Киок сянь-ван во многом превосходил меня и более моего достоин твоих милостей, – также уверенно ответил Куту.

– Что ж, это слова истинного сянь-вана и верного подданного. Теперь же мы с тобой поговорим о более насущных мирских делах, требующих нашего особого внимания. Слухи о моём нездоровье наверняка уже достигли ушей всех сакских царей. После учинённого тобой невиданного разгрома они явно присмирели.

Часть их племён, похоже, навсегда покинула свои земли. Они от этого значительно ослабли. Что-то мне подсказывает, что очень скоро они захотят появиться здесь, ещё не имея желания покориться, но уже будучи готовые преклониться. Долгая война с нами да к тому же все эти последние события, потрясшие их земли, измотали их весьма основательно. Но недооценивать их возможности нельзя. Они, подобно раненому могучему зверю, способны на нанесение последнего, но сильного удара. Мы должны учитывать это. Нам ни к чему добивать их. И для этого есть две причины. Во-первых, нам хватает всего того, чем мы завладели за эти годы. Любое излишество, алчная ненасытность или же непомерное стремление всегда имеет очень вредные и необратимые последствия. Слишком большую территорию невозможно оберегать надёжно и своевременно. Распылять силы в нашем положении смертельно опасно. Грубейшей ошибкой для нас может стать и доведение целого народа до отчаяния. Во-вторых, нам пока ничего не известно о тех странах, что расположены в землях южнее саков. Так стоит ли рисковать жизнями тысяч хуннов и всем нажитым ими добром ради пустого любопытства? Думаю, нет, не стоит. Для нас гораздо удобнее и выгоднее во всех отношениях иметь изведанных нам саков между нашим народом и теми, кто находится за ними. Так спокойнее для нас. Вот увидишь, Куту, сакские правители сами предложат нам мир. И, скорее всего, этим займётся их царь Дассария. Он умен, отважен и больше других теперь печётся о своих людях, коль не выступил в поход вместе с теми, кого ты одолел в последнем своём сражении. У этого царя хватит мужества прибыть ко мне, но примешь его ты. Запомни, Куту, когда-нибудь в будущем могут возникнуть обстоятельства, которые мы с тобой сейчас не в состоянии предвидеть. Вполне возможно, что однажды нашему народу придётся возобновить войну с саками, и именно в таком случае степь должна знать, что я лично не заключал с ними никакого договора о мире и был болен в это время. Ты должен понять, что это очень важно для поддержания честного имени не только правителя, но и простого хунна, поступающего достаточно справедливо. Тебя не коснётся ни единый худой слух либо

злой толк. Нам здесь жить, а это значит, что нам нужно сейчас думать о судьбе будущих наших детей, при этом не позволяя никому марать их гордые имена и тем более осквернять память о предках. О том, что я тебе только что сказал, никому не следует говорить. И то, что я здоров, известно только тебе одному. А теперь иди, Куту, отдыхай. Обо всём важном немедленно докладывай мне.

– Повинуюсь, великий шаньюй, – Куту склонился, отступил и покинул властителя.

Выйдя от него, он невольно подумал: «Да, воистину велик мой дядя! Его уму, находчивости и прозорливости нет предела. Мне никогда не превзойти его».

* * *

Небо уже посветлело, когда Куту сян-вана опять подняли на ноги. Известие было очень важным. В земли хуннов вступил царь массагетов Дассария. Он и вся тысяча воинов из его личной гвардии имели белые повязки поверх шлемов. «Великий шаньюй действительно провидец!» – вновь восхитился Куту. Начались приготовления к встрече высокого гостя.

* * *

От самой границы до ставки шаньюя Мотуна, указывая путь, Дассарию сопровождал отряд хуннов. На подступах к главному их селению по обеим сторонам дороги были выстроены войска почётного караула. Центральная площадь была оцеплена плотными рядами воинов. Здесь его ожидал Куту сян-ван. Дассария и его люди спешили. Подбежавшие к нему прислужники приняли скакуна. Юноша, стоявший за спиной Куту, представил его и перевёл сказанные слова приветствия, после чего Дассария также назвался, приветствовал его и выразил признательность за оказанную честь при встрече. Больше не задерживаясь, по приглашению Куту они прошли в одну из двух расположенных рядом юрт. Все воины охраны Дассарии были заботливо размещены на отдых в заранее обустроенном для них лагере. Войдя в юрту, Куту сян-ван очень учтиво предложил царю массагетов

присесть по правую сторону от главного места, принадлежащего шаньюю и пока пустовавшего. Сам же Куту опустился на сиденье напротив Дассарии. Прислуга тут же внесла большую чашу для мытья рук, после чего стали подаваться угощения. Дассария понял, что шаньюя Мотуна при этой трапезе не будет.

«Быть может, я немного припозднился, и властителя хуннов уже нет в живых? А этот человек, встретивший меня, и есть тот самый военачальник Куту, кто уничтожил армию Илиры. Выходит, он преемник шаньюя. Что ж, тем лучше для меня. Если ему суждено править хуннами, то мне нужно знать его с первого знакомства. Как полководец он уже проявил себя блестяще. Следует понять, каков он во власти будет. Он не занял место шаньюя. Что бы это значило? Думаю, что одно из двух: либо тот всё-таки ещё жив, либо для вступления в правление у них, так же как и у нас, существуют определённые церемонии. Хотя, скорее всего, Мотун просто ещё не поправился. На всей их территории, да и здесь, в ставке, всё обстоит довольно спокойно и ничто не напоминает о случившемся горе. Ничего, скоро всё само проявится. Главное для меня – добиться своей цели. Мне нужно только одно – мирное соглашение между нами и хуннами. Мир сейчас как никогда необходим всем сакам, как воздух для задыхающегося. Иначе будущее нашего народа выглядит весьма печально», – вкушая яства, думал Дассария.

Завершив трапезу, поблагодарив сянь-вана, Дассария поинтересовался состоянием здоровья шаньюя Мотуна.

– Царь Дассария, твой приезд является свидетельством почтения к великому шаньюю. От всего народа хуннов позволь мне выразить и тебе и твоему народу слова благодарности за проявление столь уважительного отношения к нашему властителю и к нам. Великий шаньюй сейчас болен. Он неожиданно слёг и пока не может принять тебя. Мы все живём надеждой на то, что он скоро поправится, – вежливо произнёс Куту.

– Досточтимый Куту сянь-ван, я искренне желаю шаньюю Мотуну скорейшего выздоровления и долгих лет жизни. Во все времена в сакской земле, несмотря ни на что и невзирая на положение старцев, все жители преклонялись перед их возрастом.

Вижу, и у вас они в особом почёте. Очень жаль, что ваш властитель занемог. Я прибыл к нему ещё и с весьма важной миссией, но, к сожалению, вышло так, что несколько не ко времени. Передай ему мои добрые пожелания и просьбу о том, что я буду ждать от него вестей о выздоровлении и условиях возможной нашей встречи. С твоего позволения, Куту сянь-ван, я на заре отбываю, – Дассария не стал скрывать своих истинных намерений, зная, что всё сказанное им будет доподлинно известно шаньюю, и решил дать понять Куту, что, кроме его властителя, ни с кем не намерен вести никаких переговоров, и тем более о заключении мирных соглашений.

От глаз Дассарии не скрылось то, как после его последних слов Куту растерялся и изменился в лице. Уловив в нём эти перемены и почувствовав в его поведении проявление некой нарочитости, Дассария уже не сомневался в том, что шаньюй Мотун начал вести с ним какую-то хитрую игру и что за этим кроется нечто сложное, значимое и наверняка способное сильно повлиять на развитие дальнейших отношений между саками и хуннами. Куту, ощущая всем нутром пронизательность массагетского царя, почувствовал, что их разговор, не успев как следует начаться, уже протекает под полным контролем гостя, и решил не продолжать его и предложил Дассарии отдохнуть, намереваясь получить совет от шаньюя. Дассарию проводили в отведённую для него юрту. Куту незамедлительно явился к Мотуну и подробно доложил ему о ходе встречи с сакским властителем. Внимательно выслушав его, задав единственный вопрос о сроке отъезда Дассарии, тот ничего больше не сказал, отпустил сянь-вана и остался в одиночестве, задумавшись над сложившейся ситуацией.

* * *

Ранним утром следующего дня Дассария, к его немалому изумлению, был приглашён к самому шаньюю Мотуну. Входя в главную юрту хуннов, он очень отчётливо осознал, что ему впервые выпадает возможность воочию лицезреть выдающегося властителя, мудреца и непревзойдённого стратега, человека,

который вот уже на протяжении более чем тринадцати долгих лет является его постоянным противником, с которым предстоит непростое и судьбоносное общение. Увидев Дассарию, шаньюй поднялся. Его мужественное широкое, скуластое, бледнокожее лицо, испещрённое множеством морщин, возможно, выглядело бы обычным, характерным для большинства престарелых мужчин-хуннов, если бы не его удивительные, наполненные жизненной силой почти бесцветные прозрачно-зелёные глаза. Они источали насыщенный глубоким смыслом взгляд, светящийся одновременно и какой-то чистой, почти юношеской задорной лучезарностью, и пронизательностью ясновидца, и пытливым умом, и слегка искрящимся лукавством. Пучок седых, собранных на макушке волос длинной прядью спадал ему на спину. Две серебристые косички свисали от висков до груди. Тонкая полоска белёсых щетинистых усов, скрывая верхнюю губу, огибая уголки рта, двумя длинными тонкими кисточками свисала от подбородка. Облачённый в просторные одежды из тонко выделанной мягкой кожи необычного светло-пепельного цвета, он был схож с облаком, легковесным и воздушным. Имея небольшой рост, будучи ниже Дассарии на целую голову, но при этом обладая великолепной осанкой и далеко не старицкой горделивой статью, Мотун выглядел достаточно высоким и мужественным человеком. Он склонил голову в приветствии и жестом вежливо предложил гостю присаживаться по правую руку от себя. Дассария также учтиво склонился перед ним, прошёл на указанное место и опустился на низкое сиденье.

Помимо них в юрте никого не было. Прислуга внесла посуду с водой для омыwania рук. Затем стали подавать блюда с едой и напитки. Трапеза проходила в полной тишине. Несмотря на небывалую обострённость чувств, тревожно наполнявших сердце Дассарии с момента прибытия в ставку хуннов, сейчас, как это было ни странно, он не ощущал напряжённости. От шаньюя исходил какой-то расслабляющий душу и тело дух, своей лёгкостью и теплотой очень располагающий к непринуждённому поведению и доброй беседе. Дассария ел с удовольствием, видя, что и Мотун аппетитно поглощает пищу, причём, как он подме-

тил, тот делал это не как напыщенный хозяин, желающий всячески подчеркнуть своё превосходство, а совершенно просто и естественно, подобно любому обычному искреннему человеку, без присущей властителю излишней манерности и изощрённой помпезности.

Время за трапезой пролетело быстро и незаметно, хотя продолжалась она довольно долго. Прислуга навела порядок и ушла. Появился юноша-переводчик и тенью встал за спиной шаньюя.

– Скажи мне, царь Дассария, ты ведь прибыл ко мне с целью заключить со мной мир, так почему же ты не поверил Кутусянь-вану и не стал с ним затевать разговора об этом? – будто возобновив прерванную беседу, начал Мотун, опускаясь на мягкие шкуры и приглашая Дассарию последовать его примеру.

– Ты прав, шаньюй хуннов, я не поверил ему, но это сейчас не так важно. Я полагаю, что войну между нами нужно прекратить. Слишком много горя принесла она нашим народам, да к тому же стала бессмысленной. Прошло уже столько лет, и мне кажется, что наступила та самая пора, когда люди, устав от этого страшного, изнуряющего испытания, хотят жить без него, имея возможность спокойно растить детей, заниматься мирным трудом и наконец наладить добрососедские отношения с теми, кто стал уже давно известен и хорошо знаком как старый товарищ. Ты наверняка помнишь о том, как каждый юнец в детстве дрался с соседскими сверстниками, всякий раз после очередной победы или же поражения в стычках радуясь или злясь, соразмерно с возрастом наивно считая соперника вечным врагом, иногда из-за этого принося глупые клятвы мести. Но проходили годы, они подрастали и из прежних противников превращались в истинных друзей, плечом к плечу защищавших родные очаги. У всякого разумного действия всегда должен быть такой же исход. Всему есть определённый предел. Любое превосходство, если его не ценить и не оберегать, может незаметно превратиться в проигрыш, и тогда запоздалое желание вернуть его способно извести человека, ослепив его яростью и обуяв горечью сожаления об упущенной возможности достойно находиться на высоте. С каждым днём оно будет всё сильнее затягивать в пучину

мнимой несправедливости, уводя от истинной цели и отнимая последние силы. Я уже не в тех летах, чтобы размышлять правильно, а поступать вопреки своим думам, потому и предлагаю заключить мир между нами. Ни мне, ни тебе не ведомо наше будущее. Вполне возможен приход общего для нас врага. Тогда как нам быть? Наша рознь только ему станет выгодна и губительна для нас обоих. Мы уже за все эти годы привыкли к такому, пусть своеобразному, но всё же соседству, да настолько, что и набег в земли друг друга совершать становится делом совестным, словно не властители мы, а воры. Не лучше ли для всех нас честно и без каких-либо условий открыть границы, тем самым начав истинное сближение наших народов? Мы, саки, никогда и никуда не уйдём отсюда. Вы, похоже, тоже довольны нынешним своим положением. Коль возникла неизбежность быть нам рядом, жить по-соседски, то и противиться этому я не вижу смысла. Это всё, что я хотел сказать тебе, шаньюй Мотун, – Дассария подождал, пока юноша переведёт его слова, после чего посмотрел в глаза властителю хуннов.

Шаньюй ненадолго задумался, затем улыбнулся и произнёс:

– Я долго пожил под этим небом и должен признаться в том, что ты, царь массагетов Дассария, действительно дальновидный властитель и заботливый правитель. Мне по душе все твои помыслы относительно нашего соседства. Скажу тебе больше. Они полностью совпадают с моими думами о будущем, касающемся нас обоих. Я согласен на мир с тобой и с твоим народом. Своих решений я не меняю и завтра же объявлю об этом всем хуннам. Пожалуй, это событие самое важное из оставшихся в моей судьбе.

Они замолчали, обдумывая всё сказанное и услышанное.

– Царь Дассария, хочу задать тебе один вопрос, и если ты не пожелаешь на него ответить, то я пойму и не обижусь. Возможно, он коснётся самого сокровенного в твоей душе. Мы с тобой оба правители над своими народами и по этой причине должны отчётливо представлять их ближайшее будущее. Но всё же важнее для нас попытаться заглянуть гораздо дальше. Так можешь ли ты сказать мне, каково твоё видение будущности своей стра-

ны, или хотя бы поведать мне о том, какой хотел бы видеть её в своих мечтах? – нарушил тишину шаньюй.

– Ты прав, шаньюй Мотун, мы властвуем над своими людьми и землями, и не думать о том, к чему мы их приведём – к упадку или процветанию – мы не имеем права. Когда-то, в свои былые молодые годы, где-то в глубине души я мечтал о великих завоеваниях и расширении своей империи, но шло время, и я стал понимать, что не это самое главное. Скажу тебе откровенно, я теперь думаю совершенно об ином. Мне кажется, что для благополучной и долгой жизни народа ему не обязательно вести войны и идти в чужие земли, дабы там приумножить свои богатства. Нельзя покорить весь мир или хотя бы его часть, если в нём уже обитает другой народ. И каждая такая попытка будет приводить только к очередным жертвам и в итоге не принесёт ему каких-то значительных благ. Для того чтобы жить достойно и процветать, не нужно пытаться завладеть большим, чем уже есть у тебя. Нужно не самому идти в мир, а его приближать к себе. Я бы очень хотел, чтобы из любой страны, что существуют вокруг меня, небольшая часть её народа в равных количествах разместились на моей территории в каждом моём племени. По обоюдному соглашению с их правителями мои особые порученцы выбрали бы у них тех людей, кто желал бы переселиться в мои края, но при этом они, конечно же, должны быть честны, благочестивы и доброжелательны. Я бы позволил всем им на выделенных мною землях заниматься тем, что им по душе и в чём они больше всего сумели преуспеть. Все мои люди делились бы с ними своими умениями, равно как и те обучали бы их своим достижениям как в ремёслах и торговле, так и в других полезных делах. Со временем они уже освоили бы языки друг друга, познали бы житейский уклад, традиции, устои и обычаи. Моя страна стала бы для них второй родиной. Все те государства, из которых они прибыли бы ко мне, никогда бы не стали вести военных действий против меня, зная и помня, что здесь благополучно обитают их подданные. Часть всего того, что они производили бы, всегда оставалось бы в их полном распоряжении. Каждый из них при этом был бы волен в любой момент

вернуться обратно к себе без каких-либо препятствий с моей стороны. Вот тогда моя страна обрела бы известность, как самая мирная и цветущая, став доброй обителью для многих. Никто и никогда не посмел бы посягнуть на неё, – Дассария задумался и взглянул на шаньюя.

– А ты не боишься, что через определённое время твои люди растворятся в них и исчезнут как самостоятельный народ? – спросил его Мотун, с интересом наблюдая за ним.

– Нет, шаньюй Мотун. Вот этого я вовсе не боюсь. Сдается мне, что когда-нибудь в будущем такое должно будет произойти само по себе, но это случится именно так, как я мечтаю, а не путём завоеваний и порабощений одних людей другими. Более того, я совершенно уверен в том, что страна, в которой произойдёт такое единение представителей самых разных народов, обеспечит себе вечный мир, успех, процветание и долгую благодатную жизнь. Дети, что будут рождаться в ней от разных по крови родителей, не покидая её пределов, уже будут знать почти обо всей земле и не возжелают идти куда-либо с мечом, а лишь захотят появиться там желанными гостями. Это будут дети всего мира. Своих истинных пращуров они никогда не забудут. Этого не позволят им их многочисленные учителя и мудрые старцы, вечные хранители народной памяти.

– Да, царь Дассария, я удивлён твоим ответом и благодарен за искренность, – покачивая головой, произнёс правитель хуннов.

На следующий день шаньюй Мотун исполнил всё обещанное Дассарии, провозгласив принятое совместно с ним решение принародно на главной площади. Он вручил царю массагетов один из символов своей власти – меч в золотых ножнах, получив от него также один из символов его власти – плеть с золотой рукоятью.

Три дня длились торжества, данные в честь примирения саков и хуннов и создания военного союза между ними. Каждый из прибывших с Дассарией воинов-гвардейцев получил лично из рук шаньюя Мотуна памятный дорогой подарок в виде отборного скакуна, доспехов и оружия. Властитель хуннов проводил Дассарию и его людей до самой окраины главного селения,

после чего повелел всем своим подданным уничтожить трофейные чаши, изготовленные из черепов сакских воинов. Дальше царя массагетов сопровождал Куту сян-ван, вместе с которым, как с почётным гостем, тот и вернулся в свою ставку. Массагеты, тиграхауды и исседоны приняли весть с ликованием. Они были рады окончанию долгого и кровопролитного противостояния между ними и северными соседями хуннами. Всюду в их землях начиналась долгожданная новая и спокойная жизнь.

* * *

Прошёл год со дня заключения мирного договора между властителями саков и хуннов. На их совместных рубежах уже не стояли дозорные отряды. Обе стороны убрали их.

Осенью, когда заметно ослабла жара, в ставку царя Дассарии прибыл со свитой сам шаньюй Мотун. Встреча была радушной. Они провели в обществе друг друга десять дней, пролетевших как один миг. Их отношения стали воистину братскими. Обоюдное уважение властителей весьма благотворно влияло на всех их подданных, воспринимавших такие разительные перемены с восторгом.

Вскоре по договорённости Мотуна и Дассарии крупные подразделения их войск, взаимно обменённые на строго определённые сроки, начали нести службу на общих сакско-хуннских внешних границах. Рассчитывая на возникновение более близких отношений и тесных знакомств между воинами, они довольно быстро убедились в успешности такой правильной задумки, так как очень скоро узнали и о посещении друг друга их семьями. Всё чаще стали появляться хунны в селениях саков, так же как и те в их становищах.

Правитель соседнего царства, расположенного на юге от сакских земель, был потрясён созданием рядом с ним империи кочевников и тут же направил к ним послов, выражая желание жить с ними в мире и вести обширную взаимовыгодную торговлю.

Решения по всем вопросам, затрагивавшим общие интересы, шаньюй Мотун и царь Дассария отныне принимали только сообща.

* * *

Прошло шесть лет с того знаменательного дня, когда на бывшей сакской земле появилась новая могущественная держава, состоящая из семнадцати родов хуннов и тридцати племён саков. И хуннские оуто-ваны с акимами, и сакские вожди со старейшинами уже давно знали в лицо друг друга и не раз успели погостить в селениях каждого из них, при этом быстро усваивая обычаи друг друга, перенимая наиболее совершенные достижения в обустройстве жилищ, изготовлении предметов обихода, оружия и снаряжений, овладевая языками и знакомя своих детей. Чем чаще встречались и общались люди, тем скорее исчезала бывшая вражда между ними, заполняя их души взаимным интересом и приятными впечатлениями, зарождая добрые чувства и искреннее понимание.

Удивительными открытиями и для тех и для других стали однажды обнаруженные ими схожести в некоторых обрядах и особенностях быта. В частности, было много общего в исполнении ритуалов, связанных с захоронением усопших. Также мало чем отличались некоторые способы приготовления отдельных мясных блюд, процесс изготовления кумыса – кислого кобыльего молока, главного напитка и у хуннов, и у саков. С каждым днём они сближались всё крепче и крепче, уже не веря, что всего лишь несколько лет назад они были кровными врагами. Они старались не затрагивать имён погибших в прошедших сражениях воинов, не считая такое своё поведение предательством по отношению к их памяти, а воспринимая теперь их смерть в войне как плату за эту спокойную мирную жизнь.

* * *

Тимей по-прежнему проводил много времени в поездках по гарнизонам на южных границах. Отряды хуннов, стоящие там совместно с саками, всегда встречали его с почтением, как и подобало поступать всем подчинённым по отношению к полководцу такого высокого уровня. Здесь всё находилось в полном порядке. Служба протекала в неизменном спокойствии.

Каких-либо споров между саками и хуннами не возникало. Южные соседи вели себя уважительно и не позволяли себе никаких нарушений вблизи от границы.

Тимей, находясь у берегов Яксарта, часто видел караваны, уходящие из Александрии в западном направлении, и невольно предавался воспоминаниям о далёком родимом острове, о родителях, брате и сестре. В такие мгновения ему очень хотелось попасть туда, увидеть их, узнать, какими они стали и как живут сейчас. Ему было тягостно от дум, что кого-то из них уже нет. Он отгонял от себя такие тревожные и неприятные мысли, стараясь представлять своё семейство здоровым и весёлым, каким он запомнил его перед уходом на войну. Прежде никакой торговли со страной, что находилась на другом берегу реки, не было, оттого и помыслов у него пойти с каким-нибудь караваном в Грецию не возникало. Теперь же он знал, что такая возможность появилась, но не мог решиться поведать о своём желании брату Дассарии, боясь причинить ему боль или обиду.

По возвращении в ставку он подробно доложил ему о положении дел на южной границе и о состоянии находящихся там войск. Дассария был как никогда задумчив и, как показалось Тимею, слушал его не очень внимательно, в пол-уха. Заметив такое странное поведение брата, Тимей, прежде чем покинуть шатёр, осторожно поинтересовался у него, не захворал ли он и не случилось ли чего плохого. Дассария в ответ благодарно взглянул на него и попросил его присесть, предложив прохладное свежее молоко. Насладившись напитком, отослав прислугу, он неожиданно спросил у Тимея:

– Я никогда не тревожил твою душу разговорами о твоих родителях, о брате и сестре, но, наверное, пришла пора, и я хочу узнать от тебя, желаешь ли ты, Тимей, повидать их?

– Да, Дассария, если такое возможно, то я очень хотел бы повстречаться с ними и недолго погостить у них, – с готовностью ответил Тимей, удивляясь проницательности брата.

– Хорошо. Будь по-твоему, Тимей. Я приготовил тебе подарок. Твой караван ждёт тебя. Нанятые по моему велению купцы знают дорогу в твою землю и не подведут тебя. Весь груз – это

дары для твоих родных от сакской земли. Выступай в путь на заре, – Дассария хлопнул в ладони.

Вбежал сотник.

– Пусть придёт мой сын, – приказал ему Дассария.

Диввона явился сразу.

– Сынок, завтра на рассвете твой кровный отец Тимей с семьёй отбывает в дальний путь, в родимую Грецию, на остров Самос. Ты знаешь, что эта страна – твоя вторая родина? Желает ли ты увидеть её? – обратился к нему Дассария.

– Хочу, отец. Благодарю тебя за такую честь, но не поеду. Я останусь с тобой. Прости меня, отец Тимей, – повернувшись к нему, склонился перед ним Диввона.

– Что ж, можешь идти, сынок, я скоро приду к тебе, – посмотрев на Тимея, спокойно отпустил юношу Дассария.

На заре большой караван двинулся из главного селения на юг. Дассария и Диввона попрощались с Тимеем, Тафуц и их тремя детьми.

* * *

Вначале лета от Киок сянь-вана, ушедшего вслед за войсками сарматских племён аланов, появились долгожданные гонцы, а ближе к осени по велению шаньюя Мотуна появился и он сам, вернувшись из дальнего, долгого похода. Доблестный пятидесятичетырехлетний правитель правого крыла хуннов привёл обратно все семь подвластных ему родов. За эти годы они значительно поредели. Многочисленные кровопролитные битвы, которые он вёл на протяжении почти двадцати лет с восточными племенами сарматов, чьи армии постоянно появлялись на его пути, сильно измотали и их и его народ, но так и не дали ему пройти дальше на запад, лишив его возможности продвинуться вглубь их земель, укрепиться в них и осесть там хоть на какой-нибудь относительно длительный срок. Вражеские вожди, сплотившиеся против пришельцев, не давали им покоя, всячески пытаясь вытеснить их за пределы своих территорий. Они наносили частые удары по позициям их ста-

новищ, вынуждая в спешном порядке перемещаться с места на место, вступая в затяжные и тяжёлые бои. Будучи упорным, думающим, отважным, очень исполнительным и дисциплинированным полководцем, не имея веления шаньюя к отступлению, Киок сянь-ван отвечал на выпады противника стремительными атаками, подолгу преследуя отходящие их отряды и нещадно уничтожая их. Направляя регулярно гонцов в ставку Мотуна, он подробно извещал его обо всём происходящем с ним в чужом краю, но каких-либо приказов от него об изменении действий не получал и продолжал войну с хозяевами этих земель.

Однажды, спустя тринадцать лет, связь с шаньюем внезапно прервалась, и сколько он ни пытался наладить её, ему это так и не удалось. Сарматы перехватывали всех его гонцов. Для него наступила самая трудная пора существования.

Время, проведённое в этом затянувшемся походе, хотя и было порой почти невыносимым, всё же прошло для него и его народа не зря.

Они многое узнали о своих противниках – об их жизненном укладе, стратегии и тактике ведения военных действий, быте и языке, о земле, доселе неизвестной ни одному хунну, постепенно привыкая и к ней, и к такому странному соседству. Здесь, у рубежей с сарматами, вдали от родины рождались их дети, вырастая, они создавали семейные союзы, плодя младенцев нового, уже второго поколения, появившегося на свет вне пределов отчих территорий.

Киок уже не думал, что когда-нибудь ему и его уставшим людям представится возможность вернуться обратно, туда, где всегда жили его и их предки. Столь долго находясь в этих чуждых краях, где могил его сородичей с каждым днём становилось всё больше и больше, он уже было смирился со своим положением, готовясь встретить старость, так и не увидев больше родных мест, как вдруг посланные им к шаньюю гонцы, сумев прорваться сквозь заслоны врага, достигли ставки и благополучно вернулись к нему. Известие, с которым они внезапно прибыли, в одно мгновение изменило унылое настроение полководца.

Он не верил услышанному. Великий шаньюй Мотун повелевал ему завершить поход и выступить со всем народом к главному становищу. Людской радости не было предела. Начались сборы. Сарматы, видя общее отступление врага, не стали затевать сражений с ним и преследовать его, лишь сопроводив его как можно дальше, убеждаясь в отсутствии в его действиях очередного хитроумного манёвра.

Так по прошествии девятнадцати лет закончился первый и самый дальний западный поход хуннов.

* * *

По прибытию в ставку шаньюя Мотуна Киок сянь-ван узнал от него об очень тяжёлом положении южных племён, оставшихся в своих исконных землях и в последнее время многократно подвергавшихся опустошительным нападениям со стороны южных своих соседей, китайских царств. Шаньюй был очень взволнован происходящими там событиями. Он понимал, что его уход оттуда и длительное отсутствие ослабили родственников ему сюннов, что и позволило соседним правителям вести себя значительно смелее. Думы о том, как помочь им и вернуть хуннам былое преимущество над извечным соперником, отныне не покидали его ни на миг. Приблизившись к своему восьмидесятому лету, он не желал уходить из жизни, зная, что его отчизна стала принадлежать кому-то другому. Более того, в свой последний миг под этим вечным небом он очень хотел пребывать именно там, у не погранных никем святынь и могил своих славных предков, находясь среди вольного, никогда и никем не покорённого гордого народа. От сородичей всё чаще и чаще появлялись гонцы, прося у него помощи. Мотун искал выход. Оставить здесь часть своих людей он не решался, так как не смел обречь их на неминуемую гибель. Уйти же из этих мест всем вместе и навсегда после всего пережитого здесь без сожаления о долгих и насыщенных годах жизни, кровью и потом связанных и с ожесточённым противостоянием сакам, завершившимся победой и миром, и с огромными потерями, и с несметными приобретениями, ему было так же тяжело. Но не оказать помощь

собратьям было невозможно. Он был обязан сделать это, не смотря ни на что.

В один из дней, едва появилась заря, после очередной бессонной ночи, проведённой в думах, вызвав к себе обоих сянь-ванов – и Киока и Куту, шаньюй Мотун объявил им о принятом решении. Все хунны выдвигались в обратный путь. О том, что они покидают эту землю, он тут же известил владетеля саков-массагетов, попрощавшись с ним навечно. Ни шаньюй Мотун, ни царь Дассария не могли ведать того, что это их расставание, равно как и давняя встреча, было, по сути, первым и последним между их народами. Через два с половиной столетия, когда потомки хуннов вошли в некогда обетованные земли саков, они уже не застали их там. Саки были подчинены другими, более могущественными племенами и большей частью истреблены.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

3

а семь лет до заключения мирного договора между хуннами и саками юг Средней Азии вошёл в состав Селевкидской империи, но спустя полвека от неё отделились сатрапии Парфия, Бактрия и Согдиана. Сатрап севкидов в Бактрии Диодот поднял восстание против правящей знати, создал самостоятельное государство – Греко-Бактрийское царство и провозгласил себя её царём. Согдиана тоже подчинилась Диодоту. В ответ на это Аршак также захватил власть в Парфии, став первым её правителем.

Не прошло двадцати лет, как сатрап Согдианы Евтидем сверг преемника Диодота и начал борьбу с Парфией за обладание торговыми путями. Через столько же лет севкидский царь Антиох III Великий совершил восточный поход для восстановления бывшего могущества державы севкидов. Разгромив Парфию, он перешёл к военным действиям против Греко-Бактрийского царства и осадил их столицу Бактры. Два года он не мог взять её и заключил мир с Евтидемом. Война с саками привела царство в упадок.

Спустя сорок лет после этого события из Семиречья к берегам Яксарта и Окса под давлением хуннов подошли племена юечжей тохары. Они разбили саков и завоевали Бактрию. Вскоре Греко-Бактрийское царство окончательно пало.

В это же время в долинах семи рек: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан и Сарканд, покинутых юечжами, было создано

крупное объединение кочевников – Уйсунский племенной союз. Выходцы из Центральной Азии – уйсуну прежде соседствовали с юечжи и хуннами, от кого и потерпели крупное поражение, отступив на запад. После ухода из Семиречья большинства народов юечжи, они подчинили себе их оставшиеся племена и обитавших здесь саков. Создав империю численностью более шестисот тысяч человек во главе с властителем, носящим титул гуньмо, уйсуну были разделены им на три части: центр, управляемый им самим, и два крыла, которые находились в полном подчинении его сыновей, по подобию правления в державе хуннов. Старшей в племенах и родах была знать, имевшая титулы беков.

Власть гуньмо передавалась только по наследству. На востоке он вёл постоянные войны с хуннами.

Одновременно с этим жестокие сражения происходили между ним и его могущественными западными соседями канглами, которые занимали обширную территорию от его рубежей до срединного течения Яксарта, захватив эти земли после кровопролитных битв с саками, уничтоженными ими. Имея почти равное с уйсунами количество населения и численность воинов, хан канглов не уступал им в силе, отчего битвы зачастую велись с переменным успехом. Им были покорены Хорезм и все земли севернее реки Окс. Наряду с этим он постоянно находился в состоянии войны с юечжи в Бактрии. В результате появления многочисленных и воинственных народов и их безудержного нашествия в сакские территории последние не сумели дать им отпор, были захвачены ими и большей частью уничтожены.

* * *

Дойдя до своих земель, с огромным и неимоверным усилием выдержав все тяготы дальней дороги, шаньюй Мотун вскоре умер, передав власть не сыну, а племяннику Киоку, считая его самым опытным полководцем среди всех хуннов, что было важнее всего для властителя в сложившейся ситуации из-за угрозы, исходившей от южных соседей, китайских

царств. Такое неожиданное последнее волеизъявление отца было воспринято с нескрываемым негодованием его кровными отпрысками, особенно старшим его сыном, очень желавшим по праву наследования занять место шаньюя. Его явное недовольство очень скоро пагубно отразилось на отношениях между правителями родов, внося в их среду раздор и вражду, приведшую к распаду державы.

Несмотря на это, шаньюй Киок сумел удержаться у власти над большей частью племён и некоторое время успешно вёл военные действия против китайских полководцев. Возраст и заметно ухудшающееся здоровье всё чаще давали о себе знать. Понимая, что ему не удастся передать правление над народом своему сыну и при этом ясно осознавая, что кто-то из многочисленных потомков великого Мотуна однажды всё-таки встанет во главе державы, Киок старался достигнуть как можно больших и значимых результатов. Дожив до семидесятичетырёлетнего возраста, он скончался, не называя имени преемника, будучи уверен, что его желание не исполнится.

Как он и предполагал, после его смерти власть захватил младший сын Мотуна, сорокапятилетний Тюмён. По воле случая его восхождение на престол совпало с объединением китайских царств в одну империю под предводительством Цинь Шихуана, начавшего и войну против хуннов, и строительство Великой Китайской стены вдоль северной границы государства. Через тринадцать лет, проведённых в постоянных сражениях, император Цинь Шихуан нанёс поражение шаньюю Тюмёну.

Имея на своих западных рубежах сильного врага в лице племён юечжи, готовых в любой момент обрушиться на хуннов и не обладая возможностью достойно противостоять им из-за понесённых потерь, заметно ослабивших его, Тюмён пошёл на хитрость и направил в их ставку своего старшего сына Модэ в качестве заложника, тем самым давая им понять, что намерен мирно соседствовать с ними. Затаив злобу на родителя за его поступок, Модэ после довольно длительного пребывания в стане юечжей однажды совершил оттуда побег и вернулся в свои

родные земли, где в один из дней, так и не простив отцу испытанного унижения, воспользовался удобным случаем и убил его во время совместной охоты.

Так по прошествии шести лет со дня поражения Тюме́на от императора Цинь Шихуана новым шаньюем хуннов стал Модэ. Своё правление он начал с объединения разрозненного народа и для достижения такой важной цели приложил все старания, вплоть до применения грубой силы, умело используя каждую возможность. Для поднятия духа воинов он развязал войну против расположенного на северо-западе племени дунху, уничтожил его войско и присоединил его население и земли к своему государству. Племена юечжей, что продвинулись с запада на территорию хуннов, он вынудил отступить обратно. Под его властью очень скоро оказались и племена лэу-фань и баянь, обитавшие на небольшой части Ордосской земли. В течение ещё двух лет ему покорились кыргызы, хуньюи, кюеше и динлины.

На девятый год правления Модэ осуществил свой главный замысел и создал обновлённую державу хуннских народов. Сразу же за этим важным действием он захватил обширную территорию только начавшей формироваться китайской династии Хань и дошёл до города Цзиньян, имевшего особое стратегическое значение.

Император Гао-Цзу, имея при себе отборное войско, устроил засаду, ожидая хуннов около города Пинчен в горах Байдэн, но вдруг сам оказался в окружении воинов шаньюя Модэ. В результате заключённого между ними мирного соглашения ханьская династия в течение шестидесяти лет платила дань хуннам и находилась под их правлением. Тридцать пять лет шаньюй Модэ возглавлял державу.

После его смерти власть перешла его сыну Гийюю, получившему звание Лаошань-шаньюй и правившему государством в течение тринадцати лет. Продолжая вести политику, проводимую ранее отцом, первые девять лет он посвятил войне с племенами юечжи. Объединив свои войска с отрядами племён уйсуней, он нанёс юечжам поражение и вытеснил их далеко на

запад, где они разделились на две части – большие юечжи и малые юечжи, первые из которых дошли до реки Окс в Средней Азии и завоевали Греко-Бактрийское царство.

Преемник Гийюя шаньюй Гюнчэн правил хуннами тридцать пять лет и передал власть Ичисе. К этому времени в ставке верховного правителя уже началась борьба за престол, но шаньюю Ичисе удалось укрепить единство среди знати. Значительно усилившаяся Ханьская династия вновь перешла к активным и более решительным действиям, направленным против хуннских народов, и предприняла весьма успешные попытки в деле ослабления их позиций, сумев перенести все военные операции на их территорию. Через семь лет правления Ичисе шаньюй под натиском ханьских армий был вынужден отступить на север.

Прошло шестьдесят четыре года, и держава хуннов в результате частых внутренних междоусобиц разделилась на две части – северную и южную. Первые из них отошли дальше на северо-запад своих земель. Вторые же приняли подданство Китая.

Ещё через восемь лет племена северных хуннов под предводительством шаньюя Чжи-чжи пересекли Тянь-Шань и вплотную подступили к владениям канглов. Заключив союз с их ханом, Чжи-чжи начал десятилетнюю войну против уйсуней, но одержать верх над ними не сумел, и по этой причине между ним и знатью канглов возникли очень серьёзные разногласия. Хан канглов потребовал от шаньюя Чжи-чжи полного подчинения ему, но тот напрочь отказался исполнить его веление и увёл своих людей в долину реки Талас, где приступил к строительству города-крепости. Усиление властителя хуннов было не по душе правителю Китая. Очень скоро его войска появились у стен хуннского города и сожгли его дотла, казнив множество его защитников вместе с шаньюем Чжи-чжи.

Прошло почти сто тридцать лет, прежде чем племена хуннов завладели территориями, ранее принадлежащими сакам.

Э П И Л О Г

Царь Дассария дожил до шестидесяти пяти лет и умер на охоте от укуса ядовитой змеи.

Из-за участвовавших в войне во всей Средней Азии Тимей и Тафуц так и не смогли вернуться обратно и остались в Греции на острове Самос.

Наследник и воспитанник великих отцов Диввона, чьи предки однажды, почти двести двадцать лет назад, по воле судьбы сошлись в великой дружбе, никогда, до самой смерти, не покидал сакскую землю.

Он прожил достойную долгую жизнь, всегда справедливо правя своими подданными.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	5
-------------	---

Часть первая
«...И БЫВАЛИ ДНИ БЕЗВЕРИЯ И ОТРЕЧЕНИЯ»
329 год до н. э.

Глава первая.....	9
Глава вторая	26
Глава третья	40
Глава четвёртая	45
Глава пятая	69
Глава шестая	94
Глава седьмая.....	132

Часть вторая
«...И НЕТ ПОКОЯ ТАМ,
ГДЕ ЖИЗНЬ ЛЮДСКАЯ ПРОТЕКАЕТ»
313 год до н. э.

Глава первая.....	141
Глава вторая.....	149
Глава третья	153
Глава четвёртая	187

Часть третья
«...И НА ВЕЧНОЙ ЗЕМЛЕ ВНОВЬ
СМЕНЯЛИСЬ ПРАВИТЕЛИ»
312 год до н. э.

Глава первая.....	211
Глава вторая.....	234
Глава третья	240

Часть четвёртая
«...И НЕ ГАСНЕТ ПРЕДКА ДУХ,
КОЛЬ ГОРИТ ПОТОМКА СЕРДЦЕ»

312 год до н. э.

Глава первая.....	261
Глава вторая.....	266
Глава третья.....	292
Глава четвёртая.....	330

Часть пятая
«...И СМИРЯЮТСЯ ВОЛЬНЫЕ ДУШИ,
НЕИЗБЕЖНОСТИ УСТУПАЯ»

299 год до н. э.

Глава первая.....	403
Глава вторая.....	408
Глава третья.....	430
Эпилог.....	435

Абай Тынибеков

ИСПОЛИНЫ

Исторический роман

Книга третья

ДАССАРИЯ

Редактор Елена Шаихова
Художественный редактор Женис Казанкапов
Технический редактор Эльмира Заманбек
Верстка Акмарал Кадикеновой
Корректор Маргарита Клебанова

Подписано в печать 28.01.2019.
Формат 60х90 ¹/₁₆ Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 27,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 0012.

Издательство «Фолиант».
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13.

Отпечатано в типографии «РЕГИС-СТ Полиграф».
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13.

Книга третья «Дассария» посвящена жизни правнука Далайи, внука Дантала от младшего сына, возглавившего свой народ в тяжёлые годы засухи и голода. Дассария вступает в противостояние с полчищами Александра Македонского, а после его ухода из Средней Азии в Индию ведёт тринадцатилетнюю войну против шаньюя хуннов Мотуна, приведшего свои войска из Внутренней Азии в землю саков.

Дассария продолжает дружбу с потомком грека Форкиса Тимеем, пришедшим в его края в составе войск Александра Македонского. Вместе с ним плечом к плечу сражается против хуннов, после чего отправляет Тимея с караваном на его родину – остров Самос.

Сын Дассарии царь Дивонна становится последним правителем вольных саков массагетов.

ISBN 978-601-338-183-1

9 786013 381831

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

www.foliantbooks.com

Художественная литература. Срок годности не ограничен.
Товар сертифицирован. Соответствует всем

стандартам качества и безопасности.

Претензии по качеству продукции принимаются по адресу:
Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13,
ТОО «Издательство «Фолиант». Тел. +7 (7172) 39-60-70.
Отпечатано в типографии «Ретис-СТ Полиграф».

FOLIANT @foliant.books www.foliant.kz